

Ольга Шию

Драконья Пыль
Проклятие Ирвеона

Вы когда-нибудь мечтали попасть в сказку? Я — нет. Никогда не мечтала, и правильно делала. И все-то тут не так. И селяне не добрые, и драконы не мудрые, а у известного «сказочного» ... персонажа проблем выше крыши. Мне оно надо? Мне бы только понять, как вернуться домой... Вот только как это сделать, если магия в некогда волшебном Ирвоне сошла на нет, чародеи больше похожи на кучку раздолбаев, ещё и загадочный ресторанный монополист плетет непонятные интриги? Придётся побегать, а то и полетать, чтобы разобраться, что к чему.

Глава 1

Я открыла глаза. Духи сидели кружком, темные на синем. Прозрачное небо спрятало облака на черный день, нарумянило отсыревшие за ночь стога. Убирать их в сенник хозяева не спешили, все равно до полудня верхний слой просохнет, а глубже местное сено не промокало, хоть под дождем оставляй.

Самый маленький и наглый нарх застыл у моего носа с травинкой наперевес, и тут же улетел, дрыгая коленчатыми лапками — хватило легкого дуновения.

Пораженная моей подлостью, компания поскакала спасать товарища. До сих пор паразиты не могли взять в толк: как это я их подлавливаю? Обычно люди заходились безудержным чиханием, костеря неведомую заразу и поминая всех богов, а заодно и демонов. И невдомек было мелким мерзавцам, что я их чувствую даже сквозь сон. И не только их.

В душистую пряность сена вплелась нотка гнили, следом послышался характерный треск. Мне не нужно было свешиваться со стога, чтобы понять, где именно из щели в земле выползет желеобразная тушка абака.

— Хааш!

Кисель дрогнул, сморщился, нархи разочарованно зачирикали.

Вот глупые! Ради мести готовы пропитанием пожертвовать.

Маленький паразит надулся, плюнул в меня прозрачным нектаром.

Я, нехотя, пробормотала: «Чн-чоон...». Нархи всосались вглубь стога и больше не показывались, а сено перестало быть мягким и гостеприимным. Мелкие мерзавцы... Им бы полагалось радоваться, что за них всю работу сделали.

Раньше именно нархи защищали стога от гнилостного паразита — абака, взамен забирая долю бесполезной для людей и скотины амброзии, и теща самолюбие за счет, надо сказать, излишнего заискивания или даже поклонения со стороны людей. Селяне почитали их как мелких божков, со временем низведя до паразитов, а теперь и вовсе перестали замечать.

Игнорировать сердито взъерошенный стог стало неважноту. Умеют же подгадить, паразиты!

Расцарапав ноги и руки, я сползла по рыжему душистому боку, и, вытряхивая из-за шивороты вездесущие травинки, направилась к колодцу. Новенький, еще пахнувший хвоей сруб, стоял на краю скошенного луга и пользовался последнее время большой популярностью у любителей поглазеть по сторонам и почесать языками.

Ну и черт с ними. Пока никого нет, можно и босиком прогуляться.

Тропинка, заботливо усыпанная мелкими гладкими камушками, приятно массирует ступни. Готова поклясться, никому из местных и в голову не приходило, откуда тут взялась эта тропинка, каждый приписывал заслуги дорогостроителя соседу или не в меру активному помощнику старосты. Селяне и не догадывались, что каждую ночь жуки-бородачи выползают из своих хаток и методично складывают камушки на строго отведенное место. Маленькие перфекционисты проделывали это из ночи в ночь десятки, сотни, а то и тысячи лет. Зачем? Демоны их знают, как принято говорить у местных.

Мучаясь легкими угрызениями совести за нарушенный порядок, я умылась и напилась. От ледяной воды заломило зубы, по спине, наперегонки с каплями, разбежались мурашки. Следом, нехотя, скатились остатки сна.

Запоздалым будильником проорал петух, опрометью выбежал из курятника. Видно, тоже проспал. Из сарая тянуло свежевычищенным навозом, скотину давно выгнали на все еще зеленые луга.

Уязвленный беспределом петух вскочил на дощатый, темный от росы забор, вытянул бирюзовую чешуйчатую шею и снова загорланил, жалуясь на несправедливость бытия колючему осеннему солнцу.

Ну да, завтрака и мне не достанется, чего орать-то? Мысль о еде поддержал растревоженный водой желудок, вторя неугомной птице. Светило проигнорировало наши с петухом страдания, продолжая лениво подниматься над лесистой горкой, носящей справедливое название Моховая Кочка.

От подножия холма расползались засеянные пушистой метавкой пастбища, подъеденные стадами, как шуба — молью. Расширяя проплешины, луга бороздили флегматичные коровы.

Я вернулась к стогам. Абак втянулся под землю, по краям трещины остались подсыхающие волны фиолетовой слизи. Вот и доказательства. Будет что предъявить скептически настроенному хозяину опрятного домика под соломенной крышей, любезно предоставившему в мое распоряжение целый стог в обмен на услуги ммм... охранника.

Недоверие его вполне объяснимо. А вы бы поверили оборванке, рассказывающей бабкины сказки про желеобразного паразита, уничтожающего ваше сено? Ну, допустим, не совсем бабкины и вовсе не сказки, да и оборванкой я стала относительно недавно.

Наконец, дверь домика под соломенной крышей отворилась. Невысокий плотный хозяин с корзиной под мышкой пробежал в курятник, собрал яйца, попутно прихватил горсть зерна для крикуна. Петух угомонился, заклекотал, подбирая угощение, а хозяин, одобрительно хмыкнув на заляпанную абаковой слизью трещину, скрылся в доме. Из трубы повалил ароматный дым — молодая жена хозяина пекла пирожки.

Я запоздало сообразила, что прижимистый сеновладелец прекрасно знал о проделках абака, потому и не удивился следам несостоявшегося преступления. А вот в способностях бродяжки справедливо сомневался. Что ж, уговор есть уговор — сено цело, я относительно бодрa, а в стогу спать удобнее, чем на голой земле, уж поверьте. О настоящей постели я и не мечтала, у местных глотка воды не допросишься. Благо, колодец общий.

Пока я подсчитывала упущенную выгоду, у сруба собралась стайка девчушек с давно наполненными и позабытыми ведрами. Из одного воровато лакал наполовину высунувшийся из куста чешок. По надутым меховым щечкам стекали струйки воды.

Я сделала вид, что не замечаю ни зверушку, ни девушек и принялась зашнуровывать выуженную из сена кучу хлама. Мой предыдущий наниматель гордо именовал ее сапогами. Вероятно, так оно и было, лет семьдесят назад, когда его бабка пасла в них коров. Надо отдать должное местным сапожникам, раритет до сих пор не протекал и так удобно облегал ногу, что жаловаться, в общем-то, грех.

Мои собственные туфли — новые единойжды надетые и набившие жуткие мозоли — лежали в честно заработанной, отлично подходящей к сапогам сумке. Эдак мне скоро тележка понадобится, чтобы весь скарб за собой возить. Наниматели упорно делали вид, что о деньгах ничего не знают, и продолжали рассчитывать всем, что в хозяйстве не нужно, а выкинуть жалко. Может, в этот раз еще и на куртку расщедрятся? Не май месяц уже. Или как он тут называется?.. Вот сейчас и узнаем.

Джана, хозяйка — невысокая, стройная, не смотря на беременность, очень молодая

женщина — выскочила из дома, обмахиваясь полотенцем. Воровато огляделась и, прикрывая фартуком тарелку, направилась к стогу.

Девушки у колодца обернулись в ожидании очередной темы для обсуждения, но Джана бодро прошагала мимо меня и так стремительно приблизилась к любопытной компании, что сплетницы живо похватили ведра и испарились, не обратив внимания на запущенных в воду червей, слизняков, листья и травинки, которыми с ними щедро рассчитался чешок. Озадаченный зверек любопытно обнюхал оставленное кем-то впопыхах ведро.

Посмеиваясь, Джана спряталась между стогами и поманила меня.

— Держи, еще горячие, — она впахнула мне в руки тарелку с пирожками. От умопомрачительного аромата я едва не захлебнулась слюной и, сама не заметив, слопала три штуки и только потом настороженно поинтересовалась:

— Муж ругаться не будет?

— А он не узнает, — отмахнулась она, — сегодня деверь приезжает, Сат ко встрече готовится.

Подготовка, судя по рассказам жены, сводилась к дегустации спрятанных в подвале наливок и засоленных на зиму овощей.

— Спасибо. — Я доела последний пирожок и вернула тарелку, — значит, сегодня...

Хозяин грозился перекидать стога на сеновал, когда брат приедет. На сеновал абак не заберется. Кончилась моя работа. Ну и черт с ней.

— Что будешь делать? — Джана принялась вытирать тарелку полотенцем.

— Пойду в город.

— В какой?

Я неопределенно пожала плечами.

— Без разницы.

— Жалко, — она поджала губы.

От круто наперченных пирожков захотелось пить. Сейчас бы кофе... Но, увы, кофе здесь не растет. Зато воды — целый колодец, пей — не хочу.

В забытом ведре чешок устроил совместную с жуками-плавунцами ванну. Стоило приблизиться, зверек притворился кучкой мха, но я снова его проигнорировала, вернулась к поникшей Джане.

— Почему они от тебя сбежали?

— Плохая примета, — она задумчиво погладила живот, прислушалась к чему-то и улыбнулась.

— Так вот почему ты не хочешь, чтобы я уезжала! Я-то от тебя не бегаю.

— Знаешь, как скучно? Целыми днями одна! Поговорить не с кем, все разбегаются, как от зараженной.

— А муж?

— Сат? Поговоришь с ним, пожалуй, — она отмахнулась и задумчиво поглядела на дальний лес. — Я бы тоже хотела вот так путешествовать. Идти, куда глаза глядят. Не думать о том, что скажут другие. Одеваться, как нравится... И, знаешь, мне всегда нравились короткие волосы... — добавила она шепотом.

— Насчет путешествий ты, конечно, погорячилась. А вот прическу сменить — проще простого.

— Ты что?! Я ведь замужем, и малыш скоро появится.

— Примета плохая? — усмехнулась я.

— Нет. Просто неприлично... — она смущенно улыбнулась.

— Интересно, — я машинально пропустила сквозь пальцы завившиеся от влаги волосы.

Я и сама не так давно решила на стрижку, и плевать мне на местные приличия.

— Извини. Не хотела обидеть. Вот была бы я бинти, непременно бы постриглась. Я так вам завидую: хотите — косы носите, хотите — стрижетесь, и путешествуете, где вздумается.

Я ошарашенно уставилась на Джану.

— погоди, я вовсе не бинти!

— Нет?! Я думала, ты из лесовиков! А как же ты гниловика прогнала?

Рядом заругался петух, над головами пронеслась стайка сердитых воробьев. Сено встопорщилось, источая пряный аромат. Я выдернула травинку из стога. Злопамятные нархи от щедрот своих добавили занозу под ноготь. Я едва слышно выругалась *словом*. Стог притих. Джана ничего не заметила.

Объяснить необъяснимое — сложнее всего. Пришлось импровизировать.

— Скажем так, я не совсем бинти. Но, пожалуй, из лесовиков.

«Учитывая недавние события», — добавила я про себя.

— Полукровка?! — ахнула Джана, и тут же хлопнула себя по губам.

А с полукровками-то что не так?! Куда не плюнь, везде приметы да приличия... Но спорить я не стала, пусть фантазирует.

Вконец смущенная Джана, под предлогом готовки обеда убежала в дом.

Вот и поговорили. Я пожевала сухую травинку. Надо же! Да какой из меня бинти?! Заморыш, рожденный в неурожайный год! Ну, пожалуй, за лесовика-полукровку сойду, и то с натяжкой. Правда, я ни разу их не встречала, но говорят, ростом они выше среднего, а горцы и вовсе громилы, что мужчины, что женщины. Мои метр пятьдесят восемь и рядом не стояли.

Деревня, между тем, оживала. Лаяли собаки, стучали топоры, возмущенно тархтели сороки. К колодцу то и дело подходили женщины с ведрами, обменивались сплетнями, изредка поглядывали на меня. Сат выходил пару раз на крыльцо, всматривался в петляющую между холмами дорогу, чесал в затылке, вздыхал, но ничего не говорил.

Я грелась под лучами не по-осеннему жаркого солнца, растянувшись на лавке у забора, а под лавкой в тени проклеывались бледные стерженьки инейника. Все лето он проводил под землей, а перед первыми заморозками выбрасывал стрелки со спорами. Серебристые коробочки набухали, и прежде чем лопнуть, становились почти прозрачными. Главное успеть их вовремя собрать, иначе, вместо лакомства можно получить спорами в глаз.

Не то чтобы я была знатоком местной ботаники, просто от нечего делать любила послушать болтовню окружающих. А если еще и спящей прикинуться, можно узнать о себе много нового.

В этот раз я почти не притворялась. За последнюю неделю лень стала моей постоянной и единственной спутницей, такое случалось редко, обычно меня можно было охарактеризовать фразой: «шило в попе». Но блуждания по незнакомой местности и нерегулярное питание изрядно притупили тот колющий инструмент, зато обострили слух.

В обрывках фраз прохожих изредка проскальзывало название неожиданно обретенной национальности. Выходит, не одна Джана считала меня бинти.

Я села. Так вот в чем дело! Теперь понятно, почему наниматели расплачивались со мной всяким хламом. Лесовики не берут деньги за работу, говорят, это их страшно оскорбляет. Но я бы стерпела такую обиду, честное слово.

Брат хозяина приехал после обеда. До вечера они отмечали встречу, а когда стемнело, выбрались на улицу и разожгли костер. Как мошкара на свет стянулись соседи, подтащили ближе к огню чурбачки и колоды, расселись любопытно переглядываясь.

Гость упоенно рассказывал городские новости. Все смотрели ему в рот, словно личному посланнику короля, несущему в народ важнейшую информацию о ценах на зерно и лапти на столичных рынках.

Я не слушала досужую болтовню, и к огню не подходила. С нархами и хозяином удалось договориться на еще одну ночевку. Последний даже плащ старый отжалел, думаю, супруга его сыграла в этом немалую роль, за что ей огромное спасибо: на улице заметно похолодало.

Закопавшись в сено, я клевала носом. Джана не решалась составить мне компанию, чтобы не спугнуть гостей. Изредка я видела ее силуэт в окне.

Новости закончились, и гость принялся развлекать аудиторию байками. Общество оживилось, а я невольно прислушалась.

— Один мой родственник — племянник брата мужа тетки моей жены — служит королевским ловчим. Дней семь назад он приехал к нам в Тридорожье, погостить. Много историй порассказал на досуге, но одна особо мне запомнилась. Случилась она как раз перед его побывкой. Заслали их втроем с ребятами на пустошь, к Западным горам, половить диковинок для королевского зверинца. День они бродят, два — кругом тишь несказанная, даже птичка не пролетит, не то, что зверье! А с пустыми руками возвращаться нельзя, хоть щерака, а принести надо. На третий день погода забаловалась — ветер, тучи низкие с гор приползли — только что пузами по земле не скребут, травы лежа полегли, пыль столбом встала. Глядь, а посреди поля девчушка стоит, лет восьми, в платице голубеньком, волосы темные на ветру трепещутся, а вокруг — никого. Это ж пустошь, там на сто гиртов ни души! Ниим — родича так звать — ее окликнул. Тишина. Руку протянул, чтобы по плечу, значит, похлопать, может глухая, демоны ее знают. Тут она как обернется, они и отскочили — личико маленькое, сморщенное, а глаза желтым огнем горят!

Словно в подтверждение его слов полено в костре переломилось, пустив в темноту огненный вихрь. Слушатели с оханьем отшатнулись, а я не удержалась от смешка. Это ж надо так перевернуть! Еще и омолодили на целых двенадцать лет.

Сат неодобрительно глянул на брата, поправил головешки, подкинул поленце. На другом краю деревни залаяли собаки, над стогом пронеслась стайка свигов, от колодца потянуло сыростью, а нархи озабоченно зашебетали. Рассказчик продолжал.

— Обернулась она и рукой в небо тычет. Смотрят ребята, а над горами дракон кружит, здоровый, черный. Покружил, заприметил девчушку и камнем к ней бросился. Охотники врассыпную, а девчушка стоит, как вкопанная. Ну, думают, конец малявке. Не тут-то было! Выскакивает из-за куста детина, и давай по полю шнырять, туда — сюда. Дракон за ним. Попетлял, покружил, но, все же, схватил парня. Тот и бровью не повел — отмахнулся, дракон кубарем полетел и вот такенную борозду в земле пропахал. Охотники — не будь дураки — сеть вальхоровую на него накинули, скрутили и королю поволокли. За то им отпуск и пожаловали.

Рассказчик умолк. Общество натужно переварило историю и разноголосно заворчал.

— А с девчонкой-то что? — не удержался паренек лет двенадцати.

— Пока они с драконом возились, пропала. И детина вместе с ней, — хмыкнул рассказчик.

— Так это Духи были! — страшным шепотом просипела особо впечатленная соседка, прижимая платок к губам.

Мужики неуверенно засмеялись.

— Ага, придумывай.

— А вот и не придумываю! Мне еще бабка моя про них рассказывала.

— Нашла, кому верить!

— Это где ж теперь на змеюку енту посмотреть можно? — протянул жадный до зрелищ мужичок.

— Так в зверинце королевском, говорят же!

— Бреешь, — отмахнулся слепой на один глаз дед, — дракона они бы втроем не уволокли.

— А ты, стало быть, драконов видал! — обиженно протянул простоватого вида парень, будто сам того дракона в сеть упаковывал.

— Не видал. И никто уже лет двести не видал, потому как передохли они.

— Да с чего бы имдохнуть-то?

— Мамки твоей стряпню попробовали, — брякнул какой-то шутник.

Пламя снова дрогнуло, на этот раз испуганное смехом.

— А вышки зачем каждый год проверяют? — не унимался парень, тыча рукой в темноту.

— На всякий случай, — туманно ответил дед.

Я попыталась разглядеть в темноте столбы, увенчанные лопушистыми «локаторами», но не преуспела. Освещенный костром пяточок будто плавал в пустоте. Ночь выдалась темная, луна еще долго просидит за горизонтом, а звезды сегодня и вовсе не покажутся, если сразу после заката не зажглись, так всю ночь и проспят.

— Но это не конец, — продолжил рассказчик. — Перед самым моим отъездом, Ниим засобиравшись домой и предложил напоследок погулять в «Единорожке». Мы уже изрядно набрались, как вдруг он изменился в лице, будто демона увидел. Таращится куда-то, а сам по стеночке и вон на улицу. Я поглядел, а в углу сидит парень, здоровый, белобрысый, лицо холеное, девки вокруг него так и выютя. Ну, думаю, может недруг какой или конкурент, у ловцов работа опасная, всякое бывает. Потом Ниим мне рассказал, что это тот самый парень был с пустоши, что дракона им поймать помог.

Рассказчик умолк, поразмыслил и принялся за новую историю, но я уже не слушала. Вот ты и попался, дорогой! Шило снова подало признаки жизни.

Соседи потихоньку разбрелись, живо обсуждая новости и перемальывая сплетни, чтобы наутро испечь еще более странную историю и угостить ею тех, кто на собрании не присутствовал.

Я крутилась, все глубже зарываясь в сено, но сон в этот раз ночевал в другом месте. Не удивлюсь, если наутро хозяин обнаружит один из стогов равномерно рассеянным по двору. Но, меня тут уже не будет. С первыми петухами (соседскими, естественно), я планировала обратиться из деревни и навестить старого друга.

Солнце неторопливо выползло из-за горизонта, размазывалось по пелене тумана. Рассеянные лучи золотили разбросанные по степи деревья, многие из которых успели вдохнуть осеннего воздуха и в украшении не нуждались, но снисходительно подставляли готовые облететь листья щедрому светилу.

Ночная сырость еще путалась в высокой траве, оседала на коже, смешивалась с туманом, щекотала в носу.

Сухие стебли, увенчанные пушистыми метелками, шуршали под ногами. Соцветия фыркали нам вслед облачками сладкой пыльцы. Вокруг стояла такая тишина, что хруст сломанных стеблей, казалось, отражался от самих гор и эхом гулял по ущельям.

Мы брели по траве, сердито игнорируя друг друга: я заехала Антону увесистым суком по лбу, он вел себя как скотина. В свое оправдание скажу, что целилась я не в него, а в клубящееся над ним злое нечто исключительно потустороннего вида, и не моя вина, что оно проворно увернулось, а он — нет. Ему оправдания искать не собираюсь: бросить (в буквальном смысле) слабую девушку на растерзание неведомым тварям могла только неблагодарная скотина. Повезло, что бегаю я быстро, а крутой склон и несущиеся по пятам монстры только способствуют ускорению.

Тишина окутывала исполинский лес, огромные деревья тянули резные стволы к небесам, там, в еще невидимой вышине распушали могучие кроны, молча переглядывались и неслышно пожимали плечами.

Ни одна птица не подавала голоса, не копошилась сонно в гнезде. Ни один жучок не скребся под корой, прогрызая замысловатый тоннель. Ни один зверек не сновал в опавшей листве. Тихий лес, мертвый лес. Даже стук собственного сердца и шум текущей по венам крови приглушался, исчезал, растворялся в бесконечной тишине.

Необъяснимые твари — жуткая помесь самого отталкивающего вида появились из клубящегося облака, неуязвимого для палок и отборного мата (палка моя, мат — Антонов).

Впечатленный блондин трезво оценил ситуацию и рванул со всех ног вниз по склону. Мне оставалось только следовать за ним, а потом, и вовсе, обогнать.

Твари неслись следом, мелькая среди необъятных стволов, то слева, то справа, но не приближались. Сухие листья и жирная земля фонтанами разлетались из-под наших ног. Истлевшие сучья, обвитые нитями плесени, оглушительно лопались, распространяя гнилостные споры. Пушистый мох сминаясь, превращаясь в пахучую скользкую жижу.

Очередная кочка подкинула Антону неприятный сюрприз — смялась под ногой, как опавшее тесто. Антон по инерции продолжил двигаться вперед, нога хрустнула, и, он с воплем покатился вниз по склону, окутываясь землей и опадом, будто гигантский хот-дог. Любители быстрой еды не заставили себя ждать, хлынули на него со всех сторон.

Тогда я впервые услышала *слово*. Я еще не понимала, что это, для чего оно нужно, но твердо знала, что делать: просто сказать. Я даже открыла рот, держась одной рукой за гладкий многоцветный ствол, а другой за ноющий от стремительного бега бок, но скрутившиеся в клубок твари прыгнули в стороны. Антон выбрался из-под листвы, остервенело размахивая руками. Монстры втянулись за деревья и затаились.

Не раздумывая, я подскочила к покалеченному спутнику. Бежать со сломанной ногой

непросто, а в сложившейся ситуации почти невозможно и бессмысленно. Пожалуй, на адреналине я бы протащила человека вдвое тяжелее себя, но недалеко. Катить с горочки было бы проще. Но у пострадавшего оказались свои планы.

Недолго думая, этот красавец мужчина, герой девичьих грез и геморрой моего детства оттолкнул меня прямо в объятия неслышно подступающих тварей, вскочил и побежал, как ни в чем не бывало. Будто это не его нога две минуты назад изогнулась под неестественным углом, на манер перевернутого вопросительного знака с точкой в районе задницы.

Ошарашенные не меньше меня, твари разлетелись клоками мерцающего тумана, но скоро опомнились и собрались в еще более причудливые фигуры.

Возобновлять наше тесное, но кратковременное знакомство я не собиралась. Тревожный холодок невесомого, но опасного прикосновения еще щекотал нервы. Или воображение? Поди, разбери в этой кутерьме!

Ноги понесли меня прочь, быстрее, чем с этим смирился мозг, и пару секунд я с трудом удерживала равновесие, и будто волоклась вслед за резвыми конечностями, но быстро выровнялась.

Утыканный редеющими стволами склон полого струился и не собирался заканчиваться. Зато начался невысокий колючий подлесок, жаждущий насадить если не меня целиком, то хотя бы мои глаза на гостеприимно растопыренные острые ветки.

Царапин и порезов избежать не удалось, но в целом отделалась я легко и на всем ходу налетела на упругую стену, до самого конца маскирующуюся под бесконечные лесные дали.

При ближайшем рассмотрении стена оказалась земляным валом, сплошь поросшим густым, но податливым кустарником. Я вбуравилась в мягкую зелень и поползла на вершину насыпи.

Монстры не показывались до последнего, но стоило мне утвердиться на узкой кромке земли, хлынули с трех сторон. Я не удержалась и кубарем скатилась по противоположному склону.

— Таира!

Я вскочила. Зеленая стена дрогнула и принялась заваливаться на бок. Вместе с необычной легкостью накатила тошнота. Я с размаху залепила себе пощечину и только после этого рухнула на колени.

В ушах все еще звенело мое имя, издалека, будто я сидела на дне колодца, а кто-то неизвестный пытался до меня докричаться, но перед глазами уже прояснилось.

Лес по-прежнему рос снизу вверх, небо голубело над головой, а по мне ручьями катился холодный пот. Я попыталась вытереть лоб, и поняла, что все еще сжимаю в руке туфлю. Я сбросила их в начале нашего спринта, да так и тащила всю дорогу. Вторая лежала в паре метров от меня. Как это я догадалась ее отбросить перед тем, как хлестать себя по щекам?!

В детстве я часто ходила босиком, да и сейчас при первой возможности скидывала обувь, поэтому пробежка по лесу далась мне на удивление легко, а может быть это все адреналин? Пройдет время, и я сполна прочувствую все камни и коряги, по которым так шустро пронеслась. Но пока не отпустило, я собрала силы, поднялась и, пошатываясь, побрела прочь от негостеприимной чащи.

За зеленым валом лес заканчивался, впереди бурела степь с редкими купами деревьев и удаляющимся Антоном.

Твари из-за деревьев не показались, но проверять там ли они я не стала. С самого начала погоня казалась мне странной. Едва ли я бегала быстрее неведомых созданий, и

пожелай они с нами разделаться, давно бы так и поступили. А они выгнали из леса и успокоились. Вот бы мне их силу воли.

Прогулка затянулась. Солнце, вдоволь налюбовавшись нашими унылыми фигурами, устремилось к горизонту, а мы все брели и брели по траве. Горная цепь потихоньку удалялась. Врата Духов — массивная арка из двух склонившихся друг к другу пиков — скрылись в голубой дымке.

Я сразу узнала это место и, почему-то, не удивилась. Антон долго смотрел на эпическую горную грядку, но ничего не сказал.

Так мы и шли молча, на приличном расстоянии друг от друга, пока я не наткнулась на старую, вымощенную плитами дорогу. Некогда белые камни побурели и растрескались, мох и багряный лишайник отвоевали свою территорию, травы усердно восстанавливали статус-кво, обильно щетинились между плитами и в трещинах.

Антон без зазрения совести воспользовался моим открытием, камешки закрипели под каблуками его туфель. Я не стала заморачиваться с обувью, так и пошлепала босиком по все еще теплым плитам. Несмотря на усталость, находка придавала нам сил: пусть дорога старая, но куда-нибудь она да приведет. Так и случилось.

Я долго смотрела на скачущую по камням воду далеко внизу под крутым обрывом. На противоположном берегу в сплошном заборе рыжих от заката трав зияла прореха дороги. Мост отсутствовал. С обрыва свисали сухие стволы деревьев — берег постепенно разрушался, крайние плиты опасно качались, по невидимому склону шуршали камни. Высокий кустарник, окаймляющий реку, топорщил выступающие корни.

Спуститься здесь и не свернуть себе шею казалось нереальным. Антон пришел к тому же выводу и, шурша сухой травой, полез налево. Я, в знак протеста, повернула направо, и тут же наткнулась на покрытую вьюнком, полуразрушенную каменную стену.

За ней открывался заросший дикими травами дворик с остовом круглого здания, метров шести в поперечнике. Высокие белокаменные арки с едва заметными надписями по краю выходили на три стороны. Обращенный к реке вход скрывался под тенью широколистного водяного плюща.

Когда-то здесь был храм, и тревожить его спящих обитателей не следовало. Край глаза уловил слишком шуструю тень, и я поспешила пересечь запущенный дворик.

За оградой нашелся спуск к реке. Лестница из грубо обтесанных плит раньше уходила под воду, теперь самая нижняя, темная от многолетнего пребывания под водой ступенька, метра на полтора возвышалась над высохшим каменистым дном.

Обмелевшая река бурлила среди блестящих под вечерним солнцем валунов. Тонкие гибкие стебли плавучего камыша прорезали водную гладь над омутами, стучали пустыми коробочками, будто перешептывались, к ним с высоты обрыва тянулись лианы с разлапистыми листьями, жадно ловя звенящие брызги и обрывки пены.

Тишина исчезла, лопнула многоцветным пузырем, рассыпая искры реальности.

Бурлящий поток разрезал пространство, разделял его на мир живой и мир спящий мертвым сном.

Река рождалась высоко в горах и на многие километры сохраняла холод и чистоту ледников.

Большую часть последствий лесных приключений удалось смыть, гудящие ноги успокоить и только мысли все еще пребывали в хаосе неизвестности. Как? Почему? Зачем?

Слишком много вопросов и ни одного ответа.

Антон если и мучился вопросами и сомнениями, никак этого не показывал. Целеустремленно двигался вперед (знать бы еще куда?!), не рассиживался на камнях, не любовался суетливыми движениями радужных рыбок, не вслушивался в шепот листьев над рекой, не вдыхал холод гор, оседающий на щеках поцелуями брызг. Привел себя в порядок и, не дожидаясь непрошенной спутницы, продолжил путешествие.

Ниим не зря сбежал от Антона. Сначала ловцы попытались напасть на нас. Стычка могла окончиться плохо, если бы не дракон... тьфу, не было там никакого дракона. Был маленький, но злющий гроон и спутать его с драконом мог только тот, кто ни одного, ни другого в жизни не видел, даже на картинке, как я.

Иссиня-черная тварюшка, растопырив когтистые лапы и кожистые крылья, камнем упала на улепетывающего от охотников Антона. Тот отмахнулся, и гроон, с изумлением на кошачьей морде, улетел прямиком в замаскированный травой капкан.

Мужички, переглянувшись, оценили ситуацию, и решили, что от добра добра не ищут. Слишком шустрых путников пойдй поймай, а тварь — вот она. Сгребли сети, упаковали добычу и были таковы.

На заре в Моховые Поляны из Торжонок приходила самоходка — длинная телега под выцветшим тентом с площадкой для поклажи в центре и жесткими лавками по периметру.

Места для пассажиров располагались и внутри и снаружи. Уличные лавки пустовали: пассажиры клевали носами (двое ловцов в кожаных куртках с эмблемами вздыбленного единорога-пони на рукавах) или откровенно дрыхли (громогласно всхрапывающая старушка с корзиной в обнимку), и свалиться с открытого сидения на первой попавшейся кочке не хотелось никому.

Я сидела на лавочке у единственного на всю деревню магазина (он же аптека, он же медпункт, парикмахерская и, демоны его знают, что еще). Хозяин — худой темнокожий шеттер-полукровка не поскупился, прикрутил на высокий шест солнечный цветок. Этому вечнозеленому древесному паразиту было все равно, на чем расти — живом дереве или иссохшей жерди: постепенно изжевывая скрученным корневищем древесину, он впитывал свет днем и светился ночью, неярко, но достаточно, чтобы не свалиться в канаву, не наступить на спящую посреди дороги собаку или увидеть человека, ждущего транспорт.

Небо на востоке разгоралось, а цветок постепенно обесцвечивался, готовился распуścić плотно сомкнутые лепестки навстречу солнцу.

Самоходка прогрохотала по мостику через ручей и въехала на проходящую сквозь деревню улицу. Возница попытался проехать мимо, но я решительно подошла к обочине и помахала.

«Не заметить» странствующего бинти еще можно было, но нагло игнорировать при свидетелях — совсем уж неприлично, тем более что бабка, не прекращая храпеть, бдительно приоткрыла глаз.

— Проезд — три кона, — по привычке пробормотал возница и тут же прикусил язык. Нашел, с кого деньги требовать!

Мы молча уставились друг на друга. Ситуация, что называется, патовая: он не может мне отказать (при свидетелях, по крайней мере), но и бесплатно везти не станет, я не могу ему заплатить, ибо нечем (я ведь «бинти»), и убираться подальше, делая вид, что просто

гуляю, не получится: мне нужно в Тридорожье, а пешком туда идти слишком долго.

Дремлющие охотники недовольно заворчали. Куча мешков, сваленная на дальней лавке, развернулась и уставилась на меня тремя парами любопытных глаз: прежде незамеченные пассажиры так плотно закутались в плащи, что я приняла их за небрежно уложенный багаж.

Мне почудился нетерпеливый перестук копыт несуществующей лошади. Тянуть дольше не имело смысла. Либо я ухожу, либо...

Возница скептически осмотрел подsunутые под нос туфли, ковырнул корявым ногтем кожу на мыске и, нехотя, кивнул. Дождаться пока непутевая пассажирка изволит забраться, не стал, дернул рычаг.

В глубине телеги заурчало на манер довольного кота, и конструкция двинулась. Поручень подозрительно хрустнул под рукой, но я успела запрыгнуть на подножку и, неловко шатаясь, протиснуться под тент.

Сидящий с краю ловец — мужчина лет сорока с презрительно поджатыми губами и залысинами на короткостриженной голове — вполголоса выругался.

— Простите.

Я потеряла ушибленное плечо, и поспешила отгородиться от сердитых охотников горой плотно уложенных мешков и дребезжащих корзин.

Самоходка двигалась плавно, лишь изредка подпрыгивая на кочках.

— Ого, она еще и говорящая! — восхитился другой ловец — добродушный на вид, но с внимательным и жестким взглядом.

Первый выразил свое откровенное мнение обо всей моей «зеленомордой родне» и сделал вид, что спит. Язык зачесался ответить ему, но я сдержалась. В конце концов, все мы ошибаемся.

Самоходка катилась сквозь бескрайние бурые поля, окаймленные поредевшими перелесками. С пустынных обочин изредка вспархивали стайки крикливых сорок, кружили по безоблачному небу и, вдоволь наругавшись, опускались на землю.

Солнце выбралось из-за горизонта, над полями взвились золотистые клубы пара. Пассажиры приободрились, но спустя время снова принялись клевать носами. Делать в дороге было решительно нечего. Однообразные пейзажи нагоняли скуку, и глаза сами собой закрывались.

Должно быть, я задремала, потому что не услышала, как один из закутанных в плащи пассажиров оказался рядом.

— Привет.

Я подскочила, распахнув глаза.

— Ты ведь не бинти?

Из-под линялого капюшона на меня смотрел улыбчивый парень с растрепанной русой бородкой.

— А тебе-то что? — я уставилась на него в ответ.

— Эй-эй, я без претензий, — он примирительно поднял руки, — не смотри на меня так, дыру прожжешь!

— Смотрю — как умею, — я отвела глаза. Ну да, мне частенько говорят, что я «тарашусь». Но что поделать, сама не замечаю, как «прирастаю» взглядом. — Я и не говорила, что я бинти.

— Здорово ты его надула, — парень уважительно усмехнулся и протянул руку, — я —

Кот.

— Никого я не надувала! Эти туфли пяти таких поездок стоят.

— Ладно, как скажешь. Кот — это мое имя, кстати, — напомнил он.

Я представилась.

— Это Овиллион, — Кот ткнул пальцем за плечо.

— Можно просто Вилли, — крупный кудрявый парень смущенно усмехнулся в рыжую бороду.

— А та бука — Меру. Меру Минс. Ну да, имя мужское, но лучше ей об этом не напоминать лишней раз, — Кот трещал без умолку, но как-то вполголоса, будто целенаправленно для меня.

Бледная черноволосая девушка вполне дружелюбно помахала мне, и вернулась к чтению. Ее длинные волосы струились ниже талии и путались между страниц увесистой книги, а изящные пальцы перебирали локоны, как струны арфы.

Ни к чему не обязывающая беседа скрасила унылую дорогу. Кот болтал обо всем и ни о чем, как телевизор, включенный для фона. Иногда сам отвечал на свои же вопросы и, не дожидаясь моей реакции, начинал новую тему. Исчезни мы все, он бы не заметил и продолжал еще долго болтать. Один-в-один мой университетский приятель Фарид. Такой же простой и располагающий к себе всех и каждого.

Я давно потеряла нить разговора и опомнилась, услышав знакомое название.

— Что ты сказал? Единорожка? Что это?

— «Малыш Единорожка» — самая крупная сеть закусочных и ресторанов в стране.

— А еще игорных домов, — добавил Вилли. Он что-то записывал в блокнот, высчитывал на пальцах и иногда сверялся с книгой Меру.

— Да, точно! Игорные дома! Ух, эти игорные дома! — Кот сжал кулаки, будто пытаюсь уловить нечто недостижимое. — Так вот, мой тебе совет — ни в коем случае не ходи в Единорожку. Они промывают мозги почище медвежьего камня!

— Травят людей, — вставил Вилли, криво усмехаясь.

— Ты шутишь, а я говорю серьезно! Однажды я там поел, так потом неделю хотел все бросить, найти работу. Жениться!.. — еле слышно просипел Кот, делая страшные глаза. — Благо, у меня деньги закончились, отпустило.

— Так, может, оно и к лучшему? — я не удержалась от усмешки.

Кот уставился на меня с видом оскорбленной невинности.

Меру театрально закатила глаза, похоже, байки Кота набили ей приличную оскомину, но одергивать приятеля она не спешила, отвернулась, внимательно осматриваясь поверх придорожных кустов. Я ничего интересного в однообразном пейзаже не заметила: все те же поля, холмы и скука смертная.

Солнце поднялось высоко и под тентом стало душно. Сложно представить, что всего несколько часов назад на траве лежал иней. Разморенные жарой пассажиры снова поникли, даже самоходка замедлилась и свернула на обочину.

Возница нашарил под сиденьем замызганный мешок, извлек из него здоровый кусок сала и сунул себе под ноги. Самоходка довольно заурчала и бодро двинулась вперед.

Ничего себе, заправка! Я невольно сглотнула набежавшую слюну. Последний раз я ела прошлым вечером, и плотным тот ужин назвать было никак нельзя. Голод не давал о себе знать лишь потому, что я о нем не думала, но стоило вспомнить о еде, желудок потребовал внимания. Остальные пассажиры, будто услышали призыв к обеду.

Старушка вытащила из корзины узел с пирожками, ловцы достали свертки с бутербродами, копченым мясом и овощами.

Я отвернулась. От обедающих меня отделяла гора поклажи, и, при определенном усилии, можно было сделать вид, что в повозке нас только четверо. А вот обмануть обоняние не удалось: ароматы копчения и специй вились у носа, как пчелы у летка.

Троица в плащах тоже не озаботилась провизией, но каждый продолжал заниматься своим делом, только Кот изредка оценивающе поглядывал на бабку.

— Далеко до Тридорожья?

— К вечеру приедем, — Кот задумчиво огладил бородку, — напрямую быстрее, но там дороги нет — болото.

Ну что ж, говорят, интервальное голодание полезно для организма.

— Есть хочешь? — Кот, не отрывая взгляда от бабки, извлек из воздуха пирожок. По ту сторону багажа ничего не заметили. Он проделал то же движение еще пару раз и перекинул добычу спутникам.

— Это как? — Я тупо смотрела на румяный бок пирожка, — это ты... — я кивнула на обворованную бабку.

Кот приложил палец к губам и на лавке рядом с пирожками возник сверток с вяленным мясом и бутылка темного стекла.

Меру укоризненно кашлянула, но пирожок съела.

— Угощайся, — Кот хлебосольно развел руки.

— Нет, спасибо, замуж я пока не планирую.

— Чего? — непонимающе вытаращился Кот.

Вилли сдавленно фыркнул.

— Это домашние. А господин Егар своими секретами с простыми смертными не делится, — пояснила Меру и добавила для озадаченного Кота: — вот ты и нашел впечатлительного слушателя.

Кот наигранно сморщился, выкрутил пробку из бутылки и принялся. Винный дух сказочным джинном заструился над горлышком, а я поспешно отвернулась. Как раз вовремя.

— А где?.. Ей! — Один из ловцов привстал с лавки и озадаченно огляделся.

Я ткнула Кота локтем в бок, но опоздала. Парень закашлялся, вино потекло по бороде.

— Какого демона ты наше вино хлещешь?!

Второй ловец схватился за мешок, обнаружил пропажу мяса:

— Ах ты, скотина!

Молниеносно сориентировавшаяся бабка завопила:

— Грабят!..

Возница обернулся и дернул за рычаг. Самоходка остановилась, корзины продолжили движение, звеня и грохоча, засыпали бабку.

— Убивают!!

Пару секунд Кот и ловец сверлили друг друга взглядами. Пожалуй, все могло закончиться относительно мирно, но тут возница запустил в Кота надкусанным яблоком и заорал:

— А ну, пошли отседа, ворье недобитое!

Отрывок мазнул Кота по щеке, а в следующий миг одна из корзин оказалась у возницы на голове. Просто так. Сама собой. К бабкиному визгу добавился утробный возничий рык.

Первый ловец нехорошо прищурился и получил бутылкой в плечо.

Кот досадливо цыкнул, он-то надеялся на более эффектное возвращение имущества хозяину.

Запах вина повис под тентом грозовой тучей. Не отрывая от Кота пристального взгляда, орошенный вином ловец отцепил от пояса свернутую кольцами веревку. На первый взгляд она казалась обычной и ничем не примечательной, но стоило охотнику щелкнуть по ней пальцами, ворсинки вспыхнули тусклым золотом.

Троицу в плащах как ветром сдуло, а я все сидела и таращилась на разгорающуюся веревку. Ловец перевел взгляд на меня и хищно оскалился.

От ушей вниз по спине сошла лавина мурашек размером с лошадь.

— Таира, беги! — заорал Кот.

Не раздумывая, я перескочила через спинку сидения и скатилась на землю.

За спиной оглушительно свистнуло. Я рефлекторно прикрыла голову, еще не понимая, чего ждать. Это меня и спасло. Горящее золотом лассо захлестнуло шею и, если бы не подставленные руки, тут бы и придушило, когда охотник с силой дернул веревку к себе.

Я плашмя рухнула в дорожную пыль. От удара воздух вылетел из легких, в голове загудело, а перед глазами засияли огни.

Веревка стягивалась все сильнее. Казалось, золотые нити прожигают кожу до костей и руки вот-вот отвалятся, а следом и голова. Ловец ослабил натяжение, что-то прокричал напарнику.

Я не понимала ни слова. В голове гудели колокола, а глаза застилала мутная пелена. Каким-то чудом мне удалось перекатиться на бок. Зрение потихоньку возвращалось, но вместе с тем волнами накатывала тошнота.

Второй охотник неторопливо вылез из самоходки, сжимая в руках миниатюрный прибор, смутно напоминающий развешенные вокруг Моховых Полян «локаторы».

Я попыталась распутать обжигающую веревку, но та будто приросла к коже. Без посторонней помощи не снять. Вот только где взять эту помощь? Злополучная троица в развевающихся плащах с заячьим проворством неслась к раскидистым придорожным кустам.

Кот, будто почуяв мой взгляд, обернулся, выругался и побежал обратно. Меру с Вилли увязались следом. Дальше все произошло быстро.

Кот хватается Меру за руку, пронесется мимо меня и вопит: «Нож!». Меру едва не спотыкается, но не открывает глаз. Веревка звонко лопается. Черный клинок падает на землю. Кот трясет обожженной ладонью. Я чувствую свободу, пытаюсь встать. Вилли хватается меня и взваливает на плечо. Кот роняет на землю только что бывший в руках у ловца «локатор». Ловец недоуменно осматривает пустую ладонь. Вилли, придерживая меня, наклоняется за крупным камнем, но не поднимает его, а *впихивает* ладонью. Ловец вопит и скачет по дороге с отдавленной ногой. Цирк, да и только! Пораженные зрители наблюдают представление из-под корзин.

— А вот теперь бежим, — пробормотал бледный, вспотевший Кот.

— У них еще одна глушилка! — Меру попыталась снова ухватить Кота за руку.

— Я потому и предлагаю бежать, — виновато улыбнулся он.

— Идиот!

— Давай, потом?

Время для споров, и правда, было не самое подходящее. Густые, но невысокие придорожные заросли надолго не задержат разъяренных охотников, тем более, мы уже проделали для них настоящую просеку. Точнее, Вилли проделал, я обессилено болталась у него на плече. Обрывок веревки по-прежнему обвивал мою шею и своим сиянием вытягивал последние силы.

Над головами снова свистнуло. Золотая петля стянула куст, ветки брызнули в стороны. Кот едва успел пригнуться и, не смотря на слабость, припустил с удвоенной скоростью.

Соседний куст завибрировал, будто отражение в воде. К горлу снова подкатила тошнота. Меру споткнулась, а Кот успел схватиться за тонкую березку, но все равно упал на колени. И только Вилли держался бодрячком. Не сбрасывая меня с плеча, подхватил друзей под руки и полез в самую гущу кустов.

Под прикрытием бурелома мы достигли перелеска. Лассо еще пару раз свистело, но все вхолостую.

— Там болото, — напомнила Меру.

Вилли кивнул и устремился в указанном направлении. Кот очухался и бежал самостоятельно. Меру поблагодарила Вилли и тоже отлепилась, и только я болталась на его

плече как тощий мешок.

Перелесок плавно перетек в настоящий дремучий лес. Полуоблетевшие деревья недоуменно шелестели остатками бурых листьев, колючие кусты цеплялись за одежду, под ногами хлюпало, воздух наполнялся запахом гнили.

Постепенно мы спустились в заболоченную низину. Тут деревья выглядели больными и неказистыми, а среди побуревших кочек поблескивала черная вода. С единственного огромного и страшного дуба на нас пялились пустыми глазницами притворившиеся ветками болотники. Никто из компании не обратил на них внимания.

— Отлично, сюда они не сунутся! — обрадовался Кот и галантно пропустил подругу вперед.

Меру не возражала. Пошла осторожно, изредка останавливаясь и закрывая глаза. Остальные двинулись за ней след в след. Далеко позади слышался яростный хруст веток, но скоро охотники поостыли, растеряли азарт и в болото не полезли.

Над болотом вились серебристые огни, пугливо уступали дорогу и возвращались обратно, стоило отойти на пару шагов. Островки черных водяных вязов молитвенно воздевали ветви к небу. В зарослях тоскливо перекрикивались птицы. Затхлые испарения висели над топью, завивались кольцами от едва уловимого движения воздуха. Тропинка петляла среди чахлых осин, обрывалась у спрятанных под опавшей листвой бочагов.

Несколько раз Меру останавливалась, задумчиво осматривала вроде бы надежную кочку, но сворачивала в сторону. Кочка разочарованно вздыхала вслед. Позади нас тропинка отчетливо светилась мертвенной зеленью, постепенно угасая. Из продавленных ступнями углублений вырастали прозрачные бестелесные щупальца, обшаривали сплюснутый мох и некоторое время покачивались на неошутимом ветру.

Туман неслышно подкрался сверху, опустился, процеживая реальность мутно-зеленым фильтром. Огни, поразмыслив, тоже сменили цвет. Теперь по болоту брели четверо «зеленомордых».

Я сдавленно хихикнула, пытаюсь удержать ускользающее сознание. Я будто расплывалась, истончалась, как рисовая бумага, смешивалась с туманом. Назойливое бормотание в ушах оформилось в слова. Казалось, что я лежу на кровати в общежитии, а рядом моя соседка Жанна как всегда рассказывает о своих любовных передрягах.

— Я рада, что вы помирились, — вяло ответила я.

Жанна тоже обрадовалась.

— Что? — идущий позади Кот вскинул голову.

Я вынырнула из забытья.

— Ребят, вы не могли бы снять с меня эту дрянь? — я подцепила пальцем веревку.

— Вот гадство! — выругался Кот. — Долго нам еще идти?

Меру неопределенно передернула плечами.

Болото досадливо чавкнуло трясинной и выплюнуло нас на сухую возвышенность. Здесь топь заканчивалась, и начинался обычный лес.

За частоколом полуоблетевших осин нашлась маленькая полянка, окаймленная пожелтевшим, но все еще пышным папоротником. Недавний ураган повалил несколько старых сухих стволов, за которые с радостью взялась буйная лесная растительность.

— Пришли, — Меру устало опустилась на бурый мох. Болотная зелень осталась позади, над полянкой увивались стайки мелких золотистых светляков, но девушка по-прежнему

выглядела неживой. Кот беззастенчиво порылся в ее сумке, вытряхнул на землю горсть мелких пузырьков и холщовых мешочков.

Вилли усадил меня рядом с подругой, распутал шипящую от прикосновений веревку и отбросил за пределы поляны.

Парни быстро разложили костер, Вилли принес в маленьком котелке воды, Кот накапал туда из всех пузырьков сразу, подбросил в костер сухих палочек. Над полянкой закружился ароматный дым. В голове прояснилось.

Пока мы пробирались сквозь трясины, стемнело. Болотные огоньки вкупе с туманом не давали разглядеть небо, а оно уже всю мигало звездами. Свежий ветерок сдувал тинную вонь обратно в болото, а ночные птицы перекрикивались на удивление бодро.

Кот нацедил закипевший отвар в глиняную кружку, заботливо подул и поднес подруге. Меру сделала глоток и закашлялась. Бледное лицо покрылось яростным румянцем.

— Ты что туда налил?! — просипела она.

— Все и сразу, — пожал плечами Кот.

— Идиот! — Она вскочила, обжигаясь, схватила котелок и выплеснула содержимое под куст.

В воздух ударило искристое облако. Куст судорожно выдернул корни из земли и скрылся в чаще.

— Ну, ни хрена себе! — Кот озадаченно поскреб макушку. — Рассол животворящий!

— Эй! — Меру ткнула друга в плечо. — Ты что творишь?!

— Не нравится — сама вари.

— Я не про зелье! — Она в запале сунула котелок Вилли в руки. Тот смиренно ушагал в темноту. — А о твоих фокусах. Опять за свое? Никогда не думаешь о последствиях! Никогда! Я видела нашивки. Понимаю, почему ты полез к ним. Напакостить, обвести вокруг пальца, незаметно смыться — прекрасно! Но не в этот раз. Ты, видно, не осознаешь как нам повезло. Чудо, что никто не пострадал. Из-за нас ее могли убить, или хуже того... Своей головой не дорожишь, хоть о других подумай. Если еще осталось чем! — Ее щеки полыхали, а волосы развивались, как щупальца медузы.

Кот открыл рот, но ничего не сказал. Меру развернулась, волосы хлопнули незадачливого воришку по носу.

— Да ладно вам, все ведь обошлось, — я неловко пригладила разлохмаченные волосы, выудила нацепленные дорогой листья и крошечного палочника. Примитивный дух остолбенел, притворяясь обычным сучком.

— Не смей его защищать! — Меру стрельнула в меня глазами и принялась собирать рассыпанные по траве пузырьки.

В свете костра стеклянные бутылочки радужно переливались и тихо позвякивали. Это не было похоже на музыку, но органично вплеталось в мелодию ночного леса. Длинные тонкие пальцы перебирали закупоренные снадобья, костер потрескивал сухими ветками, и напряжение, повисшее над поляной, рассеялось.

Я подбросила в огонь сухую ветку, перебралась на поваленное, наполовину заросшее мхом дерево. Кот устроился рядом.

— Извини, — после недолго молчания сказал он, — иногда ее заносит. И меня тоже. Не думал, что все пойдет так далеко. Хотя, следовало бы. Не первый раз с ловцами сталкиваюсь, но ничего не могу с собой поделать, руки так и чешутся им напакостить.

— Осознание — первый шаг к решению проблемы, — хмыкнула я.

— Очень маленький шаг.

— Все в твоих руках.

— Да. К сожалению.

В этот раз Кот был немногословен.

Вернулся Вилли с котелком, полным воды. Как он бродил по лесу — ума не приложу. Полянку окружала непроглядная темнота. Изредка за кустами вспыхивали зеленоватые огоньки, в болоте ухало, в невидимых кронах слышался легкий стеклянный перезвон. Костер фыркал искрами, капли с котелка шипели в ответ.

— Я уже встречала охотников, — я потыкала палочкой в обугленное полено, стайка искр закружилась и растаяла в темноте.

— Сочувствую, — невесело усмехнулся Кот. — Этих ребят лучше обходить стороной.

— ... а не пытаться ограбить, — едва слышно буркнула Меру.

Кот тяжело вздохнул.

— Пойду, извинюсь, а то подсыплет отравы какой.

Позади меня зашуршало. Давешний прыткий куст (на самом деле, трусоватая лесная живность) подцепил корявой лапкой охотничью веревку и тихонько утаскивал ее в чашу.

Я отобрала опасную игрушку, палочкой перебросила себе под ноги. Отлежавшись, веревка снова приняла заурядный вид. Я осторожно ее потрогала — ничего. Помедлив, взяла в руки. Странно. Поднесла к уху, прислушалась, а потом легонько постучала, припомнив действия ловца. Ворсинки тускло засветились. Теперь веревка не тянула из меня силы, но казалась живой, будто под ворсом что-то двигалось.

— О! — Вилли восхищенно присвистнул. — Слушается тебя.

Я разжала ладони. Ворсинки погасли.

— Что это? У других охотников я такой не видела.

— Это не обычные ловцы. Охотятся на самых опасных животных.

— На драконов? — удивилась я, припомнив недавно слышанную байку.

— На людей, — жестко вставил Кот. Они с Меру мирно сидели на бревнышке по другую сторону огня. — В основном на преступников. Но лучше им под горячую руку не попадать.

— Выходит, это дружинники были?

— Нет, с дружинниками можно договориться. Эти — сразу в «зверинец» отправляют, без разговоров и суда, — Кот поежился.

— Не понимаю.

— Там солдат тренируют, — Вилли провел рукой над скрутившейся в кольцо веревкой, та хищно вспыхнула, — на том, кого не жалко. На Зеркальном озере есть поселок. Говорят, туда всех и отправляют. Лесовиков особо ценят. В открытую не связываются. Считают то ли психами, то ли блаженными. После той истории с ледяными. Прилюдно побаиваются, в темном углу на раз камнями забивают. Или в «зверинец» отвозят.

— Есть и те, кто сами туда идут, добровольно. Горцы, например, — добавил Кот, — но те с рождения больные на голову. Кроме драк ни о чем не думают.

— Не обобщай, — поморщилась Меру.

— Ладно, большинство из них больные на голову. Не все, — уточнил Кот.

— Выходит, они тоже решили, что я из лесовиков? С самого начала странно на меня смотрели, переглядывались.

— Скорее всего. Ты еще и девушка. Прикидывали, как все обстряпать. А тут мы. Руки

им развязали, — Вилли смущенно отвел глаза, а Кот снова получил затрещину от Меру.

Над полянкой повисло молчание. Только трещали в костре ветки, покрываясь белым налетом пепла.

Не будь в той самоходке Кота и компании, все сложилось бы иначе? Охотники не тронули бы меня или нашли другой повод для «ареста»?

Я подняла веревку, скрутила в тугий узел.

— Я думала, она перережет мне руки, но даже следов не осталось.

Запястья все еще гудели, но кожа даже не покраснела.

— Она только удерживает, но не ранит. Им нужны здоровые игрушки, — прошептала Меру, высыпая в кипящую воду содержимое одного из своих мешочков. Над котелком поднялось зеленоватое облачко, запахло мятой.

— Кстати об игрушках, — Кот вытянул из-под плаща длинный тряпичный сверток и вытряхнул на землю черный клинок, — интересно, откуда он у них и для чего?

Нож был длиной сантиметров сорок, с тусклой червленной рукояткой и узким, поглощающим свет лезвием. Мы стянулись ближе.

— Когда ты успел его утащить? — я потыкала в кинжал палочкой.

— Лучше бы еды захватил, — буркнула Меру.

Кот, не глядя, перекинул ей промасленный сверток с вяленным мясом и хлебом. Я не удержалась от смешка. До чего же хозяйственный воришка!

— Наронеторская работа, — заключил Вилли, покрутив нож перед глазами, — наверное, забрали у темных. Интересная вещь.

— Обжег меня, — пожаловался Кот, демонстрируя красный рубец на ладони.

— Выбросил бы ты его, — Меру смотрела на оружие с неприкрытым отвращением.

— Ага, чтобы кто-нибудь нашел и поранился? — возмутился Кот. Аккуратно закутал клинок в тряпицу и спрятал под плащ.

Мы скромно поужинали и остались на полянке ночевать, чтобы с утра добраться до Тридорожья напрямую.

Ребята соорудили лежаки из сухих веток, разложили одеяла. Кот безропотно отдал мне свое, приютившись на одном с Вилли.

Весь мой немудреный багаж остался в самоходке. Новые знакомые оказались привычными к внезапным перемещениям и все свое и немного чужого прихватили с собой. У меня остались лишь старые сапоги и потертый, но все еще теплый плащ, типа замшевого пончо. Ловчую веревку я сунула в глубокий карман. Пригодится.

Я сидела на одеяле, обхватив колени, и сонно смотрела в угасающий костер. Прогоревшие дрова дышали жаром, как живые.

— Не холодно? — закутанный в плащ Кот мазнул взглядом по моим голым ногам.

— Не очень, — ответила я, но колени одеялом прикрыла. Штанами разжиться я не успела. Короткое голубое платье — единственное напоминание о прошлой жизни — не очень-то подходило для ночевки в осеннем лесу, но на удивление, я почти не чувствовала холода.

— Везет, — завистливо вздохнул он, кутаясь еще и в свою половину одеяла, — можешь ложиться, я покараулю.

— Болотники не помешают?

— Кто? — насторожился Кот.

Я встала, сонно пересекла полянку.

— Цек ваан!

Две продолговатые тушки оглушенными совами шмякнулись в мох.

— Это что за магия? — удивился Кот.

Я пожала плечами, возвращаясь на одеяло.

— Эй, Вилли, — он ткнул друга в плечо, — ты это видел?

— Видел, но не понял, — сознался Овиллион.

— Некоторые считают это магией бинти, — нехотя сказала я.

— Так ты все-таки...

— Нет. Я слышу *слова* и могу их применять. Это все, что я знаю. А что насчет вас? Не каждый может на расстоянии пирожки тырить и камни перемещать.

Кот покосился на друзей.

— Кое-что мы умеем. Я беру то, что вижу, Вилли... скажем так, отдает, а Меру видит то, что скрыто. Не самые выдающиеся способности, конечно... Но, это тайна!

— Которую вы так открыто демонстрируете, — я не удержалась от смешка, — и рассказываете первой встречной.

— Мы ведь заодно!

— Да, теперь выходит, что так.

Я ведь тоже впервые произнесла *слова* открыто, при посторонних. Впрочем, все мои наниматели прекрасно понимали, что не метлой я тех паразитов прогоняю. И если магия среди людей была несказанной редкостью, то для бинти — обычным делом. По крайней мере, селяне не бегали от меня, но и сжечь не пытались. Пожалуй, они и мысли не допускали, что человек может колдовать. Из рассказов Джаны (которая болтала обо всем на свете), я знала, что когда-то в Тувосарии были магические школы, но теперь все они стали частью сказок и легенд, которыми малышня пугает друг друга в темноте.

Кот, тем временем, размышлял о другом.

— Выходит, ты и ловцов могла так же, — он вывалил язык и закатил глаза.

Шустрый какой!

— Это действует только на мелочь вроде того бегающего куста или болотников. Правда, куст безобидный, а эти могут незаметно присосаться и за ночь полностью обескровить. — Я понаблюдала, как Кот настороженно оглядывается и добавила: — но только если нарвешься на стаю, а тут их всего два было, и тех я прогнала.

— Но они могут вернуться?

— Не сегодня, не бойся.

— Я не боюсь. Просто удивительно. Первый раз о них слышу.

В темноте за пределами поляны насмешливо ухнул филин.

— Вы слишком привыкли ко всему, что вас окружает, и многое не замечаете. А у меня взгляд свежий, незамыленный, — я провела рукой над тлеющими угольками. Язычок пламени с интересом ошупал пальцы и спрятался обратно.

— И что это значит?

— Что ты любопытный болван, — буркнула из одеяльного кокона Меру.

— Эй! — Кот запустил в подругу невесть откуда взявшейся на поляне шишкой.

Я с трудом сдержала зевок.

— Буду спать. А ты смотри в оба.

— Уж поверь, теперь глаз до утра не сомкну, — заверил меня Кот.

Я проснулась среди ночи. Костер едва тлел, а светляки исчезли. Кот сладко пускал слюни Вилли в плечо. Меру разметалась по одеялу, волосы перепутались с травой. Мелкие палочки уже успели скрутить несколько тугих волосяных жгутов. Я тихонько на них цыкнула, и снова легла.

Что же меня разбудило? Звезды озадаченно мигнули.

В лесу было тихо. Слишком тихо. Я снова села. Желудок скрутило, а тело стало деревянным. Впервые мне было так страшно, что захотелось втиснуться между Котом и Вилли, а потом еще и зарыться поглубже в валежник. Не видеть и не слышать.

Что именно меня напугало, я не понимала, но напряженно ждала. Хрустнула ветка, еще одна. Я, дрожащей рукой нашарила охапку хвороста, бросила в кострище, дунула, что было сил, закашлялась от поднявшегося пепла. Хворост вспыхнул высоким пламенем. Кусты захрустели целенаправленно. Кажется, я облегчила кому-то задачу. Глупо. Очень глупо, но ждать было не вмоготу.

Треск приближался, вместе с ним дрожала земля. Кот непонимающе разлепил глаза, и тут на поляну вывалился огромный черный тигр с горящими синим огнем глазами. Ошалело поводит мордой, рывкнул и бросился ко мне. Я закричала. Слова вырвались сами собой, но я понимала, что в этот раз они не помогут. Тигр не мелкая нечисть, не паразит. Огромного зверя не отпугнуть *этими словами*. А других я не знала...

Тигр остановился. Затормозил всеми четырьмя лапами, но по инерции продолжил движение и ткнулся в меня огромным мягким лбом, шерстинки щекотнули кожу.

Кот окончательно проснулся и заорал. Котелок с остывшим отваром полетел в зверя. Тигр обиженно рыкнул, развернулся и заскакал по полянке, рассыпая угли и обжигаясь. Друзья сбились в кучку, не зная, как реагировать на тигриные выкрутасы.

Лес ожил. Отовсюду слышались голоса и треск сучьев. Орала вспугнутые сороки, над стоянкой пронеслась огромная стая свиков. Ломая ветки, на поляну ворвались еще два тигра — рыжий и белый. На их спинах восседали смуглые, пестро одетые мужчины. Они гортанно перекрикивались, теснили черного тигра, пока сзади к нему подкрадывалась еще одна гигантская оседланная кошка. Всадница — стройная девушка с яркой замысловатой прической приложила палец к губам, но черный заметил движение моих глаз, и одним прыжком развернулся. Мужчины, не теряя времени, накинули ему на шею веревочные петли. Тигр прижал уши, оскалился, но с места не двинулся, а потом и вовсе лег, заняв все свободное место.

Всадница быстро спешила, подбежала к зверю, уверенно перехватила веревки, почесала пушистую тигриную щеку, зашептала на ухо.

— Кенолы, — прохрипел Кот.

Один из всадников — беловолосый и слегка раскосый кивнул:

— Мы просим прощения за нарушенный покой. Этот тигр отбил от стада наших соседей, что-то напугало его. Нам очень жаль, что он разорил вашу стоянку. Если это хоть немного приблизит нас к искуплению вины, смиренно просим провести остаток ночи в нашем лагере.

— На закате мы видели неподалеку стаю красных волков, — добавил второй.

Смирения и сожаления в их голосах не наблюдалось, скорее досада, но их можно понять. Погоня за тигром по лесу в темноте кого угодно раздосадует.

Мы быстро собрали пожитки и побрели по лесу вслед за всадниками. Девушка зажгла

фонарь под стеклянным колпаком и вручила его Коту, а сама повела обоих тигров в поводу. Вилли восхищенно разглядывал зверей, а Меру настороженно — их хозяев.

— Боги всемогущие! — бормотал взъерошенный Кот. — Подумать только! Тигры, волки, болотники какие-то непонятные. Я, знаете ли, городской житель. Каменные стены, узкие улицы, крыша над головой и настоящая постель — это по мне. А вся эта глушь... нет, увольте.

— И по чьей же, интересно, вине мы бредем по этой глуши в окружении тигров и волков? — невинно поинтересовалась Меру.

Кот затих.

Лес успокаивался. За пределами освещенного круга еще слышались шорохи и всхлипы, но все реже. Ночь снова расстелила покрывало безмятежности, щедро украсила его россыпью звезд, приправила запахами прелых листьев, сырой земли и поздней осени.

— Красные волки не заходят так далеко на север, — задумчиво протянул Вилли, — редко покидают прибрежные степи. Странно.

— Сейчас много странного творится в мире, — не оборачиваясь, бросила наездница, — не стоит без охраны и оружия бродить по лесам. Дикае звери, дикае люди, дикае времена.

— А я о чем! — оживился Кот. — Крыша над головой и мягкая постель — все, что мне нужно.

— Сказал тот, кто полжизни прожил на улице, — раздраженно бросила Меру.

— Так на улице, не в лесу, — резонно возразил Кот, — в цивилизации.

Кенолов цивилизация, в определенном смысле, почти не коснулась. Как и сотни лет назад, они кочевали отдельными группами, разводили овец и тигров, изредка заезжали в города, устраивали незамысловатые представления. Народу нравилось. Вокруг расписных шатров собирались толпы молодежи, а горожане постарше презрительно воротили носы. Они помнили, что еще двадцать лет назад обладателей замысловатых причесок в стране не жаловали, а кое-кто застал времена, когда за голову кенола платили неплохие деньги.

Кочевники изо всех сил старались показать, что они уже не те варвары, что веками посягали на благополучие и целостность славной Тувосарии, а скромные овце-тигроводы и, по совместительству, артисты.

Каждая группа кочевала в определенном условном секторе, но иногда они пересекались, обменивались новостями, молодежь знакомилась, создавались новые семьи и, иногда, отделялись в самостоятельную группу. Друг друга они называли соседями, хотя, между двумя группами могло быть приличное расстояние.

В этом лагере было человек пятьдесят, столько же тигров и в пять раз больше овец. Почти все уже спали, суета со сбежавшим тигром быстро улеглась, и люди пытались выспаться из ночи как можно больше.

По периметру лагеря горели большие лампы, заправленные душистым маслом — отгоняли непрошенных гостей и обозначали территорию.

В качестве извинения, нам предоставили маленькую крытую повозку. Шатров сегодня не разбивали, наутро собирались отправиться в путь. Кенолы двигались к столице, с заходом по все попутные поселения, в том числе и в Тридорожье.

Заснуть в пропахшей тиграми и терпкими благовониями повозке я не смогла. Лежала на жестком матрасе и лениво разглядывала узоры на цветной ткани, как в детстве — дедушкин ковер.

Вообразить, что я лежу в своей старой кровати не получалось. У нас дома всегда пахло свежестью, не было сваленных кучей тюков и разноцветных подушек. Не висели под потолком связки трав, расписные мешочки и звенящие украшения: сияющие звезды, луны, замысловатые иероглифы, поддельные драгоценности и кристаллы с искрами внутри. Дед был и остается аскетом. Он часто говорил, что вся эта мишура лишь отвлекает от сути. На чистом холсте проще нарисовать свою картину, чем пытаться создать шедевр поверх чужого яркого и бессмысленного рисунка. Он бы и от ковра избавился, но, подозреваю, что хранил его из сентиментальности, одно из немногих проявлений слабости.

Спутников моих, судя по всему, ностальгия не мучила. Кот, так вообще едва оказался под столь желанной, хоть и несколько условной крышей, моментально уснул. Остальные тоже ворочались недолго, и только я упрямо таращилась на украшения, поблескивающие в случайно проникших под тент лучах.

Но не меня одну привлекли кенольские безделушки. Сложенный у низкого дощатого борта багаж зашевелился. Из сумки Кота высунулось маленькое угловатое создание с коленчатыми лапками и невзрачными крылышками, перебралось Коту на грудь, ощупало лицо и беззвучно взвилось к потолку. Кристаллы мелодично зазвенели, чем окончательно зачаровали существо. Ловкие лапки вцепились в самый крупный камень и принялись его откручивать от связки.

Поначалу я хотела прогнать вредителя, но его явление из Котовой сумки навело на мысль, что оказалось оно там не случайно.

Я потрясла мага за плечо.

— Кот. Кот, проснись! Твой мелкий приятель портит чужое имущество, — я не повышала голос, чтобы не разбудить остальных.

Кот разлепил веки, поводит расфокусированными глазами и собрался снова заснуть.

— Это твое? — я ткнула пальцем в пыхтящее существо. Камень был закреплен на славу. — Или я прогоню его.

Наконец, Кот сообразил, чего от него хотят и поднялся.

— Ильфредита! — просипел он. — Маленькая негодяйка, ты как выбралась?

Из сумки появилась бронзовая клеточка и Кот пояснил:

— Фея-ищейка. Их шеттеры-землекопы используют, чтобы находить залежи драгоценных камней и металлов. Натаскал ее на всякие магические штучки, но, видно, вспомнила молодость. Брось бяку! Хम्म...

Кот, не глядя, сунул возмущенно пискнувшую фею в клетку и взялся за бречащую связку.

— Это что такое? — Приглянувшийся ищейке мутно-белый кристалл оказался в руках у Кота без каких-либо усилий. — Интересно. — Он отвел полог, чтобы лучше рассмотреть предмет в свете уличных ламп. Кристалл брызнул серебристыми искрами. — Очень интересно. Надо бы его изучить.

— Брось бяку! — повторила я его же слова. — Хочешь обокрасть тех, кто нас приютил?

— А перед этим напугал до полусмерти. — Кот нахмурился, но так и не донес камешек до своей бездонной сумки. — Кенолы сами те еще плуты. Наверняка стащили у кого-нибудь.

— Видно совести у тебя совсем нет, — разочарованно протянула я.

— Совесть тут не при чем, — насупился Кот, но безделушку вернул. — Что если это опасный артефакт? Я, может быть, хочу спасти неразумных кочевников от последствий, которые обрушатся на их головы.

— И хочешь, чтобы они обрушились на твою? — Усмехнулась я. — Будь это важным артефактом, его бы не оставили тут без присмотра.

— Может, они не знают, что он важный. Стащили красивую цацку и все. О! Или специально повесили, чтобы нас проверить!

— Тем более. Тогда это чистой воды провокация. Тебе проблем мало?

— Вы чего шепчетесь? — Вилли поднял взъерошенную голову.

— Пытаюсь вылечить твоего друга от kleптомании.

— Чего? — не понял Кот.

— Бесполезно, — усмехнулся более сообразительный Вилли и перевернулся на другой бок.

Коту надоело препираться, и он снова завернулся в одеяло, но уснуть не смог. Ворочался, пока в рассветных сумерках не раздались ободряющие возгласы кенолов. Лагерь оживал. Готовили завтрак, кормили животных, впрягали тигров в повозки. За час все собрались и тронулись в путь.

Тигры были крупнее и выносливее лошадей, а кенольские повозки лучше приспособлены к движению по пересеченной местности. К обеду на горизонте показался золоченый шпиль с реющим на ветру красным флагом. Кот мрачно заворчал. Долго искать Единорожку не придется, вот он, как на ладони, на холме за городом.

Повозка перевалила через холм, и Тридорожье появилось перед нами во всей своей немудреной красе.

Застраивали городок как попало. Большие трех-, четырехэтажные дома с вереницами окон соседствовали с аккуратными коттеджами под красными черепичными крышами, вычурные усадьбы прятались за высокими заборами, а рядом, виноградной гроздью лепились друг к другу старые кособокие лачуги. Окраины щетинились облетевшими садами, городская стена носила чисто символический характер, каменная на въезде, в бедняцких районах она превращалась в подгнивший штакетник, а кое-где, и вовсе, сходила на нет.

Три дороги — с запада, востока и юга пронизывали город корявыми трещинами, соединяясь в центре. Городскую площадь украшала башенка ратуши (не такая, правда, высокая как башня Единорожки). Маленькие улицы ветвились, множились и исчезали за стеной, за которую уже давно вышли городские постройки, как подошедшее тесто из слишком маленькой миски. Теперь границу города отмечали столбы со стальными «лопухами», как в Моховых Полянах.

Наконец, у меня появилась возможность узнать, что это за странные футуристические конструкции, благо спутники мне попались всезнающие и болтливые. Иногда, даже слишком.

Меру с Котом в очередной раз ругались в кибитке. Мирно они сосуществовали ровно до того момента, когда Кот говорил или делал очередную глупость, а поскольку занимался он этим регулярно, праведный гнев Меру без конца обрушивался на лохматую Котову голову. Иногда мне казалось, что он делает это специально, чтобы позлится подругу.

Пока друзья шумно выясняли, кто прав, кто виноват, мы с Вилли сидели на длинной лавке позади козел и тарацились по сторонам. Самый рассудительный из магов с удовольствием ответил на мой вопрос, заодно и возницу развлек.

Так вот, с «лопухами» была связана странная история. Почти четверть века назад старый король Туво 12 ни с того, ни с сего велел установить такие столбы по всей стране. В народе их называли драконьими глушилками. Тем удивительнее, что драконов никто не видел уже очень давно. Мнения народа разделились. Одни считали, что старина Туво окончательно впал в маразм, другие — что зреет нечто ужасное, о чем народу не говорят, но все и так догадываются. В итоге назрела только череда бунтов — самые деятельные решили, что глушилки поставлены, чтобы поджаривать мозги честным гражданам Тувосарии и принялись столбы ломать.

(Кот на миг замолк, высунулся из-за полога и заявил, что версию с поджариванием мозгов горячо поддерживает, Меру отозвалась, что Коту уж точно не о чем беспокоиться, и разборки продолжились). Вилли только усмехнулся, попытался усмирить кудрявую бороду и продолжил:

— Бунтовщиков схватили. Одних в рудники, других на север, ледяные сосны валить. Домой никто не вернулся. Напророченных ужасов не дождалось. Со временем, все успокоилось. Никто теперь на глушилки внимания не обращает. Привыкли.

— Выходит, из-за глупой прихоти короля пострадало столько людей?

— Может то и не прихоть. Времена были беспокойные.

— Я слышал, на одну из северных деревушек напал-таки дракон, — Кот устал ссориться с подругой и втиснулся на лавку между нами, — лет пятнадцать назад, кажется. Говорят, дракона на куски разорвало.

— Кто говорит? — Меру подседа ко мне с краю.

— Люди.

— Глупости. Тогда бы ее не глушилкой, а разрывалкой назвали.

— Вот она, явилась. Светоч знаний в юбке.

Угасший, было, спор возобновился с новой силой.

С севера Тридорожье огибала река, и попасть в город можно было, только миновав широкий каменный мост. Кенолы в город не собирались, пересекли реку и вернулись на бездорожье. Тут мы с ними и расстались. Кочевники принялись разбивать лагерь на холме между западной и южной дорогами, а мы направились в город.

Украшенное красным флагом здание располагалось у восточной дороги, попасть в него можно было, только пройдя город насквозь. И тут появилась неожиданная проблема. Под красным флагом находился крупный игорный дом, а помимо него в городе было еще три трактира с таким же названием (по одному у каждой из дорог, соответственно: Западный, Восточный и Южный Единорожка). А еще, с десятков мелких забегаловок («Копытце Единорожки», «Хвост Единорожки», «Единорожка и Дракон» и тому подобное), так что понять, в каком конкретно заведении Ниим встретил Антона, было непросто, если вообще возможно.

На мое замечание, не многовато ли единорогов на один сравнительно небольшой город, Кот разразился заковыристой руганью, а Вилли объяснил, что мифическое рогатое создание вытеснило почти все обычные заведения, а те, что остались, держались на честном слове и таких принципиальных ребятах, как Кот и компания.

— Тебе точно туда нужно? — отдышавшись, спросил Кот.

Мы как раз проходили мимо втиснутой между грязно-серыми домами харчевни «Толстяк Единорожка». По сравнению с прочими городскими постройками, забегаловка выглядела пряничным домиком посреди тролльевого болота. Даже булыжная мостовая у входа начищена до блеска. Резные дверцы беспрестанно открывались, пропуская внутрь голодных и выпуская на улицу сытых и довольных горожан. Выплывающие вслед за людьми запахи вызывали обильное слюноотделение даже у принципиального Кота. Толстый полосатый тезка вороватого мага, вольготно развалившись под окном, лениво гонял лапой невесть как очутившегося посреди города нарха.

— Другого выхода нет. Мне нужно кое-кого найти, а единственная ниточка ведет в Единорожку, — вздохнула я, непроизвольно сглатывая. Да, непростой день мне предстоит.

— А может, к демонам его? — предложил Кот. — Пойдем с нами! Мы сегодня заночуем в городе, а завтра двинем в Вассу. Ехать туда прилично, заодно, обдумаем одно дельце.

— Знаю я ваши дела, — проворчала я. С удовольствием послала бы Антона к демонам и еще дальше, но прежде его нужно найти.

— Если передумаешь, мы в «Черной Лилии» будем. И осторожнее, не нарвись на охотников!

Мы попрощались. Ребята спешили убраться подальше от манящих и таких обманчивых, по словам Кота, запахов. Перед уходом он еще раз предупредил меня об опасности единорожьей пищи. Мог бы и не стараться, денег у меня все равно не было, и я всеми силами отгоняла мысли о недостижимом ужине.

День обещал быть долгим. В двух похожих, как близнецы забегаловках (надраенные полы, белые занавески, круглые, забитые посетителями столики, меню, написанное мелом

на стене за барной стойкой, на которую поминутно выставляли подносы с дымящимися тарелками и загадочными свертками) Антона не видели (я не сомневалась, что его непременно бы запомнили), а вот в Западном трактире он останавливался, но давно. Провел всего одну ночь и убрался, раньше, чем другой постоялец уличил его в интрижке с женой. После ухода Антона, трактир стоял на ушах еще полдня.

Пухленькая розовощекая подавальщица рассказывала мне это с легкой обидой и злорадством. Наверняка, Антон и ей глазки строил, но в итоге выбрал более состоятельную даму. Вполне в его духе.

Я поблагодарила девушку и вышла на улицу. Стоило ли обходить все городские заведения или сразу пойти в игорный дом? Антон, без сомнения, нацелился бы на крупную рыбу, но мог ли там кутить Ниим с дальним родственником — не слишком состоятельные ребята? Маленькие харчевни можно было сразу исключить — слишком просто и благообразно. Завтрак, семейный ужин или обед занятого человека — да. Но кутеж подзаработавших ловцов представить в пряничных домиках нереально. Да и с их стороны несолидно упиваться посреди этих салфеточек и бантиков.

В размышлениях я пересекла городскую площадь. Часы на ратуше пробили мне в след четыре часа. Холодный ветер, так странно контрастирующий с отчаянно жарящим солнцем, устроил на площади пылевую бурю. Попавшие в центр вихря прохожие сдавленно заохали, а наряженный в красную шапочку ребенок залиvisto расхохотался, когда ветер сорвал цепочку солнечных цветов с карниза аптеки и унес высоко в небо. Приникший к окну аптекарь отчаянно пытался понять, в какой стороне теперь искать улетевшие фонари.

Я решила, на всякий случай, проверить еще одну из мелких забегаловок. Выяснила у цветочницы, торгующей поздними хризантемами, где находится ближайшая, и свернула в узкую боковую улочку. Извиваясь змеей, она ползла среди каменных серых и оштукатуренных желтых домов. Соединенные поверху арками и переходами, они нависали четырехэтажными громадами. Закопченные окна таращились десятками любопытных глаз, в темноте покосившихся дверных проемов шныряли тени, из подворотен несло сыростью и помоями, кучи мусора, облетевшей штукатурки и всякой мерзости встречались на каждом шагу. Благополучие центральных улиц и стерильность Единорожек ввели меня в заблуждение. Тридорожье вовсе не был городом с открытки.

Кто-то меня окликнул, позади послышались шаркающие шаги. Я не выдержала и свернула у захудалого трактира направо. Новая улица выглядела приличнее — потрескавшиеся и облупившиеся углы зданий замазаны штукатуркой, мусора куда меньше, а прохожих — больше.

Я поспешила вернуться в более приличную часть города. Антон ни за что не стал бы бродить в подобных трущобах. Однозначно, нужно идти в игорный дом. Я зашагала по разноцветной брусчатке мимо мелких магазинчиков с высокими застекленными витринами и связками солнечных цветов на карнизах.

Резкое движение в переулке привлекло мое внимание. Под прикрытием (довольно хлипким) пустых ящиков трое оборванцев, увлеченно, пинали четвертого. Я застыла, растерянно оглядываясь. Проходящий мимо мужчина сомнениями не терзался, пробежал взглядом по возне и пошел дальше по своим делам. Пожалуй, я поступила бы также, если бы из-под капюшона распластанного на земле человека на мена не посмотрели два огромных (как мне тогда показалось) зеленых глаза. Отчаяние, страх и обреченная покорность — как все это можно понять по одному лишь взгляду — не знаю, но больше я не сомневалась,

свернула в переулок.

— Эй! Вы что творите?!

Оборванцы, не веря ушам, обернулись. Я и сама сообразила, что поступаю, мягко говоря, неразумно, но отступить было поздно.

— Вам заняться, что ли нечем?

— Может, и нечем, — ближайший ко мне — патлатый — гнилозубо ослабился, — есть предложения?

Я отступила на шаг.

— Есть предложение оставить человека в покое!

— Человека? — фыркнул второй — лысый, со свернутым набок носом. — Это ж дерьмо зеленое, а не человек! — Он брезгливо сплюнул.

Остальные заржали над шуткой приятеля. Жертва доморощенных юмористов по-прежнему сидела в пыли среди сломанных досок и таращилась на меня с ужасом и недоумением. Из разбитых губ текла кровь.

Вот глупый! Давно бы сбежал, пока оборванцы переключили внимание на новую жертву. Я выразительно просигналила недотепе бровями — ноль эмоций.

— Ты в порядке? — я игнорировала гадкие усмешки.

— Ты же знаешь, он не ответит, — кривоносый потер грязные ладони, как муха.

— Обет молчания, — поддакнул третий — без носа вовсе. Посредине плоского лица влажно поблескивали отвратительные розовые отверстия.

Я с содроганием отвела взгляд.

— А нам, страсть как охота поговорить, — подхватил патлатый, — поболтаешь с нами, малышка? — И приблизился еще на шаг.

Тут я не выдержала:

— Да беги же ты, идиот!

Зеленоглазый вскочил, но прежде чем удрать из переулка, ухватил обломок доски и с размаху шарахнул ближайшего отморозка по спине. Старое дерево оглушительно лопнуло, безносый взвыл, изогнулся дугой и, матерясь, припустил вслед за обидчиком.

Я не мешкая, обрушила гору ящиков и выскочила из переулка. Помчалась по улице, выглядывая, куда бы свернуть. Преследователи легко справились с преградой и угрожающе топали следом. У них было преимущество — они знали город, но я бегала быстрее.

Улицы, переулки, подворотни. Я потеряла направление и не понимала, куда бегу. Путанный лабиринт то загонял меня в трущобы, то выбрасывал на людные улицы. Прохожие едва успевали убраться с дороги, посылали мне вслед заковыристые проклятия.

Настырные преследователи разделились. В одном из переулков я едва не столкнулась с кривоносым. Он выскочил из-за угла, с рыком пролетел мимо, хватая меня за плащ, и врезался в закопченную стену. Вытертая почти до дыр замша плаща лопнула, я хлопнулась на бок, перекатилась и, поскользываясь на грязной мостовой, вывалилась на оживленную улицу.

Сердитый всадник замахнулся на меня хлыстом. Я, спотыкаясь, вывернулась из-под самых копыт фыркающей лошади и едва не влетела в толпу высоких мощных людей в мехах и коже.

«Горцы!»

Отбежав метров на сто, я обернулась.

Горные бинти проводили меня смешками и улюлюканьем. Монументальные фигуры,

тагуированные лица и затейливые прически притягивали взгляды даже местных жителей. Прохожие подсознательно старались держаться подальше от этих задиристых ребят. И не зря. Кривоносый не сумел увернуться от столкновения, выскочил из переулка и увяз в радостно загомонившей толпе. Как иронично. Лишиться развлечения и самому стать игрушкой «старших братьев» зеленоглазого лесовика.

Потирая ушибленную руку, я постаралась затеряться в толпе. Но, как назло, валящие навстречу мне люди расступались, презрительно морща носы. После кувыркания в грязи я не сильно отличалась внешним видом от преследователей. Но мне было не до наведения красоты. Где-то еще бродил патлатый тип, и мне хотелось надеяться, что погоня ему быстро надоест.

Я посторонилась и по стеночке пошла вверх по улице. Почти каждый встречный прохожий что-то нес в руках — корзину или мешок. Один тянул тележку с визжащими поросятами, другой украсил себя снизками чеснока и лука, третий обвязался вереницей колбас.

Секрет загадочного шествия раскрылся быстро — впереди шумел редющий к вечеру рынок. Одежные ряды уже свернулись, в мясном остались только одуряюще пахнущие копчености. Я сглотнула набежавшую слюну и едва не подавилась: из-за угла выскочил старый знакомый. Я пригнулась, пробежала под защитой полупустых прилавков, нырнула в овощной ряд и уткнулась в засаленную грудь преследователя.

— Попалась! — Патлатый схватил меня в охапку, окатил смрадным дыханием.

Я обмякла и резко выпрямилась, саданув оборванца макушкой в подбородок. Тот крикнул, разжал руки, но попытался снова меня схватить. Я отшатнулась, нашарила на прилавке поднос и с размаху впечатала в него патлатую голову. Над рынком пронесся звук гонга. Красные осенние яблоки радостно запрыгали по усыпанной огрызками земле.

— Эй, вы чего творите? Охрана! — завопил низенький дедок.

Вот только встречи с охраной мне не хватало! Я юркнула под прилавок, перебежала между рядами и снова сунулась под стол. Толстая торговка завопила, схватила со льда рыбину и хлестнула меня хвостом по щеке. Я в долгу не осталась, сгребла с земли горсть вонючих потрохов и чешуи, запустила в раззявленный рот. Торговка рот захлопнула, а потом принялась яростно отплевываться. Соседка-конкурентка истерически захохотала, но рыбий хвост без дела не лежал. Смех захлебнулся, что-то грохнуло, кто-то завизжал. Я поспешила убраться подальше, а за моей спиной разворачивалось настоящее сражение.

Патлатый не показывался, то ли еще не оправился от встречи с подносом, то ли попал дамам под горячую руку. Дождаться его я не стала, протиснулась между горами пустых ящичков на обширную вонючую свалку.

По кучам гнилых овощей скакали орды крыс и безостановочно стрекочущих сорок. Роились привлеченные дохлятиной и обманчивым осенним солнцем мухи. Под ногами хлюпали зловонные лужи. Стараясь не дышать, я пробралась к хлипкому забору, походя шикнула на мелких вредителей, отчего-то очень заинтересовавшихся моей персоной. Штакетины легко отодвинулись, и я оказалась за пределами свалки на заросшем сухим борщевиком пустыре.

Основательно протоптанная тропинка привела к наглухо закрытым деревянным амбарам. Над пологими крышами маячил шпиль с красным флагом. Оставалось только порадоваться, что убегая от преследователей, я не сильно отклонилась от цели, и возвращаться в город не придется.

За амбарами начиналась широкая, мощеная цветным камнем улица. Плавно забирая влево, она обрастала уютными домиками. Увитые облетевшими виноградными лозами и вечнозеленым плющом заборы быстро закончились, и передо мной раскинулся широкий луг, полого сбегающий к реке.

За темной, лениво ползущей водяной лентой с пучками сухих камышей у низких берегов, на пригорке сиял вывеской игорный дом — миниатюрный замок с россыпью башенок, островерхими черепичными крышами и толпой людей у входа. Восточная дорога огибала здание справа и терялась в лесистых холмах.

По обоим берегам реки желтели немногочисленные неубранные стога, слева от широкого моста на склоне громоздились штабеля ошкуренных бревен.

Я побрела к мосту. Солнце опускалось за город, длинная и тонкая тень ползла передо мной, извивалась змеей на щетинистых кочках. Холодный ветер утих, но с юга напоздали пока еще тонкие, золотые в закатных лучах облака.

Адреналин погони схлынул, опасность миновала, но меня все еще трясло. Едва ли те отморозки будут меня искать, но кто их знает? А еще одной погони я не выдержу: тело крутило от перенапряжения и усталости, ноги подкашивались. Я свернула с дороги к уложенным кривым шестиугольником бревнам, с маленькой укромной площадкой внутри.

Земля в центре пяточка была утоптана, у одной из «стен» лежал отполированный брус-скамейка, кто-то уже освоил секретный уголок. Хотелось бы надеяться, что не мои новые «друзья», но сил искать другое укрытие не было. Я рухнула на скамейку и вытянула дрожащие ноги.

Была осень. В лужах отражались пожары кленов и рябин. По небу неслись низкие угрюмые тучи. Прохожие кутались в куртки и плащи, с трудом удерживали норовящие вывернуться наизнанку зонты. Серые громады высоток нависали над городом в немом вопросе: что вам, людям, дома не сидится? Я задавалась тем же вопросом, но Фарид упрямо тащил нас сквозь непогоду на книжную ярмарку. Иногда он становился на редкость упрямым и целеустремленным. И какой бы идеей фикс не загорался его мозг, окружающие сполна ощущали все прелести сопутствующих ее воплощению «приключений».

Не то, чтобы я не любила читать, скорее это давалось мне с трудом. Деда мои проблемы не беспокоили, а понятие «дислексия» было незнакомо. Главное — внуки физически здоровы и могут навалить тем, кто их обижает. Чем я и занималась на протяжении нескольких лет, пока директор школы, наконец, не поговорил с дедом о моем поведении. Поведение изменилось, репутация — нет, что не помешало мне обзавестись друзьями и подругами.

Зато младший брат любил читать с раннего детства, именно благодаря ему я справлялась со школьной программой, пока в моей жизни не появились аудиокниги. У Алика тоже неплохо получалось, но он предпочел проводить время в притоне своих дружков, пуская слюни на вонючем матрасе.

После школы я уехала за тысячи километров от дома, наивно полагая, что поступление в престижный столичный университет позволит стать человеком с большой буквы, как любил выражаться дед, и поможет вытащить из болота и брата, и весь наш городок. Увы, сейчас меня от дома отделяло нечто большее, чем тысячи километров, но думала я о том дождливом осеннем дне.

Фарид бредил Ирвеоном с тех пор, как я отдала ему найденную в поезде книгу. Яркая обложка и красивые иллюстрации сразу же привлекли мое внимание. Я даже немного почитала, но не впечатлилась. Ни соседи по купе, ни проводники не знали, откуда книга взялась, и я решила оставить ее себе. Очень уж красиво она была оформлена. Не почитаю, так хоть картинку посмотрю.

Зато Фарид нырнул в вымышленный мир с головой. А потом и всех нас втянул. Я знала, что приятель так просто не отвяжется и покорно (хотя и вполуха) прослушала все двенадцать томов. Книги были написаны хорошо, но не цепляли. Ну, фэнтези, ну драконы, ничего особенного. Уж точно не стоят того, чтобы тащиться сквозь ураган на встречу с писателем.

— Ты что?! — возмущался Фарид. — Это ж первая в истории встреча с Беловым. Он крутой, но очень скрытный. Интервью не дает, с читателями не встречается, а его автограф — вообще мифическая штука, как единорог! Что если, это — наш единственный шанс?!

— Не удивлюсь, если он сбежит, едва тебя увидев. Чуть меньше энтузиазма, приятель, чуть меньше, — Пашка — вечно усталый очкарик — похлопал Фариду по плечу.

Перед павильоном гудела толпа. Мы пришли одними из последних, когда двери уже открылись, и море голов запрудило ярко освещенный зал.

Слева от входа бросался в глаза огромный плакат с изображением лесистых гор в облаках тумана и склоненных друг к другу заснеженных пиков. Я сразу узнала Врата Духов. Художник, оформлявший книги Белова, однозначно, был гением. В каждой иллюстрации чувствовалась жизнь и я уже подумала, не купить ли себе артбук, но тут раздался грохот и

свет погас.

Я потеряла уставшие глаза. Пока я балансировала на грани сна и собиралась с силами, стемнело. Небо затянуло тучами, воздух набух в ожидании дождя. Из бревен сочилась бледно-голубая смола, собиралась каплями, но не падала на землю, а поднималась вверх и смешивалась с хороводом огоньков, кружащих над импровизированной беседкой.

Толстые голубовато мерцающие щупальца обнимали меня за плечи, но стоило пошевелиться, беспрекословно отпустили, разочарованно ощупали плащ и втянулись в толщу бревен.

Я вскочила, перебирая в памяти *слова*, но так и не нашла подходящих. Обычно, они всплывали сами собой, но не в этот раз. Что означало... Я ковырнула носком сапога утоптанную траву, та на удивление легко поднялась. Из прорехи показался кусок каменного пола. Стыки плит бледно светились. Прекрасно! Я заискивающе улыбнулась и бочком выбралась из чужого пристанища.

Это ж надо было сложить бревна вокруг разрушенного храма! Благо, его обитатель оказался, скорее, любопытным, чем голодным. Его регулярно подкармливали, а может, и бревна специально положили, чтобы никто не догадался о вернувшемся божестве. Голубые огоньки вытянулись длинным щупальцем и покачивались, будто махали мне вслед.

Я, наконец, спустилась к мосту. Запах тины и речной холод щекотали ноздри. В легком тумане под мостом кто-то возился, чихал, поминая короля и демонов одинаково нехорошими словами.

Игорный дом сиял огнями, слышались взрывы смеха и аплодисментов. У входа прохаживался огромный лысый охранник, услужливо пропуская желанных клиентов и ловко выпроваживая нежеланных.

Справа от входа, на широкой вымощенной камнем площадке стояло несколько экипажей, кучера лениво резались в карты, обмениваясь шуточками. На столбах по периметру площадки и вдоль дороги от самого моста висели гроздья солнечных цветов и вездесущие «глушилки».

Про Антона охранник ничего не знал (ну, разумеется!) и внутрь не пустил.

— Вход для совершеннолетних, — ухмыляясь, он кивнул на выцветшую неразборчивую табличку.

— Я совершеннолетняя!

— Документ покажи. Если нет — проваливай.

Разумеется, документов у меня не было. И я бы, пожалуй «провалила», если бы ко входу не подкатил богатый экипаж. Невысокий, но мощный шеттер в плаще с откиннутым капюшоном важно прошествовал мимо охранника. На черной коже блестели золотые татуировки, с обеих сторон к гостю липли юные красотки в легкомысленных нарядах. Вышибала учтиво поклонился, даже дверь приоткрыл.

— Эй! Им же не больше шестнадцати!

— Со взрослыми можно, — снова ухмыльнулся охранник и тут же нахмурился: — вали отсюда, пока я добрый.

— Возмутительно!.. — Слова застыли в горле. Дверь приоткрылась, выпустив двух злых, проигравшихся вдрызг господ, но мне на них было плевать. В ярко освещенном зале мелькнула знакомая светлая макушка. Охранник отточенным движением перехватил меня, закрутил руку за спину — не вырвешься!

— Антон!

Дверь захлопнулась, а он даже не повернул головы, был слишком увлечен рыжеволосой девицей.

Вышибала поднял меня как пушинку и перенес шагов на десять от входа, поставил на жухлую траву.

— Обычно я не такой добрый, — он наставил на меня толстый кривой палец, — но сегодня у меня хороший день. Поэтому я повторяю: проваливай! Еще раз увижу — будешь плескаться под мостом, тебе не помешает. Ясно? — Он ткнул пальцем меня в плечо, развернулся и ушел на пост, демонстративно вытирая ладони о штаны.

Плечо пульсировало, будто по нему саданули молотком. Да, такой щелчком ногу перешибет. Не будем нарываться. Подождем.

Я вышла за пределы освещенной площадки, обошла здание по широкому кругу. Позади «замка» за высоким забором располагались хозяйственные постройки, но проникнуть через них не получилось — вдоль ограды вышагивал еще один громила с собакой на поводке. Логично. В игорном доме крутились огромные деньги. Пришлось уйти, тем более из приоткрытых (и зарешеченных) окон кухни одуряюще пахло едой. Желудок вспомнил о своих непосредственных обязанностях, и, кажется, начал переваривать сам себя.

Вокруг заведения было людно. Посетители постоянно сменялись, экипажи отъезжали и подъезжали. Пятеро обритых на лысо лесовиков чинно прошагали мимо вышибалы (тот, едва дверь закрылась, брезгливо сплюнул). Дверь тут же отворилась, выпустив на улицу статную даму в меховом манто и тощего коротышку с огромным носом и в шляпе с пером. Носач семенил за дамой и неразборчиво бормотал. Группа рыжих толстяков нестройно пела какие-то гимны, слоняясь по округе. Кто-то ругался, кто-то рыдал. Из-за стогов на берегу раздавались взрывы хохота.

Темнота за границей освещенного солнечными цветами участка только казалась непроглядной. Над рекой завивались кудрями бледно-зеленые туманники, жуки-бородачи подманивали самок золотистыми наростами под жвалами, а в прорехах туч изредка показывался тусклый месяц.

Из-под моста ругались еще яростнее. Я осторожно заглянула через перила.

— Проклятый Тоер! Чтоб у него руки отсохли! Швырнул меня в это болото! Я ж его вот такусеньким глистом помню, чтоб из него вурдалаки седло скрутили, и он до конца дней возил вонючие кенольи задницы! А, чтоб вас! Помяни ублюдков к ночи...

Над городом вспыхнул огненный фонтан, потом еще один. Фейерверки свистели и грохотали так, что все окрестные собаки еще долго не могли успокоиться — вторили обитателю подмостья. Тот высказал все, что думает о хитрых, сволочных кенолах. А думал он о них, по всей видимости, часто и много.

— Эй, у вас там все нормально? — улучив момент между тирадами, я свесилась с моста.

— Конечно! Просто великолепно! Люблю перед ужином искупаться в тухлом болоте! Давай, парень, присоединяйся! Чем спрашивать глупости, лучше бы помог старику выбраться!

Я перелезла через невысокий бортик и спустилась по пологому склону.

Под мостом в куче плавника копошилась колония речных светлячков. Завидев меня, они притушили яркие фонарики и затаились. Берег обрывался почти вровень с водой. От реки несло водорослями и мокрой шерстью.

В зарослях камыша возился весь изгвазданный илом человек. Семейка водняков на

маленьком плоту, воткнувшемся в опору моста, замороженно следила за ним огромными круглыми глазами, изредка тыкая в спину обломками длинных тростин.

Я выбрала из сухого плавника палку подлиннее.

— Идите сюда, хватайтесь!

Палка оказалась с гнильцой, из древесины выступила липкая слизь, испачканные руки скользили, дважды я сама едва не рухнула в реку, а от постоянно ворчащего человека помощи было не больше чем от мешка с песком. Наконец, взмокнув и измазавшись с ног до головы, я сообразила, что не только водняки решили сегодня поразвлечься.

— Сотто-сотто!

Камыши разочарованно всхлипнули. Спасательная операция ускорилась. Перепачканный мужчина неопределенного возраста, придерживаясь за палку, сам выбрался на берег. Я погрозила воднякам пальцем, обошла камышовые заросли и принялась смывать с рук и лица вонючую слизь.

— О, гляди-ка, девица! — неподдельно удивился вечерний купальщик. — Да, глаза мои уже не те. С такими глазами старина Туво меня нипочем бы не нанял. Но что ж поделать, годы берут свое. Позвольте представиться: Бонтир, архитектор, служил в свое время у Его Величества Туво Двенадцатого, — он приосанился, одернул испачканный жилет, пригладил растрепанные волосы.

— Приятно познакомиться, господин архитектор, — буркнула я, пытаюсь смыть с плаща засыхающий ил. Бонтир отмываться не спешил, стремительно превращаясь в илистую статую. — Таира, спасательница сирых и убогих.

— Господин! — восхитился архитектор, пропустив мимо ушей сирых и убогих. — Ну, надо же, господин! Или мерещится?.. — На всякий случай прочистил мизинцем ухо.

— Вы бы поосторожней, — я отчаялась отмыться и, отряхивая ледяные от воды руки, подошла к архитектору, — тут камышовые угри развелись. В другой раз можете не выбраться.

— Это все Тошка, злодей, — Бонтир мотнул головой, — что б ему... Но, не будем о грустном. Я поражен! Еще остались в наше время люди, способные прийти на помощь бескорыстно! — Он выжидательно посмотрел на меня, ничего не дождался и продолжил: — благодарю. Если я могу быть вам чем-то полезен — не стесняйтесь. Помогу чем смогу. В долгу не останусь.

Сообразив, что просить плату за спасение я не собираюсь, архитектор принялся заливать соловьем и обещать золотые горы. С каждой тирадой меня обдавало волнами перегара. Общий вид спасенного, даже без учета грязи, был потрепанным и неопрятным: невымытые волосы, недельная щетина с проседью, жилет в заплатках, а хлюпающие речной водой сапоги и вовсе перевязаны бечевкой, чтоб подошва не отвалилась. Колоритный вид дополняла манера чередовать возвышенные речи с площадной руганью.

— Сомневаюсь, что вы поможете мне попасть в Единорожку.

— Да, тут я бессилен, — согласился Бонтир, ловко скovyривая корку грязи. Зря я в воде морозилась, засохший ил легко отваливался кусками, не оставляя следов. — В прежние времена я, без сомнения, был бы там желанным гостем. Передо мной бы открывали двери, а гад Тошка кланялся так низко, что задница смотрела бы в небо, но увы. Времена не те, — он проводил мрачным взглядом компанию хохочущих парней и девушек. — Да, наше время прошло, настало время... Тсс... Слышите? — Архитектор замер с поднятым пальцем. — Если что, вы меня не видели! — И юркнул под мост.

Не знаю, что уж он имел в виду, но для меня, кажется, настало время очередных неприятностей.

Не дожидаясь двух размашисто шагающих к мосту мужиков, я направилась к ближайшему стогу. Оттуда отлично просматривался выход из игорного дома. Антон, наверняка, задержится допоздна, а так мне не придется слоняться по темноте, трепать и без того уставшие ноги.

Стайка туманников увязалась за мной. Мужики — один высокий, в коротеньких штанах, второй кряжистый в широченной рубаше — сменили направление и двинули мне наперерез.

— Эй, девка! Стой!

Я тяжело вздохнула и обернулась. Тоер, сложив руки на груди, с любопытством вглядывался в темноту. Прежде чем идти ко мне, странная парочка, издалека распространяющая канализационный дух, коротко переговорила с вышибалой.

Я приготовилась бежать, но оказалось, что искали мужики Бонтира-пройдоху, безрукого вонючку. И какой демон их попутал, нанять этого пропойцу починять нужник. Самого бы его в том нужнике искупать. И как он только умудрился к королевскому двору примазаться. Всем в уши лил, что замок проектировал, а тут слив нормально прочистить не может. Бездарь, раздери его гроон.

Я честно сказала, что понятия не имею где он. Был, но ушел. Расстроенные мужики обежали округу, даже под мост заглянули, хотя я не упоминала, каким именно путем горе-архитектор ушел, но никого не нашли.

Вышибала разочарованно отвернулся, а я забралась в душистое, уютное сено.

Подумать только, стога стали мне почти домом родным. Так я сама скоро в нарха превращусь. Последние, кстати, были тут как тут. Устроили войнушку с туманниками, прицельно обстреливая духов нектаром, а духи носились над стогом кругами и сбрасывали на паразитов бомбы из концентрированного речного тумана.

Вскоре воздух вокруг поля битвы сгустился от запахов тины и амброзии и потрескивал зеленоватыми молниями. Пришлось малышню приструнить, чтобы не сожгли ненароком мое убежище.

Маленькие мерзавцы не успокоились, перебрались на другой стог и продолжили резвиться. Но до чужого сена мне дела не было, не стала им мешать.

Вышедший из игорного дома освежиться на воздухе мужчина долго не мог понять, вправду ли среди поля сияет мертвенной зеленью стог или ему на сегодня хватит. Почесал в затылке и, от греха подальше, потащился в город.

Я таращилась на мотающиеся туда-сюда двери игорного дома, а мысли мои начинали путаться и уноситься в прошлое.

Не помню, как я оказалась на улице. Очнулась на скамейке в сквере. Лил дождь, меня трясло от холода, страха и неизвестности. Разгоряченный мозг никак не мог соединить два кусочка воспоминаний: я смотрю на плакат «Наследия Ирвеона» и в следующий миг дрожу на скамейке под ледяным дождем. Что произошло в промежутке? Как я оказалась в сквере? Загадка.

Воздух разрывало от воя сирен, неразборчиво скрежетали громкоговорители, кричали люди. Ноги не слушались. Мне оставалось только сидеть и судорожно вытирать с лица то ли дождевые капли, то ли слезы.

Друзья нашли меня спустя час. Все перемазанные сажей, растрепанные. Фаридова

куртка была разорвана на спине пополам и болталась двумя лоскутами. Из Пашкиных очков выпало одно стекло, а второе треснуло. Жанна выглядела лучше остальных лишь потому, что ее готическое одеяние и так было сшито из ассиметричных черных лоскутов. Если что-то и изменилось, сразу не разберешь.

По официальной версии в павильоне загорелась проводка. По неофициальной — кто-то нарочно устроил поджог. Слухи и байки копились и множились. Винили радикалов, правительство, иностранных провокаторов и экстремистов. Кое-кто приплел даже масонов. Но, как бы то ни было, отделались все сравнительно легко. Ушибы, легкие ожоги и несколько переломов — вот и весь ущерб. Не считая уничтоженного павильона, сгоревших книг и перепуганного писателя. Последний зарекся впредь показываться на люди и скрылся в неизвестном направлении. Поклонники его не винили.

Я тысячу раз пожалела, что согласилась в тот день пойти на злополучную встречу. И меня не оставляла мысль, что я забыла что-то важное, поэтому я регулярно, как убийца на место преступления, возвращалась в тот самый сквер, в надежде вспомнить хоть что-нибудь. Изредка, в памяти всплывала тень мысли, и тут же исчезала. Ускользящее воспоминание злило меня, заставляя подолгу торчать на месте давно снесенного павильона, раз за разом прокручивая в памяти тот день.

Друзья, не на шутку обеспокоенные моей одержимостью, советовали обратиться к специалисту, но я пыталась вырулить сама и только сильнее запутывалась.

А в один из зимних дней, недалеко от того самого сквера, я встретила Антона. Если подумать, в моей жизни всегда было слишком много случайных встреч. Есть такая категория людей, с которыми постоянно что-то происходит. Неприятности всегда находят нас, или мы сами в них радостно влезает.

В тот день был сильный снегопад. Улицы замело. Снежные шапки лежали на карнизах домов, на столбах и проводах, дороги тонули в серой «каше». Город превратился в одну большую пробку. Водители ругались, пешеходы ворчали, и только дети и собаки носились по парку, одинаково радуясь пушистым сугробам.

Я уже собиралась возвращаться домой, но тут из-за поворота аллеи на меня наскочил человек в длинной бежевой куртке и светлых джинсах. Я рефлекторно отшатнулась, а он схватил меня за плечи, и как щит выставил перед собой. Следом за ним из-за живой изгороди вывалилась сердитая запыхавшаяся девушка в белом пуховике и сбившейся на затылок шапке.

— Ложкарев! Я тебя предупредила, ты добегаешься! Только попробуй еще раз ей позвонить!

— Я тебя не понимаю!

— Не прикидывайся дурачком! Все ты понимаешь.

— Думаю, это не твое дело! Мы сами как-нибудь разберемся.

— Разбирайся с другими своими подружками, а мне надоело выслушивать бесконечные жалобы! Я тебя предупредила, — повторила девушка и только теперь заметила меня.

— И что будет?

— Увидишь, — мрачно пообещала она, поправила шапку и с достоинством удалилась.

Я, наконец, почувствовала свободу, обернулась и застыла. Мы не виделись почти семь лет, но второго такого блондина по фамилии Ложкарев сложно было представить.

— Ненормальная, — выдохнул мой изрядно возмужавший друг детства и добавил: — извини, если напугал.

Если он и узнал меня, то вида не подал. Засунул руки в карманы куртки и ушагал прочь, как ни в чем не бывало. А я все стояла под фонарем и пыталась успокоить бешено скачущее сердце.

С утра зарядил мелкий дождь. Низкие тучи капитально обложили небо. Солнце, если его не сожрали какие-нибудь местные демоны, вылезать из облачной пелены не планировало. Вместе с солнцем из мира исчезло все, кроме ближайшего стога и угла игорного дома — густой туман лежал над землей тяжелым пологом, нагнетая и без того унылую обстановку.

Я сидела, обхватив колени, и хмуро рассматривала храпящее рядом тело в обрамлении влажных соломинок. Морозящий дождик никак не мешал моему непрошенному соседу смотреть приятные, судя по выражению лица, сны. Нархи, поймав мое настроение, поглядывали на гостя мрачно и выжидательно.

Антон спал, как младенец. Я даже полюбовалась пару секунд, но сразу себя одернула. Один из паразитов, с оглядкой на меня, сунул ему за пазуху щепотку трухи. Я пожалала плечами и отползла в сторону. Нархи остервенело принялись за дело, пока я не передумала. Напихали трухи и колючек Антону в носки, в штаны, за пазуху и за шиворот, напустили в волосы мелких жучков и, напоследок всыпали в нос ярко-зеленой пыльцы. Одним словом, оторвались.

Антон, не просыпаясь, почесал за ухом. Открыл глаза и чихнул. Потом еще раз, и еще. Непонимающе огляделся, почесал под мышкой, поскреб спину, снова чихнул и больше не останавливался.

Из покрасневших глаз текли слезы, из носа — сопля. Он чихал и чесался, снова и снова. Нархи заливались беззвучным хохотом, мне было жаль его, но помочь я ничем не могла. Сквозь пелену слез Антон, наконец, разглядел меня.

— Что ты... апчхи! ...делала... апчхи! ...дура! Апчхи!

— Ничего я не делала.

— Врешь! Чхи-чхи-чхи! Отомстить решила, дрянь! Апчхи!

Вот как?! Дрянь, значит!

— А если и так? — Я вскочила, уперла руки в бока. — Ты меня бросил! Одну, на пустоши! Я проснулась, а вокруг сидят какие-то ползучие твари! И слюнки пускают! Жребий бросают, кто первым мне голову откусит! Повезло, что по деревьям они лазить не умеют. Я полдня сидела, как ворона на ветке, пока они не убрались! Но, конечно, к чему тебе думать о какой-то дряни?!

Антон прочихался, высморкался в два пальца, уставился на меня дикими красными глазами. От красоты не осталось и следа — лицо опухло, волосы стояли дыбом.

— А чего ты хотела? Чтобы я с тобой нянчился? Взял за ручку, отвел домой к мамочке? Ах, прости, забыл!

Я открыла рот, но промолчала. Отвернулась. Дождь усилился, я спряталась под плащ, но капли все равно ползли по лицу.

— Я просто хотела, чтобы мы вернулись домой. Хватит с нас этого всего, — я говорила спокойно, но внутри меня колотило от горечи и злости.

Антон рассмеялся безумным смехом.

— А ты, и правда, дура! Считаешь себя защитницей всего и всех? Вечно лезешь, куда не просят! Хочешь показать, какая ты хорошая? Очнись! Мир не вращается вокруг тебя! И

помощь твоя нахрен никому не нужна! Но тыэтого не понимаешь. Ты как мелкая глупая псина, скачешь вокруг хозяина, лаешь на прохожих, а укусить не можешь. Зубы не выросли еще! Вернуться домой! — Он снова рассмеялся. — Это невозможно. Пойми, наконец. Невоз-мож-но!

— Должен быть способ! — Я пропустила мимо ушей оскорбления, хоть они и вбивались прямо в сердце, как гвозди. — Здесь есть маги. Они помогут.

— Маги? Не смейся! Но, если вдруг получится, не забудь передать пламенный привет своему кудрявому приятелю. Хотел бы я видеть его лицо в тот момент!

— Фарид здесь не при чем!

— Ошибаешься. Он-то как раз при чем. Но куда тебе, ты дальше своего носа не видишь. Да, я представляю... — он застыл с открытым ртом, так и не закончив фразу. Только тарачился мне за спину и хрипел.

Туманный полог вдруг исчез, будто кто-то сдернул его одним быстрым движением. Тихий утренний Единорожка подернулся рябью, как отражение в воде. Воздух зазудел, завибрировал на грани слышимости, и меня едва не сбил с ног непонятно откуда взявшийся порыв ветра.

Я повернулась, чтобы посмотреть, что же так напугало Антона, но на меня набросили темное дурно пахнущее покрывало, схватили поперек живота и сдернули со стога. Я охнула, радуясь, что не ела со вчерашнего утра, и забилась в странно теплых рельефных кандалах.

Вонючее покрывало откинулось и уже я сама вцепилась в своего похитителя. От земли меня отделяло метров тридцать, не меньше. Внизу, как укушенный, вопил Антон.

Меня швырнуло в сторону. Мимо пронесся вибрирующий ступок. Похититель поднялся еще выше и дальше. Сверху загремел голос:

— Передай Шоссу, я буду ждать его через три дня на рассвете в Пепельном Ущелье. Если не успеет или не принесет выкуп, труп его дочурки будет болтаться на мертвом дереве к полудню!

Рывками меня поднимало все выше, но я успела заметить, что Антон прекратил орать, оскорбительно помотал рукой и сполз со стога.

У моста скакала и бросалась в воздух камнями одинокая фигурка. Кажется, это был Бонтир. Увы, ни один камень уже не мог достать моего похитителя, мы поднимались все выше и выше.

Далеко внизу в прорехах облачного моря мелькали поля, леса, реки, озера. Пронеслась горная гряда, и снова зарыбились поля. Ноги затекли от долгого висения, но я боялась лишней раз пошевелиться. В голове крутилась одна мысль: «Как же страшно, но как круто!».

Потом, сидя в темноте на холодном полу, когда меня перестала колотить крупная дрожь, я, наконец, смогла собраться с мыслями. Очевидно, мои похитители (а было их двое, и они изредка перебрисывались вполне мирными фразами и шуточками, без обсуждения подробностей моего повешенья) ошиблись, перепутали меня с дочкой некоего Шосса. Ничего себе, ошибочка, конечно. С похищением и перелетом через полстраны. Моего отца звали вовсе не Шосс и в Ирвеоне его, разумеется, не было. Родители последние три года жили в Чили, изредка присылали короткие письма, в перерывах занимались медитациями и поиском вдохновения, и никакой выкуп заплатить не смогли бы. Не в этом мире, по крайней мере.

Теперь осталось понять, как бы объяснить похитителям, что они ошиблись, к Шоссу я никакого отношения не имею, а страсти с Антона денег не получится тем более. Да чего уж там, он скорее заплатит, чтобы отделаться от меня навсегда. Поторопились, упустили верную возможность заработать.

Но объяснять ничего не пришлось.

Спустя примерно полчаса, скрипнула дверь, зашуршало, грохнуло. Кто-то выругался. Чиркнула спичка. Желтый огонек показался ужасно ярким, а когда загорелись целых четыре свечи, я, и вовсе, зажмурилась.

Темнота рассеялась. Я сидела в невероятно захламленном помещении. Прямо передо мной стоял заваленный бумагами стол, на нем, в опасной близости от стопки пожелтевшей бумаги стоял подсвечник с потеками воска на тусклых рожках, справа на границе света возвышался книжный шкаф, слева за каменными перилами чернела пустота. Всюду валялись бумажки, тряпье, куча подушек. Пахло пылью, плесенью и старой бумагой.

В пятне света появился высокий мужчина приятной, но какой-то уплывающей внешности — отвернешься и не сможешь описать, как он выглядел. Пожалуй, его можно было назвать худым — темная одежда скрадывала фигуру, русые волосы чуть выше плеч выглядели тусклыми, единственное, что привлекало внимание — очень светлые глаза с легким прищуром. Он обошел стол и замер. Брови поползли вверх.

— ..., Черный, кто это? — Он растерянно посмотрел в темноту за перилами.

— Дочка мэра Шосса, — ответила темнота тем самым голосом, который назначал встречу в Пепельном Ущелье. Сейчас голос звучал тише, но был таким глубоким и бархатистым, что у меня заслезились глаза.

Мужчина поморщился.

— А не ослеп ли ты, часом? Если это дочка Шосса, то я его внука! А я не девица, если ты не заметил.

— Да и она не парень, — фыркнула тьма.

— Удивительно... Черный, не морочь мне голову! — Похититель отступил и растерянно потер лоб.

Тьма дрогнула, над перилами проступила громадная черная голова, проникла в комнату, зависла передо мной. Меня приморозило к полу, дыхание перехватило, а сердце

заколотилось, едва не выпрыгивая из грудной клетки. Два огромных глаза, глубоких, как горные озера смотрели внимательно и, как мне показалось, с усмешкой.

— Хм...

Меня обдало горячим дыханием. Кажется, недавно дракон сжевал охалку перечной мяты, по крайней мере, пахло от него удивительно приятно. Мятой и молоком.

— Действительно. Странно... — Голова на длинной шее двинулась дальше, осмотрела комнату, будто надеясь, что я прицепилась за компанию, а нужная заложница вот-вот найдется.

— Не валяй дурака, никого здесь нет и ты прекрасно это знаешь, — похититель отпихнул наглухо голову, сунувшуюся под стол.

— А может... — Дракон положил голову на перила и забавно свернул губы трубочкой.

— Хватит, и так все понятно, — похититель смахнул бумаги на пол, уселся в высокое кресло и спрятал лицо в ладонях. — Идиотская была затея. Я ни на что и не надеялся.

— Да будет тебе! Он весь вечер с той девчонкой обжимался. Откуда ж я знал, что это не она?!

— А глаза тебе на что?!

— Эй! Там был туман! И ты, кстати, тоже там был! — вскинулся дракон.

Я кашлянула. Они уставились на меня, будто на оживший стул.

— Я извиняюсь, если вы и сами поняли, что ошиблись, может, вы меня отпустите, а потом будете отношения выяснять? — Поначалу живой дракон напугал меня до чертиков, но теперь вся эта ситуация скорее забавляла. Но на всякий случай, я добавила: — я этого Шосса даже не видела ни разу. Да никто за меня и копейки не даст. В смысле, кона. Ну, так что? У вас тут, знаете ли, прохладно.

Похититель поднялся, перегнулся через стол.

— Почему она на полу-то сидит?!

— Промахнулся чуток, — дракон смущенно хмыкнул, — она ж такая маленькая.

Так вот для чего тут подушки! Ну, надо же! Подготовились, молодцы какие!

Похититель тяжело вздохнул, подошел, протянул руку.

— Вставайте, вредно на холодном сидеть.

Дракон надулся и скрылся в темноте.

— Так вы меня отпустите?

— Да, разумеется...

— Хозяин, — дохнула темнота, — а где твоя маска?

Хозяин дракона изменился в лице, схватил себя за щеку. Ну да, неразумно похитителю показываться перед жертвой, особенно, если он собирается эту самую жертву отпустить. Но мне попались на удивление неорганизованные преступники.

— Простите, — безлико произнес он, — придется вам у нас задержаться.

И тут меня прорвало. Сказались все ночевки под дождем, и злобные селяне, и охотники, и духи, и Антон, и весь этот гребанный мир. Нет, сидеть тихонько в уголке и рыдать — не по мне. Я хотела одного — поскорее проснуться от этого дурацкого бесконечного сна и каким образом он закончится — не имело значения. Ждать и терять мне нечего.

— Вы издеваетесь?! Похищаете среди бела дня, а потом заявляете, что маску надеть забыли? Seriously? Забыли? Вот так просто, слетали за тридевять земель, а маску забыли? Выкуп попросить не забыли, пообещать повесить не забыли, а маску забыли! Да бог с ней, с маской, я тут при чем? Я почему должна торчать в этом вонючем подвале из-за вашей

глупости? Я не знаю ни Шосса, ни его дочки, ни вас! И мне плевать какие у вас там счета и отношения! Я тут вообще не при чем, а вы заявляете, что мне придется задержаться? Ну, уж нет! Пусть лучше ваш дракон сожрет меня! Как же меня все это достало! Весь этот бред, весь этот мир! Вас только не хватало до кучи! Ненавижу вас всех!!

Я кричала, дрожа от злости, и тыкала похитителя пальцем в грудь. Тот отступал, хотя я едва достигала его подмышек. Места для маневра не осталось, он уперся спиной в шкаф и неожиданно рывкнул так, что подсвечник на столе подпрыгнул:

— Прекрати орать!

Кажется, он стал еще выше.

— Сам прекрати! — прохрипела в ответ. Я сорвала голос, но останавливаться не собиралась.

— Ты меня насквозь проткнешь! — Он схватил меня за руку.

— Не страшно, у мира не убудет! Тут таких раздолбаев — каждый второй!

— Что?! Да ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?!

— Да мне плевать! Не знаю и знать не хочу!

Тьма взорвалась, комната задрожала. Стекла в шкафу звенели, стены вибрировали, пламя на свечах колыхнулось, едва не погаснув. Мы замерли, держась за руки, как застигнутая врасплох парочка.

Дракон хохотал, и от этого смеха могли сдвинуться горы. Похититель отпустил мою руку, вышел из-за шкафа, принялся разбирать бумаги. Стол ходил ходуном, с потолка сыпалась штукатурка.

Я выдохнула. Злость отступала, на ее место приходили усталость, стыд и, чего уж там, страх. Зря я сорвалась. Конечно, никто не давал им права меня похищать, но эти двое были меньшей из моих бед. Всего лишь последней каплей. И точно не стоило кричать и называть глупцом и раздолбаем хозяина здорового дракона. Но, что поделать, сорвалась... Еще и палец, кажется, себе вывихнула.

Дракон, наконец, просмеялся, вынырнул из темноты.

— Слушай, она мне нравится. Давай ее оставим? Натравим на кредиторов. Да они нам сами доплатят, помани мое слово! Точно! Найми ее. Все почестному, за деньги.

— Не говори ерунды, — скривился хозяин дракона, вытряхивая из волос свалившуюся со шкафа пыль, — какие деньги?

— Будешь за еду работать? — нашелся дракон.

Я не собиралась участвовать в их бессмысленных разговорах, но моему желудку предложение понравилось. Дракон снова захохотал:

— Похоже, она согласна!

Похититель, не отрываясь от уборки, ухмыльнулся. Стол потихоньку приходил в порядок, а кучи на полу, наоборот, росли и ширились.

— Не будем мы никого нанимать, — решил он, — и уж тем более — натравливать. Она же не собака! Тем более, наше общество ей не слишком приятно, в чем я ее, кстати, совершенно не виню, — он коротко глянул на меня, — хватит уже безумных идей.

— Так что мы будем делать? — заинтересовался дракон.

— Мы — ничего, а ты возмешь нашу случайную гостью и отнесешь туда, где взял.

— И принесу дочку мэра?

— Нет! Никого приносить не надо! Туда и обратно. Быстро и без всяких... залетов. Только к Единорожке не приближайся, в этот раз чуть не задело.

— Понял, — буркнул дракон, — а как же, — он повертел глазами.

— Черный, отстань! Меня видела куча народу и ничего страшного не случилось.

— Но ты не притаскивал эту кучу к себе домой! — резонно возразил дракон.

— А мы попросим нашу гостью не распространяться о ее маленьком путешествии. Тем более, она меня не знает.

— Глупо! Даже ребенок способен сложить два и два...

Хозяин дракона выгреб из кармана горсть безделушек, покопался, выбрал одну, протянул мне.

— Возьмите.

— Вдвойне глупо! — вытаращился дракон.

— Мне от вас ничего не нужно. Я не собираюсь никому ничего рассказывать. Можете быть спокойны, не нужно меня подкупать.

— И не пытался. Я... хочу извиниться. Знаете, про меня много чего болтают. Хотя, сейчас, судя по всему, уже меньше. Но, тем не менее. Я не какое-то там чудовище, пожирающее младенцев и похищающее девиц. — Он, смущенно, кашлянул. — По большому счету мне плевать, кто и что обо мне думает, просто не хочу быть еще одной причиной вашей ненависти к этому миру. Возьмите. Пожалуйста.

Дракон фыркнул и снова спрятался.

Я взяла маленькое колечко. В потемневшей филигранной основе поблескивал черный овальный камень. Сбоку угадывалась витиеватая буква «А».

— Оно серебряное. Не очень дорогое, но все же.

— Глупо его отдавать, — не унимался дракон.

— Я уже понял, что ты считаешь меня идиотом, Черный, — вызверился хозяин дракона. — Отдавать или нет — мое дело. Тем более, это уже не имеет никакого значения! Снявши голову по волосам не плачут. Кажется, так ты говорил? Уходите.

Недовольный дракон опять влез в комнату, но тут где-то внизу раздался страшный грохот. Хозяин встрепнулся, зыркнул на дракона. Тот молниеносно исчез, зазвенел чем-то в темноте.

Грохот не прекращался, будто кто-то бил в огромный гонг, эхо удваивало и без того жуткий звук. Похититель схватил канделябр и выскочил из комнаты. Я колебалась всего секунду. Дверь открыта, меня никто не держит, а сидеть в темноте и ждать пока похитители снова передумают... Ну, уж нет!

За дверью оказался высокий коридор со стенами из крупных серых камней, вытертым неопределенного цвета ковром и барханами пушистой пыли на полу. Коридор немного забирал влево, изредка в круг света попадали резные деревянные двери — все по левой стороне. Наконец, впереди показалась ведущая вниз лестница, такая же темная и запущенная, как и все вокруг, а за лестницей — снова коридор. Мы побежали в обратную сторону и, спустя минут десять, достигли очередной лестницы. Все это время гонг не стихал и замолк лишь перед тем, как мы начали спускаться.

Тут свечи не понадобились, окон не было видно, но откуда-то сочился бледный свет, превращая все вокруг в пепельно-серое.

Похититель оставил подсвечник на полу и припустил быстрее, а я наоборот замедлила шаг. Все вокруг было невероятно огромным. Широченная мраморная лестница с мощными резными перилами ступеней через пятьдесят разделялась и двумя гигантскими полу-бубликами спускалась в обширный зал. По краям зала стояли пустые постаменты, пол

усеивали обломки статуй. Дальше вниз шла еще одна лестница, шире предыдущей, она полукруглым водопадом стекала в неподдающийся описанию холл. Там тоже царила разруха.

Одна из створок высоченных металлических дверей была приоткрыта. За ней будто росли райские кущи — дневной свет полосой врывается в царство полумрака, высвечивал обломки мрамора, обрывки ткани, куски железа и дерева. В столбе света кружили пылинки и продолговатые полупрозрачные «медузы-ангелы», не хватало только дивных песнопений, но в огромном помещении царила тишина.

Стены этого титанического зала походили на своды пещеры — сплошь покрытые вертикальными наростами, сталактитами и сталагмитами. При детальном рассмотрении в них находился определенный ритм, а время спустя проступали силуэты, странные, необъяснимые, пугающие. Широкие колонны поднимались от пола, чем выше, тем больше каменных «ветвей» отделялось от «ствола», под необъятным потолком они сплетались между собой, и свисали вниз сотнями острых граней.

Хозяин пугающих чертогов далеко не убежал. Остановился на площадке перед двойной лестницей, осторожно осматривал холл из-за колонны. Дракона видно не было, но кто-то ходил внизу, шуршал, швырялся камнями и изредка покрикивал:

— Эй! Властелин! Ау! Ты дома? Темный Властелин-и-ин! Это курьер! Я принес письмо Ау!

Наконец, курьер показался из-за края лестницы. Под мышкой он тащил голову статуи, сумка трещала по швам. Он и туда, что ли камней напихал?!

— Давно надо было дверь заколотить... — выругался мой похититель и заорал во все горло: — Черный! Где тебя носит?!

Дракон выскочил из-под лестницы, распахнул крылья. Впервые показался целиком. Он был огромный, полностью черный, с матовой шкурой, поглощающей свет. Будто кусок тьмы посреди серого пыльного зала. Широкие ремни удерживали на спине черное кожаное седло. Маленький в сравнении с драконом человек присел и на полусогнутых рванул к двери. Дракон оглушительно рыкнул.

— Поджарь его, Черный! — зло рявкнул хозяин.

Дракон замешкался, обернулся, недоуменно распахнул голубые глаза.

— Давай же!.. — мужчина осекся. Курьер вытянул из-за пазухи знакомый прибор.

— Черный, беги! — Я сама поразилась, услышав свой голос.

Дракон повернул голову, раскрывая пасть, и тут курьер выстрелил. Пламя ударило выше двери в сплетение каменных ветвей, а дракона бесформенной кучей темноты отбросило назад под лестницу. Курьер с выпученными глазами осмотрел глушилку, а потом выстрелил еще раз и еще.

— Скотина! — рыкнул хозяин, взмахнул правой рукой, вытягивая из левой ладони клочок черного пламени, скомкал в тугий шар и с размаху зашвырнул в курьера.

Тот выстрелил в ответ. Сгусток пролетел между нами, я отшатнулась, чувствуя головокружение. Лестница поплыла. Я присела за перилами, успев заметить, что черный огненный шар пролетел гораздо выше двери, уродливой кляксой размазался по стене, прожигая камень, а курьер пулей вылетел в проем и захлопнул дверь. Рядом со мной, как подкошенный, рухнул хозяин дома. Секунду спустя обрушилась часть стены, наглухо заваливая двери.

В холле столбом стояла пыль. Крупные обломки уже успокоились и только мелкие камушки все еще осыпались со стены и потолка. Среди них весело резвились «медузы». Из-под лестницы валил пар.

«Говорят, дракона на куски разорвало»

Ха! Да он просто испарился!

У моих ног сломанной куклой лежал хозяин испарившегося дракона, не подавая признаков жизни. Пульс едва нащупался с пятого раза. Совсем слабый. В лице не было и кровинки, черты заострились. Я похлопала его по щекам. Сначала легонько, а потом от души. Бесполезно.

Я спустилась к месту битвы. Пар рассеялся, дракон все-таки нашелся, но тоже в невменяемом состоянии.

— Да вы издеваетесь?!

Я, в сердцах, пнула длинный черный хвост и пошла осматривать дверь. Увы, выход был скрыт за горой обломков. Мне понадобится минимум месяц, чтобы его расчистить, при условии, что я смогу сдвинуть самые крупные камни под полтонны весом. При этом питаться я буду, очевидно, драконятиной... или дракониной?.. Я нервно хихикнула и продолжила осматривать завал. Нет, тут мне не выбраться. Нужно искать другой выход. Ох, ё... От двери холл и лестница выглядели еще внушительнее, аж дух захватывало. Если тут такая «прихожая», какого же размера сам «домик»?!

На полу среди пыли и камней белел продолговатый конверт со вставшим на дыбы единорогом-пони. Ну конечно. Куда без него? Я подняла причину всех бедствий. Буквы принялись разбегаться и скакать туда-сюда. Я зажмурилась, подышала. Текст успокоился. Хм... Интересно.

«Наронетор. Темная Башня. Властелину.»

Обратного адреса нет.

Однако, опасная работа тут у курьеров. Драконы, властелины... Стоп. Это та развалина на лестнице что ли Темный Властелин?

«Я не какое-то там чудовище, пожирающее младенцев и похищающее девиц»

Боги, помогите мне...

Кое-что про Темного Властелина я слышала. В основном слухи делились на нелепые, вроде того, что владыка тьмы ворует овец по селам и подглядывает за девками в бане и жуткие: якобы он сжигает деревни пачками, ворует младенцев чтобы, то ли взрастить из них темное воинство, то ли высосать души, и тем самым продлить свою бесконечную жизнь во мраке. В связи с этим и представление о повелителе ужаса колебалось от свихнувшегося старикана до некоего метафизического существа, нематериального, но жуткого.

Ни под одно из описаний валяющийся в обмороке человек не подходил. Из чего, опять же можно было сделать два вывода: слухи, как всегда, лгут, либо он вовсе не Властелин. Думать и гадать не хотелось. Беготня по коридорам и лестницам лишила меня последних сил. Руки мелко дрожали, ноги подкашивались.

— Если я сейчас чего-нибудь не съем, тут будет три трупа, — я осмотрелась, в бесплодной надежде, что помимо письма курьер оставил чего-нибудь съедобного, например, зажаренного целиком барана.

— Можешь откусить от хвоста, только немножко, — прошелестела бесформенная черная куча.

— Черный, ты живой? — Я вытянула шею, не решаясь подойти ближе.

— Одной глушилки маловато, чтобы меня прикончить, — он не двигался, а голос был совсем слабый.

— Я думала, ты испарился.

— Пфф... Не смейся. Это всего лишь глушилка, приятного мало, конечно, мигрень потом неделю, но не смертельно. Подойди, пожалуйста.

— Ага, хочешь местами поменяться? — Я отступила на шаг.

— В смысле?

— В смысле, откусить немножко.

Он снова фыркнул.

— Да не едят драконы людей, успокойся. Гадость какая... Надо ж до такого додуматься. — Он едва ворочал языком. — У меня в голове сейчас звонят колокола. Много колоколов. И пока они не заткнутся, я не смогу сдвинуться с места.

— А я тут при чем?

Он помолчал, собираясь с силами.

— Тут только один выход. Для людей один. Он за твоей спиной. Как ты понимаешь, воспользоваться им непросто. Но есть и другой, только без меня ты выйти не сможешь. Помоги мне, а я потом помогу тебе отсюда выбраться.

Логично. Но я все равно колебалась.

— Не ты ли еще час назад предлагала себя съесть? А теперь боишься, хоть я и сказал, что есть тебя не собираюсь. Странные вы, люди, — он умолк.

Подловил.

— Чем я могу тебе помочь?

— У меня на боку сумка. Достань из кармана баночку с черной крышкой.

Я с опаской поглядела на перевернутую «ладонью» вверх лапу. Когти торчали обсидиановыми ножами. Ничего себе, маникюр! Я приблизилась еще на шаг.

Он лежал очень неудобно, голова прижата к боку, еще и крылом сверху прикрыта. Сложиться так, чтобы приманить жертву, по меньшей мере, глупо.

Я подлезла под перепонку, кое-как сдвинула длинный страшный коготь. Глаза дракона были закрыты, из уголка приоткрытой пасти стекала слюна. Я потянулась к боковой сумке.

От прикосновения дракон едва ощутимо вздрогнул, а я застыла с баночкой в руках. Шкура на ощупь оказалась теплой, бархатистой и удивительно приятной. Именно за счет бархатистой текстуры создавался матовый эффект. Прятаться в темноте с такой шкурой — милое дело. А потом выпрыгивать на ничего не подозревающую жертву. И откусывать голову. Прямо целиком. С такой челюстью — раз плюнуть.

Но ни выпрыгивать, ни что-либо откусывать он не стал. Он не мог даже пошевелиться. И больше не говорил.

— И что мне с ней делать? — Я вернулась к драконьей голове. — Черный?..

Дракон молчал. Прекрасно!.. Я откупорила банку, сунула нос под крышку и отпрянула. Резкий запах ментола и тины вышибал слезу. Почему бы и нет? Поводила баночкой перед драконьим носом, а потом, повинувшись неожиданной мысли, зачерпнула маслянистую зеленоватую массу, растерла в пальцах и провела ладонями по огромному лбу, помассировала виски. Людям при головной боли помогает. Вдруг и дракону станет лучше?

Мазь быстро впиталась, но я продолжала зачарованно гладить бархатистую шкуру. И от этих несложных манипуляций мне самой становилось легче и спокойнее на душе, будто

гладишь огромного кота. Забывшись, я почесала дракона под подбородком, там шкура была очень нежной и мягкой. Он заурчал, но тут же опомнился, кхекнул и приоткрыл глаза.

— Кажется, помогает, — протянул он. — Терпеть не могу эти глушилки... Положи ладони на глаза. Ага, вот так. Класс... Хорошие руки. Жаль, раньше мне не попались, я бы давно тебя украл... В смысле, пригласил сотрудничать, — он снова приоткрыл глаз, а я не удержалась от смешка.

— Так дело в руках или в мази?

— И в том и в другом.

— И часто тебе нужно такое... сотрудничество?

— Не очень. Я осторожный, так глупо не подставляюсь. Не знал, что они ручные бывают. Раньше только на столбах висели. — Он помолчал и продолжил: — Однажды мне крепко досталось из-за них. Но там было еще десятка четыре вил, топоров и прочего сельхозинвентаря. И полдеревни злобных мужиков.

— Так это ты на ту северную деревушку напал?

— Пфф... Напал. Подумаешь, погнался за одной овцой. Двумоной.

— А говорил, не ешь людей, — я отстранилась.

— Это долгая история, не отвлекайся, еще звонят... колокола. Откуда об этом знаешь?

Он подвигал хвостом, попробовал перевернуть лапу, но не смог ее поднять.

— Знакомый рассказал. Не думала, что ты тот самый. Он говорил, того дракона на части разорвало.

— Твой знакомый не сильно преувеличил. Однако не понимаю твоего удивления. Других-то нет.

— В смысле? Кого нет?

— Драконов. Я единственный.

Да, люди болтали, что драконы давно вымерли, но я никогда не придавала значения их словам. Они и духов не замечали, что не мешало тем свободно шнырять у людей под носом. А тут информация из первых рук. Лап, то есть.

— А как же все эти истории про драконьи войны? Переселение фортеров, Звезды Запада? Алторейские истории? Что там еще?..

Черный смотрел на меня с открытым ртом.

— Так это было тысячу лет назад! Нашла, что вспомнить. С тех пор все изменилось, — он снова закрыл глаза, — хотел бы я знать, откуда ты об этом знаешь...

— Выходит, драконы вымерли?

— Не знаю, — нехотя протянул он, — я все проспал. Не удивляйся. Однажды я заснул и проснулся в пещере, замурованный, а вокруг никого. Оказалось, что я проспал лет сто или больше. Не знаю, куда все подевались. Я вообще почти ничего не помню. Так, обрывки. Вся моя жизнь — последние семнадцать лет... Так, погоди, — он вскинул голову, — а где Арон?

— Арон — это твой хозяин?

— Ну да, кто ж еще?

— И он Темный Властелин?

— Так и знал, что догадаешься, — он прищурился, — как узнала?

— Ему письмо, — я показала конверт.

— Давай сюда.

— Ты Темный Властелин? Нет. И я — нет, а он — да. Ему и отдам.

— Гляди, какая принципиальная, — надулся дракон, — и колечко, смотрю, нацепила.

Хм...

Я отдернула руку. Кольцо я надела еще в коридорах. Так его проще сохранить, можно не бояться, что из кармана выпадет. К тому же оно отлично подошло на указательный палец, сидело, как влитое. И никаких «хम्म...»!

— Так где Арон? — Дракон пошевелился, размял лапы. Похоже, моя помощь была больше не нужна.

— На лестнице, — я подхватила банку и посторонилась, пропуская медленно выползающую громаду, — похоже, его тоже зацепило глушилкой.

— Не может быть. Глушилки для людей не опасны, а уж для него, подавно, — дракон покачнулся, но устоял, — вот раздолбай!

— Что? — Я ухватилась за перила, прижимая банку к груди. Слабость вернулась, еще и тошнота накатывала волнами.

Дракон, не решаясь поднять лапу, мотнул головой. Над дверью, даже после обрушения остались оплавленные следы черного пламени.

— Ведь знал, чем все закончится, и все равно выпендрился, — Черный заковылял наверх.

— Он тебя защитить хотел, — я слышала свой голос, словно через слой ваты, — и, кстати, ручные глушилки для людей тоже опасны. А я, кажется, сейчас... — банка выскользнула из ослабевших рук и разлетелась тысячей осколков. Над разрушенным холлом поднялось ментоловое облако, лестница накренилась, закрутилась в узел и пропала вместе с драконом и всем миром.

Мне было шестнадцать, когда я впервые, на дне рождения друга, выпила бокал красного вина. Я отчетливо помню удивленные лица друзей, а после — недоуменный взгляд чайки. И промежуток между этими взглядами начисто пропал из моей памяти.

Впоследствии друзья рассказывали, что я вела себя как обычно: не буянила, веселилась вместе со всеми. Мы гуляли, купались в море, потом друзья проводили меня домой и со спокойной совестью разошлись, но проснулась я у дверей городской администрации, вся перемазанная краской. Стены здания были исписаны лозунгами в поддержку бездомных животных и еще какими-то бредовыми требованиями, вроде: «Нет индейским резервациям!» и «Руки прочь от желеиноного мармелада!».

Помимо чайки рядом имелись дворник и мой дед.

Пришлось потом выслушивать длинную лекцию о вреде алкоголя (будто я не знала) и перекрашивать стены. У меня и раньше была так себе репутация, но вандализмом я никогда не занималась, а кроме того, понятия не имела, как выбралась из дома и где достала краску.

В другой раз одноклассники на выпускном, забавы ради, подмешали мне в лимонад шампанское. Утром меня нашли на карнизе магазина. Похоже, я пыталась стащить флаг, но не дотянулась, так и уснула там, в выпускном платье. С тех пор я всегда принимаюся к напиткам. Во избежание...

В третий раз провал в памяти случился во время пожара на книжной ярмарке, но там дело было не в алкоголе. Похоже, я грохнулась в обморок, а какой-то добрый человек вынес меня на улицу. За что ему большое спасибо. В Ирвеоне с добрыми людьми напряженка, зато тут есть хорошие драконы.

В комнате было темно, ноздри щекотал запах пыли с едва уловимыми нотками мяты. Я приподняла голову и бессильно уронила ее на подушку. В этот раз дракон не промахнулся. Я ощупала непривычно мягкую перину. Тело не слушалось, а сознание уплывало.

На границе сна и яви мне почудилось, что в комнате я не одна, но реальность уже смазывалась и исчезала. Мне снова снилась наша комната. Кто-то перекрасил стены в бледно-зеленый, а вместо штор повесил жалюзи. Жанна тоскливо смотрела в окно. Наверное, опять поругалась с парнем. Я пробормотала нечто ободряющее, но она лишь фыркнула и вылетела в окно.

Я открыла глаза. В комнате стало светлее. В глиняных плосках на стенах светилась желтая, синяя и зеленая плесень. Неяркие огни позволяли рассмотреть обстановку.

Помимо кровати, на которую меня сгрузил дракон прямо в одежде и сапогах, в комнате стоял массивный стол, два стула, заваленные кучей одежды и полотенца, и шкаф с резными дверцами. Многослойные пыльно-зеленые занавески отделяли комнату от темного балкона. Между кроватью и балконом помещалась медная ванна на изогнутых ножках, маленькая жаровня и коробка со стеклянными пузырьками и прочими банными принадлежностями.

Пол устилал зеленый ковер, стены скрывались под старинными гобеленами, с ярким, но однообразным сюжетом: все баталии да сражения. Был еще, правда, медведь. Здоровенный, рыжий, с открытой пастью и мечом в лапе, тоже на фоне невнятной битвы.

Я сползла с кровати, обошла комнату, и едва не прослезилась, когда за неприметной дверцей нашелся самый настоящий туалет. Неужели я в раю?! Как мало, оказывается,

человеку нужно для счастья...

Еще одна дверь — высокая с резными вензелями — вела в темный коридор. Я поскорее ее захлопнула, задвинула щеколду и вздрогнула, когда из тусклой рамы, притаившейся между дверью и шкафом, на меня посмотрел лохматый чертенок. Я отступила на шаг, и чертенок отступил, я ему помахала рукой, он помахал в ответ. Давненько я не видела своего отражения и лучше бы не начинала.

«Личико маленькое, сморщенное, а глаза желтым огнем горят»

Мда...

Ну, допустим, не сморщенное, а исхудавшее, одни глаза и остались. Еще бы рога на лохматую голову да вилы в руки, и можно гонять за грешниками. Не удивительно, что Властелин растерялся, когда меня увидел.

Я рассмеялась, вспомнив нелепую сцену, скинула грязную одежду, отодвинула жаровню и с головой погрузилась в ароматную, даже слишком горячую воду.

— О, проснулась! — Драконья морда выглянула из-за штор.

— Эй! — Я швырнула в него мочалкой.

— Ой, прошу прощения! — Он скрылся на балконе.

— Так вот кто на самом деле за девицами подглядывает, — буркнула я, заворачиваясь в полотенце, — не Властелин, а его дракон!

— Подумаешь, было один раз. Я ничего толком и не рассмотрел... — он помолчал и осторожно добавил: — я там из одежды кой-чего положил. Посмотри, может, подойдет. Считай это платой за... доставленные неудобства. На столе молоко и хлеб.

— Спасибо! — Я натянула слишком большие тапочки и, прямо в полотенце, прошлепала к столу, одним махом выпила полкувшина молока и сжевала круглую, не слишком мягкую булку. Увы, такой перекус только раздражил аппетит. — С твоим хозяином все в порядке?

— Да что ему сделается? Дрыхнет пока. Он не слишком умелый маг. Знает одно заклинание и от того вырубается на пару суток.

— Ого, так долго!

Я перерыла одежду, выбрала подходящие штаны и безрукавку. Отложила в сторону балахон с капюшоном и теплую куртку. Все остальное было слишком большим и широким, а мою старую одежду можно было смело отправлять на свалку. Кроме сапог. Они изначально выглядели кучей хлама, но такого удобного и почти родного хлама...

— Так уже больше суток прошло. Скоро проснется.

— Я так долго спала?

Не удивительно, что я такая голодная. В желудке стремительно разрасталась черная дыра, готовая поглотить все на своем пути.

Я быстро переоделась и допила молоко.

— Ага, дрыхла без задних лап, — черная морда опять залезла в комнату. — Хм... Хм! Ты изменилась, — он улегся, по-кошачьи сложив лапы.

— Неужели! Обычно, без слоя грязи, я выгляжу именно так. — Я взъерошила мокрые волосы.

— Мойся почаще. Тебе идет.

— Хорошо, — я рассмеялась, — правда, в Тувосарии с горячими ваннами напряженка.

— Ну, так мы не в Тувосарии. Оставайся. Я тебе водички всегда нагрее. Будем вместе плескаться, — клыкастая морда ехидно оскалилась.

— Размечтался!

— Ладно-ладно, шучу. Но, если хочешь, можешь, и правда, оставаться. Арон не будет против. А места тут полно.

Я села на стул, подобрала под себя ноги. Дракон следил за мной из-под полуприкрытых век. Сейчас он меня совсем не пугал. Скорее наоборот. Черная громада источала спокойствие и странную умиротворяющую силу.

— Значит, так это работает? — протянула я, оценивающе глядя на дракона.

— Ты о чем? — встрепенулся он.

— О твоей магии. Ты ведь что-то сделал? Чтобы я захотела остаться.

— Эта магия называется: горячая ванна! — фыркнул дракон. — Я не собираюсь тебя удерживать. Как только смогу летать — отнесу обратно, если захочешь. Клянусь! — Он торжественно поднял лапу, а в глазах плясали смешинки.

Мда, отбери у человека все, потом дай горячую ванну и он будет готов родину продать... Впрочем, на Тувосарию мне было плевать. Да и в целом, без разницы, где коротать время, вот только...

— А если бы вы не ошиблись, дочке мэра тоже воду грели?

— Почему нет? Мы ж не звери.

Дракон продолжал изучающе смотреть.

— А потом бы повесили, если бы Шосс выкуп не привез?

— Если бы, да кабы. Ты никогда не узнаешь, как бы оно было, потому что все сложилось так, как есть, а не иначе. А прокручивать в голове упущенные возможности и представлять несуществующие ситуации бессмысленно. Все происходит так, как должно, а не как ты себе воображаешь.

— И что это значит?

— Хотел бы я сказать: меньше знаешь — крепче спишь, но сдается мне, это не про тебя.

Дракон от души развлекался, и было непонятно, правду он говорит или то, что я хочу услышать. Его доброжелательность подкупала и это вдвойне настораживало. Так и до паранойи недалеко. Ладно, доверимся интуиции, в конце концов, что я теряю?

— А тут кроме вас есть кто-нибудь еще?

— В Башне? Только я и Арон. Теперь еще ты. А что?

— Кажется, я кого-то видела здесь, — я обернулась к запертой двери, где, как мне казалось, я видела смутный силуэт.

— Кого? — насторожился дракон.

Я пожала плечами:

— Да так, померещилось, наверное.

— Если ты о своем белобрысом дружке, — догадливо прищурился дракон, — то он так быстро сюда не доберется. Это — во-первых. А во-вторых — дверь завалена, ему придется научиться летать, чтобы достать тебя.

— Он и пытаться не будет, — отмахнулась я. — И он мне не дружок! Просто померещилось спросонья. А почему здесь только вы вдвоем живете? Где же все эти приспешники, стража, войско?

— Менее знаешь — крепче спишь, — повторил дракон и ехидно оскалился.

Разумно. Я ведь сама говорила, что не хочу ничего знать, а теперь лезу с расспросами. Но дракон, похоже, поболтать любил.

— Это не моя история, не думаю, что имею право рассказывать ее без разрешения.

Слухов и так полно.

— А я думаю, слухи появляются как раз от недосказанности.

— Не-а. Люди слышат только то, что хотят. Ты им хоть сто раз скажи, что ты бабочка, если видят в тебе паука, так пауком и останешься.

— Не обобщай. Не все слепы.

— У каждого своя слепая зона, — хмыкнул он. — Но если хочешь, можешь спросить о чем-то другом. Когда тебе еще посчастливится поболтать с драконом?

Он самодовольно ухмыльнулся. Но, в целом, был прав. Нечасто выпадает шанс поговорить с древним и мудрым существом. Пусть мне было без разницы, где коротать время, отказываться от цели я не собиралась.

— Ты, наверное, встречал много необычных созданий? — я зашла издалека.

— То есть, дракон для тебя — явление обыденное? — он поджал губы. Для гигантского ящера у него была слишком живая мимика и почти человеческая жестикуляция.

— Так я не о себе говорю. Я тебя спрашиваю. Какое самое странное создание ты встречал?

Дракон задумался, наблюдая за плесенью, потихоньку выползающей из светильников. Чем меньше сияющих частиц оставалось в плосках, тем темнее становилось в комнате.

— Не странное, скорее неприятное. Паразиты. Не люблю паразитов. Вроде бы примитивные, а могут так подгадить, что неделю не отмоешься. Кажется, они знают о тебе больше, чем ты сам. Брр... — он передернул спиной, едва не сорвав занавеску с карниза.

— Но это, ведь, тоже паразиты, — я кивнула на мерцающие узоры на стенах.

— Не совсем. Это, скорее, примитивные духи как светляки или нархи. У духов вообще сложная иерархия. А я говорю об истинных паразитах. Мерзость та еще.

Из истинных паразитов мне встречался только сенной абак. Один из самых слабых и примитивных, но даже он вызывал невольное отвращение. Но интересовали меня совсем не паразиты.

— А что насчет созданий не из Ирвеона?

— А откуда? — заинтересовался дракон.

Я неопределенно повращала кистями рук, а он снова задумался.

— Не припомню, чтобы встречал таких.

— Но, хотя бы слышал?

Дракон снова подвигал губами.

— Я слышал о Духах. Не об изначальных созданиях. А о людях, которых называют Духами. — Он выжидательно посмотрел на меня и продолжил: — слышал, они изредка появлялись тут в прежние времена. И обычно их появление не сулило ничего хорошего. Каждый раз они несли с собой войну, разрушение и смерть. Но, как понимаешь, это всего лишь слухи. Сам я их не встречал, поэтому ничего определенного сказать не могу.

— Они были предвестниками несчастий?

— Сложно сказать, предвестниками или причиной, но они всегда оказывались в гуще событий и были достаточно сильны.

— Для чего?

— Чтобы внушать страх. Даже теперь.

— Но ведь необязательно им было участвовать в войнах? Не думаю, что они этого хотели. Никто в своем уме не будет нести смерть и разрушение. Наверняка они хотели вернуться обратно в свой мир. — Я хмуро следила за передвижением плесени. — И чем все

заканчивалось? Они возвращались обратно?

Смущенная пристальным вниманием, плесень затаилась и поугасла.

— Знаешь, принято считать, что драконы мудрые и всезнающие. Так вот. Я не такой. Я даже имени своего вспомнить не могу. И уж точно не знаю, чего хотели древние полумифические Духи. Почему они тебя интересуют? Сначала драконьи войны вспоминаешь, теперь это. Историю любишь?

— Вроде того. — В комнате стало совсем темно. Я пробормотала: — хааш-тон.

Плесень ссыпалась обратно в светильники и равномерно засияла. Часть духов оказалась на полу, загадочно подсвечивая гобелены снизу. Дракон клацнул зубами.

— Между прочим, твоего имени я тоже не знаю.

Я представилась.

— Забавно, — протянул он, когтем собирая духов в кучку.

— Что тебя забавляет?

— Оказывается, можно общаться, не зная имен.

— До поры до времени. В большой компании, все-таки лучше знать, как к кому обратиться. Не кричать же: «Эй, ты, в розовых штанишках!». Кстати, не думала, что Темного Властелина зовут Арон. Он, правда, Темный Властелин? Не похож на злодея.

— Во-первых, внешность обманчива, а во-вторых, с чего ты взяла, что он злодей?

— Вообще-то вы меня похитили. Не самое доброе дело на свете. Но я сейчас с другом, — добавила я, глядя как дракон скривился, будто съел ведро лимонов. — Темный Властелин — владыка тьмы, абсолютное зло... Разве не так?

— Пф..., - он презрительно сморщился, — типичный обывательский взгляд. Нет никакого абсолютного зла. Как и абсолютного добра, кстати. Мир не черно-белый. А всю эту абсолютную ересь придумали узколобые любители навешивать ярлыки. Проще всего заклеить человека, чем пошевелить мозгами.

— Почему тогда «Темный»?

— Удивительно. Любишь историю, а про Изначальное происхождение не знаешь?

— Да знаю я... люди — дети богов, темные создания — дети демонов. Но Арон ведь не из темных. Он человек.

— Верно, но все гораздо сложнее. Демоны многое дали этому миру, они покровительствовали ремеслам, а люди извратили представление о них. С тех пор как магия стала покидать Ирвеон, связь с богами и демонами истончалась. Век людей недолог, а память еще короче. Немногие сейчас знают об истинном положении вещей. Храмы разрушены, но жизнь идет своим чередом, скользит по накатанной дорожке. Люди живут повсюду, они сумели приспособиться почти к любым условиям. Боги были дальновидны. Они дали своим детям все, чтобы те стали хозяевами мира. Демоны просчитались. Немного есть мест, где их дети способны не просто существовать, как придется, а жить нормальной жизнью. Шеттеры избрали себе подземный мир и устроились, надо сказать, неплохо. Но они всегда шли особняком. Для остальных есть Наронетор — Темное Королевство. Небо здесь всегда затянуто тучами пепла от извергающегося с начала времен вулкана. Свет солнца и звезд не достигает земли, и темные создания живут безбоязненно и трудятся на благо себя, своего Властелина, и прочего мира.

Дракон принял статную позу и вещал как лектор в университете.

Ну, хотя бы темное королевство соответствовало моим о нем представлениям, раз уж с Властелином не вышло.

— И что же они делают для блага мира?

— Помимо банального равновесия, на котором все держится? — дракон скептически скривился. — Оружие, предметы быта, одежда и обувь — почти все это создано в Наронеторе или кем-то из темных. Твои сапоги ведь наши вурдалаки тачали. Когда-то очень давно... А самоходки? Одно из последних изобретений! Смешно сказать, но солнечные цветы изначально выращивали именно тут. За пределами Пепельной Гряды, разумеется. Но все же.

— Я не знала.

— Не удивительно. Сейчас об этом говорить не принято. Зато принято списывать все беды и несчастья на происки Властелина и компании.

— Бедняжка Властелин, — хмыкнула я. — Злые люди его обижают.

— Ха! Лично мне люди не сделали ничего хорошего и благодарить мне их не за что. Но, не пойми меня неправильно. Я лишь пытаюсь объяснить реальное положение вещей. Не сомневаюсь, что и люди и темные совершают и хорошие и плохие поступки. Как я уже говорил, нет абсолютного добра или зла. Но меня коробит предвзятое отношение к огромной группе разных народов.

— Не на пустом же месте оно выросло? Всему есть причина.

— Причин масса. Люди боятся того, чего не понимают. И не любят тех, кто от них отличается. Прежде через жрецов шло просвещение. Теперь люди забыли богов и извратили понятие о демонах. А в целом, темные — такие же, как люди. Со своими особенностями, но не хуже и не лучше.

— Прости, но мне сложно проникнуться любовью к подобным тварям. Я слышала о нападениях на деревни. О том, как чудовища пожирают людей. Да меня саму не раз пытались съесть!

— И не удивительно. Если бы тебя лишили дома и семьи, сводили с ума голод и пляшущее солнце, а каждый встречный пытался убить только за то, что ему не нравится твое лицо, ты бы тоже озверела и кидалась на людей. Я их не оправдываю, но так оно и есть. Я не особый любитель темных. Вот Арон — другое дело. Он всю жизнь с ними возится. Но такая уж у него работа.

— Выходит, он присматривает за этим зверинцем?

Дракон рассмеялся.

— Только при нем так не скажи. Но, в целом, ты права.

— Неважно у него получается, если честно.

— Да, последнее время все немного вышло из-под контроля.

Я сползла со стула, прошлепала к кровати, растянулась на мягкой перине. Слова дракона были созвучны с моими недавними мыслями. Я тоже слонялась по округе, голодала и скрывалась от ловцов. Терпела косые взгляды и насмешки людей. А тот лесовик в переулке? За что оборванцы над ним измывались? Из-за цвета кожи и расы? Везде одно и то же. Неужели люди одинаковы во всех мирах?..

И что, если сказанное Черным драконом правда? О Духах я почти ничего не знала, слышала вскользь, но не придавала значения, а по всему выходило, что я сама и есть Дух? Если так, ничем хорошим мое пребывание в Ирвеоне не закончится.

— Если тебе интересно, — время спустя подал голос Черный, — могу расспросить Арона. Он, конечно, не знаток Духов, но кое-что знает.

Я приподнялась на локтях. Вот и плюс в пользу Властелина. Главное, чтобы он не

догадался, что у меня не чисто научный интерес. Меньше всего мне хотелось оказаться в центре глобальных разборок.

Наш разговор затянулся и дракон, опомнившись, уполз проверить хозяина. Перед уходом он предостерег меня от прогулок по коридорам, не вдаваясь в подробности. Мог бы не стараться. Я не собиралась выходить из комнаты. Кто знает, когда еще удастся поваляться в нормальной постели? Как ни крути, злосчастный курьер сделал мне большое одолжение...

Я подскочила на кровати, бросилась перебирать грязную одежду, но письмо из Единорожки пропало. Вот негодяй! Пока я спала, Черный стащил конверт. Доверяй после этого драконам...

Собиралась ли я его читать? Нет. Просто хотела вручить адресату. Зачем? Сама не знаю.

Я покрутила на пальце кольцо с черным камнем и прислушалась. Едва слышно за дверью прозвучало мое имя. Не раздумывая, я сорвала со стены светильник и распахнула дверь. Что, если мне не померещилось? Наивно, глупо, но что, если?.. Я побежала по коридору на голос. Голубая плесень, словно чувствуя мое возбуждение, светила ярко, до рези в глазах.

Глухие шаги эхом отдавались от стен и потолка, будто кто-то бежал следом, но стоило остановиться, другие шаги тоже смолкали. Я обернулась, выставила руку с плоской, чтобы видеть чуть дальше, но коридор был пуст. Голые серые стены, бурый пыльный ковер, слишком высокие потолки. Впереди, за границей света зашуршало. Я шагнула на звук — снова ничего. Липкий страх скрутился в груди, распустил щупальца, расплываясь по телу и не давая вздохнуть. Я схватилась за ворот, в надежде облегчить дыхание, но воздух стал тяжелым, горячим и не спешил заполнять легкие.

— О! Вот и она! — прошелестело рядом.

Я отпрыгнула. Никого.

— Почему она тут бродит?

— Глупая!

— Говорили не ходить...

— Не бродить по коридорам...

Я крутилась на месте, но не видела никого, а голоса все шептали и шептали, завораживали, лишали возможности думать, стирали из памяти все *слова*, заглушали прочие звуки. И только сердце стучало как ненормальное. Плесень вдруг забурлила, прыснула в стороны и меня поглотила темнота. Я отбросила бесполезную плоску и побежала. Что-то мягкое коснулось руки, я вскрикнула, отпрыгнула в сторону. Голоса хохотали и потешались и только один едва слышно пищал: «Сюда! Сюда!».

Грудь разрывало от недостатка воздуха, а сумасшедшее сердце стучало в голове. Бродить в темноте — то еще удовольствие, а уж бежать и подавно. Я спотыкалась, врзалась в стены, пыталась найти выход из бесконечного слепого лабиринта. Слева мелькнула ослепительная золотая полоска. Свет! Три шага назад как целая жизнь. Дрожащими липкими от пота руками нашарила ручку — холодную и такую реальную, что едва не разрыдалась от облегчения, потянула на себя.

Слишком ярко. Я зажмурилась, но, не раздумывая, шагнула вперед и захлопнула за собой дверь.

В рогатом подсвечнике горели всего две свечи, а я едва не ослепла. На кровати под пыльным темно-бордовым балдахином сидел Арон в черной распахнутой на груди рубашке и свободных штанах, взъерошенный и хмурый. В руке он сжимал похищенное драконом письмо. На секунду поднял глаза, равнодушно меня осмотрел.

— Почему босиком? — И снова продолжил читать.

Я прислонилась к дверному косяку, закрыла глаза и сползла на пол. Меньше всего меня беспокоила потерянная в коридоре обувь. Вот оно значит как, бежать, теряя тапки! Я нервно захихикала. Властелин, не отрываясь от чтения, изогнул бровь.

— У вас там какая-то чертовщина творится.

— Бывает, — согласился Арон, а ввалившийся через огромное окно дракон заорал:

— А я предупреждал! — Он дышал тяжело, будто пробежал без остановки десяток километров. Шторы взметнулись, с балдахина свалился комок пыли и шустро уполз под кровать.

Арон, не оборачиваясь, показал дракону кулак. Черный обиженно сморщился.

Я не могла наддышаться. Сухой пыльный и прокуренный воздух казался прекраснейшим на свете. Ноги дрожали и не слушались, но я даже не пыталась подняться.

Арон, тем временем дочитал письмо, скомкал, поднес к свече. Бумажный комочек вспыхнул и исчез. Хлопья пепла опустились на тарелку со сморщенным яблочным огрызком и кучей старых окурков. Вообще, спальня Властелина напоминала свалку: скомканная одежда, бумаги, коробки, пустые бутылки, тарелки с мумифицированной недоеденной, а чаще едва тронутой едой.

Хозяйина такая обстановка, похоже, устраивала, а я старалась не смотреть по углам, где кучи едва заметно шевелились. Впрочем, это мог быть оптический обман от неверного света свечей.

Дракона больше интересовало содержание письма. Но на все расспросы Арон коротко бросил:

— Я убью этого Егара, — и, пошатываясь, принялся ковыряться в кучах мусора.

— Давно пора! — азартно подхватил дракон. — Так что там было?

Властелин не ответил. Из одной большой мусорной кучи образовалось две маленькие, и на свет, наконец, явился сапог. Второй нашелся под кроватью. Если не ошибаюсь, именно в этих сапогах он был при нашей первой встрече. Каким образом на одном из них всего за два дня успела вырасти куча мусора — загадка. Дракон взирал на действия хозяина с плохо скрываемой досадой. А вот, кажется, и разгадка.

— Собирайся, летим в Вассу, — скомандовал Арон, перекапывая постель.

— Отличная идея, — радостно поддержал его дракон, — только не получится. Я до сих пор не могу летать.

— Пешком пойдем, — постановил Властелин, извлекая из-под подушек тщательно измятую куртку. — Ходить ты, надеюсь, не разучился? За пару дней оживут твои крылья, а нет — возьмем в попутной деревне лошадей!

Я зажала рот, чтоб не засмеяться вслух. Гарцующий на лошади дракон — слишком сюрреалистичная картина. Черный идею тоже не оценил, но спорить не стал.

— Хорошо, только сначала нам всем придется сброситься с вершины твоей Башни. Ну

да, не смотри на меня. Ты, видно, пропустил этот момент, но нижнего выхода у нас больше нет. И не я один приложил к этому свое... пламя!..

Дракон скрылся на балконе, опасаясь вновь узреть мощь властелинского гнева, но Арон только шумно выдохнул и вернулся на кровать. Уставился сквозь меня, в пространство до того тяжелым невидящим взглядом, что я поспешила отползти в сторону, пока он не прожег во мне дыру. Он отмер, удивленно поднял брови, будто впервые видел.

— Черный, накрывай на стол. Будем завтракать. Или обедать, — он покосился на потолок, словно сквозь толщу камней мог разглядеть положение солнца на небе.

Арон к обеду не торопился. обстоятельно изучил содержимое шкафа. Нашел чистую и почти не мятую одежду. Чинно удалился в соседнюю комнату, долго плескался и, наконец, вышел посвежевший, но по-прежнему хмурый.

Я все это время просидела на краешке единственного не занятого хламом стула, не решаясь выйти в коридор. Дракон, как всегда, уполз через балкон, и последовать за ним я, понятное дело, не могла. Так и сидела, наблюдая за передвижениями местной живности.

Пылевые комочки, растеряв остатки осторожности, шныряли в мусорных каньонах, плесень на стенах буйно колосилась. Обыкновенная, не светящаяся. Похоже, кое-кто ее специально подкармливал остатками еды.

Пока Его Темнейшество собиралось, дракон притащил мои сапоги и успел наготовить сырных лепешек, зажарить половину небольшого бычка, двух гигантских куриц, запечь гору овощей с мясом и наварить яблочного компота (свежее молоко закончилось, а кислое ушло на лепешки).

Столовая располагалась этажом ниже и сама я ее ни за что бы не отыскала, впрочем, тут я немного хитрю. Умопомрачительный запах жареного мяса почти материальными волнами струился сквозь щель под дверью, а стоило дверь распахнуть, едва не сбил меня с ног.

Столовая сияла чистотой, особенно в сравнении с хозяйской спальней. Длинный обеденный стол был накрыт только с одной, ближайшей к окну стороны, зато щедро уставлен подсвечниками. Как и в других комнатах, тут было огромное окно с выходом на балкон, облюбованное хвостатым поваром. Последний умиленно наблюдал, как я нагребая себе на тарелку всего и побольше, и нахваливал мой аппетит, ставя Арону в пример. Властелин вяло ковырялся в тарелке, и только курил сигареты — одну за другой, пока не завесил столовую вонючими облаками.

Дракон жевал жареную говяжью тушу, прихлебывал из ведра компот и безостановочно нудил на тему неуважения к повару и пустого перевода продуктов. Властелин не выдержал, демонстративно съел тарелку овощей с мясом, залпом выпил компот, поморщился и запил вином, но дракону только того и надо было. Сытый хозяин подобрел, и на сотый раз заданный вопрос: «Так что там было?», наконец ответил:

— Да все то же самое.

— Так чего ты взбеленился? — Дракон разочарованно выронил говяжью ногу.

— А еще он, оказывается, знает про Ренатор, — Арон поднес спичку к очередной сигарете, но заметил мое позеленевшее лицо и курить передумал. Употреблял он такую несусветную дрянь, что мне уже по углам мерещились танцующие дракончики, верхом на розовых единорогах.

— Ну и что? Про него много кто знает, — Черный заметил характерные изменения в моей внешности, сдвинул штору, и принялся лапами разгонять дым. — Тоже мне, тайна

мирового масштаба. Было бы из-за чего переживать.

Дракончики с гиканьем ускакали в темноту, в голове прояснилось. Про Ренатор знала даже я. Именно так называли пресловутые Врата Демонов, расположенные где-то посреди безжизненной пустыни. Добраться до них через пышущие ядовитыми испарениями пески было невозможно.

— Он знает, как туда попасть, — продолжил Арон и на очередное фырканье добавил: — без дракона.

— Он блефует, — не поверил Черный.

— У него и «ключ» есть. Можешь не начинать. Рисунок был донельзя детальным. И да, я до сих пор его помню, хоть и видел последний раз двадцать лет назад. У меня с памятью все в порядке.

— Вот, не надо! — надулся дракон. — Будь у него хоть двадцать ключей — а я сомневаюсь, что у него есть хотя бы один — он все равно ничего не сделает. Человек не сможет им воспользоваться. Кому, как не тебе об этом знать? Не верь ему. Он лживая мелочная гнида.

— Ключ можно обмануть, — Арон, развалившись на стуле, пальцем выводил на столешнице пентаграммы. От переполненной пепельницы к потолку поднимался дым, закручивался в кольцо, таинственно золотое в свете свечей. Казалось еще немного и Властелина утянет в какой-нибудь местный ад.

— Как? Притвориться темным? Ключ не человек, его запросто не обманешь.

— Можно влезть в шкуру темного, выпить его кровь, или искупаться в ней, например, — Арон долго, пристально смотрел на дракона.

— Гадость какая.

— И гадость бессмысленная. Сил у него все равно не хватит. Другой уровень. И он об этом знает.

Я слушала, затаив дыхание. Разговор принимал совсем непонятный и неприятный оборот. Я не хотела знать ничего ни про ключи, ни про купание в крови. А хотела я выползти незаметно из комнаты и убежать как можно дальше, но сидела, как приклеенная, не решаясь пошевелиться. В воздухе висел вопрос, и я не хотела знать ответ на него.

— Зачем тогда он вообще про ключ писал?

— Он может воспользоваться тем, у кого сил хватит.

— Кем? Демоном? Богом? Духом?.. — Дракон осекся и уставился на меня.

— Не обязательно, — ничего не замечая, ответил Арон, — Темным Властелином, например.

— Что за бред ты несешь? — Дракон не знал, в чью сторону сильнее удивляться, поэтому просто мотал башкой туда-сюда. — Тебе ключ не нужен, у тебя есть я. И зачем тебе ему помогать, скажи на милость? Может, еще посадишь мне на хвост и прокатишь с ветерком? И вообще, нахрена ему этот Ренатор сдался? В Темные жрецы решил податься?

Арон, усмехаясь, поднялся и мимо дракона прошел на балкон.

— Нет, просто хочет отделаться от нас раз и навсегда.

Дракон пятясь, убрался из комнаты. Я, на негнущихся ногах, последовала за ними.

— Он совсем с ума сошел, что ли?

— Нет. Все это он проделает в том случае, если мы не отдадим долг или Башню. А лучше и то и другое.

После недолгого, но красноречивого молчания, дракон протянул:

— Знаешь, Арон. По удивительной случайности, кое-кто меня сегодня расспрашивал о Духах.

Человек и дракон по-разному, но оба выразительно посмотрели на меня. Вот теперь я точно влипла по уши.

В тысяча шестьсот тридцатом году со дня Сошествия Звезды Палтам на земли Запада князь лесных бинти Алмар вдруг решил, что его северные братья и сестры уж слишком много о себе возомнили. Подданных Великого Князя дважды просить не нужно. Они за вождем и в огонь, и в воду, и в ледяную пустыню.

Западная Шерадемора была неприветлива, а ее обитатели и подавно. Они бились до последнего, поражаясь, с чего бы братьям хотеть их смерти? Время спустя, когда голова их князя красовалась на шесте наемников Тувосарии, лесовики и сами не могли сказать, что это на них нашло. Но, дело было сделано. Ледяных вырезали почти что под корень, а лесные, осознав тяжесть преступления, навсегда оставили оружие, обрили головы и дали обет молчания. Во искупление грехов бродили по дорогам мира, с покорностью принимая от любого заслуженную, как им казалось, смерть.

Так было бы в идеале. На самом деле часть лесных, не признавших неправоту князя, подалась в наемники, часть сбежала в Ситву, часть присягнула Тувосарии, и лишь крохи раскаявшихся лесовиков-отшельников бродили по миру. В Лерадене остались непричастные к братоубийственной войне, заново отстраивая княжество и пытаясь забыть о кровавом пятне на репутации и совести лесных бинти.

Но и ледяные были не так просты. И без того малочисленный этот народ обитал в виду Горы, несшей на себе Врата Богов. Король ледяных Айам-ману считался хранителем Врат и носителем мудрости всего народа бинти. Он укрыл часть подданных в пещерах Безымянной Горы, а сам, вместе с дочерью до последнего оставался у Врат. Когда лесные подобрались совсем близко, королю оставалось только забраться на самую вершину Горы и молить богов о чуде.

По иронии чудо ему даровали не боги, а демоны. Молодой Темный Властелин бесцельно мотался по миру на своем черном как сама тьма драконе. В разгар битвы он вороном свалился на Безымянную Гору и унес короля ледяных и его наследницу далеко на юг, в единственное безопасное место, где их было не найти.

— И сделал огромную глупость, — подытожил дракон.

С того знаменательного обеда прошло два дня. Арон быстро понял, что Духами я интересуюсь совсем не ради науки. И устроил вежливый, но непреклонный допрос. Очень недолгий допрос, потому что скрыть что-либо под прицелом слишком светлых глаз было невозможно. Да я и не пыталась. Раз уж по-тихому разузнать не удалось, вывалила всю правду, замолчав незначительные детали. Если хозяина Башни и удивила моя история, виду он не подал, лишь сказал, после долгой игры в гляделки, что на Духа я не похожа.

— Вы ведь понимаете, что вопрос это серьезный и рисковать я не могу. Он касается не только меня, но и всего Наронетора. Я должен удостовериться, что вы точно не Дух, а для этого мне нужно переговорить с теми, кто знает о Духах больше, чем я. Полагаю, вам тоже будет интересно узнать о своем... происхождении. — Арон машинально вытянул сигарету из пачки со вздыбленным единорогом, покрутил в пальцах и сунул обратно.

Мне оставалось только согласиться и ждать, когда Черный окончательно поправится. А пока наше заточение продолжалось. Арон рыскал по Башне в поисках хоть какой-то

информации, целыми днями пропадая в лабиринте коридоров. Полагаю, он опасался, что я снова закачу истерику, поэтому свел общение к минимуму. Благо, места в Башне было предостаточно.

А вот дракон себя не сдерживал. Мое признание развязало ему язык, а поболтать он любил. Своего прошлого он не помнил, зато знал все ирвеонские сплетни. И это было еще одной причиной, почему Арон прятался в глубинах Башни. Все драконьи истории он знал наизусть, а в большинстве, и вовсе, был главным действующим лицом. Поэтому бесконечный поток историй хлынул в свежие уши, и конца ему не было.

Арон спрятал короля бинти в Ренаторе, куда добраться было можно только на драконе, глубокой ночью, когда ядовитые пустынные испарения стелились ближе к земле. Властелину повезло, что воздушный транспорт в Ирвеоне ограничивался его личным драконом, иначе, все труды пошли бы насмарку.

Своей весьма своевременной помощью Арон оказал Айаму-ману медвежью услугу. Да, лесные его не убили, но и собственные подданные спасибо не сказали, решив, что король сбежал, бросив их на произвол разгулявшихся лесных братьев. Когда страсти улеглись, выжившие быстренько назначили нового короля из оппозиционно настроенных и объявили бывшего правителя во всеирвеонский розыск с пометкой: доставить живым или мертвым, а лучше по частям.

Так и сидели эти двое во всеми забытом Ренаторе, и шансы покинуть его стремились к нулю. Впрочем, не слишком-то опальные королевские особы переживали по этому поводу. Добряк Властелин в несколько ходок доставил им почти все имущество, пока озверевшие подданные не успели его осквернить. Комфортное жилище они построили себе сами, благо какой-никакой магией все еще владели. И жили уже десять лет, изредка принимая в гости излишне заинтересованно поглядывающего на принцессу Властелина.

— Он ведь и себя под монастырь подвел, — жаловался дракон. — Никто до сих пор точно не знает, из-за чего лесовики напали на ледяных. И Арон своим появлением заставил задуматься, а не он ли был той самой незаметной, третьей стороной, из-за которой все и закрутилось.

— А он был?

— Нет, конечно! — Дракон оскорбленно скривился. — Делать ему больше нечего. Я до сих пор жалею, что мы в тот день на север полетели. Ну, прихлопнули бы этих ледышек, невелика потеря...

— И он не побоялся поселить их рядом с Вратами? Он ведь хранитель. Вдруг они что-то сделают?

— Раздолбай он, а не хранитель, — в очередной раз припечатал хозяина дракон, — но о Вратах можно не беспокоиться. У черноглазых магия другого рода. И никто, кроме Темного Властелина этими Вратами не воспользуется.

— А как же Егар и его угрозы?

— Там другое дело. У Егара, якобы, есть ключ. Плюс куча темных под замком в «зверинце».

— На Зеркальном озере? — я припомнила разговор с магами.

— Именно. А если еще и Дух появится... В такой компании напакостить нам — раз плюнуть. Но, не думаю, что Егар пойдет на это. Масштаб крупноват.

— А куда смотрят власти Тувосарии? Король? Почему этот Егар делает все, что хочет?

— Тю... Король. Сдается мне, у Его Величества та же беда, что и у нашего Темнейшества.

Беда Арона была банальна и несерьезна в масштабах Вселенной — деньги, а точнее, их отсутствие. Прежний Темный Властелин — отец нынешнего — на покой не собирался, хотя и правил Наронетором очень давно. Особой любви к подданным не питал, эксплуатировал и в хвост, и в гриву, не всегда в честных и благородных целях. Частенько зарился на соседние земли с попутным разорением мелких деревушек. В общем, эталону злодея соответствовал чуть больше, чем сын. Последний государственными делами не интересовался, слонялся по стране, якшался с темными.

— В баню к девкам заглядывал, — не удержалась я.

— Не без этого, — согласился дракон.

В один прекрасный день королю Тувосарии надоел беспокойный сосед, Темный тоже не пылал любовью к оппоненту, правители сошлись в крупной битве. И вот незадача — наронеторцы проиграли. Темный Властелин не вернулся домой. Тувосарские наемники-горцы изрубили его в капусту вместе с десятком ближайших соратников. Этот... кхм... «салат» и предъявили новоиспеченному Владыке вместе с вопросом: как жить дальше?

Арон к такому повороту был не готов, но, первое время все шло неплохо, в основном, благодаря мудрости советников. Видимость благополучия Арона и подвела. Он снова стал отлучаться. Сначала ненадолго, потом пропадал по нескольку месяцев. Народ роптал, а когда сообразил, что его никто не слышит, начал потихоньку разбегаться и, чего греха таить, прихватывать все, что плохо лежало.

Но и этим все не ограничилось. Молодой Властелин сам вогнал последний гвоздь в гроб своего королевства. Он всегда был склонен к пагубным привычкам, благо большинство из них никак на нем не сказывалось. А тут он открыл для себя азартные игры.

Играл Властелин самозабвенно, никогда не выигрывал, но это его не печалило. Примерно в то же время он встретил Черного. Дракон ненадолго отвлек Арона от продувания казны, но по воздуху таскаться в Единорожку стало удобнее и быстрее. Дошло до того, что играл он в долг, а когда вернулся домой, чтобы взять деньги для уплаты по счетам, казна оказалась пуста, как и Башня. В оставленных коридорах гулял ветер, перекатывая обломки его власти.

Егар — хозяин игорного дома — разумеется, знал, кем был этот загадочный клиент, потому долг прощать не собирался. Арон надеялся отыгаться, но лишь глубже увяз. Дракон, как ни старался, не смог окончательно вправить хозяину мозги.

— Видал я, как они играют — сплошное дурилово, — махнул лапой дракон. — Был бы я там — сразу бы вывел их на чистую воду, только кто ж меня туда пустит?

— Выходит, Егар обманул Арона?

— А то! Он же наивный, хуже тебя! Корчит из себя Властелина, а сам... Если б папочка так рано не откинулся, он бы про власть и не думал.

— Не слишком ты почтителен к хозяину.

— Да он мне не хозяин, строго говоря. Я ему задолжал. К тому же, кто бы еще меня принял, кроме сердобольного Властелина? Он с детства всякое зверье домой таскал, вот и меня притащил. Теперь-то ему никто запретить не может. Сам себе хозяин. И вдвоем, все-таки веселее.

Да уж, Властелин тот еще весельчак. Прокутил казну, растерял подданных. Ухохочешься. Впрочем, проблемы Арона меня не сильно волновали. Со своими бы

разобраться. А ведь еще оставался неизвестно где блуждающий Антон. Что будет, если он доблуждает до Егара, а опасения Арона подтвердятся? Сомневаюсь, что Антону интересны местные междоусобицы, но, чем демоны не шутят?..

На мой взгляд, оставался еще один вариант решения проблемы Духов. Самый простой и радикальный. Но, на мое счастье, Властелин сгоряча головы не рубил.

— Почему тут всегда темно?

Мы сидели на балконе моей спальни. Дракон скрутился кольцом, свесив хвост в широкий проем сбоку от балконных перил, я, как всегда тарасилась в темноту и от нее меня уже, честно сказать, подташнивало.

— Так это внутренность Башни, — востепенулся, задремавший было дракон, — смотри, что покажу.

Он сполз с балкона, уцепившись лапой за перила, и выдохнул тонкую струю огня. Крошечная комета скользнула в пустоту и, встретив преграду, рассыпалась искрами. Огненные капли осели на невидимых в темноте нитях, прыснули в стороны, множась и закручиваясь спиралью вверх и вниз.

Ослепительная иллюминация высвечивала все новые и новые этажи. Сотни балконов, соединенных по кругу узкими площадками тянулись вверх к закопченному потолку и вниз в необъятный колодец. На дне громоздились кучи искореженного металла, стены щетинились обломками балок, с потолка гроздьями свисали обрывки цепей. В пустых провалах темных окон чудилось едва уловимое движение. Гирлянды из тысяч маленьких огоньков едва заметно покачивались, пуская по серым камням причудливые тени.

Я присвистнула. Масштаб Башни поражал. Слово прочитав мои мысли, дракон сказал:

— Раньше тут действовали подъемники. При таких размерах по лестницам не набегаешь. На этих площадках круглосуточно дежурила стража, да и вообще было несколько оживленнее, чем теперь.

— А как ты выбираешься наружу?

Дракон глянул вверх, потом на меня, повернулся боком.

— Забирайся, покажу.

Я воспользовалась подставленной лапой как ступенькой, подтянулась и села в углубление между зубцами гребня. Обычно там крепилось седло, но пока Черный не мог летать, Арон его снял.

— Держись крепче!

Я вцепилась в зазубренный гребень и дракон, легко развернувшись, полез по стене, как гигантская ящерица. Выступы и балконы служили ему удобной лесенкой. Под острыми когтями крошился камень, на резных перилах оставались длинные царапины. Но в тот момент я меньше всего думала о порче архитектурных элементов. Драконья шкура, гладкая наощупь, цеплялась к одежде как липучка, но я все равно впиалась в гребень как клещ и надеялась не выскользнуть из штанов. Ох, и дернуло же меня согласиться!

Он быстро достиг вершины Башни. Там балконы сливались в единую галерею, из которой широкие лестницы вели в круглый зал, а оттуда на крышу.

Я зажмурила разом ослепшие глаза. После долгого сидения в полумраке солнечный свет выжимал из глаз литры слез. Гуляющий на высоте ветер был таким чистым и свежим, что перехватывало дыхание.

Довольный дракон расправил крылья, вытянул шею, наслаждаясь ветром и солнцем...

Так, погодите-ка! А кто говорил про вечно затянутое пеплом небо?! Да такой прозрачной голубизны я в жизни не видела! Разве что в драконьих глазах.

Вокруг башни, насколько хватало едва протертых глаз, раскинулись бескрайние зеленые луга, поля и леса. Кое-где темнели постройки, змеились дороги, вдалеке блестела река. На горизонте, едва заметно, выступал крохотный треугольник потухшего вулкана. Ну да, ну да, королевство тьмы, как оно есть. А до земли-то, мамочки! Лететь и лететь!

— Вулкан за неуплату отключили?

— Ага, — Черный повернул донельзя довольную морду. — Полетаем?

И эта зараза, нагло подмигнув, рухнула с Башни.

Все мои внутренности, мозг и душа остались на крыше. И только вопящая оболочка вместе с драконом штопором неслась к земле. У самой земли он расправил крылья и взмыл вверх, потом снова вниз, и снова вверх, и мертвая петля, куда уж без нее?

Он резвился в потоках ветра, как дельфин в волнах. И я прекрасно его понимала. Вдоволь накувыркавшись, он обернулся. Огромные глаза сияли, пасть растянулась в довольной ухмылке. Я рассмеялась в ответ. Дракон понимающе кивнул и помчался дальше, закладывая виражи, опускаясь к земле, огибая пышные ивы, скользя над рекой.

Я склонилась в сторону, мое отражение, подернутое водной рябью, было счастливо. Ветер обнимал, ерошил волосы, тысячи запахов — речной тины, влажной земли, цветов, скошенной травы — мешались в дурманящий и одновременно бодрящий букет. Сказал бы мне кто-нибудь еще неделю назад о полетах на драконе — ни за что бы не поверила, но в тот момент, когда подо мной с дикой скоростью проносилась цветущая земля я впервые почувствовала, что жива.

Осень будто не коснулась Наронетора. Деревья и травы подставляли листья по летнему жаркому солнцу. Над цветами гудели огромные пчелы, в кронах деревьев гремели птичьи хоры.

Дракон пронесся над зарослями камыша, зацепил лапой мохнатые метелки, обрушивая на реку метель белого пуха. Прямо перед нами из тростника выпорхнула стайка крупных оранжевых костёрок, дракон вильнул, но все равно задел нескольких бабочек хвостом. Те с легкими хлопками взорвались, рассыпая искры, как заряды крошечных фейерверков.

Я вжалась в драконью спину. Он развернулся, завис, тяжело взмахивая крыльями. Серые, растерявшие пыльцу костёрки, пьяно повиливая, нагоняли более удачливых, все еще огненно-ярких товарищей.

Мы понеслись дальше, внизу показалась крошечная деревушка — домов шесть. В высокой траве у ограды мелькнуло белое пятно. Еще и еще. Я похлопала Черного по боку, привлекая внимание. Дракон заложил вираж, сделал над домами полный круг и, не снижаясь, пулей помчался обратно. Задорный настрой исчез, как пыльца с крыльев костёрок. А на вершине изрядно уменьшенным расстоянием Башни, стоял крошечный человечек.

Арон стоял, скрестив руки на груди. Ветер трепал свободную рубашку. Волосы, то становились дыбом, то прилегали к голове. Надо думать, я выглядела не лучше.

— Смотрю, с твоими крыльями все в порядке, — заметил он, когда дракон зацепился за парашют.

— Ага... Слушай, мы там нашли кое-что. Надо бы слетать проверить.

Не спрашивая ни о чем, Властелин помог мне спуститься и запрыгнул на мое место.

— Пока мы не вернемся, не бродите по коридорам. Дождитесь нас тут, — Арон кивнул

на прощание, и дракон сорвался в пропасть. На этот раз он не дурачился, а строго, как по нитке двинулся к деревушке.

Я заглянула за край парапета. Мда, Рапунцель, такую косу тебе не вырастить. У подножия Башни сгрудились полускрытые зеленью постройки, засыпанная обломками камней дорога вела на восток, на обочинах чернели провалы с кружевом все той же пышной зелени по краям. И нигде, на десятки километров вокруг — ни единой живой души.

Я обхватила себя на голые плечи — в полет я отправилась в безрукавке, не накинув ничего сверху. Но трясло меня не от холода. В траве возле домов в опустевшей деревушке белели гладкие, иссушенные солнцем черепа. Много черепов.

Хозяин Башни задерживался. Сидеть на крыше стало скучно и неудобно. Беспокойные соседи — крупные черные вороны — с интересом таращились на меня с облюбованного парапета, и изредка перебрасываясь скрипучими фразами на своем вороньем языке.

— Не дождетесь.

Я спустилась в круглый зал. Про блуждания по нему Арон ничего не говорил. Да и что тут может случиться? Стоящее в зените солнце заглядывало сквозь высокие арки и просвечивало почти насквозь. Широкие лестницы, огороженные перилами, тонули в темноте, огоньки в «колодце» погасли, и в Башне наступила привычная ночь.

Стены зала изнутри украшала старая, местами осыпавшаяся мозаика. Вездесущие батальные сцены выглядели тут проще и схематичнее, чем на гобеленах. Но большую часть стен занимали изображения иного рода.

Над треугольничками лесов сияли звезды, среди шарообразных облаков парили драконы, крошечных человечков окутывало пламя. Вот один из них стоит, раскинув руки, то ли прогоняет тучу неведомых созданий, то ли призывает. А вот и Врата: три арки, напротив каждой по человечку, а за ними скопище потусторонних тварей.

Промежутки между картинами занимали ряды смутно знакомых символов. Вероятно, я видела их в полюбившихся Фариду книгах, но, разумеется, не запомнила. Большинство книг я слушала между делом, поэтому, когда у меня спрашивали, откуда я знаю о тех или иных событиях или явлениях Ирвеона, я без зазрения совести отвечала: кое-что слышала. Ведь большая часть информации, что называется, в одно ухо влетела, в другое вылетела. В памяти осела куча несущественных мелочей, а про Духов, например, не осталось почти ничего.

Сколько бы я ни вглядывалась в древние изображения, ничего путного на ум не приходило, только картинка начинали плыть перед глазами: скопище демонов клубилось, тьма наползала, огненный дождь летел с небес, а земля разверзалась, поглощая города и сотни вопящих людей. Я проморгалась, но картинка продолжила едва заметно двигаться. Из темноты раздались знакомые шепотки и смех. Да что б вам!

— Кар, — приветствовал меня самый крупный ворон.

— И тебе не хворать, — ответила я, пристраиваясь за зубцом парапета.

Живые и материальные вороны куда лучше невидимых зловредных созданий, так и норовящих поиздеваться и осмеять.

Арон метался по кабинету, расшвыривая подкованными сапогами попадающий под ноги мусор. Огоньки свечей склонялись то в одну, то в другую сторону, рождая на стенах корявые тени. Дракон следил за каждым движением хозяина, но не комментировал.

Они прибыли спустя часа два после отлета, я успела задремать под свист ветра и грай воронов. Последние уже нацелились проверить меня на пригодность в пищу, но были изгнаны драконьим рыком и струей пламени. Пара опаленных перьев, источая вонь, опустилась на крышу, этим вороны потери и ограничились. Похоже, птицы уже привыкли к драконьему приветствию, с легкостью увернулись от огня и принялись кружить в вышине, насмешливо покрякивая в ответ на ругань.

Арон не проронил ни слова, ураганом пронесся по коридорам, так что за ним едва поспевала и я и огонек свечи. Коридорные невидимки благоразумно притихли и не

высовывались.

Дракон уже сидел на привычном месте, зацепившись за каменные перила, я пристроилась рядом на горе подушек. Арон пошвырялся ни в чем не повинными бумагами, но так и не успокоился. Наконец, дракон не выдержал:

— Да будет тебе убиваться!

— Я не убиваюсь! Я просто... — он покосился на меня и продолжил: — просто поражен этим беспределом! Вырезать целую деревню у меня под носом! Насколько нужно быть... тупым и наглым, чтобы надеяться, что я так просто оставлю этот... вопиющий факт?!

Самообладанию Властелина можно было позавидовать. Мне на ум приходили совсем другие слова, но он умело себя сдерживал в моем присутствии.

— Ну, прямо сказать, деревню, — буркнул дракон.

— Да какая разница, десять человек или пятьдесят?! Это просто... беспредел! — Он жажнул кулаком по столу, и уставился на Черного. Воздух заискрился.

— И никто не выжил? — ужаснулась я.

Арон выдохнул, отвел взгляд, принялся собирать разлетевшиеся по кабинету бумажки.

— Нет.

— Вы знаете, кто мог это сделать?

— Границы Наронетора сейчас почти не охраняются. Только наша... репутация пока что держит толпы искателей приключений от соблазна поохотиться на монстров.

— Это надо еще разобраться, кто тут монстр, — бросил Черный.

— Они пытались создать впечатление, что на деревню напали звери, и какая-то тварь с ними, определенно, была. Следы зубов и когтей повсюду, — продолжил Арон, — но даже впавший в бешенство вурдалак или клахнум не носит с собой меча, чтобы добивать своих жертв. Вероятно, они надеялись, что звери растащат останки, и я ничего не пойму. Но вот беда, так далеко от гор крупных зверей не осталось. Мелкие падальщики уничтожили плоть, но тела... то, что от них осталось — так и лежат там, где их бросили. Они напали ночью, большинство людей так и не поняли, что произошло. Надеюсь, что не поняли. Многих убили прямо в постелях... Всех, без исключения...

Я представила жуткую картину и невольно содрогнулась. А еще я вспомнила гобелен в своей комнате. Так вон оно что, это вовсе не медведь, а клахнум — оборотень. И меч у него как раз-таки имелся. Но, в целом, Арон прав. Впадавший в бешенство оборотень не способен себя контролировать и уж тем более управляться с мечом. Животная сущность преобладает в такие моменты, а в иное время им просто незачем бросаться на людей. Если только кто-то им за это не заплатит. Среди наемников клахнумы тоже встречались, но напоминать Властелину об этом я не стала.

— Не понимаю, зачем им нападать на деревню?

— Да будет вам! И так понятно, чьих рук это дело!

— Не дури, Черный, Егар на такое не пойдет.

— Ха! Еще как пойдет. Он же специально тебя провоцирует, что б ты к нему явился. Там-то уж он тебя заграбастает со всеми потрохами!

— Потроха мои ему не нужны, — поморщился Арон, — ему нужны мои деньги.

— Кто его знает, чего он на самом деле добивается...

— Не желаю продолжать этот бессмысленный разговор. Хотел бы он меня убить — давно бы убил. В конце концов, я не самая недостижимая персона в мире. И еще раз повторяю — он не станет так отвратительно мараться. Послать воришку-курьера — да, но убивать

десяток не причастных к делу людей... — он покачал головой, — нет, тут дело в другом.

Да, дело было в огромной дыре в бюджете, а точнее, в отсутствии бюджета, как такового. Без денег невозможно нанять людей для полноценной охраны границ. Какая-то защита там все еще имелаась, но если даже курьер-клептоман ее преодолел, что говорить о матерых наемниках? Они шныряли по Наронетору как по собственному дому, но людей не убивали, по крайней мере, не в таком количестве.

Как ни крути, история выглядела дико и странно. И заплати Арон тем же наемникам большую сумму, они с таким же рвением принялись бы охранять границу, с каким до того ее преодолевали. Но, денег не было, а работать за молоко и яйца никто не собирался.

Арон грозился переубивать нарушителей своего душевного равновесия, но вот беда, прежде их следовало поймать. А как это сделать? Пока мы сидели в вынужденной изоляции, убийц и след простыл. Нагадили, пока хозяин не видел и благополучно смылись. Ищи, что называется, ветра в поле. Но Арона так просто было не остановить. На мое скромное замечание, что прежде чем гоняться за призраками следует навести порядок в доме, он только мрачно усмехнулся.

— Я серьезно. Найдите деньги, наймите людей.

— Деньги на дороге не валяются. А в долг мне никто не даст. Что вы предлагаете? Заложить Башню или самому в рабство продаться? — Черный открыл было рот, но Властелин продолжил: — можно, правда, дракона в «зверинец» сдать. Говорят, там неплохо платят за уникальные образцы. А что может быть уникальнее дракона? Что скажешь, Черный? Как тебе идея?

Черный надулся и предложение проигнорировал, а Властелин пресек все прочие идеи на корню. От криминала откестился в первую очередь. Видно, неудачное похищение до сих пор снилось ему в кошмарах. Особенно его последствия.

Разговор окончательно скатился в переливание из пустого в порожнее, а время неумолимо бежало вперед, не помышляя остановиться ни на секунду.

— Есть у меня одна мысль, — наконец промолвил Арон, но делиться ею не спешил. Вместо этого подошел к стене, постучал кулаком по камню. Внешне тот ничем не отличался от прочих, но зазвучал гулко, будто за ним скрывалась резонирующая пустота.

Спустя пару мгновений из-за стены раздался едва различимый шорох. Очень знакомый шорох. Я непроизвольно съезжилась на подушках, прижимая ладонь к груди. Шум все нарастал, дракон, заметив мое состояние, ободряюще ткнулся носом в плечо, а хозяин Башни снова постучал по стене.

— А ну, прекратите! Выходите, давайте!

Возня стихла, зато в щелях между камнями закопошилась чернота, скопилась в шевелящийся ком и хлынула в комнату. Арон, небрежным движением руки направил комок темноты на стол, где тот разбился на мелкие клочки, глядящие на хозяина гроздьями глаз.

Пауки?!

— Что за цирк? — Арон устало потер переносицу. — Арчибальд, зачем вы пугаете нашу гостью?

Самый крупный из пауков выступил вперед, качнул мохнатое тельце на тонких ножках и скрипуче проговорил:

— Приветствую, мой повелитель. Прошу прощения, если мои братья доставили вам беспокойство. Вероятно, они решили, будто юная госпожа одна их тех зловредных авантюристов, что потихоньку растаскивают содержимое Башни, пока ваша милость

отсутствует.

При этих словах остальные пауки развернулись и уставили на меня свои гроздеобразные глаза, у каждого паука их было по шесть: два больших и четыре маленьких.

— Нет, твои братья ошиблись. Но пусть и впредь стерегут Башню в мое отсутствие.

— Разумеется, господин! Лишь сохранение покоя и порядка в Башне — цель нашей скромной жизни.

— Не преуменьшайте свои достоинства. Ваши способности несколько шире и сегодня я хочу ими воспользоваться. Мне нужна помощь двоих братьев.

— Как вам угодно, повелитель. Ардалион, Артур! — Скомандовал Арчибальд, призывая из строя двух матерых пауков и напрочь игнорируя скачущего и тянущего лапку маленького паучка. — Сегодня повелителю потребовалась наша помощь. Призываю вас, не посрамите честь паучьего братства! Ара, успокойся, ты еще маленький, — он украдкой задвинул скачущего паучка поглубже в строй.

Ардалион с Артуром выступили вперед и чинно поклонились. Я не удержалась от тихого смеха, уж очень забавно выглядел этот строевой смотр на столе.

— Черный, кто это? — чуть слышно спросила я.

— Королевские пауки — уникальные создания. Живут в Башне и многие века служат Властелинам Наронетора. Полезные ребята, но при этом такие мелкие засранцы... Да ты с ними уже встречалась. — Дракон старался говорить тихо, но — увы! — шепот был не главным драконьим преимуществом.

Пауки молниеносно развернулись, Арчибальд взвился на дыбы, передней лапкой делая характерное движение, будто выхватывал меч из несуществующих ножен.

— Что сказал этот ящер? Я не ослышался? Он оскорбил честь древнего паучьего рода!

Властелин, не сдержавшись, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Этот ящер весьма недалек, — ответил он, — и сам не ведает, что говорит. Прошу не воспринимать его слова всерьез.

— Повелитель, только ради вас я готов забыть слова этого недостойного ящера.

Теперь набычился дракон.

Кое-как Арон спровадил пауков обратно за стену, при этом Арчибальд не преминул напоследок уставиться на дракона, делая жест «я слежу за тобой». Ардалион и Артур общую суету игнорировали, преисполнившись торжественностью предстоящей работы.

Повинуясь жесту Властелина, украдкой вытирающего пот со лба, пауки принялись плести паутину прямо посреди стола, при этом края их сети уходили в пустоту, будто своеобразный кружевной экран парил в воздухе. Дракон подтолкнул меня и сам переместился ближе к хозяину. Последний напряженно вглядывался в хаотичные узоры.

Все новые и новые нити вплетались в полупрозрачную ткань, пока пауки, наконец, не замерли по краям творения, выжидательно глядя на своего господина.

— Башня, — скомандовал тот.

Пауки послушно потянули за ниточки, узор дрогнул, складываясь в знакомые очертания. Артур (или Ардалион) скептически осмотрел изображение, тренькнул лапкой по одной из нитей, и картинка обрела четкость.

Ну, ничего себе, технологии! На только что созданном экране возвышалась та самая Башня, в глубине которой мы находились. Цвета не были яркими и насыщенными, скорее пыльно-серыми, как сама паутина, но вполне различимыми. По тускло-зеленой траве ходили волны, вороны, сбившись в стаю, ловили ветер.

Арон принялся командовать, пауки резво перебирали нити, меняя угол обзора. Картинки сменялись молниеносно, но Властелин успевал увидеть все, что хотел. Иногда он просил показать общий вид, и тогда все на экране становилось мелким и далеким, будто фото с борта самолета, или наоборот просил укрупнить и рассматривал следы на земле.

— А могут они показать тех, кто напал на деревню?

— Слишком неопределенно. Они показывают только конкретные места или людей. Если бы мы знали напавших, то с легкостью их нашли. А так остается надеяться на удачу. — Арон, опершись руками о стол, пристально всматривался в мелькающие изображения.

— А если так? Покажите убийц.

Один из пауков скептически покосился на меня, не глядя тренькнул лапкой по паутине. Картинка смазалась, а в следующее мгновение на «экране» появилась сумрачная комната. Двое людей стояли, напряженно склонившись над столом, рядом клубилась чернота.

— Что за шутки? — рявкнул дракон.

Тьма на экране взвилась, а я вскинула голову к потолку, но никаких «камер» там, разумеется, не было.

Арон откашлялся.

— Я предупреждал. Вернитесь обратно.

Изображение снова дрогнуло, а дракон фыркнул, искоса поглядывая на меня.

Что ж. Каков вопрос, таков и ответ. Я ведь не уточняла, каких убийц имею в виду. Для пауков все люди страшные душегубы. Каждый хоть раз в жизни какую-нибудь букашку да прихлопнул. Но попытаться стоило. В конце концов, в жизни всякое случается...

Арон невозмутимо следил за экраном. Четкий профиль застыл, словно выточенный из камня.

Картинка двигалась прямо, ни на чем не останавливаясь. Пейзажи медленно сменялись, за полями выросли леса, луга чередовались холмами. На горизонте показалась рваная линия гор. Между двух перелесков, разделенных широким лугом, мелькнуло скопление темных пятнышек.

— Назад, — скомандовал Арон, и на экране появилась группа людей в окружении повозок и крупных животных.

— Кенолы, — разочарованно протянул дракон.

— И звери есть, и оружие, наверняка, найдется, — заметила я, едва не уткнувшись носом в изображение.

— А мотив? — Дракон отпихнул меня и тоже уставился в экран.

— А у наемников какой мотив? Деньги.

— Ни разу не слышал, о наемниках-кенолах. Они после войны тише воды, ниже травы, — засомневался Черный.

— Тигров решили покормить?

— Фу... Кенольские тигры мясо не едят, к твоему сведению.

— Ну, надо же. Тигры вегетарианцы... А на меня один из них однажды напал.

— И что?

— Ничего. Хозяева быстро его успокоили. Да и вообще, они очень старались казаться миролюбивыми и дружелюбными.

— Вот видишь!

— Это и подозрительно.

Пока мы спорили, Арон оказался притертым к стенке. Маяться у дракона под мышкой

ему быстро надоело, поэтому уже в следующий миг нас вежливо, но непреклонно отстранили от экрана, заодно и спор пресекли.

— Во-первых, они сами просили разрешить им находиться в Наронеторе. После вежливой просьбы устраивать резню — верх наглости. А во-вторых, когти и зубы тигров крупнее, чем у твари, наследившей в деревне. Хотя самих следов и не осталось — после нападения прошел дождь, и мелочи там много крутилось, все затоптали. Но! Мы все равно к ним заглянем по дороге. Собирайтесь, времени все меньше. Не будем терять еще один день.

Дракон скривился, но спорить не стал. А я все еще задумчиво смотрела, как две пышноволосяные девушки вычесывают полосатого гиганта, переговариваются и украдкой бросают взгляды на компанию парней. Мда, здравствуй, большой брат. С самого начала меня мучила глупая и наивная мысль, но я так и не решилась ее высказать. В конце концов, он-то про меня точно не думает.

Мы быстро пообедали. Арон, как всегда, едва притронулся к еде, но, хотя бы больше не курил. Мне на этот раз тоже кусок в горло не лез, поэтому дракон ворчал в два раза интенсивнее, а после собрал оставшуюся провизию в огромную сумку и приволок с собой на крышу, где мы и прождали еще полчаса, пока Его Темнейшество соизволило собраться.

Стоило Властелину появиться на крыше, Черный закатил глаза и принялся ехидничать:

— Поглядите-ка, нарядился. Куда это вы собрались, уважаемый господин? Неужели на свидание к прекрасной даме? Ты смотри, — он толкнул меня плечом так, что я едва не свалилась в пропасть, — сапоги новые достал. Я ему сто раз говорил, выкинь ты свою рванину, не позорь меня, куда там... А стоило черноглазой ведьме замаячить на горизонте, так вот-те, на-те, и сапоги и меч откопал. Ты хоть знаешь, с какой стороны за него браться, вояка?

— Черный, заткнись, — беззлобно бросил Арон, вытягивая из сумки на поясе черную коробочку, раза в полтора больше спичечного коробка, — возьми лучше паука, на всякий случай.

— Таире отдай. Пусть у нее будет. — Дракон по-кошачьи вытянулся, разминая спину.

— Ну, как хочешь, — хмыкнул Арон, уворачиваясь от просвистевшего над головой крыла, протянул коробку мне. По черной лакированной кромке струилась витиеватая резьба, в центре отливала серебром стилизованная буква «А». Из-под сдвижной крышки зыркнули три пары глаз.

— Ардалион, к вашим услугам, — буркнул паук.

— И что с ним делать?

— Попросите показать, что хотите увидеть, паук сам все сделает. Разумеется, он останется у вас, пока вы находитесь под моей... защитой. Потом его придется вернуть. Пауки служат только мне или моим... приближенным.

Ух-ты! Как звучит-то: приближенная Темного Властелина! Фарид непременно бы оценил и не забыл при случае подколоть.

Между тем Арон подтянул подпругу, поправил крепление меча и забрался дракону на спину.

Сегодня Властелин, и впрямь, выглядел иначе. Все предыдущие дни он проходил в простой черной рубашке, широких штанах, расхлябанных сапогах, а то и вовсе в странного вида тапках, приводящих дракона в предобморочное состояние. А тут нарядился как на парад: подкованные сапоги со множеством ремней и сияющими бляшками, сидящие точно

по размеру брюки, удлинённая куртка-мундир, торжественная, но строгая, за плечом рукоять меча, простая, без камней и украшений, но оттого более внушительная. В довершение образа на лице появилась черная полумаска. Ну, надо же, не забыл, на этот раз. Только смысл в ней, с такими-то глазами?

Арон заметил, что я откровенно плююсь на него, и вопросительно поднял брови.

— А где плащ?

— Что? — Он замер, натянув только одну перчатку. Металлические вставки на костяшках озадаченно звякнули, вторя мелко подрагивающей драконьей спине.

— Ну как же? Темный Властелин на Черном драконе пронзает небеса и повергает врагов в ужас. Без черного плаща никак.

Арон только покачал головой, а дракон, устав сдерживаться, расхохотался в голос.

— Не везет ему с плащами. Потом как-нибудь расскажу.

— Только попробуй, — Арон в шутку потянулся за мечом, а Черный примирительно махнул лапой.

Я, воспользовавшись любезно протянутой рукой и подставленной лапой, забралась в седло и сразу пристегнулась специальными ремнями. С седлом все-таки удобнее и безопаснее.

Позади меня оставалось еще много места, а при желании, дракон мог унести человек десять, но, надо думать, такого желания он никогда не испытывал.

Коробочкой с пауком дары Его Темнейшества не ограничились. Из седельной сумки появилась еще одна полумаска и две пары пучеглазых очков на кожаных ремешках. Одни он тут же натянул на лоб, разом растеряв величественность, зато приобретя легкую безуминку, а вторые протянул мне, вместе с маской. В последнюю была вшита специальная губка, необходимая для перелета над пустыней, и сейчас ее можно было не надевать. В отличие от Арона я не боялась «засветиться» на людях, да в такой компании мне это и не грозило. Кто обратит внимание на неприметную девчужку, когда рядом такие выдающиеся личности?

Дождавшись одобрительного похлопывания по боку, Черный с победным ревом бросился с крыши. Вороны, заполошно ругаясь, кинулись врассыпную. Ветер подхватил нас на невидимые крылья и понес на восток. Солнце светило в спины, давно помышляя о заслуженном отдыхе. Запахи жаркого летнего дня еще витали над не знающими осени просторами Наронетора, но в них уже вплетались нотки вечерней прохлады и еще далекого, но неизбежного увядания.

Крылья дракона мощными взмахами вспарывали небо, земля проносилась с такой скоростью, что едва показавшиеся впереди леса тут же исчезали далеко позади. Я не удержалась, высунулась из-за спины Арона и сразу получила жуком в глаз.

Муш-хаан!

Воздух с ощутимым хлопком раздался, перламутровая волна хлынула в стороны, на долю секунды сопротивление исчезло, будто мы оказались в вакууме. Дракон вильнул, завалившись на бок, но быстро выровнялся.

— Кто там фокусничает?!

Арон похлопал возмущенно вздымающийся бок, призывая продолжить полет.

— Не делайте так больше, лучше наденьте очки.

Я послушалась, жалея, что вообще открыла рот, но кто мог знать о подобных спецэффектах? Из-за скорости и скопления на высоте мелкой живности изгнание получилось очень наглядным.

Дракон направился в восточные предгорья, где сегодня в паутинном экране мы видели кенолов. Разговор с кочевниками ничего не дал, они не встречали на своем пути никого подозрительного. Да что там? Вообще никого! Темное королевство было на удивление пусто, спокойно и благодатно. Тигры наслаждались простором и сочной травой, их хозяева тоже не страдали без внимания посторонних глаз. Все были счастливы. Кроме хмурого и задумчивого Властелина.

Мы еще покружили в виду Пепельной Гряды и ни с чем повернули обратно. Мотаться наугад и терять время не было смысла, Наронетор — не маленькая страна и как бы Арон ни хотел найти убийц, пришлось признать, что теперь сделать это практически невозможно. Внутренние земли, в прежние времена сплошь затянутые облаком пепла, теперь населяли обыкновенные люди, перебравшиеся сюда из земель внешних. Коренные жители попрятались в пещеры и на улицу носа не показывали.

За пределами кольца Пепельных гор Наронетор практически опустел, удивительно, что Тувосария до сих пор не прибрала к рукам такой жирный кусок, благо возможность и повод у нее имелись. Сейчас там как нархи в стогу кишели наемники, авантюристы и мародеры, так что от развала Наронетора страдали и жители тувосарского приграничья.

Маленькие деревушки нередко подвергались нападению своих же соотечественников. Вот и сейчас далеко на востоке творилось что-то непонятное: из-за горного хребта поднялась туча и расползлась на манер ядерного гриба.

Арону хватило одного взгляда, чтобы развернуть дракона и помчаться обратно. Прежняя манера полета оказалась легкой прогулкой вприпрыжку. Теперь дракон несся, словно у него под хвостом образовался реактивный двигатель. Ветер выл и свистел, прижимал к спине, будто мы пронзали не вечернее небо, а само пространство.

Горы мелькнули и исчезли, а в следующий миг дракон уже завис над блестящей гладью озера. Дальний его берег исчез, вода с шумом срывалась в почти идеально круглый провал, метров триста в диаметре. Все вокруг покрывал слой земли и камней, крыши нескольких уцелевших домов больше напоминали решето. Одна избушка чудом держалась на краю обрыва. Чудо длилось недолго, с натужным скрипом домик рухнул в темноту. Грохота удара так и не последовало.

— Это что за дичь?! — высказал общий вопрос дракон.

— Не знаю. — Сказать, что Арон был поражен — ничего не сказать. — Снижайся, только к краю не подлетай.

Дракон по широкой дуге облетел дыру, из глубин которой доносился непонятный свист и подвывание, и опустился на землю в сотне метров от полуразрушенной деревянной ограды.

— Может быть, подземный газ взорвался? — предположила я первое, что пришло в голову.

— Может. — Арон вглядывался в палисадник ближайшего дома. Там, из-под едва узнаваемого куста сирени торчали человеческие ноги. Верхнюю часть тела придавило треснувшим надвое валуном.

— Или шеттеры нахিমичили? — Дракон, вытянув шею, пытался заглянуть за край дыры.

— Насколько я знаю, здесь нет их поселений или шахт. — Арон выскользнул из седла и направился по едва заметной дорожке к покосившемуся амбару, за дальней стеной которого мне тоже почудилось движение.

Не дожидаясь, пока его обнаружат, из укрытия выскочил перемазанный пылью парнишка лет тринадцати с завязанной вокруг головы окровавленной тряпкой. Земля перед Ароном взорвалась фонтаном, камень чуть-чуть не достиг цели.

— Убирайся! — сипло завопил мальчишка.

Арон остановился, примирительно поднял руки.

— Спокойно, мы хотим помочь. Что тут произошло?

— И ты еще спрашиваешь? Будь ты проклят, демонское отродье!

— Еще есть уцелевшие, или ты здесь один? — Арон проигнорировал оскорбление и продвинулся еще на шаг.

— Не подходи! — Парнишка покосился на меч над плечом пришельца, но и не думал уступать.

Еще несколько камней взрыли землю, а один угодил Арону в плечо. Властелин отступил. Из-за уцелевших домов высунулись еще шесть человек, такие же грязные и израненные.

— Не знаю, что тут случилось, но вам явно нужна помощь! Я не причиню вам вреда.

— Знаю я, как вы помогаете! — хрипло рассмеялся одноглазый старик. — Видал не раз! Засунь свою помощь...

На этот раз камни настигли даже стоящего поодаль дракона.

— Кажется, у нас возникло маленькое недопонимание, — мрачно заметил Черный, отряхивая каменную крошку со спины, — Арон, давай-ка отсюда убираться.

— Но ты посмотри на них, они ранены, едва на ногах держатся! — Властелин указал рукой на мрачных селян и едва не поймал ладонью булыжник.

— Зато швыряются как здоровые! Заметь, дырка-то аккурат на границе. Тут уже тувосарская земля.

— Какая разница?!

— А такая, что по дороге сюда скачут двое охотников и у одного, если не ошибаюсь, гребаная глушилка. Если сейчас не уберемся, то твое желание исполнится, — процедил сквозь зубы дракон.

— Какое еще желание?

— Сдать меня в «зверинец», а самому отдаться на милость господина Егара. Не дури, летим скорее!

На дороге, и впрямь, столбом стояла пыль. Ободренные селяне снова осыпали нас градом камней и ругательств, обвиняя во всех своих бедах.

Едва Арон поднялся в седло, дракон штопором ввинтился в небо, по широкому кругу облетел разрушенное селение и быстро мелеющее озеро и, не дожидаясь пока прибывшие охотники прицелятся, устремился на запад.

Вот это я понимаю, оказаться не в то время, не в том месте! Похоже, теперь к «заслугам» Властелина добавится еще взрывание дереvушек и осушение водоемов.

Наронетор остался позади, вершины Западных гор еще горели алыми отблесками заката, а из ущелий уже расползались темно-синие тени. Многочисленные корявые отроги тонули в покрытых туманом испарений песках смертельно опасной и труднопроизносимой пустыни Шехечморан. В незапамятные времена в одном из ее оазисов лежал огромный город, населенный загадочным и ныне мифическим народом, не оставившим о себе почти никакой информации, кроме, пожалуй, того, что был он крайне агрессивен.

Соседние Алморана и Лераден терпели частые нападения пустынников, и, вероятно, именно благодаря им, бинти приобрели столь воинственный и задиристый нрав. А как иначе, если западные соседи то и дело норовят сровнять их города с землей? Алморанцы оказались менее стойкими, утомившись каждый раз отстраивать разрушенные селения, они перебрались ближе к западному побережью, отгородившись от буйных соседей высоченной стеной. Говорят, остатки грандиозного строения до сих пор можно встретить в алморанских степях.

Как и куда исчезли неведомые агрессоры — не знал никто. Но даже до Тувосарии доходили слухи, теперь приобретшие статус легенд. Поговаривали, что смертоносную армию возглавляли двенадцать генералов и по мощи, ярости и безбашенности с ними не мог сравниться никто. Однажды им надоело подчиняться императору-самодуру и под покровом жаркой ночи славные воины прирезали шефа, а заодно и всю армию.

— Двенадцать человек уничтожили армию? — Я поворошила угли. На краю пустыни было прохладно, но огонь мы развели, скорее, для моральной поддержки. Сидеть в темноте под завывания ветра в ущельях и раздирающие вопли ночных птиц уж очень тоскливо.

— Так говорит легенда, — дракон развел лапами.

— Мне гораздо интереснее, как они через пустыню перебирались, чтобы набегать на соседей? Если даже нам приходится ждать, пока этот туман опустится.

На расстоянии нескольких километров подсвеченная алым «горящим» песком стена тумана ассоциировалась исключительно с адским пеклом, и не вызывала ни малейшего желания прогуляться по ней. Тех же, для кого охота пуще неволи на границе песков поджидала живописная «окантовка» в виде выбеленных солнцем костей и черепов их любопытных предшественников.

— Об этом легенда молчит.

— Какая избирательная легенда... — Я сорвала желудь с карликового дуба, пушистой стеной ограждающего нашу стоянку с одной стороны, покрутила в пальцах и бросила в огонь. Костер фыркнул искрами.

— Но, говорят, что те двенадцать генералов до сих пор бродят по свету, ищут достойного господина, чтобы присягнуть на верность, — прогудел Черный.

Вдали завывала ночная тварь, эхо разнесло переливчатый голос и бросило в темное небо. Дракон настороженно покрутил головой и снова положил ее на вытянутые лапы. Ну, если Черный никого не почуял, то и мне можно не дергаться.

— А потом снова прирезать, если новый хозяин не понравится? Я бы сто раз подумала, прежде чем связываться с такими «верными» вассалами. К тому же, сколько лет прошло с тех пор? Тысяча? Полторы?

— Возможно. Никто точно не знает.

— Тем более. Не бессмертные же они, эти генералы?

— Кто знает?..

Арон не принимал участия в нашей псевдоисторической беседе. Сидел, привалившись спиной к огромному валуну, и мрачно созерцал фиолетовое небо с розовыми полосами тонких облаков. Многочисленные звезды закручивались в незнакомые созвездия, неустанно подмигивали Властелину, но тот упорно игнорировал их заигрывания. Пустынные ящерики, посвечивая желтыми глазами и чешуйками на хвосте (призванными глаза изображать, в целях отвлечения врага), с любопытством ощупывали верткими язычками металлические пряжки и набойки на новых сапогах Его Темнейшества. Дракон взирал на действия дальних родственников неодобрительно, но молчал.

— Я вот что не пойму, — наконец проронил Арон, сгоняя ящерицу с колена, — почему они решили, что в их беде виноват именно я?

— А кто еще, кроме Темного Властелина может прокрутить такую дырку посреди деревни?

— Я-то как раз не могу! Тем более, с чего они взяли, что я — это я?

— Дорогой мой, — проворковал дракон тоном доброй тетушки, поучающей недалекого племянника, — неужели ты до сих пор думаешь, что можешь сохранить инкогнито? А у кого, кроме тебя, есть дракон?! Я там боялся лишний раз пошевелиться, чтобы не спровоцировать этих бесноватых! Потом скажут, что ты меня на них натравил.

— Не удивлюсь, если так и будет, — Арон криво усмехнулся, — очень удобно, когда есть, кого обвинить во всех несчастьях. Ненавидеть конкретного человека проще, чем проклинать абстрактную судьбу. Наверное, так им легче пережить горе...

— Ну, начинается! — Дракон закатил глаза и отвернулся, но Арон мысль не продолжил.

Сколько бы дракон не фыркал, лица несчастных людей, искаженные ужасом и ненавистью до сих пор стояли у меня перед глазами. Погибнуть так нелепо, сгинуть в бездонной дыре или увидеть, как близкие и друзья погибают, не знаю, что хуже... Так, погодите-ка!

— Арон, та мозаика, в вашей Башне, что на ней изображено?

— Вы о чем? — насторожился Арон.

— В зале на крыше. На одной из мозаик были падающие в бездну люди. Не помните?

Властелин растерянно посмотрел на расползающегося в ухмылке дракона.

— Да он, наверняка, ни разу на нее и внимания не обращал!

— Просто примелькалась, уже и не вспомню, — стушевался хозяин Башни.

И почему его ответ меня не удивил? Я коротко описала основные сюжеты древних картинок, и тут даже дракону расхотелось шутить. Если предположить, что именно Духи в древности становились причинами всевозможных катастроф, то виновницу сегодняшней долго искать не нужно. Вот она, сидит на камне и поджаривает на ветке изрядно чадающий хлебушек. И как, скажите на милость, ей смириться с тем, что из-за нее погибла куча народу и еще больше может пострадать в будущем?!

— Не накручивайте себя, — даже Арон заметил мои внутренние терзания. — Не стоит делать поспешных выводов. Скоро прибудем в Ренатор, там разберемся.

— Что будет, если я все-таки?.. — Этот вопрос мучил меня не первый день, и я боялась услышать ответ.

— Попробуем узнать больше, найдем способ вернуть вас обратно, — уверенности в его голосе было немного.

— А если нет такого способа?

— Если, если! — рявкнул дракон. — Ну, давайте, накрутим себя до предела, чего уж там! Больше заняться-то нечем!.. Зачем изводить себе раньше времени? Наслаждайся жизнью, пока есть такая возможность. Погляди, какой вид! А? Когда б ты еще увидела «горящие» пески? Когда бы пронеслась над ними на крыльях могучего дракона? Кстати, нам не пришлось бы никуда лететь, если бы кое-кто не потерял свою библиотеку, так что скажи спасибо нашему Темнейшеству за его дырявые карманы!

— Черный, можно я тебя убью?.. — устало отмахнулся Арон.

— Смотри, какой вежливый! Разрешения спрашивает. И ты думаешь, он сможет что-то с тобой сделать, если ты окажешься-таки Духом? Ха!..

За валуном, служившим Арону подпоркой, завывла давешняя тварь, да так громко, что зазвенело в ушах. Ей ответила еще одна из ближайшей тени между складками горной породы. Заросли карликового дуба упруго качнулись, выпуская на освещенный пяточок третьего зверя — поджарого, с длинными ногами и буро-рыжей шерстью.

Вытянутые челюсти щелкнули там, где только что было мое ухо. Отброшенная драконьей лапой я кувырнулась в песке — обычном, не «горящем». Частые ураганы обильно засыпали предгорья песчаными дождями, поэтому приземление вышло мягким.

Арон вскочил, не успевая вытащить меч, шарахнул тварь по загривку ножами, но только сильнее разозлил. Злобно рявкнув, она развернулась к обидчику и атаковала.

Ножны в Наронеторе делали на славу, клыки скользнули по черной поверхности, не оставив следов, зато с Властелинами дело обстояло хуже. Продолжая двигаться по инерции, он оступился и рухнул прямо в объятия второй твари.

Не ожидавшая такой радости зверюга замешкалась, и тут же получила сапогом в бок. Третья, полюбовавшись с вершины валуна на кувыркания долговязого человека, прыгнула, раззявив клыкастую пасть, но так и не долетела, сметенная драконьим хвостом.

Я отползла под защиту камня, больше опасаясь попасть под лапы неуклюже топающего дракона. Последний набрал побольше воздуха, но все не решался плюнуть — твари сновали туда-сюда и Властелин не отставал.

— Да не мельтеши ты! — не выдержал дракон, вхолостую выдыхая клубы пара.

Под покровом дымовой завесы Арон отвесил еще пару затрещин сердито вякающим тварям и, пригнувшись, юркнул дракону между лап.

— Не ранена?

Я отрицательно помотала головой и тут же взмыла вверх, подхваченная под мышки. Ухватилась за гребень и заползла в седло. Арон запрыгнул следом и похлопал Черного по боку.

— Давай!

Дракон отступил на шаг, изогнул шею и выпустил такой столб огня, что твари не успели пискнуть, вспыхнули тремя факелами. Пламя расплескалось по скалам, сметая кусты и оплавливая породу. Стена жара дохнула нам в лица, но Черный уже развернулся и одним гигантским скачком спланировал на соседний отрог, недоступный для земных созданий — сплошные острые скалы, без единой горизонтальной поверхности.

Сидя, как ворона на заборе, он балансировал крыльями, любуясь пылающим склоном. За чертой огня мне почудился темный силуэт, но стоило моргнуть, тень исчезла. Мое несчастное сердце столько раз пыталось выскочить из груди за последние несколько дней, что мне следовало либо смириться и привыкнуть, либо окончательно с ним распрощаться.

— Целы? — Дракон обернулся, донельзя довольный демонстрацией силы.

— Интересно, откуда тут взялись красные волки? — вместо ответа протянул Арон, отряхивая испачканный мундир. Брюки оказались порваны на колене, кусок голенища левого сапога остался в зубах волка, удивительно, что тот не добрался до ноги, с такими-то зубами! — И с чего бы им на нас нападать? Сейчас осень, еды полно...

— Сапоги! — прохрипел дракон, не интересуясь ничем, кроме испорченной обуви.

— Хорошо, что я старые захватил!

Дракон закатил глаза и рухнул со скалы, в любимой манере расправляя крылья, едва не долетев до земли.

О красных волках нас предупреждали кенолы еще в лесах Тувосарии, но кто бы мне рассказал, что именно собой представляют эти хищники! В прошлый раз нам несказанно повезло не встретить эту жуть на тонких ножках.

Я рассказала о том случае, заодно упомянула о замеченной тени. Дракон вернулся обратно к горам, на порядочной высоте покружил над затухающими скалами, но ничего не высмотрел. Если с волками приходил кто-то еще, теперь он сбежал или хорошенько затаился.

— Странно, что они залезли на такую высоту, — продолжал удивляться Арон, вглядываясь в темноту, — ладно, в следующий раз будем внимательнее. Больше не ори так громко.

— Что?! Я?! — Черный задохнулся от возмущения, но надо признать, его прошлая тирада была весьма эмоциональной. Не только волки, но и вся грозная песчаная армия могла подкрасться незамеченной под жизнеутверждающий драконий рев.

Алый туман уплотнился, покрыл землю бугристым стеганым одеялом. Изредка одиночные языки взлетали над поверхностью, как щупальца неведомого монстра в поисках зазевавшейся жертвы. Дракон знал об особенностях пустыни и поднялся выше гор. Даже на такой высоте сквозь плотную маску проникали, пускай и неопасные, но отвратительные испарения.

Воздух над песками застыл и только драконьи крылья гоняли его туда-сюда, создавая нежно-розовые завихрения. Развлекаясь, Черный заложил пару виражей, развесив в вышине гигантские перламутровые спирали.

Изредка посреди красного туманного моря возникали черные провалы оазисов, маленькие и нам не интересные. В иных блестели, отражая звезды, крохотные озера.

Из-за горизонта показалась огромная и красная луна. Окружающая действительность окончательно утратила черты реальности. В кровавом свете завихрения наших следов висели малиновыми лентами полярного сияния. Ночной туман взрывался крошечными фейерверками рубиновых капель. Каждый взмах черных крыльев поднимал мерцающий вихрь, украшая небо над пустыней все новыми абстракциями.

Наконец впереди показался кусок пустоты, без единой светлой точки. Неприглядный клочок постепенно разросся в массивный остров, все такой же пустой, будто накрытый черным покрывалом.

Дракон спланировал, выискивая место для приземления. От пустыни Ренатор отделяла высокая корявая стена, созданная древней магией, для дополнительной защиты от смертоносной пустыни и незваных гостей.

Дракон опустил на широкую полосу голой, утопанной земли между стеной и

дремучим тропическим лесом: гигантские широколистные фикусы, ершистые пальмы, змееподобные лианы с бледными цветами. Под лесным пологом было светло от тысяч мерцающих огоньков. Золотистые точки кружили в листве, парили над землей, увивались вокруг цветов и любопытно «обнюхивали» нас. А с высоты оазис выглядел безжизненной дырой в никуда!

Дракон молча утопал налево вдоль опушки, на оклик Арона только махнув хвостом. Властелин неопределенно хмыкнул и полез прямо сквозь чащу.

— Не отставайте.

И не надейтесь!

По тропическому лесу идти оказалось не легче, чем по лесу обыкновенному. Низенькие кусты цеплялись за одежду, как липучки, лианы норовили обвиться вокруг шеи, любопытные «светлячки» лезли в глаза, в нос и в рот, стоило его приоткрыть. К огонькам добавилось голубоватое мерцание колючих коряг.

— К этим лучше не прикасайтесь, — предупредил Арон, — на самых крупных выростах яд, может парализовать на несколько часов. Дальше будет болото, старайтесь идти по моим следам, не отклоняйтесь в сторону.

Упомянутое болото больше походило на музей современного искусства под открытым небом или сон наркомана. Дорожка, выложенная зелеными, тускло сияющими камнями, петляла среди измятых бочкообразных фигур.

От «корней» к острым или сплюсненным макушкам фигур тянулись пульсирующие светом швы-прожилки. С влажным шлепком швы расползались, исполинские «цветы» вываливали набок жирные мерцающие языки-пестики веселенькой психоделической расцветки: желтые с фиолетовыми и розовыми пятнами, ядрено-зеленые в красную и синюю полоску, малиновые, пылающие черным «огнем». Все пространство между фигурами занимала трясина. Со дна болота поднимались многочисленные пузыри, тягуче лопались, распространяя запах гнили. Зеленоватая дымка увивалась вокруг «экспонатов», но на тропинку не покушалась.

Впрочем, тропинка и сама по себе изрядно потрепала нам нервы. Иные камни норовили убежать из-под ступни, Арону приходилось подолгу их уговаривать, изгаляясь в непривычном красноречии. Когда из дымки показался долгожданный берег, в глазах рябило от ярких пятен, и сложно было сказать, взаправду ли происходит этот абсурд или перелет над пустыней не прошел бесследно, я надышалась ядовитых газов и теперь жизнерадостно галлюцинирую, погружаясь в приветливо булькающую топь.

Наконец, под ногами появилась твердая почва, Арон едва заметно выдохнул, но расслабляться не спешил. Болотом местные странности не ограничились. Капризная дорожка влилась в небольшую площадку, ограниченную с двух сторон высокими утесами. Лесные огоньки тащились за нами целым караваном, позволяя отлично рассмотреть фигуру, преграждающую дальнейший путь.

Многорукая статуя злобно скалилась, грозя всеми возможными видами холодного оружия. Сабли, мечи, кинжалы, топоры сияли остро наточенными лезвиями. Когти на сжимающих оружие руках недвусмысленно поблескивали темными каплями яда.

Арон, не медля ни секунды, подошел к привратнице и залепил звонкую пощечину. Статуя обиженно сморщилась и присела на корточки, позволяя пройти в узкий коридор между скалами.

— Прости, — пробормотал Властелин, оборачиваясь к привратнице, но та уже

вернулась на место и снова заблокировала выход.

— Чтобы выйти, вероятно, ее надо пнуть? — не удержалась я.

— А я вот не сразу сообразил, — посетовал провожатый, замирая перед следующим препятствием, — сложно догадаться, когда тебя преследуют разъяренные грооны.

Коридор раздался вширь, выпуская нас на каменистый пяточок. Огоньки перестали мельтешить, поплыли медленно и плавно. Мы тоже едва двигались сквозь круг камней, увенчанных причудливыми, нет, к сожалению не статуями.

Главное при встрече с грооном — не суетиться, двигаться медленно и ни в коем случае не бежать!

Одна из иссиня-черных тварей шевельнула крыльями, неотрывно следя за нашим продвижением. По спине сбегала струйка пота. Нет, это невыносимо, идти так медленно под прицелом двух десятков хищных глаз. Понятно, почему тогда на пустоши Антон дал деру. Но он смог от гроона отбиться, а у меня против ночного хищника не было и шанса. Поэтому медленно и осторожно выходим из круга, исчезаем из поля зрения тварей и можно себя не сдерживать!

Даже Арон, большой любитель темных созданий, не отказал себе в удовольствии живительной пробежки по усеянному валунами, пологому склону. Тут гулял ночной бодрящий ветерок, с нотками дыма и сладких цветов. Огоньки, растянувшись цепочкой, рыскали по склону, но не отставали.

Мы долго летели над пустыней, и немало времени потратили на продвижение по лесу и болоту, а небо по-прежнему сияло звездами без намека на рассвет и только впереди за очередной каменной стеной, отороченной пальмами и фикусами, светилось белесое зарево.

— Это врата, — пояснил Арон, — но мы пойдем к ним утром. Пока можно отдохнуть.

Дальше он пошел без опаски. Не глядя по сторонам, ступил на широкую дорожку под пальмами. За крошечной рощей показалась невысокая скала с темным провалом пещеры. На камнях, во множестве сваленных у входа, плясали рыжие отблески костра. Свернувшийся кольцом дракон поднял голову, проворчал:

— Что-то вы долго!

— А он как тут оказался? — Я недоуменно посмотрела на Арона. Всю дорогу я раздумывала, куда пропал Черный, и не проще ли было преодолеть весь путь по воздуху? А он уже тут отдыхает!

— Есть еще одна дорога. Для нас там жарковато, а ему в самый раз. — Арон устало покачал головой и добавил: — к сожалению, летать в Ренаторе нельзя. Ему тоже пришлось идти пешком.

Дракон приглашающе махнул лапой.

На плоском камне, приспособленном под стол, дымились кружки с ароматным чаем, в плетеной корзине возвышалась горка неизвестно откуда добытых сладостей и сухофруктов — то, что нужно после опасной прогулки.

Арон предпочел бы вино, но дракон «случайно» забыл его дома. В отместку Властелин закурил свои адские сигареты, пуская кольца вонючего дыма дракону в нос. Свежий ветерок сводил все старания на нет, а дракон только посмеивался.

Кто умудрился вырубить идеально гладкую пещеру в скале, испещренной прожилками лунного шердонита — неизвестно, но трудолюбию и упорству мастера можно было только позавидовать.

Лунный шердонит — один из самых редких драгоценных камней, не уступал в крепости алмазу, а о его целебных свойствах ходили легенды. Именно легенды, потому что найти хотя бы крошечный кусочек заветного минерала во всем Ирвеоне было невероятно сложно. Все камушки, до единого оседали в сокровищницах искушенных богатеев, а простым смертным оставалось только слушать сказки. Тем удивительнее, что в Ренаторе шердонита было в избытке.

Старательный рудокоп выбрал все обломки драгоценного камня, до малейшей крошки и увез в неизвестном направлении. На этом его трудолюбие закончилось. Опустошенная порода осталась лежать посреди пещеры и на площадке перед ней безобразными кучами. Дракону пришлось попотеть, чтобы привести пещеру в приличный вид. Он занялся этим в их самый первый прилет и продолжал обустривать убежище до сих пор.

В незапамятные времена был в Ренаторе и настоящий замок. Но теперь от него остались только гигантские руины, вызывающие нервную дрожь даже у дракона. Так что он предпочел обитать в пещере, а не в проклятых всеми богами и демонами развалинах.

Арон тоже не собирался восстанавливать старую резиденцию. Его вполне устраивала пещера, где, под действием шердонита, он спал как младенец, без кошмаров и панических пробуждений.

Дракон и сам был не прочь испытать эффект благотворного камушка, но на горизонте появились ледяные бинты, пришлось великодушно потесниться. Дракон и принцесса в одной пещере — огонь и лед. Несовместимые сущности.

Пока вещи венценосных особ перемещались из Северного Лерадена, дракон и Властелин во время визитов ютились в тесной палатке. Точнее, Арон ютился, дракону проходило ночевать на улице. Зато после королевского переезда в пещере осталась куча мебели: две кровати, кресло, шкафы (книги Арон отыскал-таки в развалинах старого замка), стол, стулья, в общем, все, что нужно для комфортной жизни.

Пол скромного обиталища и кровати были застелены шкурами северных быков, самая большая — черная — закрывала вход. Прожилки шердонита в куполе пещеры впитывали свет луны и звезд, приглушенно сияли, не мешая спать.

Я слышала бормотание дракона сквозь дрему. Едва голова коснулась подушки, хваленый шердонит взялся за дело. Тревоги исчезли, с легким сердцем и головой я провалилась в сон, не тяжелый и оглушительный, а легкий и приятный, как прозрачный шелк. Сквозь его завесу я слышала все, что происходило вокруг, но почти не осознавала.

Арон оставался сидеть на улице, куря сигареты одну за одной. Дракон сообразил, что слушатель из меня никакой и присоединился к хозяину.

Еще долго из-за меховой шторы доносилось журчание голосов. Даже Черный умудрился говорить тихо, а не грохотать в своей обычной манере, но я все равно ничего не разбирала, просто плыла по течению, как по лунной дороге, среди звезд и серебряных лент полярного сияния.

Спустя время Арон тихо прошел за ширму, отделяющую дальний угол комнаты. Вероятно, раньше там спала принцесса. Мне досталось королевское ложе. Интересно, чем пахнет ледяной король? Я сквозь сон фыркнула от этой дурацкой мысли. За десять лет весь королевский дух выветрился. Покрывало пахло чистым мехом и мятой.

Дракон не появился, а я окончательно растворилась в мягком сне этой бесконечной ночи.

— Давно хотела спросить, как ты управляешься с мелкой посудой и готовишь? — Я разглядывала идеально круглую свежее испеченную лепешку. На вкус она была столь же прекрасна, как и на вид.

— Магия! — многозначительно изрек дракон.

Мы сидели на улице у входа в пещеру. Недавно поднявшееся солнце успело нагреть камни. В потухшем костре едва заметно мерцали угли, распространяя не нужное сейчас тепло. Я пошевелила босыми ногами. Сапоги кучей хлама лежали поодаль, думать о них в такую жару не хотелось.

— Можно в следующий раз посмотреть?

— Мы еще не так близко знакомы... — затрепетал он воображаемыми ресницами.

— Ты меня пугаешь, — я рассмеялась, — я теперь себе такое нафантазирую!

— Но-но! Без фантазий, пожалуйста.

— Поздно, — последняя лепешка исчезла слишком быстро. Нет, готовить так вкусно — противозаконно! — Где Арон?

Я подставила лицо утренним лучам. Солнечные ванны после прекрасного завтрака — что может быть лучше? Курорт! Не хватает только моря и крика чаек. На фоне бледно-голубого южного неба промчалась стайка пестрых, истошно орущих пичуг. Сойдет...

Совсем рядом, за высокой стеной дышала убийственным жаром страшная пустыня, а в сердце Ренатора было тихо и спокойно. Если забыть про гроонов и прочую местную флору и фауну.

— Ушел ни свет, ни заря травы собирать. Тут полно всяких диковинок, — словно в продолжение моих мыслей ответил дракон. — Лекарственные растения, живность всякая чудная, паразитов полно, так что осторожнее, особенно рядом со старым замком. Я с вами не пойду, не люблю этих ледышек.

— Зачем ему травы?

— Наш Властелин не такой уж раздолбай, как кажется. В магии не силен, зато разбирается в травах. Если б не королевство, он бы лекарем заделался, зуб даю... Так что тут он пополняет свои запасы, ну и я попросил кое-что принести...

— Кое-что?! — Арон появился из-за рощи, сгибаясь под тяжестью здорового мешка. На Властелине снова была бесформенная рубаха и старые сапоги — предмет лютой драконьей ненависти. — В следующий раз сам пойдешь свои грибы собирать! Не стыдно хозяина эксплуатировать?

— Нет. — Дракон сцапал мешок, выудил синеватый скользкий блин и тщательно осмотрел. — Идеально! Сегодня будет грибной суп!

Блин выскользнул из лапы и плюхнулся обратно в мешок.

— Он точно съедобный? Боюсь, от такого супа, я сама посинею.

— Глупости. Я уже не раз готовил. Даже ему понравилось.

Арон криво ухмыльнулся и бочком шмыгнул за меховую завесу. Ох, сдаётся мне, отправлялся этот супчик напрямик под куст, минуя промежуточную станцию «Властелин». То-то вокруг пещеры земля голая и безжизненная.

— Я грибы не очень люблю, — соврала я.

— Ладно, что-нибудь другое приготовлю, — разочарованно прогудел дракон, продолжая копаться в мешке, — тут полно вкуснятины!

— Делай, что хочешь, — Арон вернулся при полном параде. Протянул мне куртку. — Возьмите, пригодится. Мы отправляемся.

Я нехотя потянулась к сапогам. Жаль что перед королевским особами нельзя появляться босиком.

Дракон с тоской покосился на мои ноги, потом на властелиновы.

— Ну почему опять они?..

— Потому что кое-кто волков проворонил! — напомнил Арон.

— Я не виноват, что они твои новые сапоги сжевали! Мог быть осторожнее... Да ты это специально! — поразился Черный.

— Не понимаю, о чем ты, — Властелин бесстрастно отвернулся, приглашая следовать за ним.

— Два сапога — пара... Тьфу! — нудил Черный нам вслед.

Тропинка плутала среди валунов, хаотично разбросанных по зеленой равнине. Короткая, будто недавно подстриженная травка больше походила на искусственный газон. В тени у основания камней качали головками мелкие сиреневые ромашки, на солнце грелись ящерицы и толстые ленивые пчелы. Ночью стена, закрывающая Врата, казалась совсем близкой, но, сколько бы мы не шли, она не приблизилась и на метр.

Камней становилось все больше и, незаметно, они слились в корявые стены. Трава исчезла, солнце утонуло в густой дымке. По камням расползся темно-зеленый мох и желтый лишайник. Дымка опустила, скрадывая повороты каменного тоннеля. Похолодало.

Постепенно стены исчезли, а туман уплотнился. Тропинка растворилась в высокой тонкой траве. Арон шел уверенно, и кроме его спины, маячащей впереди, в молочно-белом мире не было ничего. Потеряться в таком тумане было проще, чем заблудиться в темных коридорах Башни. Я старалась не отставать. Временами мне чудилось в глубине тумана нечто большое и пугающее.

Слева возник закопченный кусок стены. Серые камни с оплавленными краями затягивал буро-зеленый плющ, из щелей сочилась черная тягучая смола.

— Это старый замок, — глухо произнес Арон. Его голос был пугающе реальным в этом туманном мире. — Не отставайте.

Теперь понятно, что имел в виду Черный. От необъяснимого ужаса у меня по спине побежали мурашки. Хотелось схватиться за Властелина, чтобы не утратить связь с реальностью, а то и вовсе малодушно попроситься на ручки.

Ну, уж нет. Не дождетесь!

Разрушенный замок был огромен. Оплавленные камни появлялись и исчезали, над одной из стен, с чудом сохранившимся дверным проемом, туманный полог прорвался, впуская в призрачную реальность рассеянные лучи. Замок так давно превратился в руины, что посреди одного из залов успело вырасти и засохнуть огромное дерево. Его опутанный паутиной, корявый силуэт в рассеянном свете выглядел чарующе печальным.

Я невольно остановилась. Заброшенные дома всегда вгоняли меня в меланхолию. Вот и сейчас необъяснимая тоска запустила когти в грудь, разрывая сердце на куски. Не отрываясь, я смотрела на сияющий проем, в котором возник давно забытый образ.

Такой она и была в нашу последнюю встречу: зеленое платье в цветочек, бежевая кофта, светло-русые локоны ниже лопаток. Прежде мне казалось, она больше всего хотела вырваться из захудалого городишки, бежать не оглядываясь, но теперь я понимала ее печаль и безысходность. Она не осмелилась посмотреть мне в глаза. Боялась, что иначе не сможет уйти.

— Мама?

Горло перехватило, невысказанные слова сухими листьями осыпались на кривые плиты пола.

— Ты хочешь вернуться? — Она говорила тихо и так знакомо. — Я бы хотела, но не могу. Ты искала Врата и вот они, только протяни руку.

Проем замерцал, проявляя знакомую комнату. Кровати, стол, стулья. Жанна красит ногти, Фарид непривычно печален.

Я остановилась с занесенной над порогом ногой. Сквозь прозрачную картинку

проступил силуэт в зеленом платье, совсем близко. Если уйду сейчас, больше никогда ее не увижу. Я протянула руку, коснулась плеча. Холодного, как камень. Фигура оказалась прямо передо мной, тягуче развернулась.

Серые волосы паклей опускались на костлявые плечи, корявая рука впиалась в мой локоть, запуская ледяные ростки под кожу, не давая шелохнуться. Безумное лицо скривилось в беззвучном смехе. Уродливая старуха в рубище из паутины распахнула слюнявую пасть, наклоняясь все ближе. Я вздохнула, попыталась выкрикнуть *слово*, но легкие окаменели.

— А... — прохрипела я. Оставшиеся три буквы беззвучно вылетели вместе с покидающей тело душой.

Меня дернуло. Душа с хлопком вернулась на место, свет погас, а я больно приложилась задом о замшелый каменный пол. Туман снова воцарился на развалинах. Грудь ломило как от удара, но дышать стало легче. Плечо болело, правая рука от локтя до кончиков пальцев онемела. Арон стоял чуть впереди, вглядывался в проем, но порог не пересекал.

— Я предупреждал, — он обернулся, осмотрел руку, размял ладонь. — Ничего страшного, чувствительность скоро вернется.

— Что это было? — Я тяжело дышала, озираясь по сторонам, перед глазами все еще стояло жуткое лицо старухи.

— Душесосущий паразит. Он все еще тут, надо уходить.

— Но он выглядел как... Как... — я запнулась, чувствуя подступивший к горлу комок.

— Так он приманивает жертву. Вызывает в памяти самые болезненные воспоминания. Притворяется знакомым человеком, сбивает с толку, а потом нападает. В первый раз и меня хотел заманить, но со мной его фокусы не работают. Пытаюсь натравить на него Черного, но быстрее паразит сам от голода погибнет, чем дракон согласится еще раз сюда прийти.

И я его прекрасно понимала! Сложно представить что-то более ужасное и отвратительное. Мерзкое чувство налипло на едва не вытянутую из тела душу, как паутина старухино платье.

Мы поспешили покинуть руины. И на этот раз, для верности, Властелин придерживал меня за локоть.

Я не думала о родителях много лет. Спрятала переживания глубоко-глубоко, закрыла на замок и надеялась больше никогда не почувствовать ту боль, от которой так часто рыдала в подушку бессонными ночами. Никто никогда не видел моих слез, и я дала себе слово не тратить время и нервы на тех, кому оказалась не нужна. Я выбрала быть сильной, но теперь вся моя воля рассыпалась, улетела клочками тумана под напором навязанных воспоминаний. Как, оказывается, легко меня выбить из привычной колеи! Или паразиту удалось-таки утащить кусочек души? Оттого так ноет в груди, разрастается черная дыра тоски.

Арон искоса поглядывал на меня, но ничего не говорил. А что тут скажешь? Банальное: «Не переживай»? «Все будет хорошо»? До такого Темный Властелин не опустится. Не полезет с расспросами. Помощи ждать не откуда. Будем выбираться самостоятельно, как всегда.

— Хотите что-то спросить?

Туман поредел, замок остался позади и гнетущая тоска отступила. Солнце по-прежнему светило, над лугом сновали птицы и бабочки, стрекотали цикады, ветер гонял по траве серебристые волны. А посреди цветущего лета возвышался огромный ледяной купол.

— Вы видели, что там, за Вратами?

— Нет. Никто не видел, кроме богов, демонов или духов, но они о своей родине не рассказывают.

Мы подошли вплотную к морозной полусфере.

— А с демоном когда-нибудь говорили?

— Ни разу. Совершал обряды, но напрямую никогда не общался. Это под силу только высшим жрецам. Сейчас их, к сожалению, не осталось. Я понимаю, к чему вы клоните, но помочь не могу. Они нас почти не слышат.

Арон прижал ладонь к ледяной стене, под пальцами зашевелились стрелки инея, побежали в стороны, сплетаясь в сеть. Полупрозрачная корочка узорного портала истончилась, являя застывший морозный мир: засыпанный снегом берег, круглое озеро со вмерзшей в лед лодкой, на дальнем берегу частокол темных елей, и аккуратный двухэтажный домик с резными наличниками.

Изнутри купол обратился тяжелым зимним небом с набитыми снегом тучами и полным отсутствием солнца. Дыхание вырывалось туманными облачками и оседало на землю крупными резными снежинками.

За нашими спинами проход затянулся, не выпуская холод и не впуская тепло. Властелин протянул руку, поманил лежащую на боку лодку и та, нехотя, выпрямилась. Киль по-прежнему оставался погруженным в лед, что никак не мешало движению. Суденьшко скользило по застывшему озеру, не оставляя следов, как нож по мятному желе. За пару секунд мы достигли середины озера. Сквозь толщу бирюзового льда проступали очертания застывших водорослей и широких черных лент.

— Что это?

— Врата.

— В озере, под водой?!

— Озеро и есть Врата. Сейчас они запечатаны. С той стороны, — Арон говорил отрывисто и выглядел подтянутым и собранным, словно перед экзаменом.

Лодка причалила к берегу, и, стоило нам ступить на лед, лениво завалилась на бок. Этот берег поднимался невысоким холмом, на вершине которого толпились подпирающие облака ели. Над заснеженными макушками кружили белые птицы.

А вот и экзаменатор.

На резном крыльце стояла молодая женщина. Высокая, стройная, в белом платье с высоким воротом, длинными рукавами и струящимся подолом. Черные волосы собраны в пышную, но простую прическу. На бледном лице ни следа румянца. Глаза — два черных провала, без белков и зрачков. Единственное яркое пятно — алые губы с легкой приветливой улыбкой. Ледяная принцесса была пугающе прекрасна.

Арон, поглощенный дамой, припал на колени, коснулся губами белоснежного запястья. Рядом с принцессой он и сам преобразился. Да, пожалуй, они стояли друг друга — два величественных и недосыгаемых существа. И как это я умудрилась попасть в чужую сказку?

Низкие тучи разразились крупным пушистым снегом. Я запахла куртку, натянула капюшон. Кто ж знал, что эти голубки будут так долго ворковать на морозе? Не удивительно, что дракон отказался идти. Он бы точно не удержался от ехидных комментариев и неуместных шуточек, а мне оставалось только ждать, пока парочка наговорится и вспомнит о присутствии третьего — лишнего.

Наконец, принцесса заметила мою изрядно засыпанную снегом фигуру, шепнула Арону пару слов. Тот вздрогнул, обернулся. Привет-привет, я еще тут. Он, смутившись, представил

нас друг другу. Эллилайла коротко кивнула, я тоже не стала рассыпаться в реверансах. Я, конечно, холода не боюсь, но торчать под снегопадом удовольствие небольшое. В конце концов, гостеприимства никто не отменял, учитывая, что они сами тут гости.

Пара снова погрузилась в беседу, а я, следом за ними, поднялась на крыльцо. За толстой деревянной дверью начинался длинный коридор, совершенно не соответствующий размерам домика. Деревянный пол и обшитые досками стены казались покрытыми слоем льда, а может и не казались. Внутри было не теплее, чем снаружи. На стенах в плоских светильниках трепетали холодные голубоватые огоньки, давая ровный, но несколько неживой свет. Все место между светильниками занимали внушительных размеров пейзажи, выполненные в удивительно реалистичной манере. Не бездушное копирование, а великолепно переданное чувственное воспоминание. В каждом полотне отражалось настроение, в игре света и тени, в деталях чувствовалась жизнь.

Прекрасная Эллилайла двигалась бесшумно, величественный Арон чинно вышагивал рядом, я на их фоне казалась растрепанным воробьем, случайно попавшим в стаю благородных лебедей.

Так. Стоп. Это что еще за настроение? Я отвесила себе мысленную затрещину. Я сюда явилась по делу. Предаваться самоуничтожению можно и в более комфортной обстановке. Что бы сейчас сказал дракон? Правильно. Прекрасной принцессой мне в любом случае не стать, так зачем себя мучить? Голос разума восторжествовал, и я полной грудью вдохнула колючий воздух обители ледяных бинти.

— Отец ждет вас, — Эллилайла остановилась напротив простой двустворчатой двери, с интересом осмотрела меня. Я ответила улыбкой и последовала за Властелином в покои короля.

Айам-ману выглядел живее дочери, не смотря на значительную разницу в возрасте — на вид ему было за шестьдесят. Коротко подстриженные седые волосы и такая же борода придавали ему вид крепкого бодрого пенсионера. Простая белая рубаха, выдавшая виды жилетка и светлые брюки дополняли образ. Впечатление портили черные, как и у принцессы, глаза. Если обычно глаза отражали душу человека, то у ледяных они отражали пустоту.

— Давненько наш радушный хозяин не почитал нас своим присутствием. Мы уж и не надеялись увидеть вас в этом году, — вместо приветствия бросил король, отрываясь от книги. Он сидел за столом у окна. Кроме, собственно стола и единственного стула в комнате мебели не было.

— Ваше Величество, — Арон вежливо склонил голову, хотя по статусу они были равны, если не учитывать, что Айам-ману король в опале. — Я хотел прилететь раньше, но обстоятельства сложились иначе.

— Да, я понимаю. Как дела в славном Наронеторе?

— Все по-прежнему, к сожалению.

Пустопорожняя болтовня могла затянуться надолго, если бы король сам не обратил на меня внимания.

— Впервые за столько лет вы привели постороннего. Это столь необычно, что я не знаю, чего и ожидать. Или вы нашли компаньонку для моей дочери? Ей несколько сложнее переносить вынужденное уединение, чем мне. Книжки, что вы в прошлый раз принесли из старого замка, весьма занимательны, хотя в большинстве скорее развлекательное чтение.

— Мне жаль, но пока вас порадовать нечем. Сейчас небезопасно даже в сердце

Наронетора. Это место — единственное, где вам не нужно опасаться за свою жизнь.

— Я понимаю, — повторил король, — так что вы хотите узнать? В ваших глазах я вижу вопрос.

Последняя фраза была адресована мне. Увы, я в его глазах не видела ничего, кроме отблесков голубоватых огоньков, но свой вопрос задала.

— Духи? Что ж, в прошлом они появлялись часто, но, в основном, им хватало ума свое происхождение скрывать. Да, не удивляйтесь! Вы, наверняка, слышали о Духах много небылиц. Но сами по себе Духи не опасны. Они часто становились жертвами обстоятельств или интриг корыстных людей. Разумеется, и Духи бывали разными, иногда они преследовали совсем не благородные цели. Но, повторюсь, случалось это крайне редко. В последние годы — до того момента, как мы были вынуждены переселиться сюда — я не встречал ни одного из них. Полагаю, они, в основном, ведут тихую и размеренную жизнь, и человек неопытный ни за что не отличит их от обычных людей.

— А вы можете понять, Дух перед вами или обычный человек?

— Конечно. И я, и господин Арон, любой, кто много времени уделял изучению Врат, с легкостью это поймет. — Он, испытующе глядя на Арона, склонил голову. Властелин едва заметно поморщился, а Айам-ману продолжал: — дело в том, что Дух — существо бестелесное. Да, он выглядит как обычный человек, но его оболочка — всего лишь концентрированная энергия его материального тела. И чем сложнее и эмоциональнее процесс разделения тела и духа, тем большей силой обладает эта оболочка. Поскольку мы имеем дело с нематериальными сущностями, то относительно легко можем отличить человеческое тело от оболочки Духа. Вот, скажем, вы можете понять, насекомое перед вами или мелкий паразит из примитивных духов? — Он протянул руки.

В каждой ладони сидело по маленькому существу. Ни одно из них я прежде не видела, но, в целом, они напоминали помесь нарха и кузнечика. Оба ошарашено взирали на склонившихся людей и беспокойно перебирали лапками. Было между ними что-то общее, но в то же время они отличались друг от друга как ботинок и облако. Не внешне, но иначе. А еще, сидящего на левой ладони я *чувствовала*.

— Это дух, — я указала на недовольно заерзавшего паразита.

— Вот видите, — король схлопнул ладони, развеяв созданий облачком серебристого инея, — это иллюзия, но очень правдоподобная.

— А почему я могу их отличать? Я-то к Вратам никакого отношения не имею.

— Возможно, вы некоторое время пребывали под их воздействием, либо общались с их обитателями.

В самый первый день в Ирвеоне я видела Врата Духов — исполинскую арку меж двух пиков Западных гор, но лишь издали, а с многоцветными тварями познакомилась гораздо ближе. Так вот кого следует благодарить за мой дар!

— Но я не Дух?

— Нет. Конечно, нет. Ваша связь с телом крепка, даже слишком, учитывая обстоятельства.

— Какие еще обстоятельства?

— Вы находитесь в Ирвеоне, но принадлежите этому миру лишь частично.

— И что это значит?

— Я говорю то, что вижу, но не всегда могу объяснить, что именно я вижу. Я живу в этом мире уже очень много лет, но недостаточно для того, чтобы хоть немного приблизиться

ко всем его тайнам. К сожалению, я не всеислен и не всезнающ. Но есть в мире существа более древние и мудрые, — в голосе Айама-ману прозвучала плохо скрытая досада.

— И вы не знаете, как мне вернуться домой? — напрямую спросила я.

— Поговорите с драконом. Его возможности шире человеческих, а знания — глубже. Если кто-то и знает, только он, — король холодно улыбнулся.

Прекрасно. Старая песня на новый лад. Дракон меня посылает к бинти, бинти — к дракону. Круг замкнулся!

— Вот вредный старикан! — взвился Черный. — Прекрасно знает, что я ни демона не помню, и отправляет тебя ко мне!

Мы снова сидели на камнях у пещерки, и я с наслаждением впитывала солнечное тепло. Скачки из лета в зиму и обратно изрядно озадачили мой организм, и меня легонько потряхивало. Дракон предусмотрительно наварил согревающего зелья с кучей трав, ягод и специй. Я потягивала горячий напиток и рассказывала о прошедшем дне.

После беседы с королем, я оставила их с Ароном наедине и вышла на улицу. Политические темы меня не интересовали, и так было о чем подумать.

Но уединиться с мыслями не получилось. На крыльце сидела прекрасная принцесса и чистила рыбу. Вот так запросто, над металлическим тазиком, узким ножом потрошила толстых радужных карпов. Белое платье она сменила на серое с закатанными рукавами и разрезами до середины бедра. Черные брюки со шнуровкой по бокам плотно облегли стройные ноги, аккуратные сапожки привели бы дракона в неописуемый восторг. Волосы она заплела в длинную косу. Такой домашний вариант Эллилайлы понравился мне больше.

— Останетесь на обед? — просто спросила она.

— Не знаю. Я так плотно позавтракала, что едва ли до вечера проголодаюсь. Черный готовит, как на целую армию.

— Это точно, — рассмеялась она. — Почему он не пришел?

Я не стала говорить, что перед уходом он бросил, что «терпеть не может эту черноглазую ведьму».

— Отдыхает после долгого полета. Он еще не полностью восстановился после нападения.

Пришлось рассказать про визит злосчастного курьера. Тут неожиданно вышел Арон. Стремительно проводил меня до пещеры, набрал кучу книг и унесся обратно, бросив на прощание, чтоб его не ждали.

— А она не такая ужасная. Даже расстроилась, что ты не пришел, — я поставила кружку на каменный стол и сладко потянулась.

— Хитрая ведьма. Я вот что думаю, — дракон зыркнул на меня и продолжил: — Арон по ней сохнет, как мальчишка, а она, на самом деле, на меня глаз положила. В последнюю встречу так и увивалась вокруг, все расспрашивала, говорила всякое.

— Что говорила? — Я недоуменно уставилась на дракона.

— Да я не понял толком, — смутился он, — вопросы задавала странные, в общем, вела себя подозрительно. И только наедине, при Ароне — ни-ни!

— Глупости! — я рассмеялась. — Ты и она? Не пойми меня неправильно, но я видела, как они смотрят друг на друга, тут без вариантов.

— Ну, не знаю... Лучше я тут посижу, от греха подальше.

Ох, Черный, ну и фантазер!

— Кажется, я знаю, в чем дело, — сообразила я, — она ведь сидит тут одна столько лет, кроме отца никого не видит, а ты — дракон! Дракона не каждый день встретишь! Конечно, она хочет с тобой поговорить. Или король сам хотел тебя расспросить, а самолюбие не позволило, вот он ее и подослал. Думал, ты ей все свои драконьи тайны выложишь.

— Вот подлый старикан! — Черный пораженно вытянулся. — Это ж надо, до чего додумался! Родную дочку дракону подсунуть!

— Ну а что? Она красивая, любой на такую клюнет. Если бы не Арон, ты бы ей все выложил. Но ты ведь на самом деле ничего не помнишь?

— А то! Стал бы я врать? Нет, ну каков подлец?! Надо обязательно Арону рассказать.

— Даже не думай! Это всего лишь догадка. И первый вариант больше похож на правду. Тем более, ничего страшного не случилось. Он только разозлится.

— Ты права. Но я к ним все равно больше не пойду, — Черный надулся и утопал к ручью мыть посуду, строго-настрого запретив идти за ним следом.

Ночевать Арон не пришел. Не явился он и на следующий день.

Я изнывала от безделья. Заняться в солнечном Ренаторе было решительно нечем, только есть да спать. Безопасная территория протянулась от ущелья гроонов до туманного лабиринта, и ничего интересного кроме пещеры и широкого ручья на ней не было. Черный не давал мне ступить и шагу без присмотра, но и сам за условную границу не лез, зато откармливал, как на убой.

В тайне я и сама радовалась продолжению «каникул». Слова ледяного короля, как бы дракон того ни ругал, меня успокоили. Приятно знать, что не я повинна в гибели людей. Но вместе с тем вопрос: «как мне вернуться домой?» встал еще острее.

Если не знаешь, где вход, то и выход найти непросто, пусть, зачастую одно с другим и не связано. В этом вопросе мудрые бинти, как и дракон, оказались бесполезны. Для Арона я не опасна, значит и смысла оставаться рядом с ними нет. Было сложно в этом признаться, но мне до ужаса не хотелось возвращаться в неприветливую Тувосарию. А к дракону я привыкла настолько, что казалось, будто знаю его всю жизнь.

Черному тоже было скучно, но он привык подолгу дожидаться хозяина и неудовольствия не выказывал. Снова развлекал меня байками из жизни Темного Властелина, вспоминая все новые злоключения, а то и выдумывая их прямо на ходу.

Я слушала драконью болтовню вполуха, а сама мрачно думала о своей дальнейшей судьбе и ответа на многочисленные вопросы не находила.

На третий день в пустыне разыгралась пылевая буря. Поднятый диким ветром песок остывал, терял смертоносные свойства, но от этого приятнее не становился. Дракон сдвинул мебель к стене, забрался в пещеру и заблокировал выход. Мне оставалось достаточно места, но выйти на улицу, появившись у меня такая потребность, не получилось бы.

Черный подсуетился вовремя, следом за пылевой грянула буря обычная — с громом, молниями, ливнем и градом. Дракон клялся, что такое в Ренаторе впервые, да тут и обычного дождя не бывает, а все растения питаются от подземного источника.

Гром грохотал так, что гудели камни, а дракон подпрыгивал, каждый раз сдавленно ругаясь. Молнии сверкали каждую секунду, процеженные шердонитом, молочными вспышками озаряли пещеру. К счастью, наше убежище находилось на возвышенности, иначе нас бы давно затопило. Сквозь вой ветра, и грохот ливня доносился шум воды, подбирающийся все выше к порогу.

Наконец, дракон не выдержал.

— Доставай паука! Надеюсь, ты его не потеряла?

— Я о нем и забыла! — Черная коробочка все время лежала в кармане куртки. —

Наверное, его надо было чем-то кормить...

— Забудь об этом, им еда не нужна. Открывай. Ей, ты, Ар-как-там-тебя?

— Ардалион, — недовольно буркнул сонный паук, — чего тебе, ящер?

— Я тебе дам, «ящер»! — взбеленился дракон. — Свяжись с Ароном! Быстро!

Паук нехотя выбрался из коробки, принялся лениво плести паутину. В прошлый раз вдвоем они справились быстро, теперь же прошла целая вечность, прежде чем на маленьком экране появилось черно-белое изображение напряженно вглядывающегося во что-то за кадром Властелина. Ардалион подергал за ниточки, настраивая изображение, и завибрировал, пружиня на ножках.

Арон удивленно вскинул брови, отвернулся. Картинка качнулась, и пауки наладили двустороннюю связь.

— Что у вас там происходит? — глухо, как сквозь слой воды проговорил Властелин.

— Это я у тебя хотел спросить! — возмутился дракон, озаренный вспышкой молнии. — Это ты там с Вратами балуешься? Нас тут скоро смочет!

— Это не я, — смутился Арон. — Они сами.

Изображение сместилось. Властелин стоял на берегу озера, снег вокруг осел и почернел, лед растрескался, из разломов били синие и фиолетовые лучи.

— Резонируют, — пояснил он. — От вашей бури.

— Ничего не понимаю, — буркнул дракон, — я думал, все наоборот... Но ты с ними справишься, если что?

— Да ничего с ними не будет.

— Ага, только дырка на полконтинента...

— Не выдумывай, — отмахнулся Арон, — тут не во Вратах дело. Но если что, я справлюсь, не переживай. Ты чего хотел-то?

— Спросить. Я тебе тут сильно нужен? Хотел смотаться кой-куда, пока ты там развлекаешься, но теперь уж и не знаю...

— Я не развлекаюсь, а решаю важные вопросы.

— Знаю я твои вопросы, — буркнул в сторону дракон, — ну так что?

— Рассказывай.

Дракон коротко изложил свой план.

— Хорошо, но будьте на связи, — неожиданно легко согласился Властелин.

— Ты тоже. Если что, вызывай паука, я мигом примчусь! И не забывай есть, что-то ты бледный...

— Непременно, бабуля! — усмехнулся Арон и исчез с экрана.

— Бабуля... — буркнул дракон. — Кажется, дождь утихает. Там в сумке теплая одежда, собирайся, вылетаем!

Слова ледяного короля задели дракона за живое. Прежде к потере памяти он относился как к досадной, но малозначительной помехе. Теперь же загорелся идеей вспомнить все.

Буря закончилась так же внезапно, как и началась, оставив после себя реки мутной воды и барханы песка. В непривычно синем, отмытом дождем небе резвились стаи птиц. Пустыня на время утратила свою смертоносность и ренаторская крылатая живность отрывалась на годы вперед.

Склон перед ущельем гроонов превратился в сплошной топкий бархан. Черный подвез меня ко входу в ущелье, и на этом наши пути разошлись. Он отправился к своей тропе, а я, заверив его, что все будет в порядке, вошла в покрытое предвечерней тенью ущелье.

С самого начала все пошло наперекосяк. Потревоженные бурей грооны и не думали спать. Сидели, раздраженно разминая крылья, и хрипло переругивались. Дождаться ночи не имело смысла, с приходом темноты они только взбодрятся. Оставалось только отвлечь их и быстренько прошмыгнуть в коридор многорукой статуи.

Желтоногие песочники были для гроонов слишком мелкой добычей, но если собрать их побольше... Я шепнула первое пришедшее на ум *слово*. Крошечные кротоподобные существа прекратили отгребать песок от своих норок и стянулись ближе. К ним присоединился притаившийся с болота пульсирующий красный лишайник. Ну и отлично, а теперь: фейерверк! Куча примитивных духов взметнулась выше скал. Лишайник не подвел, выстрелил цветными спорами и яростно замигал.

Грооны возбужденно загалдели, перескочили по камням поближе к непонятному явлению.

Надолго это их не задержит, но хоть что-то.

Я двинулась вдоль стены, отгородившись от стаи рядом пустых «насестов». Волна духов опустила, грооны разочарованно зарывкали, так и не дождавшись серьезной добычи. Оставалось пройти два шага до спасительного коридора, но меня опередила белая вспышка — какая-то глупая птица, забывшись, спикировала с высоты и пронеслась мимо стаи раздраженных гроонов! Хищные твари с места рванули за ней. Но вот беда, у птицы были крылья, а у меня — нет.

На вас когда-нибудь неслись одновременно десять гроонов? Так себе удовольствие. Не рекомендую.

Я прыгнула в коридор, одновременно выкрикивая *слово*. Новая волна вышла слабенькой и хищников не остановила. Да, эта добыча была им по нраву. Толкаясь и рывкая друг на друга, они вломились в коридор следом за мной. Слишком узкий проход и стремление каждого ухватить добычу первым, немного их задержали. Я добежала до статуи и, с разбегу, отвесила ей пинка, надеясь, что Арон не пошутил. Хороша я буду, зажата между острыми клинками и зубами хищников!

Статуя подпрыгнула, закрывая оружием пострадавший тыл, и отодвинулась ровно настолько, чтобы я могла выскользнуть из коридора. Грооны с правилами местного этикета не заморачивались, поперли напролом. И до того не сильно радостная привратница вконец оскорбилась и быстренько нашинковала троих преследователей. Остальным удалось прорваться, но я уже мчалась по болоту, надеясь, что и у капризной дорожки есть совесть.

Зря надеялась. На первом же повороте влетела по колено в трясину. Не такие яркие, как

ночью, но тоже побеспокоенные ураганом «скульптуры» зачавкали, пытаясь дотянуться до меня языками. Я выругалась. Только с тропинкой не хватало любезничать, когда за спиной лязгают зубами двухметровые крылатые «котики»!

Перескакивая через наиболее сердитые камни, я перебралась на другой берег. Еще раза три провалилась по колено, но это мелочи, древние сапоги не пропускали воду, хотя и выглядели теперь как два замшелых полена.

Грооны окончательно взбесились, с ревом набросились на мельтешащие над болотом «языки». Но радоваться было рано, двое из семи так и не утратили ко мне интерес, преследуя даже по лесу. Вот настырные твари!

В сумеречном лесу просыпались светлячки, стягивались на шум и очумело разбегались, уступая дорогу. Я попыталась отвлечь ими преследователей, но огоньки обиделись и погасли. Как же я люблю сумеречный лес, мать его!

Один из хищников оказался удачливее прочих, подобрался совсем близко, зубы клацнули над плечом — тварь метила в шею. Мне удалось увернуться, но тут левая нога уехала в сторону: напившийся водой маленький фикус размазала по земле зеленой жижей, увлекая меня в гостеприимно раскрытую гроонью пасть. Пытаясь удержать равновесие, я ухватилась за ветку. Ладонь обожгло, рука стремительно немела. Повезло — так повезло! Я выдрала с корнем голубоватый ядовитый куст и от души надавала гроону по морде.

Тварь отпрянула, оглушенно замотала башкой, но я уже не обращала на нее внимания. Где-то оставался еще один хищник, я не представляла в каком направлении бегу, а правая рука уже полностью потеряла чувствительность.

Лес закончился внезапно, я выскочила на участок мертвой земли, по инерции пробежала еще десяток метров, едва не врезавшись в стену, и тут же с макушки пальмы на меня спланировал последний гроон.

— Ложись! — проревел дракон.

Я бросилась под защиту лесного полога, прижимая омертвевшую руку к груди.

Преследователя снесло огненным вихрем. Горел гроон ничем не хуже красных волков. Дракон полюбовался результатом и потопал ко мне.

— Ненавижу ваш Ренатор... — прохрипела я, прижимаясь лбом к гладкому стволу гигантского фикуса.

Небо над пустыней сияло необычайно крупными звездами. Воздух очистился до прозрачности, дымка не успела подняться высоко, и на этот раз обошлось без визуальных эффектов. Песок едва тлел, испарения еще не набрали смертоносную массу, но дракон все равно летел высоко. Ренатор исчез за горизонтом черной точкой.

Рука еще казалась чужой, но потихоньку отходила. Сразу после спасения от гроона, я отключилась на пару часов, а когда очнулась, дракон мрачно объявил, что мы никуда не летим.

— Черный, ты с ума сошел?! — Я подскочила на лежаке из пальмовых листьев. — У меня этот ваш Ренатор вот уже где! Я что, зря тащила через болото и этих тварей?

Неузнаваемый остов гроона темной кучкой лежал поодаль у стены. Запах гари изредка набегал волнами, вызывая тошноту. Рука была аккуратно обернута толстой зеленоватой «лапшой», а ко лбу приклеен уже иссохший листик.

— Я не могу быть эгоистом, — прогудел дракон, — ты не обязана со мной лететь.

— Да что на тебя нашло? При чем здесь эгоизм? Напоминаю: я тоже заинтересованное лицо. К тебе возвращается память — я отправляюсь домой. Все довольны и счастливы.

— Так, может, я и прежде не знал, как тебе помочь?

— Черный, тебя что, тоже контузило?

Дракон рассмеялся, махнул лапой.

— Ладно, забудь. Рука твоя скоро оживет. Тот куст еще не набрал полную силу, а тольнария хорошо вытягивает яд, к утру будет как новенькая. Кстати, Антон — это твой белобрысый дружок?

— Так. — Я бросила отчищать сапоги и повернулась. Дракон, как ни в чем не бывало, возился в мешке, укладывая разбросанные впопыхах вещи. — Я что-то говорила?

— Да так, бормотала во сне.

— Только бормотала? — уточнила я, чувствуя неприятный холодок в груди.

— Нет, еще бегала за мной вокруг леса с топором наперевес, — фыркнул дракон, — просто интересно стало, кто может заставить тебя хныкать во сне.

— Ты удивительно корректен... Забудь все, что слышал. И видел! Топора у меня нет, но лунатизм случается, так что будь начеку!

Отдохнувший в Ренаторе дракон набрался сил и мог двигаться сутки напролет со сверхъестественной скоростью и не думать об остановках. Так бы он и поступил, не сиди у него на спине маленькая слабая пассажирка, то есть, я.

С непривычки многочасовой перелет, пусть и в удобном седле, изрядно утомил. Хотелось размять ноги и, чего уж там, сходить под кустик. Дракон не возражал. Приземлился на границе пустынных Западных предгорий и обжитых земель Тувосарии.

Здесь царила осень. Над бурными холмами гулял ледяной ветер, замерзшее солнце тонуло в пуховых одеялах мрачных туч. Черные от дождя деревья грудились в низинах, надеясь укрыться от холода.

Быстрая речка, берущая начало далеко в горах, промыла глубокий узкий каньон со множеством ответвлений в известняковых скалах. Совсем недавно крупный кусок берега обвалился, образовав сеть свежих трещин, кое-где еще стянутых паутиной корней. На самом краю нависал над обрывом заброшенный храм. Каменное основание покрывали корни высохших растений.

Из росших на берегу деревьев уцелело только одно. Все еще надеясь на воссоединение, оно клонилось к храму под невозможном углом, и держалось на честном слове.

Дракон взмахнул крылом, стряхивая с макушки дерева полупрозрачный бесформенный силуэт. Речное божество юркнуло в темноту святилища, не поблагодарив за помощь, а дерево, наконец, рухнуло с обрыва, увлекая за собой водопад каменных крошек.

— Они не могут в таком виде по земле передвигаться, — пояснил Черный. — Наверное, перед землетрясением он забрался на дерево, а вернуться обратно не смог.

— Почему он не сменил облик?

— Врата закрыты, ему едва хватает сил быть видимыми, к тому же его давно никто не кормил.

Я поспешно отступила дракону за спину.

— Зачем кому-то строить храм на пустоши?

— Раньше здесь было поселение. Смотри, вон у того холма правильные очертания, а там торчит кусок стены. Большинство этих холмиков раньше были домами. Очень давно.

Теперь пустошь предстала в ином облике. В очертаниях низин виделись улицы, в курганах угадывались дома. Когда-то здесь шумел город, река была полноводной, а речного бога почитали и заваливали подношениями. Вот и еще один призрак прошлого, главное, не встретить тут никаких зловредных паразитов. Дракона посетила та же мысль и, не задерживаясь, мы полетели дальше.

Белоснежная даль простиралась насколько хватало глаз. Дракон летел низко, подчиняясь капризам набитых снегом туч. Стоило подняться выше, начиналась непроглядная метель, будто дракон своим появлением в облаках нажимал невидимую кнопку «Вкл.» для снега. Несколько раз он пытался подняться выше облаков, но там начинался настоящий буран, и нас выталкивало вниз. Черный злился, но продолжал лететь, едва не цепляя крыльями землю.

План его был предельно прост — вернуться к началу, то есть в Ледяные горы, где он и проснулся семнадцать лет назад. Выгода от такого путешествия усматривалась для всех: Черный хотел вспомнить прошлое, я рассчитывала узнать, куда пропали остальные драконы (если имеющийся так и не сможет помочь), а Властелин лелеял надежду, что мы найдем в заброшенных пещерах драконьи сокровища и поможем ему восстановить казну и откупиться от Егара. Простой план, вот только добраться до бывшего драконьего царства оказалось непросто.

Черный рассчитывал прилететь к закату, потому и гнал, как сумасшедший, но над пустыней уже расстелились сумерки, а гор не было и в помине. Утомленная долгим полетом, я задремала прямо в седле, а когда проснулась, вокруг было совсем темно. Дракон не двигался.

— Что-то случилось?

— Ничего. Придется остановиться на ночь. Дальше лететь невозможно.

Он плюнул, растапливая снег. Пламя взметнулось, подсветив бока ползущих почти по самой земле туч.

— Мы уже высоко забрались, но из-за них я нормально высоту набрать не могу. Ой, придется поискать другое место...

Из-под снега показались мохнатые останки доисторического животного. Впору открывать археологический музей имени Черного дракона. Древний город он нашел, теперь вот какого-то мамонта из вечной мерзлоты выплавил...

Дракон перелетел подальше от вонюче чадящей плоти и попытался снова расчистить площадку для ночлега. На этот раз повезло, под снегом оказался почти плоский камень, моментально подсохший и нагретый.

Мы поужинали холодным мясом, дракон свернулся кольцом, я пристроилась у теплого бока. Стоило закрыть глаза, голова начинала уплывать, будто мы все еще летели, а не сидели на земле. Когда я почти уснула, дракон пробурчал:

— Он тебя обидел? Ну, этот твой Антон.

— А поприятнее темы для ночного разговора не нашлось?

— Я б его отлупил.

— Отлупи, — разрешила я, — только он сильный.

— Это мы еще посмотрим, — пообещал Черный и затих.

Мне было семь, когда он впервые приехал в наш городок. И сразу стал белой вороной.

Он отличался всем, чем только мог, начиная от цвета волос и заканчивая материальным положением родителей. В нашей компании все были темноволосые, кроме рыжего Димки, но он местный, к нему все привыкли. Даже я при светловолосой матери уродилась брюнеткой, а он был натуральным блондином с темными бровями и ресницами. Ребята тут же окрестили его крашеным. А еще у его отца был вертолет. В глубине души все ему завидовали, поэтому сразу невзлюбили.

Я первая подбила мальчишек подстеречь новичка на пустыре за магазином и навалить ему хорошеньких. В итоге сама отлупила приятелей, те, пораженные подлым предательством, не нашлись, чем ответить и сбежали. До сих пор удивляюсь, почему никто ни разу меня не проучил за мои выкрутасы, ведь все они были старше, больше и сильнее. Видимо, еще и умнее, чтобы не связываться с бесноватой малявкой.

Потом я таскалась за ним хвостом, неизвестно на что рассчитывая и пресекая любые поползновения местных. Себе я казалась невероятно сильной, крутой и всемогущей. Представляю, как, на самом деле глупо это выглядело, а уж что чувствовал и думал по этому поводу Антон, представить страшно.

Несколько лет подряд в разное время года он приезжал погостить у родственников и каждый раз все повторялось. Приятели выросли, но не оставляли попыток проучить богатенького блондина, а я каждый раз его защищала. Прикладывала лед к разбитому носу, зашивала порванные рубашки, однажды притащила дедовы штаны, когда мальчишки выбросили его одежду, оставленную на пляже. В конце концов, мне порядком надоело быть его телохранительницей, но Антон упрямо попадал в неприятности, и мне снова приходилось его «спасать».

Наш последний разговор подействовал на меня как ведро холодной воды, но, даже теперь, попади он в неприятности, а рефлекторно ринусь его защищать. Глупая мелкая псина.

К утру тучи разбежались. Половина неба окрасилась розовым, на второй еще сияли такие крупные и низкие звезды, что хоть рукой срывай. Солнце лениво выбралось из-за горизонта. Черный сдавленно выругался. Впереди, как на ладони сияли горные пики. Не долетели совсем немного, но хотя бы выпалились.

Ледяные горы ошеломляли. Сотни вершин, розовых в утреннем свете, подпирали необычно темное, синее небо. Прозрачные, будто сахарные кромки застывших водопадов искрились, синие, еще покрытые тенью ледники простирали свои языки на многие километры, в черных бездонных ущельях гудел ветер. Выпавший ночью снег вздымался сверкающим шлейфом, носился, подхваченный вихрем и исчезал в распахнутых пастях безымянных пещер.

— Это Драконий Хребет, а вон там Голова Демона. Видишь? Ее вершина такая гладкая, что на ней никогда не бывает снега, — гудел Черный, мерно взмахивая крыльями, — над Вихревой горой всегда клубится снег, а вон там был наш дом.

— Получилось? Начинаешь вспоминать? — обрадовалась я.

— Нет, это я и так знал, — беспечно отмахнулся дракон.

Мы преодолели широкую пропасть и понеслись над равниной. Прямо впереди громоздились могучие утесы, отвесно поднимающиеся к самым небесам. Длинная драконья тень стелилась по гладкой скатерти снегов, подскакивала на холмах и неровностях.

— Смотри, следы! — Я похлопала дракона по боку. Черный, поглощенный

предстоящим визитом на родину, ничего не замечал вокруг. Я бы тоже не обратила внимания, если бы цепочка следов не шла параллельно нашему курсу. Местами ее занесло поземкой, но кое-где отпечатки крупных лап оставались глубокими и четкими.

Дракон опустил в стороне, чтобы не замести отпечатки взметнувшимся снегом, осмотрел одинокий след.

— Похоже на барса.

— Они тут водятся?

— Нет. Тут никого нет, даже птиц.

Дракон потопал вдоль следа, но тот скоро исчез под толстым слоем свежего снега и больше на глаза не попадался, сколько бы мы не кружили над равниной.

Подняться к жилищам драконов можно было и пешком — склон рассекал крутой, забитый снегом серпантин, но на это потребовалось бы немало времени и сил. Дракон преодолел расстояние в два счета, приземлился на площадке, опоясывающей широченный утес. Массивные бронзовые двери — вход в драконьи чертоги — стояли нараспашку, одна створка была выгнута наружу, будто ее таранили изнутри.

Тут гулял ледяной ветер, сдувая все снежинки до единой в головокружительную пропасть, дна которой не видно и в самый ясный полдень. От высоты закладывало уши, перехватывало дыхание, а глаза слезились даже в защитных очках. Сложно представить, что в подобном месте можно жить, но драконы — существа загадочные, даже сами для себя, судя по озадаченному виду моего спутника.

Дракон заглянул в темный коридор. Сразу за дверью у левой стены высился сугроб. Дракон замер и поманил меня, прижимая палец к пасти. Сугроб растянулся снежным языком до середины коридора, а на самом его кончике отпечатался след. Судя по размеру — мужской. Кто-то в тяжелых сапогах совсем недавно прошел здесь. Но вернулся ли обратно?

С полминуты мы играли в гляделки, потом Черный мотнул головой и осторожно, стараясь не скрипеть каменной крошкой, двинулся по коридору и сразу же исчез, слившись с темнотой.

Для своего размера дракон двигался на удивление тихо, почти бесшумно. Я так не умела, но очень старалась.

Глаза быстро привыкли к темноте, различая черный силуэт на фоне серых стен. Коридор тянулся на сотню метров вглубь горы и там раздваивался. По бокам коридора темнели высоченные провалы заброшенных залов. Мы не успели пройти и половины пути, как по стенам правого тоннеля заплясали блики огня, а эхо принесло отзвук шагов и голосов. Дракон схватил меня лапой и бесшумной тенью влился в ближайший дверной проем.

Голоса приближались.

— Об этом он не предупреждал! — возмущался мужской голос.

— Не понимаю, чем ты недоволен, — ответил ленивый женский голос. — Наша задача — выполнить работу, а не лезть не в свое дело.

— *Это* мое дело! Если ты продалась с потрохами, не значит, что и все прочие предали свою веру!

— В прежние времена за такие слова ты бы уже лишился головы, — женский голос прозвучал резко.

— Времена меняются. Отдай мне его! Я забираю свою клятву!

Звон стали, плеск, удар и короткий шорох.

— Не все готовы предать свою веру, кажется, так он сказал? — Третий голос — глубокий, почти драконий бас — звучал равнодушно.

— Жестко.

— Он забрал клятву. Ты тоже сомневаешься?

Голоса удалялись в сопровождении противного скрежета.

— Глупости! До Вассы он бы все равно не добрался.

— Закончим работу, избавимся от луча и объявим...

Ветер унес конец фразы. Коридор опустел, дракон опустил лапу, которой удерживал меня у стены.

На двух железных палочках вместо ног я приблизилась к выходу. После крошечной темноты зала в коридоре было почти светло. Посреди пола темнела безобразная лужа, россыпь пятен украшала противоположную стену, в нос ударил запах горячей крови. На этот раз сдержать тошноту не удалось.

Когда я разогнулась, дракон изучал кровавое пятно, почти уткнувшись носом в пол.

— Что ты делаешь?!

— Пойдем-ка отсюда, — он подтолкнул меня к стене, где оставался чистый клочок пола, а сам мягко перепрыгнул заляпанный участок, — м-да, бедняга лишился-таки головы... Спокойно, дыши. На, вот, попей, — как ни в чем небывало, он протянул мне флягу с чистой водой.

Две кровавые дорожки — побольше и поменьше — тянулись до самого обрыва, куда и отправили приятеля неизвестные убийцы.

— Какая жалость... Подержи-ка, — он что-то сунул мне в ладонь и свалился с утеса.

— Эй! — Желудок снова подскочил к горлу, но я вовремя вспомнила, что у дракона есть крылья. Не мудрено забыть, когда у тебя почти что на глазах прирезали человека!

Я отшатнулась от края, выронила окровавленную безделушку — прямоугольный жетон два на три сантиметра. Зачем он дал мне эту гадость? Я попыталась вытереть руку, но кровь никак не стиралась, снег вокруг становился розовым, а перед глазами пульсировали красные пятна.

— Так я и думал, это был кенол, — дракон возник над краем пропасти, — эй, ты в порядке?

— Не знаю, — я прижалась лбом к холодной скале, ледяной ветер трепал выбившиеся из-под шапки волосы, а тело затапливал жар. Кончики пальцев пульсировали, будто под кожей возились муравьи, — кажется, я сейчас взорвусь...

— Нонто-дооган!

— Что? — Я распрямилась, как марионетка, которую дернули за ниточки. Наваждение исчезло, осталась только сосущая пустота в желудке. — Что ты сделал?

— Не только ты знаешь нужные слова. — Голубой огонь в драконьих глазах угас, он бросил на землю темный клочок со знакомым гербом. — Если в следующий раз случится подобное, можешь смело использовать. Помогает. От переутомления. Узнаешь?

— Так они из Единорожки! А это что за штука? — Я подтолкнула носком сапога жетон. Под кровавым пятном угадывалась гравировка: волчья голова и три звезды.

— Понятия не имею, но звезды — кенолья тема. Вероятно, бедняга носил его на цепочке, пока не лишился головы...

— Кенол-наемник на службе у Егара? А кто говорил, что кочевники пацифисты?

— Арон говорил. И, кажется, он — единственный пацифист в этом мире, что бы это ни

значило! Слушай, они же что-то забрали отсюда. Наверняка ценное, иначе не потащились бы в такую даль. Надо бы их догнать...

Дракон наострился снова сигануть с обрыва.

— Стой! А если у них с собой глушилки?

— Плевать! Не позволю растаскивать свое имущество...

— Хочешь тут тоже на неделю застрять? Никуда они не денутся. Слышал, они про Вассу говорили? Там их и дождемся. Долетим-то мы все равно быстрее.

— Разумно. Тогда гляну на них издалека, чтоб знать, кого ловить.

— Вместе глянем.

Наемников было двое. Женщина в облегающем комбинезоне и меховом плаще, лицо полностью закрыто плотной маской, в каждом движении — опасная грация дикой кошки, за спиной два меча. Мужчина — мощный и широкоплечий, но с такими же, как у женщины текучими движениями, лицо спрятано под глубоким капюшоном, на одном боку меч, на другом — глушилка.

Ловко и быстро, как по ровной дороге, они спускались по заснеженному серпантину. За одним из выступов их ждали три здоровых серых барса. Двое тут же пригнулись, принимая седоков, и рванули вниз, третий беспокойно покружился на месте, но, так и не дождавшись хозяина, припустил следом. Бежали они строго друг за другом, ступая след в след. Даже замыкающий одинокий барс не сбился с шага, хотя мог обогнать товарищей и налегке умчаться прочь. Вот вам и одинокий след!

Дракон высунулся из-за утеса, чтобы лучше рассмотреть наемников и едва успел пригнуться, когда почуявший неладное наемник обернулся. Я следила за убийцами в узкую щель меж двух плоских стоячих камней, и заметить меня он никак не мог, но все равно по спине скользнул неприятный холодок. Так ничего и не углядев, наемник отвернулся и скоро они уже неслись по равнине, стремительно превращаясь в три точки.

Мы вернулись на уступ у входа в пещеру. Размазанная по камням кровь застыла, навсегда став частью драконьей горы. Жетон убитого наемника я завернула в клочок ткани с гербом и убрала в карман. Потом покажу Арону, а пока нам предстояла непростая задача осмотреть обширные драконьи чертоги, и надежда на удачное завершение миссии таяла с каждой минутой.

На этот раз плутать в темноте не пришлось, в бездонных седельных сумках нашлась банка со светящейся плесенью, но, как мы и думали, в пещерах было пусто. Драконы ли забрали все имущество с собой или такие вот наемники за долгие годы успели вынести все, что плохо лежало, но порадовать Властелина было нечем.

Черный тоже не преуспел, память возвращаться не желала, а в пещерах не осталось и малейшего намека на драконье существование, кроме наскальных рисунков вроде тех, что украшали зал на крыше Темной Башни.

До самого вечера мы рыскали по пещерам — большим и совсем крошечным, но кроме камней, пыли и ледяных осколков ничего не нашли.

В одном из дальних закутков, куда дракону было не пролезть, я обнаружила шердонитовую пещеру, почти такую же, как в Ренаторе, только тут минерал был не молочно-белый, а радужный. Его мародерам выковырять не удалось, но они старались, судя по расколоте двери и куче каменных осколков внутри пещерки. Над низкой дверью проковыряли дыру, наверное, хотели найти что-то ценное или добраться-таки до шердонита.

— Похоже, эти гады увели у нас из-под носа последние ценные вещи! — негодовал дракон. — Знать бы, что Егару тут понадобилось? Уж точно не золото и шердонит.

— Тебе виднее. Это твой дом.

— Ха! Тоже мне, дом. Без нашей магии это обычная промерзшая насквозь дыра. Не представляю, как мы тут жили...

Он сердито потоптался на месте, разминая крылья.

— Ничего не вспомнил?

— Нет.

— Только зря время потеряли.

— Не скажи. Мы еще можем кое-что вернуть, когда подстережем этих ребятков в Единорожке. А вообще, не нравятся они мне. Наемники так себя не ведут. Прирезали напарника ни за что, ни про что. Печенкой чую, тут дело нечисто. Доставай паука, поговорим с Ароном.

Вызолотив напоследок утесы, солнце скрылось далеко на западе, где тонула в облаках невидимая за тысячей пиков Безымьянная Гора с Вратами Богов на вершине. Ветер улегся, а в темных небесах вспыхнули зеленые нити небесного сияния. Переливаясь и струясь, как ленты танцовщиц, они гасили звезды.

Дракон мрачной тенью нависал над сердитым пауком. Ардалион сплел уже три паутины, а Властелин так и не вышел на связь. Ренатор лежал в так называемой слепой зоне, недоступной паукам, так что просто подглядеть за Ароном без его желания было невозможно.

— Наверное, спит уже. Поздно.

— Плохо ты его знаешь! Для него это детское время.

— Значит, чем-то занят.

— Он сказал быть на связи. Должен, таскать паука с собой.

— Даже в туалет?

— Да чем там можно заниматься целый час?! Что-то случилось, печенкой чую...

Спорить с драконьим ливером — себе дороже, да и сидеть на стылом утесе ночь напролет удовольствие так себе. С пустыми руками и лапами полетели обратно. У подножия гор сделали остановку. Недовольный Ардалион сплел еще одну паутину, с тем же результатом. Дальше Черный помчал в прежней головокружительной манере, насквозь пронзая зеленые и розовые небесные ленты. Кристаллы льда россыпью оседали на черной шкуре, превращая дракона в причудливого призрака.

Скоро погода начала портиться. Невесть откуда напоззли тяжелые тучи, повалил мелкий колючий снег. Спавший до того ветер опомнился, закрутил такую метель, что не стало ни земли, ни неба — сплошная непроглядная хмарь.

Дракон упрямо двигался вперед, но даже его невероятных сил не хватало, чтобы прорваться сквозь ураган. Я вжалась в спину, насколько позволяли ремни, и боялась подумать, что случится, если те не выдержат.

Чудовищным порывом дракона опрокинуло на бок, закружило винтом. Едва сдерживаясь, чтобы не завопить от ужаса я зажмурилась, желая одного — чтобы головокружительное падение закончилось. Так и случилось. Дракон выровнялся, тяжело дыша и мерно взмахивая крыльями. Ветер свистел, завывал, но нас не касался.

Я открыла глаза. Вокруг танцевали в адской пляске снежные стены. Мы угодили в центр

гигантского смерча.

Дракон, сверкая глазами, обернулся. Двигаться дальше — безумие. Нас перемелет в порошок, меня — так точно. Но и сидеть на месте опасно. Кто знает, как поведет себя эта ревушая и воющая труба?

— Давай, наверх!

Дракон оскалился в безумной ухмылке, заработал крыльями, поднимая нас все выше и выше по спирали в бесконечном вертикальном тоннеле. Внизу хобот смерча сминаясь, и хохочущие снежные монстры едва не хватили дракона за хвост.

Затишье кончилось, снег яростно бросился мне в лицо, залепил очки, забился под маску. Черный заревел, отчаянно борясь со стихией, и одним последним рывком поднялся над беснующимся морем облаков.

Я будто оглохла. Грохот урагана остался внизу под серым покрывалом туч. Смерчей было так много — больших и маленьких, что поверхность облачного моря, казалось, вышла из-под кисти Ван Гога. Не знаю, что думал на этот счет дракон, но выглядел он потрясенным.

А в вышине равнодушно перемигивались пушистые звезды. Дракон определил по ним направление и двинулся на юг, рассекая бескрайнюю звенящую тишину.

— Что это?

С востока на звезды наплывала туманная пелена, искажая, но, не закрывая полностью свет.

Дракон долго смотрел на странное явление, но все же ответил.

— Прибежище Звезд.

Легендарное жилище небесных детей Великого Творца, созданное чтобы приглядывать за жизнью его земных детей — драконов. О Звездах никто ничего толком не знал, и только кенолы, вопреки всеобщему представлению о происхождении людей и темных, считали Звезд своими прародителями.

— Я думала, так образно называют небо...

— Как видишь, это реальное место. И нам тут делать нечего.

— Выходит, Звезды существуют на самом деле? Они должны знать, куда пропали драконы, их задача за вами приглядывать... А это идея! Давай, к ним слетаем?

Дракон застыл в священном ужасе, вывернул шею.

— С ума сошла? Как ты это себе представляешь?! Здасьте, уважаемые, я ваш глупый маленький братик, не подскажите ли, куда подевались остальные маленькие братики? Вам тут сверху все видно. А еще какие-то злые наемники обчистили мой дом, не могли бы вы их покарать, между делом, так, по-родственному? Бред! Я уже не говорю о том, что туда невозможно добраться.

— А как же история про Снежного и Агатowego драконов? Они как-то сумели.

— Впервые слышу, — он двинулся дальше.

— Легенда о Снежном драконе, неужели не знаешь? Он победил Агатowego и спас Ирвеон от страшного проклятия!

— Чувшь какая! Что еще за Агатовой дракон? Больше похоже на сказочку для детей.

— Может, и сказка. За что купила, за то продаю.

— Рассказывай, — он замедлился, искоса глядя на закрывающее полнеба Прибежище.

Агатовой дракон был сильным, мудрым и прекрасным. А еще он был честолюбивым и

безрассудным. Покорив всевозможные земли, он задумался о небесах. Всем известно, что небеса принадлежат Звездам — старшим детям Великого Творца, но кто может спорить с величайшим из драконов?

И возжелал он власти.

Поднялся выше неба

В Прибежище Звезд.

Забрал лучи, что ярче солнца.

Звезды разгневались и прокляли Ирвеон. Страшные кары грозили ни в чем не повинной земле, но Снежный дракон — не самый сильный и красивый, но храбрый — сумел победить Агатового, вернул украденное Звездам и, ценой своей жизни, спас Ирвеон.

— Никудышная из тебя рассказчица, — проворчал дракон. — Могла бы выйти неплохая история, а у тебя получилась куца байка.

— Ну, извините, великий сказитель. Как сумела — так рассказала.

— Ладно, сам досочиню. Что он там похитил?

— Лучи, что ярче солнца...

— Это что за хрень?

— Вероятно, некий магический артефакт.

— Хм, не удивительно, что Звезды взбеленились. Надо ж до такого додуматься... Сразу видно, новодел. Без души сочиняли.

Буря закончилась на границе Шерадеморы. Столбы смерчей слепо рыскали по снежной пустыне, но и там постепенно светлело, тучи расходились, дело шло к утру.

Ночной полет изрядно утомил, но и с утра отдохнуть не удалось. Арон по-прежнему не отвечал. Дракон не находил себе места, порывался лететь в Ренатор немедленно. Зато наемники чувствовали себя превосходно. Неизвестно, где они пересидели ураган, но по утренней пустыне неслись с прежней скоростью и в том же порядке: мужчина впереди, следом женщина и одинокий барс — замыкающим.

В рыжей выветренной степи кое-где посверкивали на солнце островки снега. Бесформенные валуны невероятных размеров то тут, то там выступали из мерзлой земли и худо-бедно спасали от пронизывающего ветра. Даль просматривалась во всех направлениях, плоская до самого горизонта. Более унылого места трудно было отыскать во всем Ирвеоне.

Дракон разглядывал фигурки наемников в паутинном экране и что-то прикидывал в уме.

— Должны успеть, — наконец, пробормотал он. — Пока они доберутся до столицы, мы сгоняем в Ренатор, надерем шефу задницу, за то, что на связь не выходил, и вернемся обратно.

Мне эта идея не понравилась. Нестись через полстраны, чтобы убедиться, что Арон просто забыл о пауке. Вот глупость! Разумеется, в компании прекрасной принцессы время летит незаметно. Но дракон стоял на своем, больше доверяя своей новоявленной печеночной чуйке, а не банальной логике.

— Хорошо. Тогда оставь меня в Вассе, а сам лети к своему Арону. Это же почти по пути.

— Еще чего! А потом тебя по кусочкам собирать? Наверняка ведь к наемникам полезешь.

— Не полезу. Прослежу через паука. Просто хочу кое с кем встретиться.

— Это с кем же?

Я передала запрос Ардалиону. На экране возникла комната: обитые темным деревом стены, тяжелые шторы и кованые решетки на окнах, в шкафах сотни книг.

У окна — на диванчике — погруженная в чтение Меру, рядом — Вилли с блокнотом в руках. За массивным деревянным столом, заваленным всевозможными кристаллами, камушками, металлическими пластинками, пружинками и прочими непонятными деталями — Кот, а перед ним — странного вида механизм.

Работал маг увлеченно, высунув язык. Ильфредита крутилась рядом, лезла под руку, стаскивала «сокровища» в отдельную кучку, за что периодически получала от хозяина затрещину.

— Что за хмырь?

— Не хмырь, а Кот. А это Вилли и Меру. Они помогли мне добраться до Тридорожья.

— А, так это из-за него тебя чуть охотники не поймали?

— Хочу поговорить с ними, — я проигнорировала набычившегося дракона, — раз уж ни бинти, ни драконы мне помочь не смогли, может маги знают, как выбраться из этого... Ирвеона.

Дракон высадил меня в заброшенной деревушке в часе ходьбы от Вассы. В окрестностях столицы было слишком людно, чтобы разезжать верхом на драконе.

Черному моя идея не нравилась, но спорить он не стал. Пожелал удачи и умчался, заверив, что вернется не позже, чем через три дня. К тому времени наемники не успеют добраться до столицы, и мы сумеем придумать, где и как их перехватить.

Я проводила стремительно удаляющуюся черную точку и полезла через разросшийся вокруг деревеньки ельник. Аккуратные молодые деревца источали такой густой смолистый запах хвои, что у меня исподволь зародилось щекочущее новогоднее настроение.

Подъездные столичные дороги кишели охотниками, торговцами, наемниками и простым людом. Лесовики-отшельники в потрепанных плащах брели пешком, курьеры, поднимая тучи пыли, проносились верхом, грохотали туда-сюда набитые битком самоходки. Повозки, кареты, телеги, запряженные лошадьми, волами и тиграми едва тащились в тесном людском потоке. Кучера покрикивали, наемники ругались, собаки лаяли. В стылом воздухе клубились запахи пота, навоза и, почему-то, пряников. Я увязла в разношерстной толпе и в город попала только к вечеру.

Васса разительно отличалась от Тридорожья. Улицы были шире, дома — выше и наряднее, а в центре, отделенный от прочих кварталов обширным парком и кольцом канала, поднимался королевский дворец — добротный классический замок с крепостной стеной и россыпью башенок. В квартале от центра города маячил красным флагом главный филиал Единорожки, для разнообразия пониже и попроще дворца, зато сплошь увешанный иллюминацией.

Да и в целом, столица сияла огнями. Фонари были натканы везде, где можно и нельзя, гирлянды солнечных цветов свисали с каждого карниза, россыпи больших, маленьких и совсем крошечных светильников украшали все здания без исключения.

На улицах было не протолкнуться. Всюду гремела музыка, звучали песни и смех. Казалось, вся Тувосария съехалась в столицу, чтобы отметить тут неведомый мне праздник. На площадях поднимались шатры передвижных балаганов, штабеля источающих хвойный аромат досок превращались в ларьки для сладостей и сувениров. Несмотря на поздний час, магазины были открыты. Взрослые волокли корзины и холщовые сумки с провизией, дети носились, размахивая леденцами на палочках и выкрашенными серебряной краской звездами.

Звездная тематика встречалась на каждом шагу: в витринах магазинов, на столбах, на деревьях, на брусчатке, на одежде горожан и даже на собачьих ошейниках.

В воздухе витали ароматы свежей выпечки и древесного дыма. Молодежь собиралась в скверах и многочисленных кофейнях с огромными витринами и уютным желто-оранжевым светом.

Васса напоминала старинный европейский городок, запруженный оголтелыми туристами, но детали не давали забыть. Вокруг ламп увивались светляки — жирующие на городской иллюминации, из подворотен блестели глазами чешки и подвальные мохначи. Могучие стражники-горцы разгуливали по улицам, поигрывая не по погоде открытыми бицепсами, шеттеры, завернутые с ног до головы в плащи из дорогушей ткани, чинно

вышагивали по мостовой, кое-кто из них уже осмелился откинуть капюшон, чтобы похвалиться золотыми татуировками и богатыми украшениями.

В одном из скверов у отключенного на зиму фонтана, в толпе мелькнуло знакомое лицо. Стройная фигурка и ни намек на живот.

— Джана, привет! Тебя можно поздравить?

Девушка обернулась. На лице пронеслась череда эмоций: сомнение, удивление, страх, печаль и, наконец, злость. Нет, даже ярость.

— Ты!

Она бросилась ко мне, готовая залепить пощечину. Я отпрянула. Она попыталась вцепиться мне в лицо другой рукой, но я снова отстранилась.

— Да в чем дело?!

Прохожие останавливались, позабыв о делах, и с интересом глазели на схватку двух коротышек. Пока, правда, я всего лишь бегала от Джаны вокруг фонтана, но глядя на ее решительно пылающее лицо, не сомневалась, что скоро та перейдет к более решительным действиям. Так и случилось. Она выдернула посох из рук оказавшегося рядом лесовика, и полезла напрямик через невысокий бортик фонтана.

— Ненавижу! — кричала она. — Все из-за тебя! Он говорил, предупреждал с тобой не связываться. А я пожалела! Еще и кормила!

Она замахнулась. Я отскочила в последний момент, от удара о мостовую посох лопнул, осыпая прохожих щепками. Джана, вскрикнув от боли, едва не улетела в кусты. Осиротевший отшельник безмолвно воздел руки к небу, а я в нерешительности остановилась.

— Объясни, наконец, в чем дело?!

Она подскочила, ударила кулаком в плечо. Я перехватила руку, а она неожиданно разрыдалась, пытаясь вцепиться мне в волосы.

— Ненавижу! Ненавижу! Все из-за тебя! Они пришли после тебя! Почему я не послушала? Почему?..

С трудом, но мне удалось увести ослабевшую, рыдающую Джану из сквера в относительно спокойный переулок. Теперь прохожие старательно отводили глаза — рыдающая девчонка скучное зрелище, не то, что драка!

Из путаного бормотания удалось понять, что после моего ухода кто-то напал на Моховые Поляны и почти полностью уничтожил деревню. Джане повезло. Устав сидеть в четырех стенах, она оправилась в лавку. Шеттер-полукровка единственный, кроме мужа, кто не боялся с ней разговаривать. Это их и спасло. В обширном шеттеровом подвале они пересидели все ужасы, что творились на поверхности.

Каждый, кто не успел надежно спрятаться — погиб, разорванный неизвестными тварями. Дома и улицы утонули в крови, погиб Сат — муж Джаны, а она, от пережитого горя и ужаса потеряла ребенка. Уцелевшие — жалкие шесть человек — покинули разоренную деревню и разбрелись кто куда. Джана отправилась в столицу к брату.

— Какой кошмар, — я устало потерла глаза. Только теперь я заметила, как осунулось ее лицо, посерела кожа, под глазами залегли черные тени, но вместе с тем она выглядела совсем юной и несчастной. — Соболезную твоей утрате. Не понимаю только, при чем тут я?

— Говорят, это из-за тебя. Ты знаешь *слова*. Они приходили за тобой, но не нашли, поэтому убили всех.

— Кто приходил?

— Темные. Слуги Властелина. Из самого Наронетора — проклятого королевства

темных тварей!

Я хмыкнула, едва не рассмеявшись вслух.

— Не может быть. Это точно не они.

— Откуда тебе знать? Я слышала, он разорил деревню на границе. Он ищет тебя и убивает всех, кто тебя видел.

— Он этого не делал. И меня не было в приграничной деревне перед нападением, с чего бы ему меня там искать? — «Я все время была рядом с ним». Этого, конечно, вслух не сказала.

— Не думай, что сможешь от него сбежать! Он и сюда придет! Он убьет всех нас!

— Послушай, — я схватила бьющуюся в истерике Джану за плечи и встряхнула. — Темный этого не делал! В Наронеторе тоже кто-то разоряет деревни, убивает людей, но ни Темный Властелин, ни я тут не при чем! Никто не станет нападать на Вассу. Тут полно стражи, наемников, ловцов. Не о чем беспокоиться. Я понимаю, у тебя горе, ты напугана, но здесь тебе бояться нечего, поверь мне!

— Откуда тебе знать? — повторила она. — У него есть армия. Огромная, страшная! И ужасный дракон, пожирающий людей живьем!

Ага, и запивающий их молоком и мятным чаем. А еще, штопающий Властелину носки по ночам...

— Джана, иди домой. Отдохни, выпись. Подубась подушку, поплачь. И поверь мне, Темного Властелина тебе стоит опасаться в последнюю очередь!

— Откуда ты... — она уставилась на меня безумным взглядом, вырвалась из рук и убежала.

— Прекрасно...

Кажется, теперь меня из жертвы перевели в соратницы Его Темнейшества. Но, хотя бы в этом она права.

Только интересно, почему они решили, что это дело рук Арона? Неужели, он и в Моховых Полянах «засветился», как в той приграничной деревушке? Случайно. А случайно ли?.. Да ну, бред же! Местная конспирология заразительная штука.

Я забралась в самый укромный уголок подворотни, провонявший мочой и помоями, но мне было плевать. Ардалион быстро сплел крошечную паутинку, но связь с Ароном так и не наладилась.

— Не нравится мне это.

— И мне тоже, — буркнул паук, недовольный частыми обращениями и задвинул за собой крышку коробочки.

Родители Меру Минс преподавали в столичном университете. Отец был профессором, мать — простым учителем. Ее никогда не привлекала высокая должность.

Большую часть времени они жили при университете, возвращались домой только по выходным и праздникам, остальное время трехэтажный особняк принадлежал дочери и ее друзьям-магам.

Родители не обрадовались, когда у маленькой Меру обнаружился магический дар. С юных лет она говорила, что видит странные вещи, но никто из окружающих ей не верил. Соседские дети называли сумасшедшей и никто, кроме бойкого сироты Кота не хотел водить с ней дружбу. Родители очень любили Меру, поэтому смирились с появлением в доме еще одного жильца, а скоро, и вовсе, приняли его в семью.

Овиллион был старше и долго не решался познакомиться со странной парочкой, хотя и знал, что их объединяют похожие способности. В итоге Кот сам притащил застенчивого здоровяка к Меру в дом. Так у родителей появился «старшенький». Справедливости ради, у Вилли были свои любящие и сверхзаботливые родители, поэтому в доме Меру он торчал не круглосуточно, а только по полдня, исправно возвращаясь домой к ужину.

Дети росли, и однажды, исследуя закоулки родительского дома, нашли на чердаке тайник с книгами одного из предков Меру. Оказалось, прадедушка Минс был самым настоящим магом! Тут уж друзей было не удержать. Профессор имел весьма лояльные взгляды на магию и просил лишь избегать разрушений и членовредительства. Ну и не афишировать лишней раз способности. Он понимал, что запретить человеку с даром им пользоваться — все равно, что завязать глаза, заткнуть уши или рот — глупо и негуманно.

К сожалению, родители Меру оказались в меньшинстве, после нескольких неприятных инцидентов, магам пришлось поискать менее людное место для практики. Дома в основном изучали теорию. Поэтому в столице Кот отчаянно скучал, страдал и мучился. Больше всего он ненавидел учиться, ковыряться в книгах, расшифровывать заклинания и магические схемы.

Я застала его во дворе дома, где он, под прикрытием раскидистой елки испытывал на соседской стене недавно собранный прибор. Аппарат представлял собой большую линзу в обрамлении тускло сияющих кристаллов и разномастных шестеренок. Дела у мага шли неважно, из-под елки неслась забористая брань.

— Привет, Кот!

Он подпрыгнул, сунул прибор в карман и только потом обернулся. Пару секунд хлопал глазами, и, наконец, воскликнул:

— Таира! Это, и правда, ты! Ну, ничего себе! — Он схватил меня в охапку и поволок в дом, вопя: — народ! Смотрите, кого я поймал!

— Да, Кот. Я тоже рада тебя видеть.

— А говорили, тебя демоны утащили!

— Нашел, кому верить, — Меру спустилась по лестнице, приветливо мне помахала. В домашнем фиолетовом платье она выглядела потрясающе. — Местному пьянчужке. Он бы тебе и не такое рассказал.

Следом вышел Вилли — весь в черном, строгий и солидный, и только борода, как всегда, топорщилась в стороны.

Кот меня отпустил, оглядел с ног до головы.

— Ты изменилась. Только сапоги прежние! — невесть почему обрадовался он. Сам Кот, в отличие от друзей, не изменился вовсе, только плащ снял, а рубашка на шнуровке и потертые штаны остались на месте.

— Все хорошо? — Вилли внимательно меня рассматривал.

— Все относительно, — я усмехнулась. — Не обращай внимания, просто долго... добиралась. Что тут у вас творится? На улицах не протолкнуться.

— Откуда ты свалилась? — поразился Кот.

— Считай, со звезды.

— Забавно, — оценил Вилли.

— Ох, ребята, — Меру закатила глаза. — Разве не видите? Она с ног валится от усталости, а вы допрос устроили.

Тут она видела меня насквозь. Бесконечные перелеты и беготня порядком меня

вымотали. Я с благодарностью приняла приглашение остаться в доме. Отдельная комната с ванной и сытный ужин быстро привели меня в чувства.

Кот, как всегда, болтал без умолка. Оказывается, в Тувосарии отмечали местный аналог Рождества или Нового года — День Сошествия Звезды Палтам. Потому Вилли так позабавили мои слова о звезде. Гуляния в столице обычно продолжались две недели, и я успела к их началу. Из всех уголков страны съезжались гости и туристы, и две недели Васса стояла на ушах.

Я никак не могла придумать, с какой стороны подступиться к магам с расспросами и решила пока не грузить их своими проблемами. Мне и самой хотелось, в кои-то веки, побыть обычной туристкой.

Мы гуляли по городу и наслаждались праздничной атмосферой. Пили ароматный чай и нечто вроде шоколада — густой, тягучий и очень вкусный куш, уплетали пирожные — только не из Единорожки, разумеется! С этим делом у Кота строго!

Два дня пролетели незаметно. Я, наконец, почувствовала себя человеком, а не гончей, мотающейся с одного края континента на другой.

На третий день вернулись родители Меру. Их ждали еще позавчера, но затянувшиеся экзамены едва не испортили праздник. Госпожа Илара Минс, больше похожая на старшую сестру Меру, едва поднявшись на порог, заметила:

— Дорогой, тебе не кажется, что у нас прибавление?

Профессор, приятный черноволосый мужчина лет сорока пяти, только устало улыбнулся, приветствуя «детей».

В столовой зажгли большую, на полсотни свечей люстру, приглашенный повар приготовил традиционные праздничные блюда: утку под соусом из инейника, запеченные лонцы (нечто вроде крупной картошки с пряными травами и сладким соусом), жареных карпов в карамели, яблочный пирог со звездочками ароматного имариса. Ужин был потрясающим, но, надо сказать, дракон готовил не хуже столичного повара.

Над столом текла неторопливая беседа. Говорили в основном Кот и профессор. Последний делился новостями университета, по большей части мне непонятными и неинтересными, Кот рассказывал о своих приключениях, разумно умалчивая о серьезных переделках. Упомянули и о разоренных деревнях. Я рассказала о Джане, избегая неудобных подробностей нашей последней встречи.

Обсудили ужасы современного мира, а потом госпожа Илара неожиданно поинтересовалась, откуда я родом.

На такой случай у меня давно была заготовлена легенда. Дракон как-то обмолвился, что на побережье, в южных провинциях, полно мелких поселений. С тех пор как алморанцы извели пиратов, южане жили спокойно, в переделки не лезли, ловили рыбу, выращивали дыни и виноград и ничем, кроме виноделия не привлекали к себе внимания. Я выросла в похожем тихом городке и внешность моя отлично подходила к легенде: оливковая кожа, темные волосы, так что я почти не хитрила, разве что миром ошиблась.

— Говорят, в этом году был неплохой урожай, — оживился профессор Минс. — Мы с коллегами ждем большого завоза. При нашей работе без бокала хорошего вина не обойтись.

— А то и без целого бочонка, — поддакнула госпожа Илара, вызвав согласные смешки.

— Я давно не была дома, — выкрутилась я, — уже несколько лет путешествую.

— Так у вас тоже есть дар? — справедливо рассудила хозяйка. Иначе, зачем молодой

девушке мотаться по стране?

— Вроде того. У нас в деревне такого не понимают, к сожалению...

Все согласно и сочувственно захмыкали.

— У вас интересное кольцо, — снова переключилась Илара.

Да что б тебе! Ну и глазастая же мадам!

— Друг подарил.

— Позвольте? — заинтересовался профессор.

Я, нехотя, сняла перстень. Вот любопытная семейка!

— Занятная вещь, — заключил профессор, возвращая украшение, — не из дешевых. Похоже на работу наронеторских шеттеров. Ему лет триста, не меньше. У вас весьма щедрые друзья.

— Мне сказали, оно недорогое... — я озадаченно уставилась на подарок Властелина.

— Сам по себе металл — да. Обычное серебро, но вот работа, а тем более камень. Такой агат встречается очень редко. Впрочем, я неверно выразился, ценность у него скорее историческая, чем фактическая. Задумаете продать, много денег не выручите. Если только сумеете найти ценителя подобных древностей.

— Вы разбираетесь в древностях?

— Это моя работа, — он пожал плечами, пригубил свеженалитое вино, поморщился. — Вот прошлогоднее мне совсем не нравится. Кислятина.

Ужин давно завершился, но из-за стола уходить не спешили, наслаждались компанией и неспешным разговором. Мне, наконец, выпала возможность узнать подробности о злосчастном жетоне. Я давно отмыла с него кровь и таскала в кармане, надеясь при случае расспросить магов.

— А с этим мне не поможете? — Я выложила жетон на стол и подвинула к профессору. — Не знаете, что это?

Профессор долго, с интересом рассматривал безделушку.

— Откуда он у вас? — наконец, спросил он. — Тоже, подарок?

— Нет, его я нашла. Случайно.

— На вашем месте, я бы не носил с собой подобные вещи.

Остальные любопытно подались вперед. Кот так вообще едва на стол не влез, чтобы не упустить ничего.

— Вы знаете, что это?

— Я бы сказал, сам по себе предмет новый. Заметна небрежность. Раньше мастера действовали искуснее и к работе относились тщательнее. К тому же тут совмещены две разные символики. В нижней части медальона изображен пустынный волк — символ Щехечморанского княжества. Будь это подлинная реликвия, она бы стоила немало. Подобные исторические предметы настолько редки, что я не решусь дать немедленную оценку. У нас сохранилось крайне мало экспонатов той эпохи и местности.

— Вы говорите о пустынной империи? — сообразила я.

— Империя — громко сказано, — снисходительно улыбнулся профессор. — Скорее, это было маленькое княжество с большими амбициями. Однако существовало оно более полутора тысяч лет назад, потом практически бесследно исчезло, и сказать что-то определенное очень сложно. До нас дошли лишь крохи знаний и немногочисленные документы той эпохи. Разумеется, будь у нас возможность осмотреть все на месте...

— Но пустыня не позволяет.

— Верно. Так вот, я отвлекся. Подобный медальон был символом военачальников пустынного княжества.

— Пустынных генералов!

— Именно. А они имели весьма своеобразный склад ума и характер.

— Мой друг сказал бы иначе: они были полными психами.

— Да, такими они нам и представляются, — усмехнулся профессор. — К сожалению, легенды вытеснили реальные исторические факты, не всем слухам следует верить, большинство из них — выдумки, например, о том, что генералы до сих пор бродят по пустыне. Никто, кроме драконов не живет тысячи лет. Полагаю, кто-то намеренно вводит нас в заблуждение, и это, — он поднял жетон, — лишь подтверждает мою догадку.

— А звезды — символ кенолов?

— Верно. И звезды и вязь, что идет по верхней кромке. Вот тут. Это старый язык кенолов. После войны от него отказались. Его использование равносильно непризнанию мирного договора. Хорошо если создатель этого предмета использовал символы бездумно, не вкладывая в них изначальный смысл, в противном случае, он может быть очень опасен. Где вы его нашли?

— Уже не помню. Это было давно.

Он задумчиво кивнул, переглянулся с женой. Кот, воспользовавшись случаем, сцапал жетон, осмотрел со всех сторон, обнюхал, едва не попробовал на зуб, перекинул Овиллиону.

— Кровью пахнет, — однозначно заявил Вилли.

Меру и вовсе отказалась к нему прикасаться, и жетон по кругу вернулся ко мне.

— А как эти генералы выглядели? — поинтересовалась я, убирая жетон в карман.

— Не думаю, что внешне они сильно отличались от обычных людей. Да, они были очень сильными, воинственными и жестокими, но не более того.

— А между собой у них были конфликты? Могли они убивать друг друга?

— Странный вопрос. В любом обществе случаются размолвки, а учитывая нравы пустынников, удивительным бы выглядело отсутствие подобных конфликтов.

Хозяин медальона был кенолом, а его коллеги совсем не походили на тех, кто бездумно украшает себя безделушками. Зато жестокости им было не занимать.

Похоже, пустынные генералы добились своего, спустя века и многие поколения нашли-таки нового сюзерена.

Вечером я снова попыталась связаться с Ароном и опять безрезультатно. Зато пустынники подкинули сюрприз — сумели забраться далеко вглубь Тувосарии. Похоже, они вообще не спали, не ели и не останавливались. Такими темпами уже завтра они будут на месте. Какая радость...

Всю ночь я проворочалась, а едва рассвело, понеслась в назначенное место встречи — ту самую заброшенную деревушку, где дракон меня высадил три дня назад. И до сумерек проторчала среди чернеющих провалами окон избышек, голодная, холодная, не находя себе места от беспокойства и сомнений. Ренатор молчал, генералы подобрались совсем близко.

Теперь они шли пешком, барсы не выдержали сумасшедшего темпа и один за другим свалились замертво. Но даже так, всего через пару часов они явятся в Единорожку и... И что тогда? Подумаешь, отдадут неизвестное сокровище Егару. Станет он еще чуточку богаче. Какое мне дело? Никакие богатства не приблизят меня к дому. Зачем лезть к этим опасным типам? Правильно, незачем. Так почему я иду не домой к Меру Минс, где меня ждет

вкусный ужин, горячая ванна и мягкая постель, а к этому, демоны бы его побрали, Единорожке?!

Затеряться в толпе не составило труда, сложнее было из этой толпы выбраться, чтобы найти укромное место для наблюдения. Ну как укромное? Вокруг все равно было слишкомлюдно, но я отлично сливалась с вездесущими туристами. Те точно так же глазели по сторонам, выискивали знакомых или просто таращились на прохожих.

Почти все скамейки, примостившиеся под золотыми липами, были заняты парочками. Что не удивительно: аллея выглядела на редкость атмосферно. Липы, подсвеченные уличными фонарями, походили на громадных светляков. Их тетки увивались вокруг золотых листьев, создавая мерцающие ореолы. Резные блики кружевом ложились на узорную брусчатку, а загадочные тени придавали вечеру еще больше романтизма.

Липовая аллея пересекала широкую улицу, ведущую к «Мальшу Единорожке» и уводила к королевскому парку. Но именно здесь был истинный центр столицы. Кому нужен скучный замок, когда рядом круглосуточное веселье на любой вкус? Двери мерцающего огнями заведения поминутно открывались, вместе с посетителями на улицу вырывалось разухабистое балалаечное соло.

Единственная свободная скамейка стояла на краю аллеи, отделенная от шумной улицы только щеткой вечнозеленой изгороди. Влюбленные парочки предпочитали более укромные места, а мне в самый раз. Лучшего наблюдательного пункта и не придумаешь.

Веселые люди слонялись по улице, гомонили на все лады, а я становилась все мрачнее. Ну вот, сижу я тут, а дальше что? Придут эти пустынные, что я смогу сделать? И стоит ли?..

— Ты чего здесь сидишь?

Я подпрыгнула, обернулась.

— Кот! Как ты меня напугал! — я прижала ладонь к груди, пытаюсь унять разошедшееся сердце.

— Ждешь кого-то? — догадался маг и пристроился рядом на скамейке. Сегодня он сменил всегдашний потертый плащ на стильную куртку по последней столичной моде — широкую и вместительную, то, что надо, чтобы распахать все добро по карманам!

— Вроде того.

Я выразительно посмотрела на мага, но тот и не подумал уйти. Подождем вместе, какие проблемы?

Вот только лишних свидетелей мне не хватало!

— А я думал, куда ты пропала... погоди, ты что, в Единорожку собралась?!

— Нет... Эй, ты чего?

Кот подобрался, готовый броситься вперед. В глазах заиграли невиданные раньше зеленоватые огни. В этот момент он уже не походил на добродушного рубаху-парня. Откуда только взялась эта жесткость?!

— Вот он, собрался куда-то, — прошипел он сквозь зубы.

— Кто собрался?

Из-за угла игорного дома появилась группа наемников. Двигались они странным строем, а за их спинами маячила светло-русая голова некоего господина. Рассмотреть его не представлялось возможности — охранники так плотно закрывали хозяина собой, что казалось, все как один были сиаемскими близнецами. Тесная компания добралась до неброской кареты, запряженной четверкой гнедых, чудесным образом в нее уместилась и

умчалась в ночь.

— Егар, — Кот брезгливо выплюнул имя.

— Это был он? Ты уверен? — Я подскочила, но кареты и след простыл.

Вот черт! С чего я решила, что генералы придут сюда? Наверняка он назначил им встречу в тихом, укромном месте, чтобы не светиться. Приедет сейчас, заберет товар и шитокрыто. С другой стороны, какая мне разница? Я и с двумя-то наемниками не справлюсь...

— Конечно. Мне ли не знать эту наглую рожу, — Кот сплюнул уже по-настоящему. — Ты его, что ли, ждала?

— Нет, конечно. Просто интересно посмотреть, что за Егар такой, — отмахнулась я. — Кстати, а ты-то что тут делаешь?

— Я-то? Да вот хотел прибор испытать, — Кот приоткрыл полу куртки, демонстрируя давешний аппарат.

— А что это?

— Мое последнее творение, делает предметы невидимыми. Наводишь вот так линзу на стену и видишь, что за ней происходит. Правда пока что он на твердых предметах не работает, только на ткани, — Кот уставился на меня сквозь выпуклое стекло.

— Ей!

— Да шучу я, — он увернулся от затрещины. — Он пока вообще не работает. Не могу нормально камушки настроить.

Кот подышал на линзу, протер рукавом и спрятал прибор во внутренний карман.

— И зачем тебе такой сканер?

— Хм... Сканер, — он попробовал слово на вкус, — неплохо. Этот сканер мне очень нужен. Я ведь могу работать только с тем, что вижу, а Меру не всегда рядом, или не соглашается помочь. Вот я и соорудил такую штуку.

— И пришел испытать на Единорожке, — наконец сообразила я. Неудивительно, что Меру не соглашается. Эх, Кот, неисправимый ты воришка.

— А почему нет? Вдруг сработает? Что с тобой? — Теперь он изумленно уставился на меня.

Из полумрака дальнего сквера вынырнул высокий мужчина в темной одежде, с аккуратной бородкой на квадратной челюсти. В паре шагов за ним следовала красивая чернокожая женщина с золотистыми глазами. Их лиц я прежде не видела, но походку, манеру держаться узнала сразу. Никто из десятков спующих вокруг людей не двигался так плавно, уверенно и опасно. Они сменили одежду, избавились от громоздкого оружия, но сомнений не оставалось. Пустынники явились-таки в Единорожку!

Я сползла с лавки и, на полусогнутых, перебежала к живой изгороди. Кот следовал за мной как приклеенный.

— Доставай свой сканер, — прошептала я, не отрывая взгляд от шествующей к игорному дому пары.

— Так он же не работает, — также шепотом напомнил Кот.

— Жаль. А мне так нужно узнать, что у этих господ в карманах.

— А, ну так я могу Ильфредите приказать, она разнюхает, — он мгновенно включился в игру, ни о чем не спрашивая.

— Нашлись! — раздался над головой знакомый голос.

Мы с Котом синхронно обернулись, застигнутые врасплох. Вилли озадаченно нависал над нашим сомнительным укрытием. Рыжая шевелюра горела в свете многочисленных

фонарей.

— Вы чего здесь прячетесь? — нахмурилась Меру.

Укрытие мы себе выбрали отменное — пятилетке по колено, бордюрный кустик, но в пылу слезки не задумались, как странно это выглядит со стороны.

Ну, славно! Вся компания в сборе! И что же теперь делать?

Наемники почти добрались до цели. Зеваки, чувствуя исходящую от пустынников силу, разбегались, уступали дорогу. Выглядело это внушительно и до мурашек пугающе.

— Меру! — я вскочила, схватила ее за руку. — Меру, ты ведь можешь видеть сквозь предметы?

— Мерушка, пожалуйста! — захваченный моим азартом, Кот схватил подругу за другую руку.

— Вы что задумали? — ужаснулась колдунья.

— Нам позарез надо узнать, что у тех господ в карманах! — повторил мои слова Кот.

— Я таким не занимаюсь, — она брезгливо выдернула свои руки из наших.

— Послушай, — я медлила всего секунду, — они кое-что украли у моего друга и принесли эту вещь Егару, он нанял их, чтобы ее украсть. Мне нужно убедиться, что она все еще у них.

— Убедишься. Что дальше? — закономерно поинтересовался Вилли.

— Отберем, конечно! — ответил за меня Кот. — Он совсем обнаглел! Обворовывает честных людей среди бела дня! Уму непостижимо!

Кот понятия не имел, о чем говорил, но раз уж дело касалось Егара, тут маг был непреклонен. Казнить, нельзя помиловать! Этого-то я и боялась.

Пока мы спорили, пустынники скрылись внутри игорного дома, но, как выяснилось, стены для Меру не были помехой. Или она заранее успела просканировать наемников? А возражала просто из вредности.

— Что ты хочешь найти?

— А что у них есть при себе?

— Полно всего. Оружие, украшения, артефакты, деньги. Хм... Медальоны. — Она бросила на меня долгий взгляд. — Если не скажешь, что ищешь, я помочь не смогу.

Вот и приехали. Я запрокинула голову, словно надеялась, что снующие на фоне темного неба светляки изобразят подсказку, но, — увы! — примитивным духам не было дела до моих терзаний. Да и какая теперь разница? Дракон так и не вернулся. Арон пропал. Без них с наемниками не справиться. И стоит ли оно того?

— Ладно, ребята, не важно. — Я вернулась на скамейку. — Я не знаю, что они украли, а связываться с ними слишком опасно. Как говорится, что упало — то пропало.

Кот плюхнулся рядом, сердито скрестил руки на груди.

— Ну, уж нет. Егару всегда все сходит с рук. На этот раз я не позволю ему победить. Пойдем, — он схватил меня за ладонь и потащил ко входу в игорный дом.

Овиллион и Меру Минс обалдело посмотрели приятелю в спину, а после двинулись следом.

Вблизи «Малыш Единорожка» производил странное впечатление. Само здание было старым, вход располагался на пять ступеней ниже уровня земли, а камень стен, отчищенный ото мха и плесени, годился в ровесники самой Звезде Палтам. Массивными резными дверями было впору украшать храм, а не игорный дом, а избыточная иллюминация лишь опошляла облик внушительного строения.

Внутри заведения с освещением тоже все было в порядке. Господин Егар отвалил кругленькую сумму за сотни хрустальных фонариков набитых отборными светляками.

Пустой предбанник, с яркими плакатами на стенах, тремя ступенями стекал в длинный зал. По бокам от входа прятались за декоративными решетками лестницы, ведущие на верхние этажи. Чуть дальше за полукруглыми каменными арками открывались боковые ходы в игорные залы. Там царил настоящий ад. Неутомимые балалаечники, спрятанные с глаз долой, наяривали разудалые мелодии, разгоряченные игрой посетители орали, туда-сюда сновали официанты, охранники мрачно взирали на клиентов из темных углов.

Прямо напротив двери располагался первый ресторанный зал с двумя десятками круглых столиков в центре. Вдоль стен, обитых панелями красного дерева, размещались столы для больших компаний, с мягкими диванами и декоративными заборчиками, создающими иллюзию приватности. По сравнению с игорными залами, тут царило спокойствие и безмятежность.

Сразу за дверью нас поджидал распорядитель. Кот мгновенно взял его в оборот, требуя лучшее место, но особого выбора у нас не было, все столы, кроме двух самых дальних, занимала разношерстная публика: пьяные в стельку охотники, высокомерные шеттеры, краснощекие парни в одинаковых зеленых пелеринах, приехавшие на праздник туристы. Могучие горцы потягивали пиво из бочкообразных кружек, легкомысленно одетые девицы стреляли глазками, селяне уплетали столичные угощения, большая компания лесовиков ожесточенно размахивала руками, привлекая внимание официанта.

— А эти что здесь забыли? Разве Единорожка занимается благотворительностью?

— Лесное братство выделяет им немного денег. Старший тащит всю группу сюда, за раз все проматывает, а после отправляет младших слоняться по дорогам и самим себе добывать пропитание. Чудные они, лесовики эти, — отмахнулся Кот.

Мы разместились за самым дальним столом. Понятно, почему он пустовал: из двери, ведущей на кухню вырывались пары прогорклого масла, едкий запах специй и еще какой-то малоаппетитной дряни. Официант с застывшей на губах улыбкой и болью в глазах брякнул перед нами меню и потащился к лесовикам.

Кот брезгливо отодвинул книжицу, Вилли любопытно осмотрелся, Меру отстраненно проговорила:

— Они наверху. Спускаются. И с ними еще двое. Все, что они принесли, осталось при них.

— Ты и это можешь видеть?

— Мне приходится прилагать усилия, чтобы этого *не* видеть, — скривилась она, — и еще много чего, что происходит в этих стенах. Вы уже решили, что будете делать? Если нет — я уйду. Это невыносимо...

Наемники спустились в зал. На лице бородатого застыло плохо скрытое недовольство.

Шеттерка по-прежнему выглядела расслабленно и непринужденно. За ними следовали еще двое мужчин. Один — бледнокожий, с раскосыми глазами и стянутыми на затылке иссиня-черными волосами — двигался так же, как пустынники, а другой...

— Вот зараза! — Я отвернулась. — Ребята, это один из тех охотников! Который нас в болото загнал.

— Сиди, — Вилли хлопнул Кота по плечу, усаживая на место, и спрятал под капюшоном собственную приметную шевелюру, благо людей с покрытыми головами собралось немало, одних лесовиков — человек десять.

Меру улыбнулась так, словно съела лимон. Кот шуганул подошедшего было официанта и, пригнувшись, зачастил:

— Спокойно. Наверняка он нас уже забыл. Таиру я, и сам, едва узнал. Кстати, молодец, что одолжила у Меру платье. Теперь даже если ему под самый нос залезешь — он тебя не узнает. Меру, тоже надень капюшон, а я просто посижу тихонько. Так. Теперь план...

— Может, не надо? — вяло запротестовала я.

— Надо. Мы ведь даже не пытались. Давай, подумай, что это может быть? С чем связано? Откуда взялось? Любую приметку.

Да если б я знала!

— Оно с севера и... скорее всего, когда-то принадлежало драконам.

Все трое вытаращились на меня, будто я сама только что отрастила рога и крылья.

Наемники тем временем согнали с одного из диванов струхнувших туристов и недовольно посматривали на беспокойных лесовиков. Те вконец замучили официанта непонятной жестикуляцией и теперь «орали» друг на друга, яростно размахивая руками.

— Что ж ты раньше молчала? Это отлично! Ильфредита, вылезай. Да не бойся ты. Смотри, вон у тех наемников есть одна вещь. Очень важная. От нее пахнет драконами. Давай, разнюхай, что это.

Фея-ищейка дрожала, оглушенная шумом, светом, обилием людей и незнакомых предметов. Кот еще дважды объяснил ей задачу, но она только ворочала глазками и тряслась. Наконец, в ее крошечном мозгу что-то щелкнуло, она прыгнула и прилепилась мне на рукав.

Прекрасно...

Вот умница! Зачем тащиться через страшный зал, когда рядом есть кое-кто тоже пропахший драконом? Платье-то я одолжила, а куртку надела свою.

— Глупая мелюзга! — Кот принялся отдирать ее от рукава, но Ильфредита лишь сильнее цеплялась и отчаянно чирикала. Чем ты, хозяин, недоволен? Вот же эта важная вещь, пропахшая драконом!

— Погоди, — я отцепила горе-ищейку и задумчиво осмотрела, — чии-там, чич-таам.

— Ну, ты даешь! — восхитился Кот.

Ильфредита перестала трястись, оживилась, но выполнять задание не спешила.

— Все равно боится, — разочарованно протянул Кот, — ну почему, в самый ответственный момент, ты так меня подводишь, Ильфредита?! Пойду, сам отнесу.

— Лучше я. Тебя он точно узнает. И не спорь! Ты и так мне очень помог. — Я спрятала фею в ладони. — Пройду мимо на улицу, а на обратном пути заберу.

— Только близко не подходи, а то заметят.

Стоило мне миновать компанию шеттеров, фея осмелела и сама выпрыгнула из ладони. Так вот, что ее пугало! Не исключено, что у одного из сидящих в зале темных Кот ее и умыкнул в свое время.

Фея умела слиться с окружением. Полупрозрачной тенью она юркнула под столы, а я, не останавливаясь, вышла на улицу. Холодный ветер остудил разгоряченное лицо. Я сосчитала до двухсот и вернулась обратно. Воздух в ресторане показался тяжелым и пересыщенным запахами десятков людей и едких специй.

Пока я проветривалась, в зале произошли изменения. Пьяные ловцы нагрянули к краснощеким парням, и было непонятно, чем эта встреча закончится — совместным продолжением банкета или общей дракой. Робкие туристы-селяне направили парламентаря к заскучавшим девицам. Те потешались над отчаянно краснеющим мужичком. Один из лесовиков вдруг выскочил в проход, едва не задев печально знакомого охотника. Тот недовольно заворчал.

— Зеленомордый, чего тебе? — Охотник безразлично скользнул по мне взглядом. — Не нарывайся!

Крошечная тень скользнула мне в ладонь. Ух, скорее бы с этим покончить! Струйка пота щекотнула позвоночник.

— Ты долго! — Кот нетерпеливо подпрыгивал на стуле. — Чего тот лесовик от тебя хотел?

Я обернулась, но в стане отшельников наступило временное затишье, связываться с охотником не хотелось даже ярим любителям умереть не своей смертью. Наемники между тем продолжали беседовать, недовольно поглядывая на дверь. Не терпелось поскорее избавиться от добычи и заняться своими делами. Ну, ничего. Сейчас мы облегчим ваши страдания!

Ильфредита перепрыгнула в ладони хозяина, заплясала, заработала крылышками. Из воздуха соткался невесомый образ узкого продолговатого предмета.

Меру кивнула, принимая образ. Кот схватил ее за ладонь, а другой рукой извлек из воздуха молочно-белый крапчатый кристалл. Серебристые искры вспыхнули, но маг вовремя сжал ладонь. Мы уставились друг на друга, понимая, где прежде видели подобный камень. В повозке кенолов он висел у всех на виду, а за этим пустынным приходилось добираться через полконтинента!

— Странно, — протянул задумчивый Кот, — он совсем другой...

— Если мы закончили, — прервала его Меру, — давайте, уйдем. Тяжело.

— погоди минутку, — мне пришла в голову странная идея. — Ты можешь на место кристалла положить вот это?

На столе появился жетон убитого кенола. Мне показалось забавным заменить кристалл жетоном того, что из-за него погиб.

— Это к Вилли, — кивнул Кот, — я только забираю.

Рыжий коснулся руки Меру. Накрытый крупной ладонью, жетон исчез, и мы устремились к выходу, заранее празднуя победу. А зря.

— А ну стоять! — Охотник прыгнул через половину зала, схватил меня за руку. — Думала, я тебя не узнаю?! Гляди-ка, вся шайка в сборе! Вот так удача! Эта шантрапа как-то пыталась меня ограбить.

Он поднял руку, хвастаясь добычей. Наемники одобрительно захмыкали. Десятки глаз уставились на нас в ожидании представления. Я попыталась пнуть охотника в колено, но тот прозорливо увернулся и удивленно вскрикнул, ослабляя хватку. Один из лесовиков выломал прут из декоративного заборчика и огрел им охотника по шее.

— Зеленомордый, ты охренел? — не поверил своим глазам охотник, но лесовика уже

поглотило скопление сородичей.

Посетители ресторана волной отхлынули к стенам под прикрытие разом опрокинутых столов. Никто не хотел попасть охотнику под руку.

Не теряя времени, мы бросились к выходу, но там, как из-под земли выскочили сразу четыре охранника. Вилли подхватил ближайший стол, стряхнул с него пьяно храпящего ловца и, как гигантским щитом, сдвинул охранников к стене.

Меру вскрикнула — злопамятный охотник схватил ее за талию. Стол исчез из рук Вилли и возник прямо перед злорадно оскаленным лицом охотника. Меру едва успела пригнуться, а нападавшего снесло обратно к сидящим за столом наемникам, еще и столом сверху придавило.

Тем временем охранники оклемались и продолжили наступление, но тут буйный лесовик снова отличился: схватил посох старшего (младшим они не полагались) и взвился под потолок. На обалдевших охранников обрушился град ударов. Тут даже пустынные, едва выбравшись из-под стола, на миг застыли с открытыми ртами. Прочие бинти прикинулись каменными статуями, мол, это не наш, мы так не умеем.

Первым опомнился бородач, сверкнул коротким кинжалом, кинулся вперед. Вилли нанизал на клинок ближайший стул, схватил Меру за руку, отбросил себе за спину. Кот сунул мне в ладонь кристалл, оттесняя к двери. Охранникам было не до нас, разошедшийся лесовик дубасил их с непостижимой скоростью.

Узкоглазый наемник метнул один за другим два кинжала. Первый тут же оказался в руке у Кота, второй пролетел мимо, чиркнув того по плечу. Веер кровавых брызг осел на полу, а с верхних этажей уже бежало подкрепление. Мы почти добрались до двери, но еще немного и охранники, гремящие сапогами по лестницам, отрезали бы нам путь к выходу.

— Муш-то-хаа!

Разом завопили десятки ослепших людей. На лестнице образовалась свалка. В пылу заварушки никто не сообразил, что я всего лишь погасила светильники.

Мы выскочили на улицу и бросились врассыпную. Кот заранее назначил место встречи, если что-то пойдет не так. А все пошло максимально не так.

На пустырь за городским рынком я прибежала первой, хоть и поплутала, его отыскивая. Во время праздничных гуляний там было едва ли не самое безлюдное место во всей столице, но даже туда долетали звуки музыки и группки заплутавших светляков.

От приземистых рыночных складов пустырь отделяли заросли можжевельника, с другой стороны полоса каменистой земли ограничивалась старым городским садом. Корявые яблони и груши застыли в спутанном море одичавшей малины и ежевики. Кое-где в ветвях еще оставались сморщенные подмороженные плоды.

Над пустырем висела непривычная тишина, подчеркнутая далеким шумом города. Я разжала ладонь. Кристалл поймал отблеск едва видимых звезд, брызнул серебристыми лучами.

Что же ты такое?

Чем дальше всматриваешься, тем отчетливее становится звенящая тишина.

Кусты можжевельника качнулись. На пустырь, тяжело дыша, выскочила Меру.

— Ты в порядке?

— Да. — Она хмуро осмотрелась. — Где остальные?

— Не знаю. Я пришла первой.

Меру застыла, вслушиваясь и вглядываясь во что-то мне недоступное. Коту полагалось давно быть здесь. Он единственный знал город наизусть и мог передвигаться даже с завязанными глазами. Маг выскочил из Единорожки позже нас, но, убегая, я видела его уже на улице.

Мы переглянулись, думая об одном и том же, но промолчали. Время еще есть. Наверное. — Знаешь, что это? — Она взяла камень с моей ладони, покрутила в пальцах.

Я пожала плечами.

— Это звездный шердонит. Священный камень кенолов. Очень редкий. Их еще называют лучами небес. Видишь, как он отражает звездный свет? Надеюсь, он того стоил. — Она вернула кристалл.

— Прости.

Меру отмахнулась.

— От Кота обычно проблем больше. Раньше он подобное по три раза в неделю вытворял... Правда, не в таких масштабах. — Она снова прислушалась, беспокойно прошлась по пустырю. — Надо уходить. Сюда кто-то идет. Кто-то чужой.

Можжевательник бесшумно качнулся.

— Беги!

Она нырнула в малиновые заросли. Я прыгнула следом. У самой земли кусты были не такими густыми, зато колючки вымахали на славу. Лицо, руки, одежда, все получило свою порцию малиновых объятий.

На четвереньках я проползла до ближайшей прогалины. Меру исчезла, зато позади кто-то шел напролом. Я вскочила, побежала, плутая среди корявых яблонь. Кусты позади меня разлетелись, срезанные одним длинным движением. Протяжно зазвенела сталь, убираясь в ножны. Он не прятался. Шел открыто. А я слишком поздно сообразила, что он всего лишь загонщик.

Золотоглазая тень выскользнула из-за дерева, выбросила руку вперед. Узкое лезвие рыбкой нырнуло мне под куртку. Противно чавкнуло. Левый бок вспыхнул болью. Клинок вернулся легко и быстро. От потемневшего лезвия поднимался пар.

Я хватала ртом воздух, но он застревал, не доходя до легких, а по телу расползались холодные стрелы. Бежали от раны к рукам, ногам, голове. Я прижала ладонь к боку, но темная лужа на земле становилась все больше. Я рухнула на колени, а потом мир в очередной раз накренился, крученный яблоневый корень ткнулся в висок.

— Думаешь, с нами можно шутить? — глубокий бас прозвучал над самым ухом. Лицо бородатого пустытника расплылось. На грудь упало что-то маленькое.

— Одной достаточно. — Наемница забрала из бесчувственных пальцев искрящийся кристалл.

Мир провалился. А вслед за ледяными стрелами, внутри зародилось пламя, окутало и унесло в небытие.

Темно. Белесые щупальца дыма слепо шарят по потолку, выползают из проема, где пляшет и ревет пламя. Рыжие отблески рисуют на стенах причудливые тени, опрокинутые столы, стулья предстают обломками давно сгинувшей цивилизации.

Кто-то идет по темному залу, зло расшвыривает стулья. Ищет. Ищет не меня. Меня тут вообще нет.

Бледное пятно сдавленно ругается, заполняет весь мой пылающий мир.

Кто-то вытягивает меня из-под стоящего боком стола.

Не прикасайся, оставь меня.

Прислушивается к дыханию. Сережка-крестик, слишком реальная в этом призрачном мире, холодной змейкой скользит по губам.

Оставь меня. Я хочу вернуться.

Но меня снова куда-то тащат. Заставляют дышать и жить.

Нигде нет покоя, даже в этом старом, забытом воспоминании.

Я открыла глаза. Надо мной нависал незнакомый голубоглазый шеттер. На выбритой татуированной золотом голове блестели капельки пота. Хищный черный ирокез настороженно топорщился. Вокруг клубился туман, подсвеченный желтыми огнями светляков.

— Получилось... Таира! Таира, слышишь меня?

— Вы кто? — Вместо слов изо рта вырвался едва слышный сип. Я закашлялась. Шеттер приподнял меня, пристроил спиной к шершавому стволу. Напоил водой из странно знакомой фляги.

В голове царил пустота, левый бок противно ныл.

— Ну вот, так всегда. Три дня не виделась, а она уже не помнит. Женщины... — проворчал он подозрительно знакомым глубоким голосом. — Арон привет передает.

Я снова закашлялась, разбрызгивая воду.

— Черный?!

— Рэнс. Зови меня Рэнс. Шеттеры не очень-то любят, когда их величают черными, сама понимаешь. — Он вытер пот с блестящего темного лба.

Я подобрала отвалившуюся челюсть. Ну, дела! Как это здоровенный дракон стал, тоже немаленьким, в общем-то, шеттером? Или кинжал наемницы был пропитан ядом и у меня галлюцинации? С другой стороны, это многое объясняет... Только мне казалось, дракон немного старше, Рэнсу же на вид было не больше тридцати лет.

— Так вот что это за драконья магия! А ты мне голову морочил...

Разумеется, в таком обличи готовить, убирать и зашивать пресловутые носки проще простого. А я-то себе навоображала страшное невероятное колдовство! Впрочем, такая вот метаморфоза — это вам не кудри с утра навести... До жути непривычно было слышать знакомый, хоть и несколько измененный голос от незнакомого темнокожего парня.

— На самом деле, обычно я выгляжу иначе. Но тут глушилки на каждом шагу, а на шеттера они не реагируют, — он виновато пожал плечами.

Из золотистого тумана вынырнул Кот, сел на корточки, потирая колени.

— Ничего себе! Ты живая! Ну и напугала же ты нас!

Позади него тихой тенью появилась Меру — плащ и ладони в крови, лицо — бледнее бледного. Кот держался молодцом.

— Меру, ты в порядке?

Она пожалала плечами.

— Это твоя кровь, — ответил за нее Кот.

Точно, меня же убили! Я ощупала бок, но рана пропала, осталось только два тонких рубца — на боку и на спине, где вышло лезвие. Заскорузлое платье висело клоками, открывая вымазанное кровью тело. Я запоздало прикрылась.

— Кот, что случилось-то? Куда ты пропал?

— Кот, значит? — рыкнул дракон, поднимаясь. Шагнул к подскочившему магу, одной рукой до хруста приобнял за плечи. — Ну, здорово, Котяра. Что ж ты мою сестренку не уберег?

Дракон лапищей сдвинул только что залеченное плечо. Маг, морщась от боли, попытался отстраниться, но с тем же успехом можно было пытаться сдвинуть Безымянную Гору. Шеттер был гораздо выше и шире Кота.

— Ты, вообще, кто?

— Я-то? Да считай, я ее старший брат, — дракон оскалился в хищной ухмылке.

Кот смерил дракона взглядом.

— Ага. Семейное сходство налицо...

Шеттер из дракона получился отменный, хоть и с несколько непривычными для этой расы чертами лица и прической. В большинстве своем шеттеры были лысыми, даже женщины, за исключением знатных северян. О принадлежности к высшей касте говорили и татуировки — золотые полосы на макушке, скулах и шее. Зато глаза, как всегда, сияли сапфирами.

— А где Вилли?

Туман потихоньку рассеивался, но среди подсвеченных светляками деревьев рыжего мага не оказалось. Кот выглядел растерянным. Нам с Меру удалось затеряться в толпе, а за ними увязалась-таки парочка охранников. Но Кот клялся, что они отбились и дальше добирались до места встречи разными путями. Времени прошло достаточно, и Вилли давно должен был появиться.

У меня засосало в желудке от нехорошего предчувствия. Я поднялась, стараясь не обращать внимания на стреляющую в плечо и левое бедро боль.

— Это ваш рыженький? — уточнил Рэнс, выпустив, наконец, Кота из стального захвата. — Вроде его охрана повязала. Успели утащить до того как я им устроил веселье.

Дракон совсем немного опоздал к началу заварушки. Когда в зале снова вспыхнул свет, он уже был внутри и... он так и не признался, что именно сделал, только загадочно скалился и уверял, что про нас после его представления и не вспомнят.

Наведя шороху в игорном доме, он кинулся искать меня, а когда ворвался в сад, я уже отдавала концы. Меру зажимала рану, пыталась стянуть края, но я потеряла слишком много крови.

— Отменные будут яблочки. — Рэнс носком ботинка ковырнул окровавленную землю вперемежку с сухими листьями.

— Мы уж думали, тут тебя и прикопаем, — криво усмехнулся Кот, — но тут непонятно откуда свалился этот бугай...

— Я те дам, бугай!

— ...отшвырнул нас. Заорал на непонятном языке. Тумана напустил, а когда тот рассеялся, ты уже очнулась. Даже не знаю, что он там с тобой сделал. В тумане.

— Ой, договоришься ты, Котяра, — протянул Рэнс. — Что надо, то и сделал. А вот с тобой я еще поговорю...

— Че... Рэнс, не надо. — Мне было не до глупых разборок. — Ты уверен, что Вилли забрали?

— Уверен. Его и еще одного, зелененького. Мне не до них было, — виновато добавил он.

«Зелененького» я узнала. В этот раз он был шустрее, чем в переулке Тридорожья. И, все

верно. Вилли швырялся столами, лесовик напал на охрану. Главных смутьянов схватили. Потом, правда, еще и дракон что-то там учудил, но ему удалось скрыться, как и зачинщикам безобразия. Точнее зачинщице.

— Его схватили из-за меня. Знаешь, куда его увели? Я должна его вытащить!

— О, как! — Дракон скрестил руки на груди, прислонился плечом к яблоне. — Ну, давай, вперед.

Я бодро прошагала два метра и свалилась сначала на колени, а потом на бок. Тело пронзила боль, в боку и в груди разгорались пожары. Прямо перед глазами в бурой листве блеснула грань медальона. Волчья голова, три звезды. Опять весь в крови. На этот раз в моей.

— Ох, ты ж горяшко, — прогудел дракон. Подхватил меня на руки, я едва успела цапнуть жетон убитого кенота. — Спасительница, чтоб тебя...

Утро выдалось холодным и солнечным. На жухлой траве лежал иней, деревья покрылись белыми кораллами — морозники не дождались первого снега, вдохновленные холодной ночью сплели замысловатые фигуры на радость людям. Обычно к обеду их шедевры таяли без снежной подпитки, но утренний город выглядел сказочно.

Остаток ночи я прометалась в кровати, то горела огнем, то дрожала от холода. Дракон отпаивал меня какой-то дрянью с запахом мяты и вкусом три недели ношенных носков. Магов он тоже угостил отваром. Успокоительным.

— Проспят до вечера и будут видеть веселые цветные сны, — ухмылялся он.

Возвращаться в этот дом не следовало, но другого выхода не оставалось. В одном нам повезло — родители Меру еще вчера умчались в гости к брату госпожи Минс, так что наше триумфальное явление в крови и рваных одеждах осталось без благодарных зрителей.

Я не спала и минуты за всю ночь и только к рассвету провалилась в тяжелый вязкий сон. Как бы сейчас пригодилась шердонитовая пещера!..

Я подскочила на кровати. Дракон дернулся в кресле. Он и сам задремал впервые за ночь.

— Они его забрали, Рэнс. Это был шердонит. Небесный луч, так назвала его Меру. Луч, понимаешь?

— Понимаю, — мрачно согласился дракон, — но не совсем. У нас этого шердонита — целая пещера. Если хочешь, я тебе ведро наковыряю, только успокойся.

Я вытянулась на подушках, разгладила одеяло. Меру снова одолжила мне одежду, на этот раз просторную белую рубашку, но я, хоть убей, не помнила, как переодевалась и, тем более, смывала кровь. Прекрасно...

— Не в том дело. Это был звездный шердонит, а не лунный, как в вашем Ренаторе. Звездный шердонит, небесный луч. Понимаешь? Он был у меня, а они его забрали... Кстати, ты был прав. Это не обычные наемники. Похоже, они считают себя потомками пустынных генералов.

Я рассказала все, что услышала от профессора и до чего додумалась сама. С каждой минутой лицо Рэнса вытягивалось все сильнее.

— Ты знала, кто они, и все равно к ним полезла?! Рехнуться можно... И ради чего? Какого-то дрянного камня?! Пусть он хоть тысячу раз небесный, или какой угодно луч!

— Вообще-то, ради тебя! Я думала, тебе это важно! — Я села, возмущенно глядя на него.

— Напомни-ка, какая у тебя цель? Если забыла, я напомню: вернуться домой, а не мои проблемы решать. И тем более их выдумывать! Демоны бы побрали этих генералов, камни и вас вместе с ними, — он схватился за голову, устало потер лицо, — вы, верно, решили меня с ума свести... Один лезет в какую-то дыру, другая на пустынных кидается. Я вам что, нянька?! — рявкнул он. Из рта вырвалось облачко пара. Кажется, даже в облике шеттера он мог плевать огнем.

— Так не прилетал бы! Сидел возле своего Арона. Я бы сама прекрасно справилась!

— Видал я, как ты справилась! Если б во время не пришел, кони бы там двинула!

— Ни черта ты не видел! Если б вы со своим Властелином меня не похитили, ничего бы не случилось!

Я вскочила с постели, схватила сваленную на стуле одежду и направилась к двери.

— Стоять!

Стекла в окне зазвенели. Ну, уж нет. На меня эти штучки не подействуют!

— А иначе что? — обернувшись, бросила я. — Утащишь обратно в Башню, под замок? Или испепелишь на месте? Вперед!

Он медленно поднялся, подошел. В глазах полыхало сапфировое пламя, скулы ходили ходуном. Посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом, а потом молча повернулся, вышел в коридор и захлопнул дверь перед самым моим носом.

Прекрасно! Вот и поговорили! Я бросила одежду на кровать, уперлась ладонями в стол, глядя в окно. Могучая фигура, закутанная в черное, мелькнула среди растущих во дворе елок. Дракон аккуратно закрыл за собой кованую калитку и исчез за углом дома напротив.

Я шарахнула кулаками по столу. По дереву побежала трещина.

— Прекрасно!

«Еще головой об него постучи» сказал бы дракон. Добродушный и заботливый Черный дракон, который носится с Властелином, как курушка с цыпленком. Только вместо Черного дракона теперь был какой-то Рэнс. Нервный и злой до чертиков... Стоп! А почему, собственно, «Рэнс»? Вот зараза!

Вместо того, что бы нормально поговорить, мы устроили сцену, как герои дешевого романа. Вот за что не люблю развлекательную литературу — ни один персонаж не умеет говорить нормально словами через рот. И вот, пожалуйста, сама подхватила ту же болезнь. Молодец, Таира, великолепный ход!

Я быстро оделась и выскочила за дверь.

В этот раз, для разнообразия, я одолжила плащ у Кота. Я честно попыталась его разбудить и спросить разрешения, но драконье зелье действовало отменно — маг храпел и на меня не реагировал. Переложив все добро из окровавленной, порванной куртки в карманы своего балахона, завернувшись в Котов плащ и отправившись на очередное дело.

Как бы дракон не уверял, что затмил собой все наши вчерашние выкрутасы, злопамятный охотник обо мне не забудет. Оставалось надеяться, что очередное переодевание собьет его с толку, и в многолюдном городе мы с ним больше не встретимся.

Плащ с мужского плеча был мне великоват и немного волочился по земле. Пришлось завернуться в широкие полы на шеттеровский манер. Эдакой куколкой, без единого шанса превратиться в бабочку, я и шла по утреннему городу.

Основательно подгулявшие ночью горожане отсыпались в постелях, и только торговцы, позевывая, педантично открывали магазины. Уборщики-лесовики собирали мусор в тележки. На маленькой площади хмурые мужички сколачивали помост. Надеюсь, для очередного развлечения, а не казни. Все карательные мероприятия отложили на две недели до окончания праздников.

Город потихоньку оживал, а я понимала, что зря так бездумно выскочила из дома. Конечно, Рэнс не поджидал меня за углом, и найти его, наугад шатаясь по улицам, не вышло. Зато действие его снадобья заканчивалось. Боль из тупой грозила перерасти в острую, а слабость потихоньку сковывала тело.

О чем я только думала? Еще ночью лежала при смерти, а тут, пожалуйста вам, поскакала искать обиженного друга.

Нет, так не пойдет. Надо вернуться, попросить Ардалиона разыскать Рэнса. Я повернула обратно и нос к носу столкнулась с тем, кого хотела видеть меньше всего.

— Ну, привет.

В серых глазах охотника плясало торжество. Золотая веревка скользнула на мое запястье, отрезая от всего мира. Остудяющее чувство безразличия смешалось со слабостью и превратило меня в послушную безвольную куклу. Весь мир, кроме стоящего передо мной человека превратился в бесформенное скопление теней.

Его лицо нельзя было назвать неприятным, но профессия давно отпечаталась в чертах. Жесткий взгляд, давно сломанный и не совсем удачно сросшийся нос, плотно сомкнутые губы. Жестокий человек, безразличный к чувствам других.

— Я все думаю, кто же ты? — Он скрестил руки на груди, не выпуская при этом из них веревку. — Ведь ты не из лесовиков. Так почему вчера тот зеленомордый тебя защищал?

Возможно, потому, что вы все давно позабыли, что такое обыкновенная доброта?

На разговоры не было сил. Не было сил даже на боль. Хоть за это большое спасибо волшебной веревочке.

— Пойдем-ка. Хочу тебя кое с кем познакомить.

Я побрела за ним, вяло переставляя ноги. Мимо проплывали безликие тени — не люди. Мне нет до них дела, а уж им и подавно нет дела до той, кого тащит за собой на поводке охотник. Как бездомную собаку на мыловарню...

Удобно, когда рядом есть дракон, готовый в любой момент помочь, вытянуть из передраги, заштопать носки. Пожалуй, я даже немного завидовала Арону.

— Эй, Закирий!

Охотник остановился, недовольно поморщился. Наперерез толпе теней двигались две тени выше и шире прочих.

— Я думал, обознался. — Горец в жилетке с нашивкой городской стражи проник в наш тесный мирок, вытащил из поясной сумки стопочку листов и карандаш. Что-то написал, протянул охотнику. — После гуляний зайдешь за вознаграждением.

Второй стражник, точнее стражница, бесцеремонно схватила меня за плечо, сорвала с запястья веревку. Ух! Зачем так резко-то?! Мир обрушился на меня, едва не сбив с ног. А со всем миром вернулась и боль. Не давая мне упасть, стражница скрутила мои руки за спиной обычной веревкой, так туго, что не стоило и пробовать освободиться.

— Вы охренели? — Охотник Закирий ошарашенно хлопал глазами то на квитанцию, то на горцев. — Я, вообще-то, работаю на Егара.

— А мы на короля, — ответила женщина певучим голосом.

— Если бы ты не работал на Егара, Закирий, — вкрадчиво, как для слабоумного, пояснил горец, — не было бы никакого вознаграждения.

— Да на хрена оно мне? — вспыхнул охотник. — Она меня ограбила...

Минуточку. Это Кот стащил у него вино и провизию, так с чего он на меня-то взъелся? Естественно, моих пояснений никто слушать не собирался.

— Тем более. Решение подобных вопросов — дело государственных органов. А по нашим сведениям, она участвовала в организации бунта против короля. Спасибо, Закирий, за помощь. Король тебя не забудет.

Тут уже мы вместе с Закирием, как говорит в таких случаях Темный Властелин, поразились до глубины души.

Горцы отсалютовали короткими жезлами и потащили меня в тюрьму.

Строго говоря, городская стража непосредственно подчинялась мэру, а не королю, но согласитесь, «мы работаем на короля», звучит внушительнее, чем «мы работаем на мэра». Потому, вели меня именно в городскую тюрьму. Королевская находилась далеко от столицы, и держали там политических преступников и попавших в опалу придворных, которых казнить было нельзя или жалко (мало ли, пригодится еще). В городскую свозили всех прочих, и держали до вынесения приговора, а после — либо на плаху, либо в ссылку, и тут еще стоило подумать, что хуже.

Доказать свою невиновность удавалось лишь единицам, поэтому преступные личности старались тщательнее скрывать следы своей деятельности и не попадаться вовсе. За мелкое хулиганство, дебош и прочее в тюрьму не сажали. Стражники могли на месте проучить нарушителей, или оттащить в районный участок для серьезного внушения.

Тем удивительнее, что меня вели именно в тюрьму. Еще и в бунтовщики записали.

Конвоиры мне попались молчаливые, на вопросы не отвечали, но, хотя бы, вели аккуратно и не давали упасть, когда на меня накатывала слабость. Зато я, пытаюсь отвлечься от боли, вдоволь налюбовалась их выдающейся внешностью.

Горцы были могучи и невероятно красивы. Такие правильные лица обычно рисовали на мотивационных плакатах или эпичных картинах. Исполненные достоинства и величия. Хотя, сами по себе они были теми еще забияками и безбашенными воинами. Потому и становились наемниками или стражниками: тут можно было на законных основаниях отлупить пару-тройку, а то и десяток человек в день. В свободное от потасовок время горцы

оставались весьма добродушны.

Оба стражника — и мужчина, и женщина — были коротко пострижены и носили минимум украшений. Зато в татуировках себе не отказывали. Рельефные руки были полностью забиты изображениями причудливых созданий, непонятных символов и выдающихся личностей бинтийской культуры.

В молчании они сдали меня тюремной страже и удалились. Положение из паршивого превратилось в «хуже некуда». Если на улице у меня еще была какая-то надежда на спасение, то за высокими стенами тюрьмы все иллюзии испарились.

Здание городской тюрьмы было круглым, с узкими окошками, утыканными стальными штырями. Пустой двор по периметру отлично просматривался и не давал и намека на укрытие. Забор в два человеческих роста по кромке тоже «украшали» разнокалиберные корявые и зазубренные штыри, от одного вида которых бросало в дрожь.

Нижние этажи тюремной башни отводились преступникам средней руки — ворами и убийцам. Нас, бунтовщиков, держали в пентхаусе. По винтовой лестнице меня привели в круглое помещение со столом, парой стульев и мрачными в бурых потеках шкапами. Создавалось впечатление, что их регулярно роняли на постояльцев этого заведения, причем по несколько раз на каждого.

Комнату освещала единственная тусклая лампа, нагнетая и без того мрачную атмосферу. Тут меня бесцеремонно обыскали, отобрали все вещи. Коробка с пауком, кольцо и злополучный медальон вызвали живейший интерес у скучающих без дела надзирателей. Один из них попытался со мной «заигрывать», но второй быстро его осадил. Мы, политические преступники — считай, элита. Никогда не знаешь, как там все обернется и не придется ли в другой день этой пигалице в ноги кланяться.

Из одежды оставили только штаны и безрукавку. И на том спасибо, радушные хозяева! В другой день я непременно устроила бы им веселую жизнь, но сейчас мне хотелось свернуться клубочком в углу и дожидаться, когда горящая боль отступит.

От круглого предбанника-допросной лучами отходили коридоры. Камеры располагались только по одной стороне и так далеко от стены, чтобы даже самый длиннорукий и длинноногий преступник не добрался до надзирателя или посетителя. Между камерами стены тоже были глухими, чтобы соседи друг с другом не шептались о своих политических замыслах, а говорили во всеуслышание.

Меня намеревались поместить в самые дальние апартаменты, и в этом коридоре меня ждал сюрприз: старые знакомые, собственными персонами — хмурый Вилли и избитый до неприличия лесовик.

— Привет, Вилли, — я вяло махнула рукой.

— Молчать, — лениво протянул надзиратель.

— Это они с тобой сделали? — Вилли заметил мою вялую, вихляющую походку и общий нездоровый вид. Мага тоже оставили босым в штанах и рубашке.

— Нет. Долгая история. Но я почти в порядке.

— Молчать, я сказал!

— Ой, отстань, — отмахнулась я, — иди, работай.

Надзиратель легонько ткнул меня в спину, отчего я кубарем улетела на пол. Вилли подался вперед. Лесовик повис на решетке, хрипло пролепетал:

— Госпожа...

Надсмотрщик и сам испугался такого эффекта, кинулся меня поднимать.

— И тебе привет, зеленый, — махнула я лесовику, снова приняв вертикальное положение. Этого беднягу вообще оставили в одной набедренной повязке. На покрытое синяками и кровоподтеками тело больно было смотреть. Но он не унывал, только обеспокоенно следил за моим продвижением, едва не просунувшись сквозь прутья решетки.

Наконец-то. Вот и мой номер люкс. Тут даже имелись нары с относительно чистым соломенным матрасом и пустое ведро под ними. Шикарно! Я рухнула на свою новую постель и мгновенно отключилась.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыла глаза, за единственным на весь коридор узким горизонтальным окошком было темно. Из щелей в потолке сочился тусклый серый свет. Вероятно, там расплодилось плесень. В тюрьме было тихо и... нет, не жутко, просто тоскливо.

Я отлежала себе руку и, кажется, вывихнула шею, по крайней мере, голова поворачивалась только в одну сторону. Стоило подняться, в боку стрельнуло, и горячая боль принялась медленно разрастаться. Ох, а я-то надеялась, что все пройдет как-нибудь само собой... Ну, а вдруг?

В соседних камерах зашуршало.

— Госпожа! Госпожа, вы в порядке?

Я поморщилась. Не от боли, а от излишне почтительного обращения. Тоже мне, нашел госпожу... Но, кто их, лесовиков, знает? Может быть, у них так ко всем незнакомым женщинам обращаются?

— Госпожа, по крайней мере, жива, — прохрипела я и закашлялась. Вода постояльцам этого заведения не полагалась. Какая жалость.

— Что случилось? — подал голос Вилли. — Видела ребят?

Я коротко рассказала о событиях прошлой ночи. На пространный рассказ не было сил. Мысли снова начинали путаться.

— Зря они домой вернулись. Думаю, скоро мы с ними увидимся. Страже не нужно много времени, чтобы найти всех, кто был в Единорожке.

— Будем надеяться, что Кот удачливее нас с тобой.

— Он такой, — согласился Вилли.

— Вас тоже обвинили в организации бунта?

Вилли некоторое время молчал.

— С нами не говорили. Бросили сюда и ушли. Парня еще поколотили.

— Ничего страшного, госпожа! — отозвался лесовик. — Я готов ради вас вытерпеть любую боль.

Я уткнулась лицом в ладонь. Ну, что тут скажешь?..

— Зеленый, ты зачем вообще полез в драку? Вы же теперь мирный народ.

— Госпожа вольна звать меня, как ей угодно, — растерянно пробормотал лесовик и продолжил: — меня поразила ваша бесконечная доброта. Никто и никогда не стал бы защищать такого, как я, но вы вступились за меня. Простите мою дерзость, но такая хрупкая девушка не побоялась выступить против троих мужчин. А ведь они были опасны... Тогда я задумался, что не следовало мне сидеть и покорно ждать смерти. Это я должен был вас защищать. Не мириться с судьбой, не убегать... Вы открыли мне глаза. Я много думал, а правильно ли поступаю? Правильно ли мы все поступаем? И вот теперь, когда я снова вас

встретил, я понял, что мне еще рано уходить на покой. Мой долг служить вам. Госпожа, примите мою клятву...

Я не знала, плакать или смеяться от такого признания. Голос лесовика сначала звучал хрипло (соблюдение многолетнего обета молчания — это вам не шутки!), но потом зазвенел, наполненный решимостью. О каком, интересно знать, покое он говорил, когда выглядел не намного старше меня? Тоже мне, нашелся старый солдат, не знающий слов любви...

Вилли молчал, но я представляла, с каким выражением лица он слушал эту вдохновенную речь.

— Спасибо, мне очень... э... приятно слышать, что я тебя вдохновила. Но, пойми меня правильно, мне слуга не нужен. У меня и так проблем — выше крыши.

— Я готов следовать за вами незримой тенью. Я не причиню вам беспокойства и помогу решить все ваши проблемы, госпожа!

— Ты ведь даже не знаешь, о чем говоришь. А что если я вовсе не добрая? Может быть, я злодейка? Темная ведьма? Что, если я хочу уничтожить мир?

— Это ведь неправда! — протянул он. — Зачем вы такое говорите? Но даже если так. Я готов за вас умереть!

Вот только этого мне не хватало.

— Послушай... Кстати, как твое имя?

— Илам, госпожа. Но вы можете звать меня, как вам угодно.

— Отлично, Илам. А я Таира. Так вот, Илам. Пообещай мне, что не будешь этого делать. Живи долго и счастливо, понял? Никаких смертей за меня и вместо меня. Твоя жизнь принадлежит только тебе и нечего ее разбазаривать по чем зря.

— Я понял вас, госпожа. Вы невероятно добры.

Ох, представляю, как бы сейчас ржал дракон. Без его едких замечаний недолго и зазвездиться. А еще, как он любил выразиться: «двинуть кони». Меня снова бросало то в жар, то в холод, а в кончиках пальцев копошились невидимые «жучки». Дракон наверняка знал, как мне помочь.

— Вилли, ты можешь что-нибудь сделать с решеткой? Как со столом в Единорожке?

— Нет. Она вальхоровая. Изолирует магию. Полностью. Пробовал разжать. Пока она замкнута, ничего не получится.

Плохо. Очень плохо. В камере стало так холодно. Я сжалась на тонком матрасе. Меня колотила крупная дрожь, а частое дыхание паром вырывалось изо рта.

Зачем я вспыхнула? Зачем обидела дракона?

Одно радуется, утром будет сюрприз для надзирателей в виде моего окоченевшего трупа. Но почему же так холодно?..

«Помогает. От переутомления»

Я, едва слышно, пробормотала врезавшиеся в память слова.

— Госпожа, это вы сделали?!

— Как у тебя получилось?

Плесень на потолке вспыхнула, осыпалась огненным дождем и теперь угасала на полу, потихоньку отползая к стенам. И маг и бинти почувствовали волну, рожденную словом. Меня и вовсе подбросило на матрасе, как на батуте. Боль не ушла, но жар отступил, а гнетущее напряжение исчезло, как тогда в Ледяных горах.

Мои способности вальхоровая решетка не сдерживала. Да, я не умела гнуть сталь, перемещать или материализовывать предметы, но кое-что сделать я могла.

— Что ж, воспользуемся проверенным методом...

Ждать пришлось долго. Распуганные тюремной атмосферой, светляки облетали наше пристанище стороной, но кое-кто пошел на поводу у любопытства и прилетел на мой зов. Десяток желтых огоньков неслышно проникли сквозь темное окошко.

— Что вы делаете? — не унимался лесовик.

Вилли лишних вопросов не задавал.

— Пытаюсь нас спасти, — пробормотала я, соображая, как бы растолковать светлякам, что именно я от них хочу.

Наконец, примитивные духи уяснили задачу и, покружив над почти угасшей плесенью, скрылись в ночи. Оставалось только ждать и надеяться, что он еще не улетел.

Раньше мне часто снилось мое детство. Я не помнила лиц родителей, все фотографии дед сжег, я сохранила только одну, спрятала в коробку в дальний угол шкафа и ни разу не доставала. Но во сне я часто гуляла с ними по нашему зеленому склону. Эти сны не были грустными или счастливыми. Это были просто воспоминания, застрявшие в подсознании.

После того как я оказалась в Ирвеоне почти все мои сны сводились к одному...

— Он всегда был заносчивым придурком! — припечатала Жанна.

Подруга училась с Антоном в одной группе и отзывалась о нем как о наглom бабнике и богатеньком раздолбае. Я пропускала ее слова мимо ушей. Подобное мнение я уже слышала от мальчишек из нашей компании. Они выражались и пожестче.

— Ты не права, — вступился за Антона Фарид. — Он очень изменился после несчастья с братом. Хотя... засранцем он был всегда!

Мир оказался слишком тесным: Фарид дружил со старшим братом Антона, поэтому знал того с детства. Я не понимала, чему верить: своим воспоминаниям или мнению окружающих. Последнее перевешивало с большим отрывом. Но, самое главное, я не могла взять в толк, почему вообще уделяю этому вопросу так много времени.

Утро началось с грохота металлического жезла о решетку.

— Подъем! К тебе посетитель, — надзиратель едва сдержал зевок.

Я с трудом разлепила глаза, спустила босые ноги на холодный пол. И кому это я понадобилась ни свет, ни заря? В окошке торчал кусочек серого утреннего неба.

Боль в боку притупилась, но теперь я чувствовала себя опустошенной, как скинутая змеей шкурка. Казалось, подуй ветер и меня унесет в дальние дали. Но, конечно, в тюрьме и с ветерками и с далями было туго.

В допросной к приходу посетителя зажгли дополнительную лампу, но радостней от этого не стало, только вылезли из тени полузатертые пятна на грязном полу и стенах.

Незнакомый черноглазый мужчина в аккуратной куртке с меховым воротником коротко мне кивнул и нахмурился.

— Что вы с ней сделали?

— Ничего не делали, — раздраженно бросил надзиратель. — Мы приказы выполняем четко. Ее такой уже привели.

— Кормили?

— Пока нет. Обед в полдень.

Ух-ты! Тут даже кормят. Потрясающе!

Я доковыляла до стоящего посреди комнаты стула и опустилась на жесткое сиденье.

Посетитель взял другой стул, тщательно его осмотрел и уселся напротив меня на некотором расстоянии. Мы посверлили друг друга глазами пару минут.

— Признаться, я ожидал иного, — наконец, произнес он. — Ну, не будем тратить время на пустую болтовню. Задам вам несколько вопросов.

Я безразлично пожала плечами.

— Знаете, почему оказались здесь?

— Понятия не имею. Мы беседовали с моим другом Закирием, тут пришли стражники, забрали меня и привели сюда. Возможно, они ошиблись, и им был нужен именно Закирий? Я даже готова им простить такую ошибку, если они извинятся.

— А мне сообщили, что Закирий обвинил вас в краже.

— Ваши осведомители ошиблись. Посмотрите на меня и на Закирия. Разве можно представить, чтобы он такое допустил? Но вы можете привести его сюда, устроим очную ставку. Так это из-за него я тут?

— Нет. Охотник Закирий тут совершенно не при чем.

— Ну, так я и говорю, что это ошибка. Так вы меня отпускаете?

— Что?! Нет! Вы здесь по другой причине. Не будем ходить вокруг да около. Нам стало известно, что вы шпионите на вражеское государство. Я задам вам один вопрос, от которого зависит ваша дальнейшая судьба. Вы готовы рассказать все добровольно?

— Я вас не понимаю. Разве Тувосария с кем-то воюет?

— Пока — нет. Но все может измениться в любую минуту. И в определенной степени это зависит от вас. Так что? Вы будете сотрудничать?

— Мне все-таки кажется, вы ошиблись. Я к политике не имею никакого отношения.

— Зачем вы приехали в Вассу? — не дал себя сбить с толку дознаватель.

— Как и все, на праздник, — я снова пожала плечами.

— А по нашей информации, вы действовали по указке некоего лица, враждебного Тувосарии.

— А по моей информации у вас некомпетентные информаторы. Приехала я по своей инициативе, и ни к каким враждебным государствам и личностям отношения не имею.

— И к Наронетору?

Так. Ясненько.

— И к Наронетору.

— Откуда тогда у вас эти предметы? — он махнул рукой себе за спину, где на столе лежали отобранные у меня вещи.

— Так это не мои предметы.

— А чьи?

— Не знаю, у него спросите, — я кивнула на хмурого стражника. — Это он их только что откуда-то принес.

Дознаватель и тюремщик переглянулись.

— Не морочьте мне голову. Вчера эти предметы были извлечены из ваших карманов.

— А я говорю: это не мое. С чего вы взяли, что они лежали в моих карманах?

— Уважаемый, принесите опись имущества этой госпожи. Благодарю. Вот, пожалуйста. Тут перечислены все предметы, отобранные вчера у вас. В том числе шкатулка с символами Наронетора.

— Ну и что? Этот уважаемый господин мог вписать туда что угодно. Может быть, вы сейчас вынесете окровавленный топор и будете утверждать, что я пристукнула им вашу

бабушку, а после положила в карман и разгуливала с ним по городу? Нет уж, спасибо. Есть тут адвокаты или что-то подобное? Без адвоката я с вами разговаривать не буду.

— Я понял. — Посетитель выдохнул, положил опись на стол. — Добровольно вы сотрудничать не желаете. Ну, так я скажу вам следующее. По неизвестной мне причине, пока что вас запрещено... расспрашивать более тщательно. Но не надейтесь, что так будет всегда. После завершения гуляний вами займутся другие люди. Как и господином Долисси. Впрочем, насчет него никаких указаний не поступало. Возможно, он будет стоворчивее. Либо наше с ним общение развяжет вам язык.

Он говорил спокойно и миролюбиво, но от его слов у меня мурашки бежали по спине.

— Я с этим господином не знакома. Впустую потратите время.

— Вы и это отрицаете? Разве не в компании господина Долисси вы учинили разгром в «Мальше Единорожке»?

— Знает она его, — не удержался надзиратель, — сама вчера с ним поздоровалась, назвала по имени.

Посетитель триумфально поднял брови.

— Сын советника Долисси, Овиллион, кажется. Припоминаете?

— Припоминаю. Но впервые слышу его фамилию. Мы не так близко знакомы.

— И, тем не менее, уже состоите в одной противоборствующей королю группе! Вам нужно тщательнее выбирать пособников. Ему многое сходит с рук, благодаря влиянию родителя, но на этот раз все иначе. И, вы можете сколько угодно отрицать это, но мы знаем, что вас видели в одном из недавно разоренных селений, а после — в другом. Уже в компании некоего враждебного нам лица. Кроме того, — он снова обернулся к столу и продемонстрировал медальон пустытника. — Эта вещь — сама по себе может служить основанием для казни. Подумайте над моими словами.

Гость поднялся, перебрал разложенные на столе предметы.

— Это я забираю. — Он положил в карман медальон и паучью коробочку. — Нужно тщательно изучить их. С ней все.

Надзиратель поднял меня за плечо. Уже на выходе из комнаты я обернулась.

— С медальоном сходите к Егару. Он вам о нем много чего расскажет.

Посетитель удивленно вскинул брови, но больше ничего от меня не добился.

Зря я упомянула хозяина Единорожки, но очень уж хотелось ему насолить.

После меня безмянный посетитель, как и обещал, пригласил к себе Вилли, но разговор не затянулся. Мага вернули в камеру быстро и, судя по всему, угрозы так и остались угрозами. Никто пока его не тронул. У лесовика покровителей не нашлось, ни явных, ни тайных, так что его снова отлупили и забросили в камеру. Некоторое время оттуда не доносились ни звука.

— Илам, ты живой?

Пару минут спустя за стеной раздался шорох.

— Да, госпожа, — голос звучал невнятно. — Я ничего им не сказал.

Да что ты можешь рассказать, если понятия ни о чем не имеешь?! Это же не ты рассекал небо на драконе в компании Темного Властелина, наблюдал за гибелью деревни, и сам того не желая, влез в непонятное и грязное дело!

Одно я знала точно: Арон к нападениям не причастен. Тувосария нашла крайнего. Того, кому не оправдаться и кого можно уничтожить одной левой в его теперешнем состоянии.

Как это просто — показывать силу на слабых. Просто, низко и отвратительно.

Илам, не сдержавшись, застонал. В тишине оглушительно щелкнул вставший на место сустав.

Вот гадство! Я, в бессильной злобе, шарахнула кулаком по стене.

— Вилли, так твой отец — советник?

— Бывший, — маг ответил быстро, словно ждал этого вопроса.

Еще двенадцать лет назад Саприс Долисси был советником короля. Прodelки единственного сына доставляли ему немало хлопот, но Овиллион честно старался минимизировать последствия их с друзьями приключений. Удавалось не всегда. Зачастую советнику приходилось вытаскивать буйную молодежь из щекотливых переделок.

А потом его неожиданно отправили в отставку. Объяснили это заботой о здоровье глубокоуважаемого советника. И после отставки еще не раз прибегали к его услугам, но исключительно на дому. Его состояние, и правда, немного ухудшилось, но не настолько, чтобы оставлять службу. Он был еще относительно молод и полон сил, но сказалась наследственность.

В каждом поколении семьи Долисси рождался ребенок, пораженный странным недугом. До определенного возраста болезнь никак не давала о себе знать, но рано или поздно проявлялась. С годами приступы учащались, несчастный уже не мог жить полноценной жизнью, изолировался и коротал век вдали от посторонних глаз.

Господину советнику не повезло, из пятерых братьев именно ему выпала сомнительная честь стать обладателем семейной хвори. Современная тувосарская медицина лишь разводила руками. Лекарства от странной болезни не было.

Овиллион догадывался, что и сам однажды почувствует нестерпимую боль и будет обречен на одинокое существование. Но у молодого Долисси было преимущество: он родился магом, чего прежде в их семье не случалось. С помощью друзей он пытался найти хоть какую-то информацию о загадочной болезни, но пока не преуспел. После закрытия магических школ тысячи уникальных книг были уничтожены, а в тех, что друзья нашли в доме Меру, не было и слова о семейном недуге.

— Слышал, в Наронеторе сохранилась большая библиотека. Но пока туда не добрались, — закончил он свой рассказ.

Ох, Вилли, Вилли... Знал бы ты, что кое-кто давно профукал твою последнюю надежду.

— Выберемся отсюда, постараюсь тебе помочь.

Тут нашу беседу нагло прервали. Наступил полдень, а значит — долгожданный обед.

Мда... От такого зрелища дракону сделалось бы дурно: в мутном бульоне плавало три неопределенного вида веточки, на этом суп заканчивался. К нему прилагался кусок камнеподобного хлеба. Ну, хотя бы не гнилого...

— А ужин будет?

Надзиратель хмыкнул в ответ и удалился.

Я долго не решалась попробовать щедрое угощение. В обычном состоянии, я бы к тюремной похлебке не прикоснулась, но рана тянула из меня слишком много сил, чтобы пренебрегать и этой скудной пищей.

Сухарь бесследно растворился в бульоне, не придав густоты. Быстро, чтобы не успеть почувствовать вкус, я выпила содержимое миски и вышвырнула ее за решетку.

М-м-м... Не так и ужасно. Холодный, правда, и не соленый... На таком питании долго не протянешь. Да тут никто надолго и не задерживался.

Коридорная дверь снова скрипнула, но уже привычные ленивые шаги за скрипом так и

не последовали. Вилли удивленно вздохнул.

— Госпожа, глядите! — ахнул Илам.

Я приникла к решетке.

По коридору бесшумно шел здоровенный черный кот. Остановился напротив моей камеры, понюхал перевернутую миску, скривился. А чего ты ожидал от тюремной баланды?

Зверь уселся посреди коридора, обернул поленообразным хвостом лапы и уставился на меня горящими голубыми глазами.

— Да ладно!

Сердце едва не выпрыгнуло из макушки. Неужели получилось?!

— Ты пришел!

Кот недовольно сморщился, махнул лапой, отгоняя от решетки, а затем плюнул на замок. Огонек получился не чета драконьему, но металл послушно оплавился.

Дверь, пощелкивая петлями, отворилась, а кот, задрав хвост, поспешил к выходу.

— Постой! — Я бросилась за ним. — Ребят тоже надо выпустить.

Илам и Вилли смотрели на нас во все глаза.

— Госпожа... — только и пробормотал лесовик.

Недовольный кот вернулся, оглядел решетки камер моих соседей. Тут вредное создание решило соригинальничать: в Иламовой решетке он плюнул всего на один прут, но в двух местах — снизу и сверху. Лесовик не сплеховал, пока расплавленный металл не застыл, выломал прут.

Годы странствий и аскетической жизни привели тело лесовика если не в тощце, то в такое поджарое состояние, что он с легкостью пролез сквозь неширокий лаз и выбрался в коридор. Оценивающе оглядел прут, подбросил на руке, сверкнул зеленым глазом — второй закрывал веселый фиолетовый синяк.

— Благодарю, госпожа! — Он поклонился. — Вы второй раз спасаете своего недостойного слугу. Но поверьте, я непременно отплачу за вашу доброту. — И ринулся из коридора с таким воинственным видом, что я схватилась за голову.

— Только не убивай никого!

Вот же послали боги помощника!

Кот фыркнул, закатил глаза и двинулся дальше.

В решетке овиллионовой камеры он подплавил сразу пять прутьев, но только снизу. Вилли по этому поводу сильно не переживал, поднатужился и загнул прутья, будто резиновые. Да, теперь они не были замкнуты.

Кот довольно ухмыльнулся, а Вилли уже стоял рядом со мной.

— Твой зверь?

— Да, вроде того...

— Спасибо, — Вилли серьезно поблагодарил кота. Тот, подумав секунду, кивнул в ответ, потрусил к двери и остановился, дожидаясь пока я распахну ее перед наглой кошачьей... нет, драконьей мордой.

Допросная комната пустовала. Дракон в кошачьем облике недовольно двигал усами, но помалкивал. Мы быстро обшарили страшные шкафы. Все мои вещи нашлись, кроме паучьей коробочки, медальона и кольца. Но дознаватель кольца не брал. Куда же оно пропало? И паука жалко. Как теперь перед Ароном оправдываться?.. Но, об этом можно подумать после. А пока мы впопыхах оделись и выскочили за дверь.

На лестнице нам стали попадаться распластанные в живописных позах тюремщики. Все они были живы, но виртуозно вырублены. На нижнем этаже разразилось настоящее побоище, но мы успели к его завершению. Илам как раз аккуратно укладывал последнего охранника на пол.

— Все живы, — отчитался он, вытирая новообретенный боевой посох о форменную куртку нашего надзирателя. Без кровопролития обойтись не удалось, но раны не выглядели смертельными.

Быстро же он управился! Лесовик дышал тяжело, украдкой потирал опухшее плечо. Его выдержке и силе воле можно было позавидовать. Другой на его месте не стал бы сдерживаться и с лихвой отплатил за «гостеприимство» или незаметно улизнул, чтобы в укромном уголке зализать раны, а этот просто «выключил» весь тюремный персонал, справедливости ради, не такой многочисленный, как мы ожидали, но все же! При том, что сам он был далеко не в лучшей форме. На что же тогда способен здоровый бинти?! Не удивительно, что в «зверинце» их так ценили.

— Ребята, помогите мне. Нельзя их так просто оставлять. — Я ухватила ближайшего тюремщика за ногу, но даже не смогла сдвинуть с места. Да, я, определенно, не бинти...

Парни с поставленной задачей справились быстро, отволокли бесчувственных тюремщиков в свободную камеру и уложили аккуратно рядами. На первом этаже постояльцев скопилось больше, чем на верхних. Явление каждого тела они приветствовали овациями и просили закинуть парочку к ним в камеры, но мы же не изверги!

— погоди, — я остановила Вилли, прежде чем он запер решетку. На мизинце у одного из тюремщиков блеснуло кольцо с черным камнем. Нет, ну вы подумайте, какая наглость! Мне еще даже приговор не вынесли, а они уже растаскивают ценности!

Узники принялись горланить, чтобы мы их освободили, но Вилли просто бросил связку ключей посреди коридора, пусть и заключенные и стражники поломают голову, как до них добраться. И мы покинули этот гостеприимный приют. Какое счастье, что в этом мире не придумали сигнализацию и видеокамеры!

В толстенной калитке, как и во всех дверях, попавшихся на нашем пути, зияла проплавленная дыра. Понятно, почему в городе так много антидраконьих глушилок: пробраться даже в надежно запертое помещение им, буквально — раз плюнуть. И какое счастье, что на ката они не действуют.

Из городской тюрьмы уже много лет никому не удавалось сбежать, надзиратели расслабились, за что и поплатились. Представляю, какого нагоняя они получают, когда обнаружится пропажа политических заключенных!

Мы благополучно миновали унылый пустырь, окружающий тюрьму и нырнули в путаницу узких улочек старинного квартала. Если кто-то и видел, как мы выходили из тюремных ворот, то преследовать нас с криками или звать стражу не спешил.

Кривые переулки, вымощенные разномастным камнем, петляли и пересекались под всевозможными углами, дворы громоздких уродливых домов соединялись низкими арками подворотен. Редкие прохожие смотрели на нас равнодушно, но наверняка запомнили колоритную компанию.

На одном из перекрестков Илам остановил меня. Вилли тоже притормозил, и только черный кот, задрвав пушистый хвост к мрачному небу, ускакал за угол.

— Госпожа! Я безмерно благодарен. Вы уже второй раз спасли меня. Теперь смысл моей жизни в служении вам. Но я не могу последовать за вами в таком виде. — Вся его

одежда, по-прежнему состояла из одной грязной набедренной повязки, а ночью как раз выпал первый снег. — Я обязательно найду вас!

Не говоря больше ни слова и не слушая, он, с шестом наперевес, умчался верх по улице, распугивая прохожих.

— Смотрю, ты завела себе поклонника. — Дракон стоял за углом, прислонившись спиной к оштукатуренной стене. Лицо тонуло в глубокой тени капюшона, руки закрывали черные кожаные перчатки. Вероятно, он не испытывал тех же неудобств от солнечного света, что и настоящие шеттеры, но маскировкой не пренебрегал.

— Рэнс, я так рада тебя видеть! Почти не надеялась, что ты вернешься.

Дракон неопределенно хмыкнул, но промолчал.

Вилли, если и удивился исчезновению кота и появлению шеттера, виду не подал.

— Предупрежу ребят, — бросил он. — Пора убираться из города.

Спрятав приметную шевелюру под капюшон, Вилли зашагал по кривой улице.

— Ваш побег скоро обнаружат, надо сматываться прямо сейчас. По городу ходить опасно, самое большее, через час начнут облаву. Второй раз этот номер не прокатит. Если сцапают — конец.

— Мы не можем их бросить. Это все из-за меня... И еще... Они считают, я работаю на Наронетор. Готовлю бунт против короля. И они — со мной заодно! — Я указала на Вилли и последовала за ним.

Дракон, нехотя, отлепился от стены и присоединился ко мне.

— Ну и бредятина! — фыркнул он. — Кому он сдался, король этот? Совсем спятили!

— Они уверены, что Наронетор стоит за нападениями на деревни.

— Угу, выходит, мы и на свои деревни нападаем? — возмутился Рэнс. — На днях еще одну маленькую деревушку вырезали. Теперь в горах.

— Ужасно... Ты поэтому задержался?

— Нет. Потом расскажу.

Окольными путями мы добрались до дома Меру, но там нас ждал очередной «сюрприз»: почти остывшее пепелище, вместо красивого трехэтажного особняка.

Кроме дома семейства Минс, уничтоженного полностью, пострадали два соседних особняка, но их успели потушить. От столетних елок, прежде украшавших двор профессора, остались обгоревшие пеньки. Черные от копоти кирпичные стены особняка частью обрушились — настолько сильно бушевало здесь пламя, печная труба, укоряющим перстом возносилась над пепелищем.

Рэнс поскреб макушку под капюшоном, едва не разрушив маскировку. В глазах его читалась растерянность. Вчера он погонял по городу, поостыл и под вечер вернулся — моя рана еще не зажила и требовала внимания. Но меня здесь уже не было, я обживалась в другом гостеприимном заведении. Зато с домом все было в полном порядке. И вокруг — тишь да гладь.

— Кот с девчонкой еще дрыхли. Переборщил я с дозой чуток, — растерянно прогудел он.

Вилли побледнел, тоже прикинул, сколько времени прошло с пожара. Я бросилась было на пепелище, но дракон перехватил меня за руку.

— Погоди. Сам проверю.

Конечно, тела могли забрать, никто бы их тут не оставил, но все же...

Впервые мне было страшно смотреть Вилли в глаза. Ведь это из-за меня Рэнс подмешал им снотворное, чтобы не мешали пользоваться драконьей магией. Он пока не собирался выставлять напоказ свою истинную сущность. И если ребята погибли... не знаю, чем я могла бы возместить потерю. Да и простила бы когда-нибудь себя?

Дракон вернулся быстро.

— Пусто. Никого нет, и не было. Они убрались вовремя.

— Уверен? — Я вытерла вспотевший лоб.

— Спрашиваешь! Уж это-то я могу понять. И это не я, если что! — добавил он.

О таком я и не думала. Дракон, конечно, может вспылить, но бездумно сжигать дома... На это должна быть веская причина, а не просто дурное настроение из-за глупой ссоры.

— Уходим. — Озираясь, Вилли нырнул в переулок. — Тут проверят в первую очередь.

Он повел нас такими глухими переулками, что кроме кошек, мохначей и плесени нам не встретилось ни одной живой души. За каменными стенами снова шумел праздничный город, но для нас этот звук уже ничего не значил. Теперь имели значение лишь тихие шаги и шорохи в подворотнях. Вероятно, дыру в воротах тюрьмы уже заметили, и охота на нас началась.

Мы с Рэнсом полностью положились на Вилли. Тот уверял, что знает, где, скорее всего, спрятались друзья и вел туда, не отвлекаясь на разговоры.

Самым сложным оказалось выйти за пределы города, не привлекая внимания стражи, но и тут рыжий маг не подвел. Безропотно прыгнул в канаву и, согнувшись в три погибели, полез в заплесневелую кирпичную трубу. По ней из города вытекал вонючий ручей, вобравший в себя все сточные воды Вассы. Даже теперь, когда стояла минусовая температура, ручей не застывал и, весело журча, уносил мимо нас огрызки, кочерыжки и крысиные трупы.

Легче всего эта ароматная прогулка далась мне. Для меня труба оказалась достаточно просторной, приходилось лишь немного наклонять голову, а древние сапоги, как всегда, не подвели, даже когда вода в ручье поднялась высоко. Ребятам было сложнее. С их массивными фигурами приходилось двигаться едва не на четвереньках, а короткие сапожки Вилли и ботинки Рэнса моментально набрали воды и раздражающе хлюпали.

Дракон без остановки ворчал и ругался на свисающие с осклизлого кирпичного потолка корни, паутину и зеленовато светящиеся «сопли». Примерно на середине путь нам преградила крупноячеистая решетка. Возле нее собралась приличная куча мусора и вздувшихся трупов мелкой городской живности. Вилли без труда выдернул решетку из расшатанных пазов и передал следующему последним Рэнсу. Поменяться местами в этом узком тоннеле получилось бы только ползком, но лечь в зловонную ледяную жижу никто не собирался. Мусор помчался наперегонки, и мы не стали соперничать с ним в этом заплыве.

Когда мы, наконец, выбрались из вонючей клоаки, город остался позади, заслоненный белой от мороза рощей. Тонкий слой снега едва прикрывал жухлую траву по краям раздавшегося вширь ручья. Черная вода пенилась у берегов, а стайка лупоглазых водняков пыталась выловить из нее наиболее аппетитные объедки.

Дракон пару минут отряхивался и чесался, выжимал носки и сушил ботинки горячим дыханием, с оглядкой на Вилли. Тот не заморачивался, просто вылил из сапог воду и пошел на разведку.

За пределами города нас пока не искали, но добраться до укрытия следовало как можно

скорее, меня уже поташнивало от томительного ожидания. Или это аукнулся тюремный обед?..

Погода стояла морозная, но мрачная. Низкие облака, истончаясь, достигали земли сплошной пеленой колючей дымки. Силуэты деревьев всего в сотне шагов размывались темными пятнами. Такая низкая видимость была нам на руку, но мы все равно не выходили на дорогу, пошли напрямую через лес.

— Как ты себя чувствуешь? — наконец спросил Рэнс.

— Уже лучше. Твои *слова* пригодились.

— Хорошо.

Тишина туманного леса создавала иллюзию полной изоляции, но каждый из нас понимал, что город еще слишком близко. Чтобы не оставлять следов на свежем снегу, пришлось снова вернуться к ручью. Тот быстро превратился в мелкую каменистую речку.

Мусор частично вылавливали водняки, частью он застревал на отмелях и прибывался к берегам, так что ниже по течению речушка выглядела чище, но все понимали, где она берет начало.

Перепрыгивая с камня на камень, мы скоро добрались до заброшенной дороги. Некогда в этом месте речку пересекал каменный мост, но теперь его обломки лежали на берегу, покрытые бурым мхом и серым лишайником.

Мы выбрались на правый берег и последовали за магом в заросли молодого березняка. Упрямые деревца умудрились вырасти прямо среди выложенной песчаником дорожки, старательно раздвинув истертые тысячами ног камни. Скоро дорогу нам пересек быстрый ручей, а через сотню метров, за деревьями показались развалины.

Стены разрушенного здания еще сохранили следы бушевавшего здесь много лет назад пожара. Входная арка частично уцелела, по ее краю змеились знакомые, но непонятные символы. Ручей сделал петлю через поросшую бурьяном поляну и вернулся на тропинку, чтобы вместе с ней пересечь порог и маленьким водопадом ворваться в заваленные обломками камней залы старого храма.

Вода создавала причудливые каскады, наполняла бассейны провалившихся подвалов, украшала руины гирляндами пока еще маленьких сосулков. Вечнозеленый плющ яркими пятнами подчеркивал общую тоскливую и одновременно завораживающую картину.

— И где-то в этих купальнях затаился Кот? — Дракон с сомнением оглядел развалины.

Я тоже не горела желанием по ним бродить. Последнее посещение подобной достопримечательности едва не лишило меня души. Но, в отличие от старого ренаторского замка, разрушенный храм наполняла *тишина*, без единого намека на паразитические эманации.

Вилли прошел сквозь арку, по замшелым камням пересек затопленный зал. Мы, переглянувшись, последовали за ним. Широкий проем, давно лишенный дверей, вел в относительно сухую галерею. Пол и остатки стен укрывал толстый слой пышного зеленого мха. Когда-то окна галереи закрывали цветные витражи — в одном из проемов сохранились осколки закопченного стекла.

Из галереи мы повернули налево в обширный зал. Лишь две из некогда подпиравших потолок колонн уцелели. Остальные бесформенными грудками лежали на полу. Ни здесь, ни в галерее не было и следа выпавшего накануне снега. По дальней стене струилась вода, ручейком сбегала вниз по лестнице. Туда и направился Вилли.

Длинный коридор тонул в зелени, между плитами пола журчала вода. Подснежники

задумчиво качали нам вслед белыми венчиками. Поразительный контраст между морозным преддверьем снаружи и весенним цветением внутри сбивал с толку. Дракон только пожимал плечами, мол, чего только в мире не бывает, но держался настороженно.

В конце живописного коридора нас встретила еще одна лестница. Вилли остановился, чтобы зажечь свечу и спустился в темноту. Подземелье храма прорезал лабиринт высоких ходов, со множеством запертых или чернеющих дверными провалами помещений. Маг, не раздумывая, свернул направо на первом же перекрестке и выстукал на двери секретный код.

Спустя томительную минуту дверь приоткрылась. Настороженный глаз осмотрел прищельцев, а затем, дверь распахнулась во всю ширь.

— А этот что тут делает? — возмутился Кот, шмыгая носом.

Вилли сгреб приятеля в охапку и вместе с ним ввалился внутрь.

Убежище представляло собой большую комнату с выложенными грубым камнем стенами, мозаичным полом и сводчатым потолком. Почти все пространство занимала разномастная мебель. В дальнем левом углу громоздились друг на друге штук десять стульев, справа от них находился покосившейся платяной шкаф, тут же рядом стояли три старых кровати, застеленные пестрыми коврами (одна с рваным балдахином). Вдоль правой стены возвышались набитые всякой всячиной шкафы.

Центр комнаты занимал массивный стол, заваленный книгами, стопками бумаги, баночками, бутылочками, пробирками и ретортами на треножниках. У левой стены нашли приют: два гигантских сундука, бадья с водой (литров на сорок), четыре чугуна и медный чайник, подставка для мечей (без оных), больше похожая на орудие пытки, массивный табурет, и два некогда шикарных кресла. Их цветастая обивка давно полиняла, а кое-где треснула, выпустив на волю пучки свалявшейся овечьей шерсти. В одном из кресел сидела Мера, согревая ладони о маленькую жаровню.

— Да, я тоже рад тебя видеть, дружище, — пробормотал Кот, пытаясь вырваться из медвежьих объятий, — а его — нет! Отравитель!

На этот раз дракон промолчал.

Кот проснулся, когда уже стемнело и сразу почувал неладное. В доме кто-то был. Кто-то чужой. Воровская чуйка вопила на все лады, что ему крышка и нужно убираться, вот прямо сейчас. Чуйке Кот доверял, а еще он знал, что в соседней комнате спит Меру и ее он уж точно не бросит на растерзание неизвестным злодеям.

Друзья выскользнули из дома, когда огонь охватил половину нижнего этажа. Даже с тяжелой после долгого сна головой, Меру умудрилась тепло одеться и прихватить сумку. Кот выскочил, как был, в домашних шароварах и тонкой рубашке, только в сапоги догадался запрыгнуть, и теперь хлюпал простуженным носом. Зато все свое добро покидал в покрывало. Так, с узлом за плечами и шокированной подругой он и добрался до укрытия через первый в этом году снегопад.

— У меня для тебя кое-что есть, — я расстегнула пряжку и вернула плащ хозяину.

— О! Так вот куда он подевался! — обрадовался Кот и добавил, шмыгая носом: — можешь оставить себе. Мне и так нормально.

— Ну, уж нет. — Я закутала красноносого мага в теплый плащ. На мне-то еще и балахон, а этот раздолбай даже в покрывало закутаться не догадался, трясется в одной рубашке. — Рэнс, свари ему что-нибудь от простуды.

— Ни за что! Кто угодно, только не он! Первый раз отравить не получилось, второго шанса я ему не дам!

— Да брось, он тебя вмиг на ноги поставит.

— Или в гроб положит! Благодарю покорно — нет.

Дракон на нашу перепалку не реагировал, сидел на табурете мрачной глыбой. Солнце никогда не проникало в этот подвал, но он по-прежнему не снимал капюшона. Последнее время он был слишком уж задумчивым. Что, в общем-то, неудивительно.

— Ребята, Меру, простите меня, — наконец, решила я. — Это из-за меня Вилли попал в тюрьму, а вы лишились дома. Я понимаю, слова ничего не изменят, но молчать я не могу. Рэнс не хотел вам причинить вреда, если бы он знал, чем все обернется, если бы мы оба знали... Если бы я хоть что-то могла сделать... Вообще, знаете, у меня есть... — дракон, словно прочитав мои мысли, отрицательно покачал головой, — ...есть идея, кто мог это сделать.

— Брось, я и так знаю, — отмахнулся Кот. — И не мучай себя. Рано или поздно, он бы до меня добрался.

— Кто?

— Егар, конечно! У нас с ним давние счеты. К сожалению, пока что в его пользу. Он ведь такой, если не можешь заполучить — сожги!

Дракон заинтересованно прислушался.

— Раньше здесь был приют, — начал Кот, невольно кутаясь в плащ, — уже после того, как храм забросили. Здание большое, добротное и за чертой города — идеальное место, чтобы отдать на растерзание мелким голодранцам. Вид города не портят, не воруют и не попрошайничают. Мы, конечно, все равно, воровали и попрошайничали, но, по крайней мере, у нас была крыша над головой и паршивое, но регулярное питание.

А потом пришел Егар. В то время он подыскивал себе место для первого в столице Единорожки. Директор приюта, конечно, возмутился: как можно делать игорный дом в

храме, пускай и давно заброшенном?

Кот едва помнил, как выбрался из огня, очнулся уже на улице в окружении таких же напуганных и растерянных ребяташек. Так, в шесть лет он во второй раз в жизни лишился дома.

— Директор умер от ожогов в госпитале на следующий день. Он все пытался спасти библиотеку.

— Дурак, — хмыкнул дракон, с интересом слушая рассказ. Кот согласно кивнул. — Людей надо было спасать, а не книжки.

— Удивительно, что больше никто не пострадал, — добавил Кот, — но приют наш, как видите, сгорел дотла. Только подвалы и уцелели. И то не полностью. Часть затопил ручей.

— Ты уверен, что Егар виноват? — На протяжении рассказа я следила за Меру. С нашего прихода она тихо и мрачно сидела в углу, и не произнесла ни слова.

— Я видел его там. Его и еще двоих. Их лица до сих пор стоят у меня перед глазами. — Он сжал кулаки. — И вот, снова та же история.

— Та же, да не совсем, — протянул дракон, — теперь-то что ему от тебя надо? Новый притон собрался у вас замутить? Нет, тут Таира права, это из-за нас ваш дом спалили.

— Не от него, — наконец, проронила Меру, — он несколько раз приходил к отцу. Расспрашивал. Он что-то ищет и хочет, чтобы отец ему помогал.

— Только шеттера лысого он от него добьется! Я извиняюсь, — добавил Кот с оглядкой на Рэнса, но тот лишь отмахнулся. — Господин Минс плевать хотел на все его хотелки.

— Выходит, он решил твоего отца запугать? Спалив дом? — Я переводила взгляд с Кота на Меру. — Он совсем ненормальный? Впрочем, на моей родине такое часто практикуют. Бандиты.

— А он и есть настоящий бандит! — оживился Кот, утирая нос. — Не удивлюсь, если он скажет, что похитил Меру, и будет морочить голову, пока профессор не согласится ему помочь.

Верно. Профессор ведь не знает, что Меру удалось сбежать. Но и Егар не может быть уверен, куда подевалась дочка профессора. Возможно, они и дом-то сожгли лишь потому, что ее не удалось поймать...

— Так. Погодите. — Я, потирая подбородок, прошлась по комнате. — Мы знаем, что искал Егар — камень. Небесный луч. И он его получил. Вот тому доказательство. — Я подняла безрукавку и продемонстрировала шрам. — Зачем же эта возня с домом?

— Да демоны его знают, что еще ему нужно?! — возопил Кот, яростно шмыгая носом. — Сегодня он ищет камень, завтра — еще что-нибудь. И каждый раз страдают люди. Его надо остановить!

Подозрительность Кота, порою, граничила с паранойей, а уж если речь заходила о хозяине Единорожки, он был готов повесить на того все грехи, настоящие, прошлые и будущие. Впрочем, мага можно понять, второй раз лишиться дома из-за одного и того же человека — любой взбесится!

Вилли, тем временем, подсел к Рэнсу.

— То зелье еще осталось?

Дракон злорадно ухмыльнулся.

— Найдется.

Парни многозначительно посмотрели на возбужденно скачущего мага. Его щеки горели нездоровым румянцем, из глаз и носа текло, а исходящий от него жар я чувствовала с другого

конца комнаты.

— Ей, вы чего там шепчетесь с таким видом? — забеспокоился Кот.

— Не волнуйся, Котьяра. Твои друзья желают тебе только добра.

— Не дождетесь! — Он ускакал в дальний угол и забился между кроватью и шкафом.

Меру уже несколько раз предлагала свою помощь, но Кот упрямо отказывался. Лечение давалось ей тяжело, она до сих пор не восстановилась после наших приключений в заброшенном саду, и рисковать ее здоровьем ради своего Кота не собирался, а зельям с недавних пор не доверял. Но кто его будет спрашивать, когда за дело принимается дракон?

Рэнс быстренько вскипятил на жаровне воду, всыпал в чугунок содержимое двух извлеченных из кармана мешочков. Комнату заполнил всегдашний аромат мяты. Меру с интересом наблюдала за действиями шеттера. Тот что-то прошептал, принялся и добавил порошка из третьего мешочка. Над чугуном поднялось искристое облачко, подозреваю, исключительно декоративного характера, чтобы придать ритуалу зельеварения загадочности.

Забывшись, дракон наварил компота из сложенных на одном из сундуков яблок, и ароматной куриной лапши. Сама курица и прочие ингредиенты появились из многочисленных складок его черного одеяния, и ничем кроме волшебства такое явление объяснить было нельзя. Маги во все глаза следили за четкими и быстрыми движениями ножа (я бы таким успела пять раз зарезаться, прежде чем накрошила лук), даже Кот выбрался из своего угла, утирая теперь еще и слюни.

— Хлебушка ни у кого нет? — поинтересовался дракон, расставляя на расчищенном столе тарелки — в одном из шкафов нашлась гора разнокалиберной посуды и столовых приборов.

Вилли достал из сумки половину ковриги, завернутую в льняное полотенце.

— В тюрьме взял. Сами они свежий едят.

— Уважаю, — оценил дракон. — Налетайте.

Кот опомнился, только выхлебав полную тарелку супа. Долго рассматривал обглоданную косточку и, не сдержавшись, воскликнул:

— Как ты это делаешь?!

Дракон только загадочно подвигал слишком кустистыми для шеттера бровями.

Подобревший и разомлевший Кот, после долгих уговоров выпил-таки предложенную микстуру, а потом упрямо шатался из угла в угол, лишь бы не уснуть. Дракон в этот раз снотворное не подмешивал, но так ехидно усмеялся, что маг извелся, ожидая подвоха.

— Если хочешь, я отправлю твоему отцу весточку, — предложил Рэнс погруженной в чтение Меру, — что с тобой все в порядке? Уж не знаю, Егар спалил ваш дом или кто еще, но старик твой, наверняка волнуется.

— Ты сможешь? — удивилась она.

— А то! Даже Таира смогла натравить на меня своих светяшек. Неужели такой могучий... шеттер, как я не справится?!

Меру благодарно кивнула.

— Только не говори, где мы.

— Заметано! — подмигнул дракон и утопал в темноту.

Я помаялась пару минут и пошла следом за ним. За полдня мы перекинулись всего десятком слов и это не давало мне покоя. Рэнс, то замыкался в себе, то становился прежним,

но будто слишком старался походить на старого доброго дракона Черного, пусть и в ином облики. Переигрывал, и оттого мне было не по себе.

Я нашла его в колонном зале. Он сидел на обломке стены, бездумно уставившись в одну точку.

Над храмом повис густой туман, заменив давно исчезнувшую крышу. За километрами белесой дымки солнце проваливалось за горизонт, и ночные тени выбирались из укромных уголков.

Во всем храме я не увидела и не почувствовала ни одного паразита или примитивного духа. Тут было пусто и в то же время, пространство было наполнено *тишиной*. Тому, кто не обладает способностью чувствовать духов, не понять, что это значит. Но, дракон, определенно знал, чувствовал и видел гораздо больше меня.

— Тут был храм четырех богов. — Конечно, он понял, что я пришла, хоть я и старалась двигаться бесшумно. — Огонь, вода, воздух и земля.

Он выдохнул огонек, и тот не исчез, как это бывало всегда, а повис в воздухе. Дракон щелкнул по нему ногтем, крутанул, как мячик на кончике пальца, и вот, над нами уже плыл хоровод из шести маленьких огоньков. Тени развалин двигались им в такт, силясь воссоздать картины прошлого.

— Кому, вообще пришло в голову, объединить вместе огонь и воду? Да еще и воздух! — продолжил он. — Не удивительно, что храм сгорел дотла. Наверняка они и сами такого не ожидали.

— Не боишься повторить?

— Тут сейчас и гореть-то нечему, — отмахнулся он, — да и навредить я не желаю. Во всем ведь важна воля, личное желание. Ну и способность. Творить или взывать. А если все вместе — тушите свет...

— Здесь до сих пор остались боги?

— Скорее их тени. Знаешь, ведь каждый храм выстроен в особом месте. Точке, вроде крошечных врат. Большие Врата запечатаны, тут тоже выход закрыт, но кое-что все равно просачивается. Маленькое и незначительное, вроде тени. Со временем они накапливаются, растут. И вот, пожалуйста, почти настоящее святилище с почти реальным богом. — Он выдул еще вереницу огоньков, запустил вверх. Теперь над нами медленно крутились в противоположных направлениях два огненных хоровода: один внутри другого.

— А почему ты можешь пользоваться магией полноценно? Я видела, как колдуют Кот и Вилли. У них так легко не получается.

— Нашла с кем сравнивать, — фыркнул Рэнс. — Я дракон. У нас все по-другому. К тому же мы старше людей. Если ты понимаешь, о чем я.

— Кстати, о возрасте. Я думала ты гораздо старше. Такой старичок. Или старушка.

— Чего?! — Подпрыгнул он. — С чего это я — старушка?!

— Ну, я не очень-то разбираюсь в драконьей физиологии... Ладно-ладно, шучу. Не старушка.

— Я думал, все очевидно... Старушка... Мне всего-то двести семьдесят шесть... Двести семьдесят семь, то есть!

— Ого! А говоришь, не старик!

— Ай, — отмахнулся он, — в переводе на человеческие это лет двадцать пять. Только я мудрее, я ведь дракон. А после тысячи для нас вообще возраст значения не имеет. В отличие от вас, людишек. Вы и до восьмидесяти-то редко дотягиваете. И ты сама, между прочим,

иногда себя ведешь, как старушка.

— Скорее уж как старик. Меня дед воспитывал. — Я пожала плечами. — Иногда кажется, что мне все девяносто! — Я поковыряла носком сапога вездесущий мох. — Рэнс, прости меня.

Дракон в очередной раз отмахнулся.

— Будет тебе извиняться. Я тоже хорош. Сорвался ни с чего. — Он помолчал, глядя на танцующие тени. — Знаешь, я вообще уже не понимаю, кто я.

— Выходит, ты вспомнил?

— Немного. Но мне уже не нравится. Ну и наворотил же я в юности! — Он устало потер лицо. — Вспоминаю отрывками, и это дичь какая-то! В голове не укладывается, что я на такое способен.

Огоньки закружились быстрее, чувствуя настроение создателя. Дракон это заметил, глубоко вздохнул и пляска рыжих отблесков на камнях снова замедлилась.

— Послушай, — я прошлась, подбирая слова. — Я не умею говорить всякие вдохновляющие речи, но скажу вот что. Сначала ты был Рэнсом, потом стал Черным. Теперь ты знаешь, какие они оба. Возможно, они абсолютно разные, но дело в том, что ты — не они. Ты — некто третий и в тебе есть часть от одного и часть от другого. И только тебе решать, каким быть. В детстве я тоже, знаешь ли, была не подарок. Все вопросы и проблемы решала кулаками.

— Ты и сейчас любишь руки распускать.

— Ну, спасибо... Короче говоря, оценивай этих двоих со своей собственной, сегодняшней башни. Тебе не нравится, что делал Рэнс. Так не становись им! Прошлого не изменить, но ты можешь быть таким, каким действительно хочешь. Не думаю, что Черный может исчезнуть полностью. Не такой он че... дракон, чтобы бросить беднягу Рэнса на произвол судьбы.

— Попахивает раздвоением личности, — он невесело усмехнулся, — а то и растроением.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Да, я понял.

— И еще. Родственников не выбирают. Мой младший брат тоже много чего наворотил за свои шестнадцать лет. И до сих пор продолжает. Но от этого я люблю его не меньше. Выходит, и старший братик в молодости покуролесил. Такая уж у нас семейка, — я усмехнулась, оборачиваясь. В глазах Рэнса скользнуло непонимание. — Ты же сам назвался старшим братом. Тогда, в саду. Забыл уже? Вот, как-то так.

Он только покачал головой.

— Какое неуклюжее признание...

— Эй! Я вообще-то поддержать тебя пытаюсь!

— Да я понял. Спасибо. — Он протянул руку, ухватил меня за локоть и привлек к себе.

Я на мгновение застыла, но обняла в ответ. Он зарылся лицом мне в волосы, осторожно придерживая за плечи. С такими лапищами раздавит — не заметит.

От него, как всегда, пахло мятой, и исходила знакомая сила, теплая и уютная. Вот же он, Черный, никуда не делся. И не о чем беспокоиться.

— Ой! Я извиняюсь!

— Котяра, не нарывайся! — Рэнс разжал руки.

Кот замороженно таранился на парящие огни. Те почти остановились, но, стоило магу

выбраться из подвала, снова поплыли.

— Да я помню, ты брат, она сестра, все в норме.

Дракон вскочил, в два шага добрался до мага, взял его шею в захват.

— Что, Котяра, тоже обнимашек хочешь? — оскалился он. — Так я большой, меня на всех хватит!

— Замечательно, — прохрипел придушенный маг, — только мне это не очень-то интересно.

— А чего тогда приперся?

— Где хочу, там и хожу. А вообще вас Меру зовет. Она что-то нашла.

Рэнс выпустил мага, хлопнул его по плечу, приводя в чувства и заодно выбивая облачко пыли из плаща. Кот выглядел бодро и почти не шмыгал носом. Зелье подействовало и, кажется, вернуло ему веру в людей и шеттеров, иначе черта с два он пришел бы нас искать.

Идиллия продолжалась недолго. Дракон щелчком пальцев погасил огни, и Кот, уже занесший ногу над провалом лестницы, едва не скатился кувырком.

— Вредитель, — прошипел он из темноты.

— Огонь магам — не игрушка, — назидательно прогудел дракон, с легкостью обходя Кота в темноте.

Завидев драконью иллюминацию, маг погасил свечу, а спичек с собой не взял. Пришлось нам обратно вдвоем добираться наощупь, благо Кот знал подземелье как свои пять пальцев. Рэнс и не подумал нас дожидаться. Послали же боги братца!

— Отец дал мне эту книгу прошлым летом, — Меру показала свою находку, — я тогда решила, что из сентиментальности. Вспомнил, как в детстве читал мне на ночь сказки... По привычке, убрала ее в сумку и не прикасалась с того времени. И так было что почитать и о чем подумать. Но, видимо, он пытался меня предупредить.

— Странноватый способ, — протянул дракон, — не проще ли поговорить?

— Возможно, он не был уверен. — Она пожала плечами. — А сегодня я вспомнила, что Таира говорила про драконов...

— И что она говорила? — заинтересовался Рэнс.

— Что, возможно, тот камень некогда принадлежал драконам, — с нажимом ответила я.

— И он-таки принадлежал! — оживился Кот, вытягивая из кармана клеточку с феей. — Ильфредита только по этому запаху его и определила. У, ты моя красавица...

Дракон уставился на красавицу тяжелым взглядом. Фея заверещала.

— Кот, она шеттеров боится, — поспешила предупредить я. — Она и тогда только из-за них упрячилась.

— Бедняжечка моя, — засюсюкал Кот, пряча клетку в карман. — Обижали тебя злые дяди... Чего от них еще ожидать? — Он с вызовом уставился на Рэнса, но тот лишь закатил глаза к потолку.

— Не отвлекайтесь, — осадил приятеля Вилли.

Рэнс взял книгу из рук Меру, хмыкнул, и передал мне. А я едва не выронила.

— Это же...

Книга была очень старой, страницы пожелтели, а шрифт оказался настолько витиеватым, что я со своими особенностями не смогла прочитать ни слова. Уголки были украшены металлическими резными вставками, а сама обложка покрыта приятным на

ощупь, гладким и, в то же время, бархатистым материалом, золотисто коричневого цвета.

— Драконья кожа, — подтвердил мою догадку Рэнс.

— Что, настоящая? — Кот вцепился в книжку и едва только на зуб ее не попробовал.

Мне его рвение было совершенно непонятно. Представьте, если бы вам вручили томик, обтянутый кожей вашего друга. Вот примерно такие же эмоции я испытала. Ужас и отвращение, до тошноты.

— Говорят, иногда драконы линяют, — протянул Рэнс, — когда много лет находятся в одной ипостаси.

Ключевое слово «иногда». Да если и так, разница не велика.

— Так это правда? — Меру подалась вперед. — Они могут превращаться в людей?

— Кто знает? — прогудел превратившийся в шеттера дракон.

Когда все, с разной степенью эмоциональности, ознакомились с находкой, Меру продолжила рассказ.

Книга содержала своего рода предания о древних временах, в основном, о драконах. Так, в одном из них говорилось о некоем Никьятле-Тоохане — могучем драконе, возжелавшем власти.

И возжелал он власти,
Поднялся выше неба,
Забрал лучи, что ярче солнца,
Обрел невиданную силу.

Но гнев был страшен.
И звезды заслонили солнце.
И хлынула волна,
Что мир доселе не видал.

Земля разверзлась,
И твари что таятся
С времен начала
Пожрали этот мир.

— Немного не доели, — справедливо заметил Вилли.

— Отвратительные стихи, — скривился дракон.

— По крайней мере, не новодел, — возразила я.

— Но и не эти ваши нефритовые дракончики...

— Вы о чем, вообще? — прищурился Кот.

— Расслабься, Котьяра, это наша, семейная шутка.

— Вы родственники? — удивился Вилли, не присутствовавший при первом появлении шеттера.

— Это тоже шутка, — сжалилась я, — давайте продолжим.

Меру вкратце пересказала содержание легенды.

В те времена драконы безраздельно правили на земле, но Никьятле-Тоохан замахнулся и на небеса. Чтоб править и там, он похитил у старших сестер лучи — могущественный талисман, дарующий силу. Звезды не остались равнодушны к порыву младшего братика и прокляли Ирвеон, наслали всевозможные ужасы: наводнения, землетрясения, пожары и прочее. На этом рассказ обрывался, и о последствиях читателям предлагалось додумать

самостоятельно. Но, как справедливо заметил Вилли, не так страшно проклятие, как его намалевали в жуткой книжонке. Мир по-прежнему существовал и пока никуда проваливаться не собирался. Разве что частично.

— Значит, эти лучи, до сих пор остались на земле. И Егар хочет их заполучить, — размышляла я вслух, — но он же не дракон. Что он будет с ними делать?

— Там ведь не сказано, для чего конкретно они понадобились этому Ник... Них... Нихрена-не-выговоришь, как там его зовут, — заметил Кот. — Вероятно, Егар считает, что сможет их использовать. А если он чего-то хочет, то непременно добивается. Так или иначе. И потом, мы не знаем, может быть у него и дракон есть. Не зря же ходят слухи. То там видели дракона, то здесь...

— Фигня, — отмахнулся Рэнс, — он и без дракона та еще заноза в заднице. И не забывай, тут кругом глушилки. Наоборот, он до жути их боится. А с лучами... Ну, не знаю. Был бы у него Дух, думаю, он бы справился.

— Что еще за бабкины сказки?

— Вы, ребята, откуда свалились? — изумился дракон. — Духи для вас сказки, про драконов ничего не знаете. Может быть, вы еще и в богов с демонами не верите? Ну и молодежь пошла...

— Ты, дедуля, остынь, — набычился Кот, — мы — выживаем, как можем. У нас, как видишь, нет великой наронеторской библиотеки, о которой днями и ночами грезит кое-кто, — он зыркнул на Меру и Вилли. — Если есть что сказать — говори. А позубоскалим мы после.

Дракон устремил на мага один из самых тяжелых взглядов, но тот глаз не отвел, над столом проскользнула крошечная молния.

— Ладно, согласен, — неожиданно сдался Рэнс. — Только я на вашем месте не сильно бы на ту библиотеку рассчитывал. Слышал я, у тамошнего Властелина большие проблемы.

— А кто не слышал? — усмехнулся Вилли, расслабляя плечи.

— И скажу я следующее. Речь в книжке шла о трех камушках, верно? Скорее всего, у него пока не все, иначе он бы похвастался, как пить дать. Сам он с ними не справится. Если камни подлинные, обычному человеку, пусть даже магу средней руки, с ними не сладить. Он не дурак, прекрасно это понимает. Тут нужен, — он принялся загибать пальцы, — или дракон, или Дух, или Высший Жрец. Ну, еще подойдет Звезда, но это уже реально бред и бабкины сказки. Жреца ему не достать, по причине отсутствия таковых уже лет сто, если не ошибаюсь. С драконами тоже напряженка. А вот Дух — другое дело. Не верите мне, спросите Таиру, она как раз недавно этот вопрос изучала.

Я коротко рассказала все, что узнала о Духах от ледяного короля, разумеется, его самого не упоминая. Кот слушал историю, и морщинка на его лбу становилась все глубже.

— Да кто вы, вообще, такие? — наконец, задал он терзающий его вопрос.

— Такие же жертвы обстоятельств, как вы, — развел руками дракон, и ткнул в меня большим пальцем, — по крайней мере, она.

За разговором мы потягивали яблочный компот и грызли печенье, прихваченное Котом, вместе со всем добром из сгоревшего дома. Сам маг отчаянно зевал и клевал носом, но бодрился до тех пор, пока едва не шарахнулся лицом о стол.

— Опять твои проделки? — возмутился он, но Рэнс и сам едва сдерживал зевок.

Полночь давно миновала, а длинный суетной день все не желал заканчиваться. Пришлось его прикончить. Осталось только решить, как поделить три кровати на пятерых.

Мы с Меру устроились на одной, Кот злорадно ухмыляясь, растянулся на своей во всю длину и не забыл всех оповестить, как же ему отлично ложится на такой прекрасной мягкой кровати, дракон заявил, что ему удобно и в кресле, и тут же, закинув ноги на табурет, захрапел. Вилли только закатил глаза, укоризненно покачал головой и задул последнюю свечу. Кот хотел еще что-то сказать, но тоже уснул.

Я только закрыла глаза, и тут же проснулась. Меня буквально подбросило на кровати. Дракон уже был на ногах, возле его головы возбужденно пульсировал огонек. Стены вибрировали, с потолка сыпалась пыль. Стол, шкафы — все ходило ходуном.

— Вот и поспали! — Наученный горьким опытом, Кот принялся набивать сумку добром и укутываться в плащ.

— Не ной, Котяра, ты три часа дрых. — Рэнс, пошатываясь, двинулся к выходу.

— Что происходит? — Меру сжала голову в ладонях.

Меня тоже мутило.

— Землетрясение, — Вилли поспешил собрать оставленные перед сном на столе книги.

Наверху загремело.

— Быстрее, уходим... — слова Рэнса утонули в страшном грохоте.

Часть сводчатого кирпичного потолка рухнула, накрыв нас облаком пыли и каменных крошек. Дракониий огонек исчез отрезанный от нас горой обломков... Нет. Это мы были отрезаны от выхода.

— Меру, Вилли! — Кот чем-то гремел в темноте.

— Я тут, — Меру закашлялась.

Пыль лезла в нос, щекотала в горле. Чиркнула спичка, огонек в ореоле кружащих в воздухе частиц, переместился на свечной огарок. Кот, весь серый от каменной крошки, высветил гору обломков. Нам повезло, рухнула только средняя часть потолка, мы успели отпрыгнуть к стене, а вот Вилли... Как раз стоял по другую сторону стола.

— Вилли! — заорал Кот, пытаясь забраться на гору. Сверху угрожающе заскрипело.

— Кот, вернись! — Я дернула его за плащ. — Сейчас все остальное свалится нам на головы.

Землетрясение прекратилось, но за надежность остатков старого здания никто поручиться не мог.

— Прекрасно, — мрачно заключил маг.

С другой стороны загремело, кто-то пытался расчистить завал, с потолка посыпались мелкие камни.

— Эй, нас тут сейчас окончательно засыплет! — предостерегающе проорал Кот.

— С ними все в порядке, — Меру поднялась, держась за стену.

— Не вздумайте разгребать кучу! — еще громче завопил Кот. — Мы сами выберемся!

Интересно, как? Насколько я знала, такого рода телепортацией он не владел. Впрочем, если он перемещает предметы, то и человека сможет. Хотя бы по частям... С его-то силами.

Мы осторожно, стараясь не нарушать целостность каменной пирамиды, подобрали разбросанные, пыльные вещи. Кот, с оглядкой на ненадежный потолок, вытянул набитую добром сумку из-под кучки кирпичей и подошел к платяному шкафу.

— Пойдемте, дамы. Очередной наш дом потерян... — Он с грустью оглядел разрушенную комнату и забрался в шкаф.

Я успела нафантазировать себе, боги знают что, но шкаф всего лишь маскировал потайной выход из убежища. Разумно и вполне в духе излишне осторожного, если не сказать больше, Кота.

Проем в стене пробили неаккуратный, но широкий, чтобы мог пролезть не только худощавый Кот, но и грузный Вилли.

В двух шагах от выхода нас ждало очередное разочарование. Сеть тоннелей серьезно пострадала, повсюду лежали обломки, груды камней и земли. Первый же поворот оказался свежим тупиком, а должен был вывести нас к лестнице.

— Ладно, — Кот, прищурившись, развернулся. — Тут есть другой выход. Только придется нам погулять. — Он ободряюще улыбнулся и нехотя проворчал под нос: — будем надеяться, там нам повезет больше.

А я надеялась, что у Кота в сумке найдется еще одна свеча. Подобранный огарок уже плевался воском и норовил погаснуть.

Выложенные темным кирпичом коридоры петляли и пересекались. Кот двигался уверенно, не задумываясь, сворачивал в нужный отвилочек. Новая свеча горела ярко, наши тени весело скакали по стенам. Под ногами скрипела каменная крошка. Чем дальше мы уходили от убежища, тем меньше следов землетрясения встречалось. В подземелье было

сыро, кое-где со сводчатого потолка капала вода.

Постепенно перекрестки исчезли, а тоннель, изредка петляя, сузился и принял пока что малозаметный уклон.

— Скоро попадем в пещеры, — предупредил Кот.

За последним поворотом нас встретила крутая лестница в два десятка скользких ступеней. Этот почти вертикальный тоннель был выбит в толще скалы.

По бугристым стенам стекала вода, тонкими ручейками бежала по ступеням и исчезала в темноте за решеткой, преграждающей выход в пещеры. Из углов у основания ступеней пучками торчали бледные тонконогие грибы. Жиденькая, почти прозрачная плесень раскинула пространное кружево, слепо шаря отростками по стенам и потолку.

Массивный ржавый замок легко оказался у Кота в руках. Решетка противно взвыла. Похоже, ее не открывали лет сто.

— Мы однажды тут проходили. Лет шесть назад, — опроверг мою догадку Кот. — Осторожнее, земля скользкая. Возьмите, — он порылся в сумке, и вручил нам по свече, зажженной от своей. Вернул замок на дужки, и мы двинулись через пещеры.

У самого входа корявый потолок, был таким низким, что магу приходилось нагибаться. Но чем дальше мы отходили, тем шире становилось темное пространство.

Под ногами хлюпало. Один раз я едва не свалилась в быстрый, но узкий ручей с осклизлыми берегами. Пришлось поблуждать, в поисках удобной переправы — пещера стала огромной, свет трех свечей не достигал ни потолка, ни стен.

Гигантские нерукотворные колонны поддерживали колоссальный потолок. Причудливые сталагмиты янтарно поблескивали, кое-где достигая невероятных размеров.

— Что это?

Мне почудилось приглушенное мерцание высоко над головой. Стоило отвести глаза, оно возвращалось, но от прямого взгляда пряталось.

— Ты о чем? — Кот обернулся, озадаченно осматриваясь.

— Он не видит, — ответила Меру. — Это духи.

— Правда? — заинтересовался Кот. — И много?

— Огромная колония. А там, впереди один большой. — Меру вытянула руку со свечой. — Они спят.

Чем дальше мы шли, тем ярче сияла голубоватая «бахрома» на потолке, но по-прежнему исчезала, стоило на нее взглянуть. А вот большой дух предстал во всей красе. Что там большой? Гигантский! Распластанный по потолку, как столapый осьминог, он лениво шевелил щупальцами, обвивал сталактиты и, местами, спускался почти до самой земли. Вот он-то не спал, потому и был виден. Не Коту, конечно. И слава богам, иначе мы так быстро не прошмыгнули бы под ним.

Дальше пещера снова уменьшилась, а духи исчезли. Изредка стали попадаться провалы боковых тоннелей. В одном из них, слева по ходу движения, плясали блики огня.

— Там начинается территория шеттеров, — пояснил Кот, — и туда лучше не соваться. — Он рефлекторно потер шею. Видимо, сам убедился в негостеприимности темных. — Скоро выход. Надеюсь, Вилли догадается нас встретить. Не хотелось бы тащиться обратно.

Подземелье частично заходило на территорию города и, чтобы вернуться к развалинам, пришлось бы войти в город или сделать большой крюк. О том, что оставшимся на поверхности парням придется проделать тот же путь, Кот не задумывался.

Поверхность встретила нас свежим ветром и звездным небом. Облака разошлись, туман рассеялся, а мороз взялся ткать узоры на ветвях деревьев, обступивших выход из пещеры. Огоньки свечей трепетали на ветру, превращая иней в гирлянды драгоценных камней. Снег вокруг невысокой скалы сиял белизной. Предатель. Все-то следы на нем видны! Впрочем, может нас никто и не ищет? Паранойя Кота — заразительная штука.

— Там кто-то есть, — предупредила Меру, — и чуть дальше, кажется, тоже.

— Наши?

— Нет. Не уверена. Очень странно...

Свечные огарки отправились обратно в сумку. Неяркого света звезд хватало, чтобы не наткнуться на деревья, а предатель-снег давал дополнительное освещение. Двинулись в противоположную от возможных преследователей сторону.

Бродить по лесу вслепую — плохая идея, следовало бы вернуться. В пещерах парни наши бы нас быстрее. Но Кот не пожелал снова загонять себя в угол. Другого выхода из подземелья он не знал. Если заблокируют и этот, придется туго. От шеттеров помощи не дождешься. Они скорее сдадут нас стражникам, чем станут портить с ними отношения.

Слева, за хилым еловым подростом хрустнула ветка. Мы застыли, притворяясь тремя случайными тенями.

— Не понимаю, — пробормотала Меру.

Кот зажал ей рот, но за елками больше не раздалось ни звука.

Интересно, не водится ли тут какая-нибудь тварь пострашнее стражи и Егаровых наемников?..

Додумать эту мысль я не успела. Справа, из-за деревьев выскользнула черная гибкая тень. Кот прыгнул ей навстречу. Зазвенела сталь, встретив препятствие. Кот отшатнулся, шипя от боли. Рукоять черного клинка дымилась, обжигая ладонь, но маг и не думал отступать. Качнул левой рукой, обезоруживая противника, охнул, под неожиданной тяжестью копья.

— Госпожа, — обиженно протянула тень.

Не копья — посоха!

— Кот, стой! — Я ринулась магу наперерез. — Это свой!

Едва ли Кот сумел бы причинить лесовику вред, скорей уж наоборот. Даже без тяжелого посоха, выломанного их тюремной решетки, бинти в два счета разделался бы со всеми нами. Если бы захотел. Раз уж он умудрился спрятаться даже от Меру.

— Илам, как ты нас нашел?

— Решил, вы можете скрываться в пещерах. — Он скинул капюшон. Бритая макушка засияла, как фонарь и он поспешил вернуть капюшон на место. Лесовик где-то раздобыл подходящее по размеру одеяние и теперь выглядел внушительно, как настоящий наемник. Синяки на лице почти рассосались, только под левым глазом залегла слишком темная тень и губы покрывала корочка струпа.

— Это еще кто? — прошипел Кот, опуская обожженную ладонь в снег. Посох он пока не вернул и кинжал не прятал, только обернул рукоять полкой плаща.

— Это Илам. Он нам в Единорожке помог. И в тюрьме.

— А, так это ты? Извини, не узнал, — Маг протянул лесовику посох, но на полпути замер. — Ты точно на Егара не работаешь?

— Точно! — возмутился лесовик. — Я искал госпожу, потому что...

— Не продолжай, — я содрогнулась, представляя, что мне снова придется выслушать пространную клятву верности и бесконечное восхищение, но он все же закончил.

— Вас ищут. Тут повсюду стража. Обшаривают все окрестности.

— Даже так? — насторожился Кот, возвращая-таки посох. Илам тут же закинул его за спину, закрепил.

— Еще бы! Впервые за сто лет узники сбежали из городской тюрьмы, да еще и охрану вместо себя в клетку посадили. Говорят, король рвет и мечет. Нас считают шпионами. Все выходы из города перекрыли.

— А тебя как пропустили? — все не унимался маг.

— Они ищут отшельника. А я наемник, — он продемонстрировал нашивку — единорога.

— Хм... И костюм, как по тебе сшитый...

— Кот, уймись! — не выдержала Меру. — Давайте быстрее отсюда уйдем. Мне здесь не нравится. Я никого из них не чувствую.

— Почти все стражники — горцы. Они могут *закрывать*, как это сделал я. Они знают, что среди вас есть маг.

А вот это совсем плохо. Если в обычное время на незначительные магические проделки могли посмотреть сквозь пальцы, то теперь одной вальхоровой решеткой не ограничатся. Могут и руки отрубить, а потом разбираться, маг ты или просто рядом проходил. Такое двойственное отношение ко всему сбивало с толку.

Путешествие по ночному лесу продолжилось. Теперь Илам шел впереди, намечая дорогу, мы брели следом, не забывая осматриваться по сторонам.

Деревья трещали от мороза, но я совсем его не чувствовала. Спутники мои кутались в плащи и предлагали поделиться теплом, но я только отмахивалась. Если я раньше не боялась холода, то после случая в саду и вовсе перестала обращать на него внимание. Даже пару раз нащупывала пульс, чтобы убедиться, что все еще жива. Очень уж это было странно. Впрочем, в тот момент я больше беспокоилась о том, как не разминуться в темном лесу с парнями. Задача, прямо сказать, нетривиальная.

Мы обходили город по широкой дуге, надеясь, что парни поступят также, и нам удастся избежать встречи с патрулями.

Все наши надежды, как водится, полетели чешку под хвост. Хруст веток мы слышали издали. Меру воспряла духом.

— Какого демона они так шумят? — забеспокоился Кот.

Илам не успел открыть рот, как из бурелома вывалились Рэнс и Вилли.

— Засада! — проревел дракон. — О, здорово, зеленый! Отлично выглядишь. Сапоги — класс! — Схватил меня под мышку и понесся дальше, не разбирая дороги.

Остальные кинулись следом, но далеко не убежали. Дракон выскочил на полянку и затормозил.

— Вот, зараза!

Ветки трещали уже и впереди, и сзади, и слева. Тишина справа настораживала еще больше. Я, наконец, почувствовала холод, но не обычный зимний мороз, а внутренний ледящий озноб. У нас оставалось не больше пары минут, чтобы... Что?

— Так, ребятки, — проворчал Рэнс, отодвигая меня, — лучше бы вам отойти в сторонку.

— Ты что делаешь?! — Я догадалась о его намерении, оттащивая Меру и Илама под деревья.

— А есть другие предложения?

Предложений не последовало, и Рэнс, под непонимающими взглядами магов и Илама, окутался густым туманом.

— Ааа! Я знал! Я знал! — Кот вопил и скакал среди деревьев.

Туман рассеялся. Полянку поглотила абсолютная чернота.

— Хватайте бесноватого и забирайтесь! — проревел дракон. Теперь уже самый настоящий, огромный. Полянка оказалась мала и десяток деревьев он смел хвостом.

— А ты унесешь нас всех? — засомневалась я.

— Вот проглочу тебя и того ненормального, чтоб резину не тянули и точно унесу!

Илам уже подсаживал Меру, Вилли схватил Кота за шкурку и буквально забросил дракону на спину, потом забрался сам, и подтянул меня.

— Дамы и господа, пристегните ремни! — рыкнул дракон, расправляя крылья. Либо я давно не видела его истинный облик и отвыкла, либо он стал еще больше.

Ветер пригнул макушки берез. Над нашими головами пронесся вибрирующий сгусток воздуха.

— Явились...

Дракон, тяжело взмахивая крыльями, поднялся над лесом. На поляну выскочили темные фигурки. Если сейчас в Черного попадут из глушилки, королю будет не о чем беспокоиться. Ему подадут на блюдечке пять маленьких лепешек и одну большую.

— Плюнь в них! — прокричала я, цепляясь за седло.

— С ума сошла? Не буду я их поджаривать!

— Да не людей! Деревья подпали! Это их отвлечет, а там они нас потеряют.

Дракон булькнул, выдохнул как-то с отяжкой. Бесцветное марево вспыхнуло, соприкоснувшись с макушками берез. На земле загалдели. Над лесом взмыл десяток сгустков, искажающих свет звезд, но нас там уже не было.

Черный дракон куском пустоты пронзал небо, унося нас на запад.

— Госпожа, а вы тоже?.. — раздалось над самым ухом.

Илам пристроился за мной, позади него сидел Вилли. Кот и Меру вдвоем уместились в седле и мага заметно укачало. Он хватался то за голову, то за грудь, то зажимал рот.

— Нет. Я не тоже. Я обычный человек.

— Но ты знала, кто он! — простонал Кот. — Конечно, знала! А ты! — Он брыкнулся. — Напряженка с драконами! Ха! Ой, боги всемогущие!..

— Котяра! — Дракон обернулся. — Крылышки отрастил?

Меру отвесила приятелю затрещину, чтоб не дергался. Ее полет не пугал, напротив, в черных глазах искрился восторг, отражая свет миллионов выстуженных зимней ночью звезд. Волосы черными реками струились по спине, метались, подхваченные ветром. Прекрасная черноволосая богиня верхом на могучем драконе. Это вам не заморыш бинти в старых сапогах!

Я обернулась. Илам радовался, как ребенок. Глаза сияли как два изумруда, на губах блуждала счастливая улыбка. Я не удержалась, улыбнулась в ответ, а сердце неожиданно сделало двойное сальто. Вот как можно осчастливить человека: «всего лишь» покатасть на драконе. Ой, чувствую, не отвертеться мне от нового потока благодарностей...

Я свесилась, ухватившись за седельные ремни, чтобы заглянуть лесовику за спину.

— Вилли, все в порядке?

Рыжий маг оторвал судорожно вцепившуюся в гребень руку и показал большой палец. Упругие кудряшки трепетали на ледяном ветру, а за его спиной рассвет расплескивал розовые чернила по темному шелку звездного неба.

Лес пропал, покрытые сахарной глазурью поля сменились каменистыми холмами. Застывшая змея-река уползла на юг, а впереди проклюнулась бахрома невысоких лесистых гор.

Дракон заложил вираж и приземлился в поле, у подножия гор. Сегодня обошлось без обычного его лихачества. И так хватило приключений.

Кот свалился на землю первым и тут же согнулся за ближайшим кустом. Долго же он терпел! Разогнулся, судорожно хватая ртом воздух, углядел разминающего крылья дракона, и снова согнулся пополам.

Остальные держались бодрчком. Илам, так вообще с дракона бы не слезал, до того лесовику понравилось летать. И тут я его понимала.

Дракон снова затуманился, из молочной пелены выступил знакомый шеттер. Вразвалочку подошел ко мне, набросил на плечи пропахшую мятой куртку на меху.

— Да мне не холодно...

— Не спорь. Это побочный эффект лечения. Тебе не холодно, но тело твое мерзнет так же, как и у остальных. Когда почувствуешь холод — будет поздно. — Он многозначительно поднял бровь и перевел взгляд на несчастный куст. Рос он себе, ни о чем не тужил, а тут нагрязнул Кот со своим слабым вестибулярным аппаратом. — Пойду, Коту посочувствую.

Впрочем, вместо очередного ехидного комментария, Рэнс протянул бледно-зеленому магу знакомую фляжку.

— Отстань, вредитель, — простонал Кот. — Ты, верно, явился в наказание за все мои проступки...

— Пей, Котяра. Будешь как огурец. Только не такой зеленый.

Дракону на помощь пришла Мера. Вдвоем они влили-таки лекарство упряму в рот. Тот скривился, будто жабу проглотил, но тут же изменился в лице. Огляделся.

— А где это мы?

И куда только девалась слабость и бледный вид?

— Закатные Холмы. — Дракон убрал флажку, посмеиваясь про себя.

— Чего?! Вы с ума сошли?!

— Котяра, что ж ты вечно недовольный? Твою задницу спасли из такой переделки, а ты все ноешь!

— Я, конечно, тебе благодарен. И вообще, есть у меня к тебе пара вопросов по поводу этих твоих превращений. Но Закатные Холмы?! — Маг воздел руки к возвышающейся перед нами горе.

Ходили слухи, что в Закатных Холмах обитали оборотни. Расположенные всего в нескольких часах езды от столицы, Холмы прежде пользовались популярностью, как, своего рода, курорт с целебными горячими источниками. Столичные богатеи спускали тут денюжки, проводили деловые встречи и отмечали праздники. Но, со временем, в Холмах стало беспокойно. Обширные поместья и гостиницы пустели, хозяева бежали прочь, наплевав на некогда процветающий бизнес.

Обеспокоенный король, тогда еще старый Туво Двенадцатый, направил сюда несколько отрядов, чтобы разобраться с нехорошим местом, но вояки уперлись в непонятно откуда выросшие уродливые стены. Десяток отчаянных добровольцев (полагаю, воля их была не так

добра, как это представляло в последующих отчетах) перебрались через стены, но обратно никто не вернулся.

Войско долго стояло лагерем у подножия гор, а после еще лет десять сюда засылали патрули с проверками, но ничего не менялось. Холмы оставались закрытыми. Никто не мог войти, но ничто и не выходило за их пределы.

Король погоревал о своих старых костях, так чудесно прогретых прежде в целебных источниках, и выкинул злосчастные Холмы из головы.

У подножия гор до сих пор темнели развалины оставленных солдатами барачков, а на одном — самом маленьком — даже уцелела крыша. При ближайшем рассмотрении домик оказался построенным из ситванского дуба, а, как известно, дома из него могут простоять и пятьсот лет почти в неизменном виде. Похоже, некогда в нем останавливались знатные особы, может быть, даже сам король.

Кот не забыл сунуть любопытный нос внутрь домика (мощный замок его, разумеется, не остановил), но ничего интересного не нашел, кроме исправного на вид очага. Дом вполне можно было использовать как временное жилище, но пока нас интересовали сами Холмы.

— Говорят, отчаянные смельчаки пытались добраться до покинутых богатств, — продолжил рассказывать Кот, — но все, как и солдаты, исчезали за стенами бесследно.

— А про богатства откуда знаешь? — Дракон оценивающе оглядел гору.

— Так хозяева домов бежали без оглядки, все добро побросали.

— Чудно, - хмыкнул дракон. — Когда-то тут жила большая семья кангов. Мы у них останавливались не раз. Но ни о каких стенах я не слышал.

— Что за канги? — озадачился Кот.

— Лисы-оборотни, — ответил Вилли, с интересом поглядывая на темную гору.

— Вот! — обрадовался Кот. — Я же говорил — оборотни!

— Их семья лет пятьсот держала тут гостевой дом. Никто и не догадывался, что за натуры скрываются под доброжелательными раскосыми физиономиями. Поверь, Котяра, вокруг тебя гораздо больше темных, чем ты думаешь. Ну, не в данный момент, а в принципе, — добавил дракон, глядя как Кот ошалело ищет взглядом в чистом поле орды темных тварей. — А я надеялся хоть тут выспаться... Ладно, глянем на эти стенки.

Солнце подобралось к самому горизонту, расцветило тонкие облака горячей позолотой. Снеговые тучи обошли горы стороной, но бурая трава искрилась ажурным кружевом. Морозников было столько, что казалось, вчера здесь проходил всетувосарский слет этих примитивных духов. Под первыми лучами поле вспыхнуло как сокровищница легендарного короля-великана Западного Заморья. Полупрозрачные спиральки духов взвились над своими укрытиями и растворились в вышине.

Дракон следил за танцем духов с умеренным интересом, Меру с восхищением, Кот и Вилли недоумевали, куда это мы таращимся, Илам же духов чувствовал, но не видел. Морозники исчезли, солнце поднялось, а горы так и остались погруженными в тень.

Закатные Холмы получили свое название из-за особенностей грунта и обилия мачтовых сосен. Рыжие стволы и скалы из янтарного песчаника создавали эффект золотистого сияния. Даже в мрачную погоду их будто озаряли лучи закатного солнца. Но что-то пошло не так. Горы были темны и пугающе мрачны.

— Не нравятся они мне, — поежилась Меру.

— И не удивительно. Это что за гадость? — Кот с отвращением возрился на растущую из земли уродливую стену.

Выглядела она неопишимо мерзко, от одного взгляда на нее начинало мутить. Тошнотворные наросты, разводы, будто кишасщие змеи или червяки. Выпуклые кольчатые кишки противно розовые и отвратительно натуральные, хоть и созданные из камня.

Что за извращенный архитектор тут поработал? Зачем, а главное, как умудрился он заключить горы в эти жуткие кандалы?

Стена выросла там, где начинался густой хвойный лес. Мрачные кроны презрительно взирали на нас из-за трехметровой ограды.

— Хмм... — прогудел дракон, поглаживая стену ладонью. Теперь, когда все знали, что он ненастоящий шеттер, нужда в маскировке отпала. Объемный балахон и перчатки исчезли. — Похоже, там обосновались пожиратели пустоты. Это они лепят такие стены, забивают ими все свободное место. Оставляют тропки, чтоб передвигаться самим и приманивать жертву.

— Но мы ведь туда не полезем, — вкрадчиво произнес Кот.

Это что-то новенькое! Чтобы Кот отказался он халявного добра?

— Вы — нет. — Рэнс отступил на десяток шагов, разглядывая кроны. — А я погляжу, что можно сделать. Не дрейфь, Котяра, это всего лишь паразиты. Вон, даже Таира с ними управится. Я быстренько сгоняю, одна нога тут, другая там!

— Вот в это я, пожалуй, поверю, — проворчал Кот.

Дракон меткими плевками проплавил в стене лесенку, взмыл на вершину, присвистнул.

— Неплохо они поработали.

— На этот раз, я с Котом согласна, — Меру потянула меня за рукав, — давайте уйдем. Пересидим в домике. Отдохнем и решим, что делать дальше.

Я посмотрела на Рэнса снизу вверх. А тут бы вышло отличное убежище. Домик конечно, неплохой вариант, но это ведь настоящая крепость! Никому и в голову не придет искать нас в кишасщих «оборотнями» горах. Я сбросила куртку, и пока никто не опомнился, забралась на стену.

— Эй, а ты куда собралась? — возмутился дракон.

— Сам же сказал, что я справлюсь, — пожала я плечами, — вот и посмотрим. Тем более, я знаю, какой ты пунктуальный, потом жди тебя тут неделю...

— Я с вами, госпожа! — Скромно стоявший в стороне Илам взлетел по стенке, игнорируя лесенку. — Я за ней пригляжу, — заверил он дракона. Тот только глаза закатил и махнул рукой.

— А нам что делать? — нахмурился Кот.

— Отдыхайте.

— Если вы не вернетесь? — уточнил маг. — Как и все до вас.

— Вернемся. С ними просто дракона не было, — Рэнс подмигнул и зашагал по стене вглубь леса. Именно так. Никакого пустого пространства за стеной не было, уродливая масса монолитом заполняла все вокруг, даже сосны оказались в нее вплавлены.

Мы с Иламом, переглянувшись, последовали за драконом. Взбираться по шершавой и бугристой поверхности оказалось на удивление легко, гораздо проще, чем по усыпанной сосновым опадом земле. Тут все иголочки постепенно прирастали к уродливой, камнеподобной массе и не мешали продвижению.

Нам удалось забраться высоко, следы жизнедеятельности пожирателей пустоты растянулись почти на треть первого Холма. Ни один из паразитов не вышел поприветствовать гостей, но тягостное ощущение чужого присутствия не оставляло с самого начала.

В диковинном лесу было тихо. Воздух под слишком близкими кронами будто застыл, ни ветерка, ни движения, и лишь изредка набегал едва уловимый и чужой в этом мире запах горелого пластика. Именно так пахли свежие, еще не застывшие «стены».

— Тахон-граак!

Слева тренькнуло. Набежавшая было тошнотворная волна, откатилась.

— Не зевайте.

Дракон только казался расслабленным. Аура напряженного ожидания почти осязаемо пульсировала вокруг его мощной фигуры.

Илам двигался с уверенностью опытного воина. Вальхоровый посох плавно скользил, словно выискивая противника, но пока лишь «принюхивался». *Слов* лесовик не знал, но, как оказалось, вальхор тоже неплохо справлялся с паразитами.

Полупрозрачная мутно-серая масса попыталась прыгнуть на нас справа, но лишь противно булькнула, напорвшись на вальхоровый прут. Две половинки паразита рассыпались мелким бисером.

— Неплохо, — оценил Рэнс. — Спускаемся? Ого, внизу их побольше!

Побольше?! Да там вся земля как сплошной серый кисель! Это они со всей горы, что ли притащились нас встречать?!

Выше стена расходилась путаным лабиринтом. Вдалеке справа Илам углядел старую лестницу. Прежде именно по ней поднимались гости. На нее паразиты почему-то не посягали, и это было вдвойне подозрительно. Слева в глубине леса темнела уродливая громада.

— Надеюсь, они не все дома проглотили, — нахмурился дракон. — Иначе, мы зря притащились.

— Кстати, а зачем мы сюда притащились?

— Была когда-нибудь на горячих источниках? Во-о-от, если бы была, не задавала

глупых вопросов.

— То есть, ты просто решил устроить отпуск?

— Ну да.

Ох, Черный, кого ты обманываешь?..

— Госпожа, не хочу вас прерывать, но, поглядите, — Илам поднял указательный палец.

Ох, ты ж... Паразиты на земле оказались отвлекающим маневром. Пока мы выискивали, где бы спуститься, над нашими головами собрался огромный пузырь — вот-вот прорвется!

Дракон, недолго думая, плюнул в него пламенем и проревел *слова*. Ухнуло так, что заложило уши, и тут со всех сторон на нас хлынули потоки желеобразных тварей. Волны тошноты накатывали, как морской прибой, Илам крутил посохом, как легкой тросточкой, осыпая нас градом серебристого бисера.

Я отскочила в сторону, жалея, что сама не разжилась подобным оружием. Просто носиться, и орать на все лады было легче, чем орудовать посохом, но руки так и чесались отвесить кому-нибудь затрещину.

На поднятый нами шум сползались все новые твари, и конца им не было.

— Все еще не хочешь вернуться? — выдохнула я между паразитогонными тирадами.

— Да ну, мы ж почти справились!

Оптимизму дракона можно было только позавидовать. Стволы, кроны, стены, земля, все превратилось в серый студень. Все, кроме старой, покрытой мхом и лишайником каменной лестницы.

— Давайте туда! — Дракон сиганул со стены, на ходу уничтожая десяток тварей.

Мне бы так! Не успела я сообразить, как бы так приземлиться и не сломать себе ноги, как Илам подхватил меня и через секунду оказался рядом с Рэнсом.

— Спасибо, — клацнула я зубами.

— Простите, госпожа! — Он уже снова схватился за посох, усеивая лестницу тонко звенящим бисерным градом. Пожалуй, это было бы даже красиво, не преследуй нас цунами из пожирателей пустоты.

Осыпая паразитов словами и ударами, мы неслись вверх. Поверженные твари исчезали, но на их место приходили новые. Каменные фонари по обеим сторонам лестницы таранились на нас провалами пустых «окошек» и, будь у них головы и руки, непременно повертели бы пальцами у висков. Насколько же самонадеянными надо быть, чтобы сунуться в это проклятое место?!

Раненый бок противно заныл, в груди горело от бега по бесконечной лестнице, ноги, как две свинцовые гири, с трудом менялись местами. Илам продолжал отбиваться, но было видно, что надолго его сил не хватит, уже дважды он едва не пропустил атаку, паразиты налипли на рукава, стремительно превращая их в кусок уродливого камня. Лесовик поспешно избавился от испорченной куртки, швырнул ее в лес, где та обвилась вокруг соснового ствола, навсегда заключая его в страстные объятия.

Нам с Рэнсом было проще, *слова* избавляли и от паразитов и от их слизи. Налипшие твари испарялись бесследно, но их было слишком много, в горле пересохло от безостановочного бормотания, а голос дрожал, грозя исчезнуть. Даже дракон уже не выглядел таким уверенным, как прежде. Татуированная голова покрылась капельками пота, а дыхание тяжелым паром вырывалось из приоткрытого рта.

— Сплю все, к такой-то матери! — проревел он и тут же спокойно добавил: — или нет.

Лестница, наконец, влилась в большую круглую площадку и продолжила свое восхождение к вершине горы. Рэнс затормозил, взрывая фонтан толстого мха и сосновых иголок, и повернул направо. Там, в конце едва различимой дорожки темнела усадьба. Дракон помчался к высоким деревянным воротам.

Паразиты не успели покушаться на добротный сколоченный, хоть и потемневший от времени забор. Над воротами, под черепичным навесом некогда располагалась табличка с названием поместья, теперь же там осталась треснувшая доска с шелухой красной краски.

Воротина перед нами открылась, и невысокая женщина приглашающе махнула рукой.

— Скорее!

Дракон просиял.

Мы ввалились во двор, Рэнс брякнул засов на крючья и привалился спиной к воротам.

— Госпожа Ан-Чирон, — выдохнул он, склоняя голову. — Я уж не надеялся, что нам так повезет.

— Ренсом-кафлас. — Она поклонилась в ответ. — Добро пожаловать в мое скромное жилище. Здесь вам ничто не угрожает.

Мы с Иламом ошалело таращились на представшую перед нами женщину. И она сама, и ее дом выглядели до жути странным островком спокойствия и безопасности в лесу, запруженном смертоносными тварями. Рэнс ничему не удивлялся, видимо на это он и рассчитывал, забираясь на гору.

— Не скромничайте, госпожа. Ваше заведение всегда было одним из лучших.

— Увы, те времена давно прошли, — она печально прикрыла слегка раскосые карие глаза. На вид ей было лет сорок пять, каштановые с рыжиной волосы собраны в высокую прическу, украшенную резным костяным гребнем, длинное платье из цветастого лилового шелка подчеркивало стройную фигуру. — Прошу, будьте моими гостями.

Хозяйка уцелевшего в Закатных Холмах поместья, повела нас за собой. В глубине обширного двора, за невысокими раскидистыми кленами, располагалось длинное двухэтажное здание с черепичной крышей и большими окнами.

— Удивительно, что вам еще удастся держаться. — Рэнс обернулся, жестом подзывая нас ближе.

— Да, кое на что я еще способна. — Госпожа Ан-Чирон обернулась, грустно улыбаясь.

Внутри поместья паразитов не было, но стояла другая, незнакомая аура. Илам ее тоже чувствовал и потому хмурился.

— Позвольте, я представлю вам моих друзей. Таира (я неуверенно улыбнулась), а это Илам, — дракон вытолкнул лесовика перед собой, тот все еще сжимал в руке посох, но уже готовился убрать его в самодельные ножны. Вальхоровый прут качнулся и, направленный меткой драконьей рукой, вонзился хозяйке поместья в грудь.

— Тахон-граак, — почти нежно прошептал Рэнс. Чтоб наверняка.

В глазах госпожи Ан-Чирон вспыхнуло непонимание, но тут же угасло. Фальшивая хозяйка поместья вспухла, как пакет с поп-корном, посерела и взорвалась, осыпая нас миллионами перламутровых бисеринок.

Одновременно с этим, в лесу затренькало, заухало. Запах горелого пластика стал невыносим, но тут, впервые за много лет, над поместьем пронесся порыв ледяного ветра, унося последнее воспоминание о поразившей горы заразе.

Дракон распахнул ворота. Разумеется, стены никуда не делись, но паразиты исчезли, в этом можно было не сомневаться. Тяжелая аура рассеялась, и только теперь стало понятно,

как угнетающе она действовала. От небывалой легкости хотелось скакать по широкому, вымощенному плитами двору, но вместе с легкостью, наконец, объявилась усталость.

Я опустилась на землю, привалилась спиной к забору, и лишь на секунду закрыла глаза, чтобы в следующее мгновение оказаться уже закутанной в пропахшую мятой куртку.

В центре большой комнаты в круглом очаге горел огонь. Потрескивал на сосновых поленьях, ласкал бока пузатого медного чайника. Подступы к очагу чернели крупным камнем, а пол устилала светлая шлифованная доска. Вдоль стен располагались низкие широкие диванчики со множеством разноцветных подушек и такие же приземистые столики. Сами стены — тоже деревянные — были украшены гобеленами в оттенках белого, серебристого и светло-зеленого. Изображенные на них картины были призваны радовать глаз и умиротворять: никаких батальных сцен, сплошные горные пейзажи, водопады, одинокие лодочки посреди туманных рек и меланхоличные парочки в увитых плющом беседках.

С дощатого потолка, укрепленного массивными балками, свисали шесть оранжевых, похожих на тыквы светильников. Ни один из них не использовался по назначению. Все освещение в комнате ограничивалось огнем в очаге. Дым единой струйкой поднимался к изящной трубе, спроектированной так, что она не нарушала гармонии комнаты, а вписывалась в нее и при беглом взгляде была незаметна.

На одном из диванчиков, завернувшись в цветное покрывало, спала Мэру. Ее можно было узнать лишь по волнам черных волос, занимавшим большую часть дивана. На другом храпели Кот и Вилли, на третьем, прислонившись спиной к стене, сидел Илам, он тоже, вроде бы, спал, по крайней мере, глаза были закрыты.

Поленья тихо потрескивали, в воздухе кружились запахи дыма и травяного чая. Под курткой было тепло и уютно, но сон уже отступил. За пределами комнаты раздались тихие шаги. Двери бесшумно разъехались, явив задумчивого Рэнса.

— С добрым утром, — ухмыльнулся он, заметив, что я не сплю, — точнее, вечером. Уже стемнело.

— Как ты догадался?

— Посмотрел на небо! — Он деланно округлил глаза.

— Да я о хозяйке. О том, что она ненастоящая.

У меня все еще стояло перед глазами ее лицо за миг до того, как паразит рассыпался миллионом стеклянных шариков. На долю секунды я подумала, что Рэнс ошибся. И до сих пор эта заноза сидела в моем затылке и противно ныла. Ну не привыкла я видеть, как женщинам в грудь втыкают вальхоровые пруты!

Рэнс уселся на диван рядом со мной, поскреб затылок.

— Их было слишком много. Паразитов. Гора давно запечатана. Все, что можно, они сожрали. Даже авантюристы сюда давно не совались. Так с чего бы им плодиться в таком количестве? Они ведь как действуют? Если питаться нечем — начинают пожирать друг друга, пока не останется один. Самый сильный и хитрый. Он закукливается и ждет лучших времен. Примерно также было и в Ренаторе. Там тоже остался один, самый сильный. И точно также он мог принимать человеческое обличие. Только этот еще и сеть свою раскинул, чтобы самому не бегать. Очень удобно, когда ужин приходит прямо к столу.

— И ты ни секунды не сомневался?

— Знаешь, они все ж-таки паразиты. Существа примитивные. Могут, конечно, забраться

в разум, создать нужный образ, запутать. Но, все равно, недостаточно умны, и с драконами дела не имели. — Он поднялся, снял кипящий чайник с крюка, разлил кипятком по глиняным стаканам, один подал мне, второй оставил у себя, согревая ладони. — Последний раз я видел госпожу Ан-Чирон сто двадцать лет назад. И уже тогда ей было за сотню. Выглядела она, кстати, точно также как сегодняшний перевертыш. Канги живут дольше людей, как и прочие оборотни, но не настолько долго. Паразит увидел образ, но не понял, что тот давно покрылся плесенью. Разумеется, едва я ее увидел, понял, что мы попали в гнездо. Так что, нет. Я не сомневался.

Он уставился в огонь. Яркие блики плясали в расширенных черных зрачках. Радужка превратилась в едва заметный голубой ободок.

— Почему она назвала тебя оборотнем? Кафлас — это ведь оборотень?

Рэнс усмехнулся, перевел взгляд на меня. Зрачки уже приняли привычный вид.

— Обычно драконы имеют только две ипостаси. У меня же они ограничиваются только размером. В мышь я, конечно, обратиться не смогу.

— Выходит, ты необычный дракон?

— В каком-то смысле. Но, на самом деле, у многих из нас свои особенности. Кто-то может плевать не только огнем, но и, например, ядом, кто-то повелевает стихиями. Вариантов полно. С добрым утром.

Илам, не меняя позы, следил за нашим разговором.

— Простите. Я не подслушивал. Просто не хотел мешать.

— А мы и не секретничали, — пожал плечами Рэнс. — Кстати, о секретах. Ты хороший боец. Служил в княжеском войске?

— Все бинти хорошие бойцы, — равнодушно ответил Илам, но в глазах вспыхнули огоньки. — Я лишь один из многих.

Рэнс только хмыкнул в ответ, отхлебнул, наконец, чая.

Кот забормотал во сне. Дракон поднялся, отставил стакан и легонько пнул мага носком ботинка в подошву.

— Подъем, Котяра! Настало время веселья!

Маг буркнул в ответ какую-то бессмыслицу и перевернулся на другой бок.

— Игнорирует, поганец, — пожаловался дракон, и вдруг подхватил его, взвалил на плечи, как коромысло, и поволок вон из комнаты.

Напуганный спросонья, Кот орал и отбивался, а Рэнс только громогласно хохотал. Вилли подскочил на диване, но сообразил, что опасности нет, и, ухмыляясь, потянулся. Меру вылезла из своего кокона, хмуро огляделась и побрела за шумными парнями. Мы двинулись следом.

Поместье госпожи Ан-Чирон было огромным. Мы заняли одну из полусотни гостевых комнат.

Длинный темный коридор с десятком раздвижных дверей, способных свести с ума человека, страдающего клаустрофобией, вывел нас в просторную пустую прихожую. Дракон зажег тут несколько тыквообразных ламп.

Прямо, за освещенной комнатой темнел коридор, ведущий в купальни, высокие двери справа открывались на улицу, в один из внутренних дворов. Тут, за заборчиком, отделенные друг от друга скоплениями невысоких скал, располагались природные бассейны. Над поверхностью воды поднимался пар. Оранжевый свет ламп захватывал лишь часть двора и кусочек ближайшего бассейна.

В нем уже отмокал взъерошенный Кот. Оказался он там, разумеется, не по своей воле. Виновник внепланового купания, почти невидимый в темноте, беззастенчиво хохотал на берегу, но стоило ему на секунду отвлечься, как мстительный маг провернул свой любимый фокус, оставив дракона в одних носках. Куча одежды отправилась в воду, туда же сиганул не ожидавший такой подставы Рэнс. Теперь хохотал Кот, но недолго. Месть в виде горы темных мускулов настигла его и едва не утопила.

— Котяра, ты охренел? — ревел дракон. — Тут же девушки!

— Ты первый начал! — булькал притопленный маг.

И вот этому человеку, то есть дракону, двести семьдесят с хвостиком лет?! Ну да, ну да... Мы с Меру переглянулись. Она равнодушно махнула на шутников рукой и уселась на дощатый порожек, взъерошенная, как воробей.

— Рэнс, отпусти его! — не выдержала я. — Тут темно, мы ничего не видели. И он прав, ты первый начал, сам виноват!

Дракон послушно отступился.

— Не смешные у тебя шутки, Котяра.

— А у тебя, прям, обхохочешься, — буркнул маг, сдирая мокрую одежду. — И что мне теперь, тоже гольшом ходить?

— Да не ной ты, высушу я твое шмотье.

Но взялся он сначала за свои штаны. Так потом и разгуливал с обнаженным торсом, на зависть остальным парням.

Беспокойно начавшийся вечер продолжился тихо и мирно. Рэнс раздобыл кучу полотенец и купальных халатов, высушил одежду, зажег на улице фонари. Мы с Меру забрались в самый дальний бассейн, отчего-то больше остальных приглянувшийся волшебнице.

Целебный источник расслаблял и восстанавливал силы не хуже шердонитовой пещеры. То, что нужно после бесконечных суетных дней. Горячая вода и холодный воздух создавали непривычный, но приятный контраст.

Похоже, под бассейном выходила на поверхность точка силы, вроде тех, вокруг которых строят храмы. Потому Меру и понравился именно этот бассейн. Она сидела, закрыв глаза, волосы образовали вокруг огромное нефтяное пятно, бледные руки поглаживали поверхность воды, на левом запястье радужно мерцали три длинных свежих шрама.

— Откуда это?

— Из-за очередной глупости Кота, — нехотя буркнула она.

После того, как мы ушли на гору, маги вернулись в домик. Кот не находил себе места от скуки, и отправился в поле практиковаться. Ну и напрактиковался.

В соседнем бараке жила колония крылатых пискунов — небольших ночных тварей, вроде летучих мышей, только с крайне дурным характером. Разнесенное непутевым магом укрытие добродушия им не добавило, а солнечный свет, и вовсе, свел с ума.

Бегал Кот на удивление быстро, в три секунды запрыгнул в домик и заперся. Но пискуны так просто не сдались. Печная труба, прежде закрытая заслонкой, а теперь курящаяся дымом, показалась им отличным входом, раз уж остальные так быстро и плотно закрылись.

Некоторое время магам удавалось держать оборону, но солнце поднималось все выше, а укрыться пискунам было негде. Запоздало закрытая заслонка их не остановила. С противным верещанием — как ногтями по стеклу — обезумевшие твари вгрызались в ставни, скребли

дверь мощными когтями-полумесяцами.

Из затушенного очага валил дым, заполняя домик. Несколько поверженных пискунов успели подпалиться и отвратительно чадили. Маги понимали, что долго они не продержатся, а тут еще и снаружи ухнуло так, что на домике подпрыгнула крыша. В буквальном смысле. Обрадованные твари ломанулись в образовавшиеся щели, а маги, отбиваясь всем, чем только можно, выскочили наружу.

Кот, с перепугу, умудрился создать такой мощный щит, что к приходу дракона они все еще были живы. Рэнс, особо не вникая, попросту спалил домик вместе с пискунами, заодно и на облепленный тварями «шар» плюнул. Кот ему потом всю дорогу это припоминал. Рэнс, конечно, не стал объяснять, что может регулировать силу пламени, и никакой опасности для магов не было. Промолчал исключительно из вредности.

— Ни разу не видела такую большую колонию, — закончила рассказ Меру. — Мы с ребятами бывали на пустошах. Там всякие существа встречаются, но таких агрессивных — впервые вижу.

— Не удивительно, они ведь не любят свет.

— Но они скорее стремились напасть на нас, а не спрятаться. Нелогично и странно.

— Что ты хочешь от неразумных созданий? Меня больше волнуют паразиты. Очень уж мне «везет» на них.

— Да, это тоже странно. Как они сумели расплодиться настолько, чтобы захватить целую гору?

— «И твари, что таятся с времен начала, пожрали этот мир», — процитировала я.

— А вдруг это правда? Что если легенда не врет?

Я пожала плечами.

— Рэнс говорит, это один паразит сеть раскинул. И я слышала другой вариант легенды. Лучи вернули Звездам, потому мир до сих пор не исчез.

— Но лучи все еще тут. И твари снова наводняют мир. Пусть не пожиратели, другие. И земля разверзается! — Она повернулась, пораженная догадкой. — Вот откуда они вылезли! Из тех провалов!

— Погоди. Эта гора, когда опустела?

— Точно не скажу. Лет двадцать назад или больше.

— А провалы начали появляться только на прошлой неделе. Не сходится. Но насчет пискунов спорить не буду. Может быть, ты и права.

Меру задумчиво погрузившись в воду по самый нос.

— Если подумать, тогда тоже было беспокойное время, — вынырнув, протянула она. — Я, конечно, мало что помню, но после все быстро наладилось.

— После чего?

— После войны с Наронетором.

— Ага... — Шестеренки в моей голове повернулись с почти осязаемым щелчком. — И тогда же погиб Темный Властелин...

— Не погиб. Он сдался, и король даровал ему свободу. Он до сих пор правит Наронетором. Говорят, это он разоряет деревни. И его видели на границе, там, где впервые провалилась земля.

— Хм... Вот как?

Очень интересно. Выходит, никто не знает, что Властелин-то другой! Или это я чего-то не знаю?

— Тогда же Егар сжег мой приют, — процедил Кот сквозь зубы.

— Снова ты за свое, — дракон покачал головой.

— Эй, а вы что тут забыли?!

Закутанные в полотенца и халаты парни с интересом прислушивались к нашему разговору, выглядывая из-за каменного забора.

— А ну, пошли вон! — Меру выбросила руку вперед. Волосы у нее заискрились, а по воде скользнули радужные тени.

Парни, хватаясь за лица, с воплями повалились в соседний бассейн. Меру, не ожидавшая подобного эффекта, изумленно уставилась на свою руку, а я потащила ее из бассейна к стопке полотенец.

— Ну, ведьма! — восхищенно протянул Рэнс, счищая с лица липкие водоросли.

Рэнс всего лишь хотел позвать нас на поздний ужин, но невольно прислушался к разговору, там и остальные подтянулись. Меру потом еще и пинка Коту отвесила, но тот лишь ухмылялся.

Пока мы отмокали, дракон наловил рыбы и изжарил ее на решетке до изумительной хрустящей корочки. Разомлевшие после купания и сытного ужина, мы сидели вокруг сдвинутых вместе столиков.

Дракон накрутил цветное полотенце на голову и походил на сказочного джинна. Впрочем, может быть, тут и джинны водятся, где-нибудь в глубине Щехечмораны?

Кот пытался обдурить Илама в карты, но тот с каменным лицом уже в который раз обыгрывал мага. Меру с Вилли снова перечитывали книжку в драконьем переплете, надеясь найти ответы между строк.

— Ну, рассказывай, — я кивнула дракону.

— О чем?

— Зачем мы сюда притащились?

— Отдыхать. Я уже говорил. — Он беспечно пожал плечами.

— Черный, я же тебя насквозь вижу. Ты еще чувствительней, чем Меру. Просто так к паразитам не полезешь.

В комнате повисла тишина. Рэнс ухмыльнулся.

— Ладно, подловила. — Он разжег переносную лампу-тыкву и поманил за собой. — Идемте.

Длинный коридор с чередой раздвижных дверей привел нас в небольшой кабинет. Тут не было ни одного гобелена, стены выложены светлыми дощечками, из мебели только стол и стул. Дракон вручил мне фонарь, зашарил руками по стене. Одна из дощечек шелкнула, открывая тайник.

— Он? — Рэнс протянул ладонь. По стенам заплясали росчерки-звезды.

Мы в один голос охнули, стягиваясь ближе.

— Можно? — Кот протянул руку.

— Валяй.

Маг долго рассматривал камень, поглаживал и даже прислушивался. Мы, затаив дыхание, следили за движением ловких пальцев.

— Такой же я видел в повозке кенолов. — Кот вернул камень на широкую черную ладонь. — Но у пустынников был совсем другой камень. Они внешне почти неотличимы, но, по сути, совсем разные.

Дракон одобрительно кивнул.

— Так и думал. Это обычный шердонит. А тот — настоящий небесный луч.

— Выходит, все было зря?

— Как же зря? — возмутился Рэнс. — Теперь я уверен, что та ваша сказочка — не сказочка вовсе. Где-то в Ирвеоне остались небесные лучи, и Егар очень хочет их заполучить.

— Может быть, ты даже знаешь, зачем он их хочет? — вкрадчиво проговорил Кот.

— Не знаю. Не помню. В голове — каша. Я слышал о лучах, но никак не могу вспомнить, что именно. — Он сдвинул самодельную чалму на затылок, пытаясь вычесать из лба забытую мысль. — Мне бы встретиться с кем-нибудь из наших. Наверняка, они знали, в чем тут фишка...

— Только других у нас нет. Есть только ты. Вспоминай.

— Легко сказать! — буркнул дракон, возвращая камень в тайник, и захлопывая дверцу.

Кот засопел, но ничего не сказал.

— Так почему бы не спросить у других драконов? — подал голос Илам. — Если для вас это так важно.

— Потому что других у нас нет, — я повторила слова Кота.

— Но ведь можно к ним слетать. — Лесовик удивленно поднял брови, оглядывая нас всех по очереди.

— Куда лететь, зеленый? — устало спросил дракон. — На севере мы были. Там никого. А бесцельно мотаться по свету можно до моей старости, а до нее, поверь, еще много-много лет.

— Почему бесцельно? Ведь драконы вернулись в изначальную колыбель. Это всем известно.

— Чего? Какую еще колыбель? — Рэнс изумленно хлопал глазами.

— Драконьи острова. Изначальная колыбель, — повторил Илам, разглядывая наши озадаченные лица.

— А можно поподробнее, для тупых? — самокритично попросил дракон, на всякий случай, усаживаясь прямо на пол. Вдруг очередная новость окажется еще более сногшибательной?

Лесовик серьезно кивнул и уселся напротив дракона.

Великий Творец создал Ирвеон прекрасным, идеально круглым и гладким, как жемчужина. Но та жемчужина была скучна и тускла в бесконечной темноте вселенной. Тогда Творец создал Звезд — своих первых детей. Звезды осияли Ирвеон, и стал он еще прекрасней. Но Творцу снова стало скучно, и он превратил поверхность Ирвеона в воду. Теперь свет Звезд играл в волнах и искрился, радуя и Создатели, и детей его...

— Это все я знаю, — перебил дракон, — потом они все снова заскучали, дети простили развлечения и младших братиков, и папаша расщедрился, создал великих и ужасных драконов. В чем фишка-то?

— Но ты не знаешь, где он вас создал, — резонно заметил Илам.

— На земле! — Все еще не понимая, Рэнс развел руками.

— Но ведь земли не было. Была вода!

— Тогда он создал землю...

— Верно.

— Дэй-Кханабон! — Дракон выпучил глаза, схватил Илама за плечи и принялся возбужденно трясти. Лесовик вымученно улыбался и даже не пытался освободиться. — Это

Дэй-Кханабон! Как я раньше не догадался! Древняя земля, первый остров! Значит и драконы зародились на нем!

— Огнем вулкана согреты младшие дети Творца. Пламя в себе таящие, несущие знания в мир, — в довершение рассказа процитировал лесовик подозрительно знакомую строчку, но я, хоть убей, не помнила, откуда она.

— Ну, ты даешь! — восхитился дракон. — Решено. Утром лечу на Дэй-Кханабон!

Он подскочил, готовый уже сейчас нестись в дальние дали.

— Погодите, а дальше-то что? — Кот со смесью ужаса и любопытства следил за скачками возбужденного дракона. — Чем история закончилась? Про Творца.

— Потом папаше вообще надоел Ирвеон, он быстренько наклепал богов, демонов и духов, из того, что под руку попало, велел крутиться самим и был таков. Ну, ты, Кот, и темнота! — поразился Рэнс, убегая из комнаты.

— На себя бы посмотрел... — буркнул ему вслед надувшийся Кот, но дракону было не до разборок с магом.

В глубокой ночи поместье ожило. Свет бродил по бесконечным коридорам. Рэнс искал карты. Маги тоже позабыли о сне, накинулись на бедного Илама с расспросами. Тот оказался ходячей энциклопедией древнего Ирвеона. И откуда, интересно знать, у «одного из многих» такие глубокие познания?..

К рассвету усталость взяла свое. В обжитой нами комнате воцарилась долгожданная тишина. Даже мне удалось побалансировать на грани сна и яви, но зацикленный на драконьих островах мозг не давал расслабиться. Какой тут отдых? Одна маета.

Рэнса в комнате снова не оказалось. Похоже, он и вовсе забыл, что такое сон.

Сквозь щель между дверей в комнату просачивался аромат блинов. Ну да, чем еще может заниматься дракон накануне важного полета? Только жарить блины! Неужели, он с собой еще и корзину яиц все это время таскал? Уму непостижимо!

Все его бездонные, набитые всякой всячиной сумки исчезали после превращения в шеттера и снова появлялись, стоило ему принять истинный облик. Но, мало того, он как-то умудрялся порыться в них, не меняя ипостаси. В прошлый раз он, таким образом, достал куриную тушку, теперь вот разжился набором для блинов.

Я потащила на запах. Найти недреманного повара оказалось несложно — всего несколько поворотов, десяток вездесущих дверей, и готово.

Кухня была огромной. Отделанные темным камнем стены, полукруглые устья печей, черные полированные столы, шкафы забитые давно не использующейся посудой — все скрывалось в полумраке. Светильник горел только над одним столом. Теста в пузатом тазике осталось совсем немного, зато стопка идеально ровных блинов поднималась над столом почти на полметра.

Встроенная в столешницу жаровня тихо потрескивала угольками. Рэнс наливал на сковороду тесто деревянной ложкой, затем ловко, прямо руками снимал наполовину зажаренный блин, переворачивал, а потом водружал его на вершину золотистой башни.

Все его движения были выверенными и отточенными, ни одной капельки теста не проливалось мимо. Припорошенный мукой темнокожий великан смотрелся на кухне весьма... забавно.

Конечно, он давно меня заметил. Как бы тихо я не подкрадывалась, ни разу не удавалось застать его врасплох.

— Мой отец женился во второй раз, — он говорил, не оборачиваясь, и не останавливая блинный конвейер. — Для драконов это — невиданное дело. У нас так не принято. Никто и никогда не согласится выйти замуж за вдовца. Плохая примета. Вторая жена обязательно уйдет за первой, пойдя, найди такую дуру... Но, он нашел. Я тогда взбесился. Я вообще был малость бесноватым в юности. Даже подумывал, не помочь ли мачехе... кхм... В общем, дурак я был.

Отец даже уходил из города, лишь бы меня не провоцировать. Потом, правда, ему пришлось вернуться. Я к тому времени чуток образумился. Смирился. А однажды увидел, как она печет блины. И что-то у меня в голове переключилось. Я как замороженный смотрел, как она голыми руками их переворачивает... Драконы, вообще, в еде неприхотливы. Никто бы и не подумал морочиться с блинами, а она пекла их для отца. Просто потому, что ей нравилось это делать.

Глядя на нее, я и сам начал готовить. Сначала повторял, потом сам придумывал рецепты. — Он замолчал, выскребая остатки теста. — Вот странно. Я даже не помню ее лица, а блины готовлю по тому старому ее рецепту.

— Что с ней стало? Примета сбылась?

— Не знаю.

Он отнес тазик во вделанную в пол мойку, накачал воды, вымыл посуду и поставил на стол. Быстро расправился со следами муки. Через пару минут о готовке напоминала только стопка блинов на плоской деревянной тарелке и сизый дым под потолком.

Дракон распахнул ведущие на улицу двери. За порогом было белым-бело. Снежные медузы тихо опускались на покрытый пушистым ковром дворик. За серой завесой облаков поднималось солнце, но на горе было по-прежнему сумрачно и тихо.

Рэнс уже возился с чайником, заваривал очередной свой чай.

— Как думаешь, всем этим людям, кто жил здесь, удалось спастись? — Я перешагнула порог и уселась на дощатой террасе.

Снег шапками укутал верхушки сосен, а на черных ветках не до конца облетевших кленов трудились, выращивали ледяные кристаллы морозники. Теперь, когда паразит уничтожен, примитивные духи возвращались в Холмы. За высокими стенами, без людей для них настоящее раздолье!

— Кто знает? — Рэнс опустил рядом, протянул глиняный стакан с чаем. Полупрозрачная змейка пара танцевала над золотистым отваром, как зачарованная кобра перед заклинателем.

— С тобой полечу.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом повернулся к разошедшимся не на шутку небесам. Если снег не прекратится, к вечеру гору завалит так, что из дома будет сложно выбраться.

— Собирайся.

— Сейчас? Ребят не разбудим?

— Ничего, переживет твой дружок.

— Какой еще дружок?

— Зелененький.

— Ой, Черный, не выдумывай.

— А то я не вижу, как он на тебя смотрит, — фыркнул дракон.

— Он просто излишне мне благодарен.

— Ну да, ну да. Ты, главное, себя не обманывай, сестренка, — он хлопнул меня лапищей по спине так, что отпитый чай едва не вылетел фонтаном изо рта.

А может, и не в лапище было дело.

Рэнс, разбудил-таки самого разумного, по его словам, человека на горе — Меру. Я сделала вид, что не заметила камня в свой огород.

Чародейка выслушала наставления дракона, мрачно покивала, уточнила, все ли у меня в порядке с головой, убедилась, что не в порядке, и лететь в неизвестность я не передумаю, махнула рукой и отправилась досыпать.

Вилли с Котом до последнего допрашивали Илама, так и заснули все вместе на одном диване, неудобно скрючившись, и свесив руки и ноги на пол.

Дракон только хмыкнул, заметив, что я из коридора разглядываю живописную

композицию, и бесшумно задвинул двери.

Арону в Ренаторе спокойно не сиделось. Впервые на его памяти Врата вели себя так активно. Он уже сомневался, а буря ли была тому причиной?

Ледяные вопрос не проясняли, а только нагнетали обстановку загадочным молчанием. Брошенные Айамом-ману вскользь слова задели властелинову гордость. Он хоть и считался хранителем, по сути, никогда не уделял Вратам достаточного внимания. Потому и Духа не сумел бы распознать на все сто процентов.

Ждать у моря, то есть у озера, погоды ему быстро надоело, он решил поискать ответы на свои вопросы в другом месте, ушел и пропал. Дракон излазил весь оазис вдоль и поперек, едва не разнес ледяной купол, пытаясь докопаться до истины.

Развалины старого замка были последним местом, где Рэнсу хотелось находиться. От мерзкого паразита его бросало в дрожь. Нет, разумеется, он его не боялся, скорее брезговал. Но ради Властелина пришлось поступиться брезгливостью.

Разгадка исчезновения оказалась простой и нелепой. Арон, пытаясь отыскать остатки библиотеки, провалился в старый подвал — гнездо того самого паразита. Сказать, что тварь и Властелин были рады встрече — мягко говоря, слукавить. В попытках уничтожить тварь Арон применил единственное известное ему заклинание — тот самый черный огонь. Паразита, естественно, не убил, зато сам отключился.

Тварь не могла поверить своему счастью, пока не попыталась вытянуть из Арона душу. Тут вышла заминка. Душа Темного вытягиваться не хотела, зато сама вцепилась в паразита как в родного.

Когда дракон, наконец, нашел хозяина, то едва не поседел, пытаясь понять, где заканчивается Властелин и начинается паразит. С горем пополам, он отделил своего от чужого, и прикончил-таки приставучую тварь. Паразита, то есть, не Властелина.

Едва Его Темнейшество пришло в себя, дракон устроил ему капитальный разнос, а потом заявил, что забирает его из этого проклятого Ренатора к демонам собачьим. И никаких отговорок. Арон согласился с одним условием.

— Так что теперь у нас в Башне новая хозяйка, — мрачно закончил дракон свое повествование.

— Рада за них, — я пожалала плечами. А что тут скажешь? И так было понятно, к чему все идет.

— Чему тут радоваться? — возмутился дракон. — Уж не знаю, что ей от него надо, но искренности в ней ни на вот столечко, — он максимально свел пальцы.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь. Или ревнуешь. Он ведь мужчина. Причем довольно привлекательный. Рано или поздно он женится. Тут уж ничего не поделаешь.

— Ты не понимаешь. Я не против женщин. Я против этой конкретной. Она ведь даже не зачесалась проверить, куда он пропал. Прекрасно знала, кто обитает на развалинах, и, мало того, что отпустила его туда, так еще и мне не сразу сказала, где его искать.

— Черный, не сходи с ума. Она бы с паразитом не справилась. Ты прекрасно это знаешь. Он бы ее высосал в секунду.

— И поделом ей.

— Ну, все, хватит! Тебя Кот, что ли, своей паранойей заразил? Его от Егара корежит, тебя — от Эллилайлы.

— Вот уж, два сапога — пара. — Он высунулся из пещерки, в которой мы пережидали

очередной разгул стихии.

Рэнс тщательно изучил найденную в поместье Ан-Чирон карту, и, на всякий случай, запомнил расположение мелких островков. Случай этот не заставил себя ждать. До южных провинций Тувосарии мы добрались быстро и без приключений, но стоило покинуть большую землю, как погода начала портиться. До первого же крошечного островка мы едва дотянули сквозь страшный ураган.

Дождь лил стеной, смерчи бушевали, вздымая тонны воды, а после обрушивали ее в море со страшным грохотом. Молнии огненными стрелами пронзали тучи и взрывали многометровые волны.

В расщелине, среди острых скал, под защитой маленького каменного козырька, мы пересидели бурю, но долго там не задержались. Островок попался с характером, едва закончился дождь, земля задрожала, из трещин в камнях полезла пышущая жаром лава. Мы едва унесли ноги и крылья от проснувшегося посреди моря вулкана. Негостеприимный островок еще долго швырялся нам вслед осколками горячих камней и поливал огненным дождем, а столб пепла, вероятно, был виден даже в Тувосарии.

Рэнс рассчитывал добраться до Дэй-Кханабона к вечеру следующего дня, но утром мы достигли лишь восточного берега Ситвы.

Эта часть огромного тропического острова некогда была прибежищем пиратов, но после того, как алморанцы с ними разделались, о прежних временах напоминали только покрытые ракушками и водорослями остовы разбитых кораблей. Разбросанные вдоль всей восточной оконечности острова, они представляли собой живописное и печальное зрелище. Узкие заливы и зеленые бухты пустовали уже с десятков лет, облюбованные миллионной армией всевозможных морских птиц и примитивных духов.

Чайки стаями носились в лучах восходящего солнца, оглашая округу тоскливыми воплями. Синие челночники ныряли в волнах, изредка взмывали над скалами, извивались змейками и снова падали в воду. Полупрозрачные стеклянные скаты выбирались из расщелин в камнях и воздушными змеями реяли на утреннем ветру, пока какая-нибудь любопытная чайка не клевала одного из них за пестрый хвост. Тут уж духи и птицы менялись местами, и чайкам приходилось со всех крыльев удирать от озлобленных скатов.

Дракон мрачно пошвырялся камнями с вершины утеса, одиноко стоящего в паре сотен метров от берега. Ни одному, даже самому отчаянному человеку, не удалось бы забраться на эту неприступную скалу. Обитай в этой части острова люди, о нас непременно сложили бы нелепую или даже романтическую легенду. Но некому было увидеть наши колоритные фигуры на фоне золотого рассвета, а из чаек летописцы так себе. Разве что критики. Прибрежные скалы были загажены профессионально и основательно.

Ветер бросал нам в лица соленый морской воздух, приправленный йодом. Я не могла надыхаться этим родным запахом. Стоило закрыть глаза и, казалось, что я снова дома, а Ирвеон и все с ним связанное — лишь сон. Долгий и слишком реалистичный.

Дракон моей радости не разделял, и мрачность его была неслучайна. Нам предстояло двигаться на юг, а там, на горизонте клубилась вчерашняя буря. Далеко она не ушла, поджидала нас, подмигивая молниями. Но отступить мы не собирались, не смотря на то, что проверенный трюк с полетом над облаками не сработал. Ветер снова выталкивал нас вниз, к морю, под удары града, дождевых плеток и молнии.

Так, с передышками, мы медленно продвигались к своей цели. В другой раз

остановились на крошечном островке. И едва успели с него убраться. Островок оказался покрытой окаменелостями спиной громадного морского чудовища. Даже дракон не знал названия этой твари, но возвращаться и знакомиться мы не рискнули, полуметровые зубы красноречиво дали понять, что его мы интересуем исключительно в роли завтрака.

Чем дальше мы забирались на юг, тем больше странных созданий нам встречалось. Огромные водяные змеи, черные и блестящие, клубками крутились среди девятых валов. Им такая погода была в радость. Однажды рядом с нами в тучах проскользнуло длинное серебристое тело. Рэнс, почти выбившийся из сил, шарахнулся в сторону, едва не поймав молнию, проревел вслед созданию нецензурную тираду.

Очередной остров, каменистый и необитаемый, встретил нас маленькой, но почти сухой пещеркой. Дракон высушил мою одежду, расстелил прихваченные из поместья Ан-Чирон одеяла и завалился спать. Надолго его не хватило. Уже через пару часов он принялся рассказывать о поисках Властелина в Ренаторе. Я заснуть так и не смогла, хоть и казалось, что мне в глаза насыпали песка, а в голове стоял туман.

— Не надо было тебе со мной лететь. — Налюбовавшись на серую стену дождя, он вернулся и снова сел на одеяло, скрестив ноги. — Похоже, эта буря никогда не закончится.

Тут он был неправ. Постепенно дождь редел, тучи из черных делались серыми, а гром грохотал чуть тише и дальше.

— А без меня она бы закончилась моментально?

— Да я не о том. Я бы мог обратиться каким-нибудь морским гадом и плыть, а не лететь.

— Ох, ну, извините, что помешала вам быть съеденным той зубастой мордой, господин оборотень. — Я потеряла зудящие от недосыпа глаза.

— Ты права. Так себе идея. — Он вытянулся на одеяле, закинул руки за голову. — Но, по крайней мере, ты была бы в безопасности.

— Толку-то? Это последний шанс узнать, как мне вернуться домой. Если уж и драконы этого не знают... Кстати, надеюсь, у них не отшибло память, как у тебя.

— А... — он помолчал, размышляя. — Я и забыл, для чего тебе нужны драконы. Еще не передумала? Чем хорош твой мир, что ты так хочешь вернуться?

— Да всем! — Я не удержалась от смеха.

— Хм...

— Начиная от безопасности и заканчивая моими друзьями.

— Хм...

Он, с непроницаемым лицом, таращился в корявый потолок пещеры, а я запоздало сообразила, что слова мои прозвучали грубо.

— Извини. На самом деле это не главная причина.

Я поднялась и выглянула на улицу. Буря действительно отступала, еще немного и сможем тронуться в путь. Но отчего-то все воодушевление, не отбитое даже ураганом, теперь померкло. Настроению вторила дождевая вода. Она уже не лилась сплошным потоком с нерукотворного козырька над входом, а уныло капала, пуская в луже пузыри.

— Моя мать родила меня, когда ей было почти столько же, сколько мне сейчас. Они с отцом не были женаты. Наивная и романтичная художница. По уши влюбилась в столичного архитектора. Уж не знаю, что он забыл в наших краях...

Дед был против их отношений, грозился посадить ее под замок, но не посадил. А тут —

сюрприз! — появилась я. Они прожили вместе почти год. Там же, у деда. Тому оставалось только смириться с ее выбором. А потом отец пропал. Уехал, и исчез. Она ждала, потом впала в депрессию, не появлялась дома по нескольку дней. Тогда дед решил сделать ход конем — познакомил ее с одним из своих ребят. Мой дед тренер. Рассчитывал, что спортсмен будет для нее лучшим выбором, чем архитектор.

Но просчитался. Ученик оказался любителем выпить. Но матери он чем-то приглянулся. А может, ей было все равно... Они даже поженились. Потом родился Алик. Какое-то время мы жили неплохо, по словам деда. Я-то почти ничего не помню, слишком маленькой была... И тут неожиданно вернулся отец. Все перевернулось с ног на голову. Она, не раздумывая, уехала с ним. Мне тогда было пять, Алику — два. Дед бесновался, грозился достать их из-под земли, но, что может обычный тренер? Из-под земли, может быть, и достал бы, а с другого континента — не смог.

Они изредка присылают письма, открытки по праздникам. Но так ни разу и не приехали. Наверное, боятся, что дед сгоряча прибьет отца. — Я усмехнулась, отворачиваясь от входа. Рэнс слушал, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Алик, наверное, ее даже не помнит. Но, останься она, все могло сложиться иначе. А может быть, дед прав, все дело в генах? Брат с детства шляется по странным компаниям. Алкоголь, наркотики... Столько раз я его вытаскивала, обдолбанного в хлам... Его отец некоторое время жил с нами, потом нашел женщину. Уехал. Да и толку от него? Он был бы только рад собутыльнику... А у деда один метод вправлять мозги — кулаки. Но это ведь не выход! Да он уже и не молод... Я не могу их бросить. Поэтому и должна вернуться. Что-то изменить, вытащить Алика из того болота.

Я потеряла усталые глаза и продолжила.

— Однажды я пыталась узнать, откуда эта зараза ползет. У нас город небольшой, при желании можно узнать что угодно. Решила расследование провести, — я хмыкнула. — Тогда меня «предупредили», чтоб не лезла. Накинули мешок на голову, ночь продержали в какой-то дыре. Так, пугали только. Я даже деду не рассказывала. Знаю, что простой человек в одиночку ничего не решит. Но черта с два я сдамся!

Дракон запустил пятерню в волосы, взъерошил ирокез.

— А я еще удивлялся, что ты к пустынным полезла без подготовки. Любишь ты, оказывается, с разбегу дракону в пасть запрыгнуть, — он покачал головой, поднимаясь и скручивая одеяла в тугий валик.

— Кажется, с драконами проще иметь дело, чем с иными людьми.

— У тебя просто мало опыта. Вот доберемся до места, еще передумаешь. — Он вышел из пещеры, потянулся до хруста.

Дождь прекратился, но солнце не спешило выбираться из туч.

— Если доберемся, — я вышла следом.

Буря никуда не делась. Отползла на пару километров и ворочала вспухшими боками, поджидая нас, как кошка мышей у норы. Хмм...

— Рэнс, а прими-ка свою истинную форму.

Маскировочная дымка еще не успела рассеяться, а тучи уже потянулись обратно, злорадно похихатывая громом.

Шеттер повторил мое хмыканье.

— Вот оно как... Значит, это сторожевая буря. Чтобы нас не пускать. Прямо как Егаровы глушилки.

Умно. Или не очень. Дракон ведь может и другое обличье принять. Доплыть, скажем, на корабле, в облике человека или еще что-то придумать.

— А ты можешь спрятаться? Экранироваться от всех? Чтобы тучи тебя не почуяли.

Он размышлял пару минут, сверля взглядом снова замершую бурю.

— Могу, но далеко не улечу. Придется делать частые остановки.

— Посреди моря. Не пойдет.

— Есть еще вариант. Иди сюда, забирайся быстрее, пока она не доползла.

Дракон нетерпеливо расправил крылья. Тучи вальяжно двинулись к нам. Куда спешить?

Все равно эти наглецы никуда не денутся!

— Положи руки мне на спину и представь, что ты дракон. Не смейся! Закрой глаза и представь!

Легко сказать! Как представь себя драконом, если ты вовсе не дракон? Ну вот. Я большая и черная как пустота. У меня длинный хвост, четыре лапы со страшными когтями, огромные крылья, только и ждущие возможности сорваться в полет. Больше всего я хочу снова почувствовать, как ветер обнимает меня, как я пронзаю небо, не смотря на тучи, снег, дождь и огненный камнепад. Я дракон. У меня острые зубы и хищный оскал, я чувствую то, о чем другие не знают, я могу стать тем, кого сложно представить, а еще у меня большие голубые глаза, которыми я вижу этот мир таким, каким его создал отец наш. Ох, ты ж!..

Я оторвала ладони, пораженно распахнула глаза.

— Сработало! — обрадовался Рэнс. — Давай еще раз!

Я снова прикоснулась к гладкой и одновременно бархатистой шкуре, закрыла глаза. На этот раз драконья сущность раскрылась сама собой. Я будто растворилась в ней, и чувствовала каждый камешек под лапами, тяжелое седло с маленькой всадницей, слышала незнакомые звуки и запахи, ощущала присутствие других существ и видела то, что недоступно человеческим глазам.

Мир был многоцветным, и ни один из оттенков не имел названия на языке людей. Камни, море, все светилось и искрилось, в волнах мелькали тысячи примитивных духов, а воздух переливался перламутром. На тучу так и вовсе было больно смотреть.

— Как ты это терпишь?

— Ты слишком погружаешься. Легче, не напрягайся. А то даже у меня башка трещать начинает. — Он обернулся. *Мы* обернулись. Часть драконьего тела, попавшая в поле зрения, оказалась не черной, а ядовито фиолетовой, такой же была я сама — туманное пятно с горящими даже под закрытыми веками глазами.

— Вот черт!

— Расслабься.

Легко сказать... Но, постепенно, ядовитые краски поблекли, драконья спина сделалась почти черной, а моя фигура приобрела привычные очертания.

По камням застучал дождь, захлюпал в лужах. Гром прокатился связкой пустых бочек. Мелкие червеобразные духи подняли над водой вибрирующие зеленоватые хвостики, поджидая молнию.

— А теперь представь, что вокруг нас большой прозрачный шар. И побыстрее... — его слова утонули в оглушительном треске.

Ослепительная молния миллионом изломанных нитей прошла небо, расползлась по морю. Духи запищали в экстазе, а у меня волосы встали дыбом. Шар, шар, шар. Большой прозрачный шар!

Мы развернули крылья, взмахнули ими, подгребая под себя упругий воздух. Мы знали, куда ударит следующая молния.

Скала треснула, усеивая море градом камней. Туча слепо зашарила, тыча огненными трезубцами в опустевший остров, а мы уносились на юг под оглушительные раскаты грома.

Солнце пекло нещадно. Дракон жара не чувствовал, я, пока была с ним единым целым — тоже. А вот мое несчастное тело получило убойную дозу тепла. Мы летели уже много часов, и к вечеру меня настиг-таки солнечный удар.

Уже такой привычный многоцветный мир накренился и полинял. Слава ремням безопасности, иначе вечерняя ванная была бы мне обеспечена.

— Эй, Таира! Что случилось? — Голос дракона звучал как сквозь слой ваты.

Я не отвечала. Слабая, как тряпичная кукла, я болталась в седле, сердце колотилось как ненормальное, тошнота накатывала все сильнее, а вдобавок ко всему, в голове — сначала тихо-тихо — зазвучали *слова*. Сумбурно, хаотично потекли целые фразы, значения которых я не понимала. Они то грохотали в голове взрывами фейерверков, то комариным писком проносились мимо ушей. Мир сжимался в точку и расширялся до размеров вселенной.

Дракон звал меня, но я не слышала, все глубже погружаясь в головокружительное и тошнотворное ничто, пока камень — такой твердый и реальный — не ткнулся мне в лоб.

Я подскочила, оперлась ладонями о каменистую землю. Наваждение исчезло, как и дракон. Вокруг было пусто. Плоский рыжий островок, всего сотню метров в поперечнике просматривался от края до края. Море — тихое и гладкое, как зеркало, лежало почти вровень с землей. Солнце все еще ползло по лазурному небу, но в воде отражались звезды.

— Так.

Я потеряла зудящий лоб. Пальцы окрасились алым. Отлично. Еще и лицо себе разбила! И куда же, интересно, пропал дракон? Не мог же он меня бросить... Или мог?

Море призывно поблескивало, я подползла к краю земли и окунула окровавленные пальцы в неожиданно холодную воду. Бордовые пятна расплылись кругами, зеркальная поверхность вдруг стала твердой, как застывшая смола. Вода обхватила руку и дернула, поглощая меня с головой.

— Эй, ты как? — Дракон держал меня за руку, озабоченно заглядывал в глаза.

— Ч-что это было? — Меня трясло, с волос капала вода.

— Ты в обморок грохнулась, я тебя немножко... освежил. — Он отбросил здоровенную ракушку, из которой только что, как из тазика, окатил меня морской водой.

Я обессиленно растянулась на горячих камнях. Просто наваждение, следствие солнечного удара. И никуда дракон не делся. Вон, бродит по острову, расшвыривает пинками исполинские ракушки.

Островок, кстати, был таким же маленьким, но море вело себя прилично, золотилось волнами под закатным солнцем. Я осторожно ощупала ноющий лоб.

— Шишка будет, — ухмыльнулся Рэнс. — Ты здорово приложились, когда падала.

— Пройдет, — я поднялась, оглядела бескрайнюю морскую даль.

Солнце почти коснулось горизонта, легкие золотые облачка тонкой сетью раскинулись по багровеющему с каждой минутой небу. Ветер затаился, любуясь закатом вместе с нами.

— Погоди, — наконец, сообразила я, — а туча где?

Зловредный сторож преследовал нас весь день. Стоило оторвать ладони от драконьей спины, невесомые облака начинали скручиваться в пузатые тучи, наштигованные молниями по самое не хочу.

— А мы на месте, — дракон, ухмыляясь, двинул бровями.

— На каком еще месте? А где всё?

Он ухватил меня за руку и потащил сквозь ракушечные завалы.

— Сейчас увидишь.

Ветру надоело отдыхать. Начав с легких порывов, у кромки воды он превратился в настоящий ураган, но мы на удивление легко его преодолели. Дракон шагнул прямо в воду, потянул меня за собой. Я зажмурилась, подозревая, что все еще пребываю в бреду, но в подошву ткнулась твердая поверхность. Море исчезло, как и крошечный остров.

Песчаный пляж, покрытый бесформенными рыжими валунами, переходил в зеленые холмы, дальше темнел лес, а над ним — далеко впереди — отгорали в закате горные пики. К привычному морскому воздуху примешивался сладкий аромат цветов и едва уловимый — дыма. Мы переглянулись, но не успели обменяться впечатлениями. С неба обрушился ревущий смерч.

Рэнс отбросил меня под защиту камней, а сам молниеносно перевоплотился.

— Рэнсом Тарьянан! Кафуас-но-каагар-то-кассот! — Мощный удар поднял фонтан песка и камней. Даже мое укрытие — многотонный валун — дрогнуло. — Так ты не сдох?! — Грохотал огромный меднокожий дракон.

Я-то думала, Черный — большой, а он, оказывается, еще вполне миниатюрен!

— Выполз из своей дыры и посмел явиться, после всего?!

Медный больше не рассуждал, бросился на Черного, оглашая округу громopodobным ревом. Драконы сцепились в клубок из крыльев, когтей и клыков, покатались по земле, разбивая камни, распахивая песок до самой воды. Искры летели фонтанами, трещали молнии. Рэнс выдохнул клуб огня, но Медный с легкостью отбросил его движением крыла.

— А ты не меняешься!

Огненная стена накрыла Черного, превращая песчаный пляж в сплошное зеркало. Я не удержалась от вскрика, высунулась из-за валуна, но Рэнс вертким змеем юркнул в пыхнувшую паром воду.

— Трус! — ревел Медный. — Возвращайся в свою дыру! Ползи, пока можешь!

Море поднялось столбом. Тьма ввинтилась в небо, расправила крылья, рассыпая миллионы соленых брызг, и камнем рухнула на опешившего Медного. У самой земли Черный затормозил, потому что Медного там уже не было, он отскочил, с поразительным для такого размера проворством и взвился в вечернее небо.

Схватка продолжилась в воздухе. Как две исполинские летучие мыши, драконы плясали в крылатом вихре. С грохотом сталкивались и разлетались в стороны, плевались огнем, ревели, рвали друг друга когтями и клыками.

В быстро темнеющем небе разгорались звезды, противников было все труднее рассмотреть, но вот, один из них разразился победным воплем, а другой, едва заметной тенью рухнул на землю.

Берег затянуло туманом, другой дракон устремился вниз, на ходу меняя форму. Песка коснулся высокий, широкоплечий мужчина. Яростно играя обнаженными мускулами, он зашагал к скрытому горой камней Рэнсу.

— Лучше бы ты сдох тогда!

Удар. Еще и еще.

Медный поднялся, потирая сбитый кулак, презрительно сплюнул и повернулся, чтобы уйти, но тут на пляж опустился еще один дракон, серый.

— Эй, Сандар! Ты что это делаешь?! — Серый застыл, не веря глазам.

— Я уже закончил, — Сандар снова сплюнул, удивленно стер с подбородка кровь. — Сволочь!

За камнями завозились. Измятая бледная фигура поднялась, пошатываясь, сделала пару шагов и скатилась по другую сторону взбитого схваткой бархана.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Меня словно заживо залили бетоном, иначе как объяснить эту неподвижность? Я забыла, как дышать и как жить. Рэнса я видела только со спины, но спина эта не была черной. Он превратился в человека! Изломанного и едва живого. Сандар, не оборачиваясь, прошел мимо оцепеневшего Серого и скрылся за холмом.

Мне, наконец, удалось сделать два шага, но из-за бархана показался драконий гребень. Черный, какой-то неправильный, кривоватый, будто слепленная из пластилина фигурка, взмахнул крыльями, пьяно побултыхался в воздухе, и зигзагом полетел вдоль берега, скрывшись за горой валунов.

Ну, ничего себе, слетали за тридевять земель к драконам! Великим и мудрым созданиям, вторым, после Звезд! Стоило Рэнсу скрыться из виду, оцепенение пропало.

Вот зараза! Это ведь он специально! Чтобы я не лезла в драку. А я бы полезла. Там бы меня и расплющили мимоходом. Вот дурак! Вместо того чтобы сосредоточиться на битве, он меня прикрывал!

Я забралась на камень.

— Эй! Не очень-то вы дружелюбный народ!

Серый по-прежнему тарасился туда, где исчез Черный, и на меня не реагировал.

— Эй, я с тобой говорю!

Я подпрыгнула, хоть этот дракон и был не больше Рэнса, но как еще привлечь внимание могучего создания? И запоздало сообразила, что меня окружает защитный пузырь. Он еще и щит создал?! Ой, нет, кажется, это я сама с перепугу... Я хлопнула в ладоши, разгоняя примитивных духов, и составлявших основу щита.

Дракон едва не подпрыгнул от неожиданности, вытаращился на меня пылающими золотыми глазами.

— Привет, — буркнула я.

— Человек? — неуверенно пролепетал Серый, едва не уронив челюсть на песок.

— Дракон? — в тон ему спросила я. — Это вы всегда так гостей встречаете? Отгородились бурями, а тех, кто прорвется, вручную добиваете? Воистину великие создания! Испанский стыд!

— Человек, — повторил дракон, продолжая не верить своим глазам.

— Человек, — я указала на себя, потом перевела палец на Серого, — дракон. Это мы, вроде бы, уже выяснили. Ты меня понимаешь вообще? Господи, еще один, контуженый...

— Ох, нет. Понимаю, разумеется. Я просто удивлен. Человек не может сюда попасть. Если только... Нет, не Дух. — Он помотал головой.

— Видимо, все-таки, может. Ведь я здесь. И Черный тоже, а вы, как я понимаю, считали его мертвым. И, кстати, извините, я пойду его поищу, а то у вас тут опасно. Как бы еще кто-нибудь моего друга не обидел.

Серый проводил меня слегка поугасшими глазами, вероятно, гадая, как я собираюсь искать черного дракона в темноте. Я и сама не очень представляла, как это сделать, но сидеть на месте не собиралась.

— Постойте, я сам его найду. Вам лучше не ходить тут в одиночку.

— Найдете, чтобы добить?

— Что?! Нет, конечно, нет! Это Сандар... Они с детства не очень ладили, а теперь и подавно... Моя ошибка, не доглядел.

— А вы кто, вообще? Вы Рэнса знаете?

— Разумеется. Я же его отец. Его и Сэнди.

Теперь уже настала моя очередь ловить челюсть. Ну, отличное знакомство с родителем вышло, ничего не скажешь.

Спорить с вежливым, но непреклонным отцом драчливого семейства оказалось бесполезно. Долгар — именно так его звали — лично сопровождал меня в рошу высоченных деревьев чангу. Подобные громадины росли в лесу у Врат Духов. Стволы в десяток обхватов тускло освещивали в темноте зеленым. Сплетенные из сотен гибких побегов, с годами обретающих твердость камня, они поднимались на десятки метров над землей и только на самой макушке распушались крупнолистной кроной. В полый сердцевине вполне можно было поместить целый дом, что драконы и сделали.

Умело вплетенная в вязь побегов винтовая лестница вела в простую, но симпатичную хижину. Всего одна комната с широкой кроватью и маленьким столом и терраса с великолепным видом на фосфоресцирующий океан.

Серый дракон Долгар не спешил на помощь сыну, и я порядком сомневалась в его намерениях.

— Не очень-то вы торопитесь, — не выдержала я. — Рэнс вообще-то серьезно ранен.

— Ошибаетесь. Будь его раны серьезны, он не сумел бы перевоплотиться.

— Вам виднее, но может, мне стоит пойти с вами? Наверняка, он... эээ... расстроен долгожданной встречей с братом.

— О, я не сомневаюсь, что он в бешенстве. Потому вам лучше остаться здесь. — Он щелкнул языком. Побегги схлопнулись, отрезая меня от свободы живой решеткой. Предусмотрительно. — А еще, ночью на земле небезопасно. Оставайтесь тут, отдыхайте. Полагаю, путешествие далось вам нелегко.

В человека он не превращался (не доверял незнакомке), так и топал всю дорогу пешком, с трудом подстраиваясь под мой короткий шаг. Теперь же расправил крылья, но обернулся, прежде чем взлететь.

— Мне почему-то кажется, что вы меня все равно не слушаете. Поэтому скажу следующее. Я сто двадцать лет считал своего младшего сына мертвым. Для нас это небольшой срок, я не успел еще свыкнуться с подобной мыслью, и мне бы следовало радоваться, что мы ошиблись. Но то, как мы расстались, и через что нам пришлось пройти после его мнимой смерти... требует долгого и серьезного разговора. Признаюсь, я удивлен, что он прилетел не один, и, более того, вы назвали его своим другом. Это внушает мне надежду, что разговор наш состоится. Позвольте спросить, как давно вы с ним знакомы?

— Всего несколько недель. Но, кажется, что уже почти всю жизнь.

Серый дракон внимательно посмотрел на меня, качнул головой в такт своим мыслям и взлетел. Эх, Черный, что ж ты такого натворил?

К полуночи на земле начало твориться нечто странное. Океанское свечение волнами перебралось на берег. С высоты древесной хижины казалось, будто остров поглощают морские воды, но это были всего лишь духи. Они расхаживали под деревьями, стелились по земле, гигантскими водорослями извивались на неосязательном ветру.

Всевозможные толстые «актинии» пульсировали, выбрасывали червеобразные язычки, цветы — медузы на ниточных ножках двигали обширными куполами и шарили вокруг ажурными щупальцами. Про мелких духов я уж и не говорю, они носились стадами, как разноцветные тропические рыбки.

Весь остров превратился в сказочное морское дно. И все это богатство еще и светилося всеми возможными и невозможными цветами. В глазах рябило, и даже под закрытыми веками сохранялись отпечатки причудливых силуэтов.

Обычно духи вели себя тихо, точнее, они вообще не умели говорить или издавать каких-либо других звуков, тут же постепенно, то дальше, то ближе, раздавался вибрирующий тонкий и мелодичный звук, будто кто-то играл на струне. К нему добавилось пощелкивание, перезвон колокольчиков и тихий посвист, перестук стеклянных палочек и шелест капель в листве. Все это сплелось в чарующую и манящую мелодию, так и хотелось выбежать навстречу музыкантам.

Понятно, почему Долгар запер меня в древесной тюрьме. С такой прорвой паразитов мне не справиться, а ведь именно они пытались сманить меня с дерева прекрасной мелодией. Пусть в их присутствии не чувствовалась угроза, плясать под их дудку я не собиралась.

Мелодия менялась, то замедлялась, то ускорялась, то вовсе стихала, но снова выплывала из глубин ночи. Окутывала и убаюкивала. Застигнутый врасплох полуночный путник не сумел бы противостоять гипнотическим звукам, покорно склонил бы голову на радость голодным тварям. Но, похоже, по деревьям лазать они не умели. Я растянулась на кровати, позволяя мелодии подхватить меня и унести по многоцветным волнам.

Это не было похоже на обычный сон, скорее уж на дурман или бред, но не тяжелый или гнетущий, а легкий и приятный. Да уж, так можно и в зависимость вляпаться.

Концерт оборвался на высокой незаконченной ноте. Громкий хлопок выдернул меня из сна и прогнал духов. Многоцветье исчезло и только камни вдоль дорожки тускло мерцали. Холодный ночной ветер согнал остатки сна.

Интересно, что это был за звук? Но больше он не повторился. Только рокот волн разбивал ночную тишину привычным ритмом.

Я бесшумно спустилась по лестнице, прошептала *слова*. Побег нехотя раздвинулись, выпуская. В роще не осталось ни одного духа, даже дорожка уже почти не светила.

По скрипучим камням я выбралась на пляж. Тут ветер гулял не стесняясь, вплетался в волосы солеными прядями. Темная громада океана ворочалась, как беспокойно спящее чудовище. На невидимом горизонте угадывалось скопление туч. Как сторожевые псы они ждали приказа, яростно выдыхали раскрытыми пастьями тяжелую влагу тропического ливня.

Отследить путь Черного оказалось несложно. За горой валунов снова начинался пляж. Песок прорезала колея, наполненная океанской водой. Ну да, конечно. И вообще он не тяжело ранен. Это ради развлечения он решил поползть тут по-пластунски!

Нет, бег по пляжу — это только в фильмах легко и красиво. На деле я десяток раз упала, нахватала за шиворот песка. Крупная, но незаметная в темноте галька то и дело подставляла подножки, сапоги увязали в песке или скользили, как по льду. Налитые непонятно откуда взявшимся свинцом ноги не слушались, а ветер то и дело менял направление, то оттаскивал назад, то поддавал в спину, то норовил спихнуть в воду.

Колея свернула направо под близко подступившие к воде пальмы. Тут мне встретилась первая находка. Поначалу, я приняла ее за странный бесформенный камень. И лучше бы так

оно и было. Камень куда симпатичнее оторванной головы. Этого дракона я не знала, но убийца явно не испытывал к несчастному жалости. Развешенные по пальмам внутренности колыхались на ветру. Тело с оторванными конечностями валялось в стороне. Ветер швырнул мне в лицо горячий запах потрохов и крови. Желудок подскочил к горлу и вдруг исчез. Я стала пустой оболочкой, выброшенной на берег раковиной.

Ветер услужливо подтолкнул в спину, направляя на отмеченный бурями пятнами путь убийцы.

За пальмовой рощей поднималось зарево пожара, поэтому насаженная на кол голова Сандара была видна издалека. Тут же нашлось и его изуродованное тело. Дальше — больше. Трупы людей и драконов лежали вперемешку, и не вызывали никаких эмоций. Пустую оболочку залили бетоном, гулким и безжизненным, потому что я понимала, кого встречу в конце этой жуткой аллеи.

Он сидел на вырубленном из скалы троне. За спиной полыхал огонь, едкие сполохи бесновались на камнях, плоских пальмовых листьях и блестящей от крови черной коже. Золотые татуировки горели, а на лице — зверином, не человеческом — блуждала безумная улыбка. Он поднял большое, еще бьющееся сердце, сжал в кулаке, наслаждаясь стекающей по коже кровью. Серый дракон с угасающей в золотых глазах жизнью лежал у его ног.

— Рэнс, ты что наделал? — Мой голос прозвучал глухо, будто из-за стены.

Он перевел на меня взгляд пылающих голубых глаз — единственное, что еще осталось в этом монстре от моего друга. Жар окатил меня, как из открытой печи. Дракон поднялся, безразлично выронил сердце своего отца и тягучей походкой — совсем как пустынный генерал — приблизился. Я приросла к земле, вонзая ногти в ладони и не чувствуя боли.

— Ты хотела, чтобы ко мне вернулась память, и вот я здесь. Ты довольна? Такой вариант Черного дракона тебя устраивает?

Он склонился, останавливая пылающий взгляд на уровне моих глаз. Сапфировый огонь окутал меня, а в грудь вонзилась когтистая лапа. Но сердца там уже не было.

Цвирк-цвирк-цвирк-цвирк-цвирк.

Ох, за что мне это?..

Цвирк-цвирк-цвирк-цвирк-цвирк.

Ну что за нудная цикада?!

Я подскочила. Свет резанул глаза, заставляя зажмуриться.

Очень странно, ведь ночью мне вырвали сердце. Трупы без сердец не так бодры, да и в груди, по-прежнему, что-то колотилось, даже резвее обычного.

— С добрым утром!

Тут уж без глаз никак, уши-то обманывают!

Под веки, будто, песка насыпали, с трудом проморгалась.

Дракон сидел на подоконнике. Сквозь лишенное стекла окно в комнату проникало процеженное чанговым кружевом солнце. Блики хаотическим узором лежали на дощатом полу. Цикады трещали без умолка. Горячий ветер забрасывал в хижину сладкий запах цветов.

Я стерла со лба липкий пот, отползла к стене, с трудом перебирая слабыми руками. Постель пребывала в беспорядке, подушка лежала в ногах. Зато сапоги стояли аккуратно у края кровати.

— Извини, я вчера тебя напугал, наверное.

Извини?! Вот так просто? Перерезал все население острова, извинился и забыл?

Впрочем, Рэнс несколько не изменился. Ни жуткого оскала, ни кровавых потеков. Все та же черная безрукавка, штаны и, как всегда, начищенные ботинки. Только лицо слегка осунулось, посерело, а глаза смотрели настороженно.

— Мы с Сэнди всегда сцеплялись. По любому поводу. В детстве он меня жутко бесил.

— Хотелось голову оторвать?

— Да, и не раз! — Он усмехнулся. — Наверное, с братьями всегда так. Думаю, однажды он простит меня. Может быть, даже с тобой познакомлю, только не сегодня. Лучше пока что ему на глаза не показываться. — Он поморщился, растирая шею.

Ничего не понимаю. Ночью я видела голову Сандара отдельно от тела. Не думаю, что даже драконы способны прирастить ее обратно. Рэнс прекрасно это знал, но вел себя, как ни в чем не бывало. Не мог же он забыть о своих зверствах?

— Эй, все нормально? — Он всмотрелся мне в лицо, потом в мешанину простыней. — Так. Дай-ка руку!

Я спрятала руки за спину и сильнее вжалась в стену. Нет уж, увольте. Прикасаюсь к безумцу выше моих сил!

Дракон поднялся с подоконника, навис надо мной темной горой, легко, как кукольную, вытянул мою руку из-за спины, перевернул ладонью вверх.

— Да ладно!

Вторую я выставила сама. Глубокие порезы с запекшейся кровью, там, куда я вонзала ногти, и черная сеть вен на запястьях выглядели отвратительно.

— Что это?!

— Звезды всемогущие! — Дракон схватился за голову. — Ты что, слушала черного ткача?! Поверить не могу... Что ты видела? Рассказывай. То-то я думаю, ты от меня на

стенку лезешь...

Я сбивчиво рассказала о событиях прошлой ночи. По лицу Рэнса можно было изучить весь спектр человеческих эмоций. В конце он не удержался от усмешки, потер ладонью губы.

— Я и не думал, что настолько тебя пугаю. — Он сел на край кровати. — Открою тебе страшную тайну: после смерти дракон принимает человеческое обличие. В драконьей ипостаси мы можем выжить, но если перевоплотился в человека и обратно никак — считай труп. Без посторонней помощи шансов выжить, практически нет. Поэтому никаких драконьих трупов в реальности ты бы не увидела.

— А как же драконья шкура? Или, не знаю... Печень? Кажется, из нее готовят какие-то снадобья...

— Ладно, если тебе это интересно, то кожу можно снять и с живого существа, так же печень, и сердце вырвать у живого, только после этого тело все равно станет человеческим.

— А сердце?

У Рэнса вытянулось лицо.

— Не знаю, не проверял. И не собираюсь. Давай свои лапы, горе... Тихаас-бут-чан... Эй, легче!

Меня отбросило к стене. От ладоней по черным венам выстрелил электрический разряд, вспыхнул в голове звенящим фейерверком. На миг лицо дракона исказила уродливая гримаса. Сквозь черные, пропитанные кровью, волосы сверкнул сапфировый огонь.

— Не трогай меня!

— А ну, пойдём! — Он легко закинул меня на плечо, другой рукой подхватил сапоги и сбежал по плетеной лесенке на землю.

Там, где ночью царили духи, сегодня распустились цветы. Сиреневые, белые, желтые, красные, розовые и синие ковры сплошь покрывали землю в чанговой роще. Никакой дорожки из скрипучих камней не было и в помине. Только цветы, огромные пчелы и громовое пение цикад.

Дракон шагал напрямик, по цветам, не разбирая дороги. Радужный лепестковый вихрь кружил следом, подхваченный горячим ветром, сонные духи выныривали из-под листвы и недовольно колыхали длинными полупрозрачными хвостиками.

Черный ткач не просто приманивал жертву, с помощью музыки он подбирался совсем близко, ведь противостоять звукам невозможно. Каждый слышал именно ту мелодию, какую хотел услышать, поэтому, едва раздавались первые ноты, ткача следовало гнать в шею, а не вслушиваться, и уж тем более не «уплывать на многоцветных волнах».

Этот паразит проникал в разум, вытаскивал наружу все страхи и кошмары, дожидался, пока жертва, не понимая, что пребывает во сне, подсознательно захочет пробудиться, чаще всего вонзая ногти в ладони, а потом, сквозь раны проникал в тело. Обживался там, питался страхом и перемещался вместе с телом жертвы, пока не истощал ее полностью.

— Об этом я не знала.

— Поэтому сейчас мы идем к тому, кто знал.

Беда в том, что прогнать такого паразита проще, чем извлечь из жертвы. Оставалось надеяться, что моя принадлежность к другому миру и тут сыграет мне на руку.

В поле за рощей Рэнс перевоплотился. Драконы жили и в обычных домах — просторных ранчо, широко разбросанных по холмистому предгорью, но тот, кого искал Рэнс, обитал в горах.

Пятнадцать минут и перед нами предстала копия входа в Ледяные пещеры. Тут бронзовые двери сияли начищенными узорами, а перед ними сидели два одинаковых темно-бордовых дракона. Близнецы сверкнули на нас зелеными глазами, опознали Рэнса и сдвинулись, пропуская под своды пещер.

Здесь сходство между южными и северными драконьими чертогами заканчивалось. Вместо пустого темного коридора мы оказались в просторном зале: гулкий выложенный широкими плитами пол, стены, завешенные гобеленами в резных рамах, глубокие площадки с живым огнем. Не уютно, зато торжественно.

— И куда мы прилетели?

— Домой. — Рэнс принял уже привычный облик шеттера, подождал, пока я зашнурую сапоги и направился к двери в противоположной стене.

Еще трижды нам встречалась стража, и в драконьем обличье, и в человеческом. Теперь Рэнсу приходилось представляться полным именем и каждый раз ловить удивленные взгляды.

— Немного магии, да? — припомнила я слова дракона, разглядывая торжественную обстановку.

— Ага.

Эти чертоги больше напоминали королевский дворец, чем мрачные драконьи пещеры. Темная Башня по сравнению с ними нервно курила в сторонке.

— Значит, ты жил во дворце.

— Ага.

— Потому что ты...

— Угу.

— Потому что ты сова? Что за «ага» да «угу»?

— Потому что я сын своего отца, а отец мой правитель драконов. Так понятно? — Он повернулся, раздраженно сопя.

— Вполне. Арон знает, кто ему прислуживал?

Дракон королевской крови изначально выше по статусу любого человеческого правителя, даже Темного Властелина.

— Нет. Поначалу я и сам не помнил, а потом все было не ко времени.

— Но ты ему расскажешь?

— Зачем? — он искренне удивился. Или очень уж натурально сыграл. — И потом, никому я не прислуживал!

— Угу.

— О! А я смотрю, ты из наших!

— В смысле?

— В смысле — сова.

Я закатила глаза к потолку, но ответить не успела. Блуждания по коридорам, наконец, увенчались успехом. В очередной торжественной, но совсем не вычурной комнате за длинным столом черного мрамора сидел одетый с иголочки, аккуратно причесанный шатен. Два пятирожковых подсвечника, вдобавок к вездесущим площадкам с живым огнем, освещали большую старую книгу. Увлеченный чтением, мужчина не сразу обратил на нас внимание, и у меня появилось время его рассмотреть.

Вчера он больше походил на озверевшего варвара: полуголый, с растрепанной прической и яростью в глазах. Теперь же в спокойных чертах угадывалось сходство с

Рэнсом, даже не смотря на разный цвет кожи.

— Видишь, живехонек! — шепнул мне мой внезапно царственный друг, плюхнулся на стол прямо перед братом и буркнул: — здорово.

Сандар поднял глаза. Во взгляде на долю секунды мелькнуло удивление.

— За добавкой пришел? — Он презрительно обозрел темную фигуру. — Что за вид?

— Нормальный вид, что не так?

— Я бы сказал: все — не так. Начиная с того, что ты все еще живой... — Он поднялся.

Рэнс тоже встал. На этот раз младший был выше и шире.

— Ты уверен, что хочешь продолжать здесь? — Рэнс, не отрывая от брата пристального взгляда, махнул рукой.

— Ого! Да у тебя, кажется, мозги прорезались, братишка!

— Если бы ты сам думал не задницей, давно бы сообразил, что окружающие только подыгрывают тебе, лишь бы малыш Сэнди не хныкал ночью в подушку.

— Нет, поторопился. Мозгов как не было, так и нет.

— Повторяй это почаще. Самовнушение сильная штука.

— Если ты пришел вспомнить все свои детские дразнилки, погоди, не распыляйся, я отведу тебя в ясли, тут недалеко. — Сандар махнул рукой за спину и сменил тему: — кто это?

— А, это моя сестренка, — Рэнс улыбнулся-оскалился. — Ты вообще в курсе, что у вас тут черные ткачи расплодились? Таира, подойди.

Сандар оглядел меня с ног до головы.

— Какая еще сестренка? Откуда?

— О, это тебе лучше с отцом поговорить. До таких лет дожил и не знаешь, откуда дети берутся...

— Ясно, — поморщился Сандар, — очередная твоя глупая шуточка. Хм... — Он, не прикасаясь, осмотрел мои ладони. Раны не заживали, только покрывались красной коркой, а черные вены дотянулись уже до локтей. Сандар снова оглядел меня с ног до головы, перевел взгляд на Рэнса, двинул правой бровью. — Для нас ткачи не опасны. Но и она вполне могла их прогнать.

— Я их раньше не встречала.

Сандар кивнул.

— Неудивительно. Они почти выродились. Тут самая большая колония, и уничтожать ее нет смысла. Но... — Он коснулся моей ладони.

Нас отбросило друг от друга.

Сандар удержался на ногах, а меня отшвырнуло, как тряпичную куклу, и если бы не Рэнс, прекрасный гобелен с горным пейзажем оживила бы моя уже не слишком живая фигура.

Мы с Сандаром уставились друг на друга. Уж не знаю, что увидел он, но мне в секундной вспышке привиделось все мое детство, давно позабытое и будто чужое. Родители, маленький брат, помолодевший дед. Наш дом на берегу. Школа. Друзья. Антон, тогда с еще искренней, как мне казалось, улыбкой. Мещанину призрачных видений пронизывала такая тоска, что я непроизвольно сжалась в комок. Пустота разворотила в груди дыру размером со слона, а черные, скребущие полосы вен поползли выше, подступили к горлу.

— Ты что сделал? — рявкнул Рэнс.

— Ничего не делал! — Сандар растерянно пригладил растрепавшиеся волосы. —

Пойдем-ка... сестренка... — Он поманил меня за собой, направляясь к двери.

Рэнс ухватил меня за руку и потащил за братом.

— Ты, главное, не волнуйся, — бормотал он на ходу. — Паразит питается твоими эмоциями. Не паникуй, лучше вообще ни о чем не думай.

— Прости, — я споткнулась на ровном месте, — из-за меня одни неприятности...

— Замолчи! — Он остановился, развернул меня к себе, уставился в глаза. — Не думай об этом, поняла? Лучше вспомни, как наорала на Арона. Помнишь? Никто и никогда так его не выводил! А как ты спасла Илама? Вспомни! Одна против троих! Вот. Отлично, подумай про нашего зеленого друга. Как он обрадуется, когда ты вернешься!

Пустота отгрызла еще кусочек, прожевала и остановилась. Дыра в груди не исчезла. Кажется, при большом желании, ее можно было разглядеть, но черные полосы замерли, готовые рвануть вперед при первой возможности.

Нет уж, дорогие мои. Дальше вам не пройти.

Не думать я не умела, мысли настырно крутились, не желая замедляться или исчезать, но я могла направить их по иным рельсам.

Я вспомнила первый полет. Тогда Рэнс — всего лишь Черный дракон — беззастенчиво и нагло свалился с Башни. Красуясь, расправил крылья у самой земли. Так он делал всегда. Он вообще любит покрасоваться.

А как скакал и вопил Кот, когда впервые увидел его истинную форму! Как радовалась Меру, подставляя лицо ледяному ветру! Как до ужаса боящийся высоты Вилли судорожно сжимал драконий гребень, но и он наслаждался полетом. И, конечно, как можно забыть два сияющих изумруда? Самое счастливое в мире создание — Илам. Бинти, потерявший все и обретший смысл жизни. Моя зеленоглазая тень.

Почему-то все самые счастливые воспоминания были связаны именно с Рэнсом. Был ли он их причиной или всего лишь фоном? Белой стеной, как бы странно это не звучало, на которой лучше видны краски и, при желании, можно изобразить все, что угодно.

Пока он рядом, бояться нечего.

Рэнс одобрительно кивнул, не слыша моих мыслей, но чувствуя настроение.

Сандар, между тем, вышагивал по коридору, заглядывая во все подряд комнаты. В четвертую по счету он вошел, жестом призывая нас поторопиться.

Небольшой, по сравнению с остальными комнатами, кабинет был заставлен книжными шкапами, посередине располагался массивный деревянный стол, заваленный книгами, и пара кресел. У одного из шкафов стояла молодая светловолосая женщина в простом, но элегантном сером платье. Левой рукой она перебирала книги, вытягивая за корешки, а правой придерживала ребенка лет трех. Мальчик, удивительно похожий на женщину, сосредоточенно разглядывал золотые монетки на длинных серьгах матери.

— Кейя? — Рэнс озадаченно переводил взгляд с женщины на ребенка. — Твой малец?

— Нащ, — Сандар закрыл дверь, стараясь держаться от меня подальше.

— Серьезно?! Ты и Кейя? Ну, дела! погоди, так это мой племянник? У меня есть племянник, представляешь? — Он потряс меня за плечи и потянулся к малышу.

— Сэн, кто это? — Кейя прижала ребенка к груди, отстраняясь от занявшего полкомнаты темнокожего великана.

— Это Рэнсом и его... подруга. Отнеси Тэру в его комнату. Нужна твоя помощь. И поскорее, пожалуйста.

— Так это правда? — Кейя не спешила уходить, перехватила ребенка другой рукой. —

Рэнсом вернулся? И просит помощи? — Она склонила голову к плечу. Под полуприкрытыми веками сверкнул огонек.

— Кейя, пожалуйста, не сейчас, — Сандар устало выдохнул. — Чем быстрее мы ему поможем, тем раньше он уберется. Никто из нас не хочет возвращаться в прошлое, а он живое напоминание о наших потерях.

Последнюю шпильку Сандар адресовал персонально брату, но тот не ответил, только криво усмехнулся. И кого это еще нужно в ясли отправить?

Кейя вышла, бросив на меня обжигающий взгляд.

— Не ожидал. — Рэнс примостился на краю стола, открыл и перелистал одну из множества сложенных стопками книг. — Где отец? Я думал, мы к нему идем.

— Он за Хребтом, на озерах. Вернется к ночи. Сразу скажу: там его искать бесполезно, он, скорее всего, в лабиринте. Половина озер лежит в подземных пещерах, он любит там... отдыхать. К тому же Кейя справится быстрее. У нее, знаешь ли, после смерти Кэлхана проснулся дар.

— Так Кэлхан мертв? — Рэнс отложил книгу.

— Как и Далия, Брухи и другие. Сюда сложно добраться, но выбраться отсюда — невозможно.

— У меня получится, не волнуйся. Долго мозолить глаза не буду, только с отцом встречусь еще раз. У Таиры к нему пара вопросов.

Вернулась Кейя. Выслушала диагноз, криво усмехнулась.

— Держи ее, — предупредила она.

Рэнс встал позади, я вытянула руки ладонями вверх. Кейя перебрала пальцами в паре сантиметров над ранами. Черные нити, любопытными червячками высунулись из-под кожи, подчиняясь движениям тонких бледных рук, закрутились, будто наматываясь на невидимое веретено. Поначалу все шло неплохо, но паразит быстро сообразил, что от него хотят избавиться и заупрямился.

Руки скрутило судорогой, в левый висок вонзилась раскаленная игла. Паразит знал, куда бить. Дракон подхватил меня, и мы вместе погрузились в тяжелый бесконечный кошмар.

Над болотом стоял густой серый туман. Где-то в камышах плакал ребенок. Рыдал навзрыд, горько и самозабвенно. Я поспешила на звук, зная, кого там встречу. Алик сидел на земле, с разбитыми коленями, размазанной по лицу грязью.

— Эй, дружище, ну чего ты? — Я присела рядом с ним на корточки. — Сейчас все пройдет. Я принесу твой любимый пластырь с ежиками, а потом пойдем, купим тебе мороженое. Хорошо?

— Нет! — Он нахмурил маленькие бровки. — Ты не мама. Ты неправильно его приклеишь!

— А как правильно?

— Не знаю, спроси у нее.

— Я не могу. Она уехала.

— Тогда принеси мне еще. Закончилось! — Он протянул грязный шприц. Вся его маленькая ручка опухла, синяки от множества уколов расплылись уродливыми пятнами.

— Алик, что ты делаешь?!

— Закончилось! — Он злобно сморщился, воткнул шприц мне в колено и убежал в туман. Камыш с сухим треском сомкнулся за его спиной.

Я, охнув, выдернула иглу, отбросила шприц. По белым брюкам расплылось красное пятно.

— Алик!

Шаги смолкли, и над болотом снова стало тихо. Я побрела вслед за братом. Камыш скоро исчез, а болото поросло высокой, тонкой травой. Туман поредел, и сквозь него проступили груды черных изуродованных обломков. На руинах мне померещилось движение. Не раздумывая, я полезла по оплавленным, гладким, как стекло камням.

— Алик?

Из темноты доносилось хриплое прерывистое дыхание. Шуршали камни. За вздыбленной, покореженной плитой кто-то возился. Я отступила.

— Помоги ему...

За ногу меня схватила бледная рука с переломанными пальцами. Лицо в путанице грязных волос исказила гримаса боли.

— Помоги ему, — едва слышно прошептал тот, кто некогда был Властелином. Он опирался на разбитые локти, тело ниже грудной клетки превратилось в черную бахрому из обрывков одежды и плоти. — Помоги...

Он потянул меня с удивительной для такого состояния силой. Я шагнула за покореженную плиту.

На развалинах Башни лежал Рэнс. Из его груди торчал металлический штырь, камни вокруг блестели от застывшей крови. Черная кожа дракона посерела, скулы заострились, а черты лица, напротив, смягчились. На долю секунды мне показалось, что я смотрю на свое отражение. Распахнутые глаза смотрели в туманное небо. Бледно-голубые, стеклянные, мертвые глаза.

— Нет...

— Помоги ему, — твердил Арон, цепляясь за меня окровавленными руками, пока моя одежда не стала такой же красной, как и земля вокруг. — Пожалуйста.

— Я не могу. Он умер.

— Нет. Он не может умереть. Не может. Не может.

— Простите...

Я, спотыкаясь, выбралась с развалин и побежала через туман. Глаза горели, а в ушах стоял шепот умирающего Властелина: «Нет, он не может... Помоги...»

— Госпожа?

Я с размаху влетела в спину стоящего посреди поля лесовика.

— Илам!

Он обернулся. Прекрасные глаза смотрели насмешливо.

— Смотрите, что я для вас сделал! — Он схватил меня за руку и потащил через туман. — Я собрал всех ваших друзей!

Под деревом вокруг плоского камня сидели Кот с Меру и Вилли, напротив — Фарид, Жанна и Пашка. У Жанны и Фариды головы были поменяны местами, Кот держал свою голову на коленях, у остальных были попросту перерезаны глотки. Камень покрывали аккуратные узоры, выведенные кровью.

— Теперь они нам не помешают. — Доверительно сообщил бинти, сверкая безумными глазами. — Мы всегда будем вместе. Только вы и я!

— А еще — я.

Из живота Илама выскочил кусок корявой арматуры. Рваная рана плеснула болотной

жижей, а тело бинти сморщилось, как высохший кактус и отлетело в туман.

— Ну, привет. — Антон покрутил арматуру и отшвырнул в сторону, улыбнулся.

— Как ты меня нашел?!

— А я не искал. Я тут случайно. Да, отлично ты устроилась. Столько друзей, — он кивнул на мертвую компанию. — Но, разве ты не собиралась домой? Помнится, ты и меня хотела с собой забрать. А почему-то все еще бродишь по этому проклятому Ирвеону. Может быть, мы вместе попытаемся? — Он подошел совсем близко, обдавая трупной вонью. Теперь я видела, что его кожа свисает клоками, на груди под рубашкой копошатся жирные белые черви. Он протянул иссушенную когтистую руку, едва касаясь, провел по щеке, оставляя вонючую липкую слизь, — ну так что, будем вместе, глупая псина?

Я отступила, поскользнулась на пропитанной кровью земле, взмахнула руками и рухнула на каменный стол. Трупы друзей исчезли, зато рядом появился охотник Закирий.

— Ну что ж, вот мы и снова встретились, — он радостно потер ладони, затянул на моих запястьях и лодыжках неизвестно как оказавшиеся там веревки, — я так давно хотел с тобой поболтать, — он облокотился о камень, положил подбородок на ладони, с интересом глядя мне в лицо.

— Господи, когда же это кончится?

— Сразу скажу — не скоро.

— Просто убей меня уже.

— Рад бы, но не могу. Кое-кто мне этого не позволяет, к сожалению. Но, напоследок, я успею немного поразвлечься. Это ведь весело, правда? — Он обернулся.

Из-за его спины появилась невысокая фигурка. Джана протянула Закирию замызганный сверток. Паразит, принявший облик охотника, развернул пыточный набор, перебрал ржавые инструменты.

— Нет... — Я дернулась, но лишь сильнее затянула узлы на веревках.

— Да. — Он доверительно кивнул. — Ну-с, приступим.

— Тихо, тихо... — Рэнс склонился надо мной, удерживая за руки, обернулся, — Сэнди, дай фляжку, пожалуйста.

Сандар присел рядом на корточки, ощупал мой лоб. Больше никаких электрических ударов, просто прикосновение холодных пальцев.

— Может, лучше ее на улицу вынести?

— Сходи, погуляй, — Рэнс отпихнул брата, забирая флягу.

Сандар отошел к двери, но комнату не покинул. Встал у стены, скрестив руки на груди.

— Почему так жестко? — прохрипела я.

— Потому что ты валяешься на полу, — Рэнс приподнял мою голову, — а у моих родственников нет ни малейшего понятия о гостеприимстве. Давай, выпей. Это поможет.

Знакомое мятное зелье потекло по иссушенному горлу. Я закашлялась, разбрызгивая капли.

— Ты умер.

— Знаю. Видел. Я, наверное, выпрошу у этого типа энциклопедию духов и паразитов. Будешь ежедневно читать перед сном, чтоб лучше запомнить и больше на их удочку не попадаться. Этот ткач — та еще скотина. И меня умудрился в кошмары затащить. Не самое приятное зрелище, хотя, видал я и похуже.

— У меня с книгами напряженные отношения.

— Тогда я сам буду тебе читать. По три раза, чтоб уж наверняка. — Он поднял меня, усадил в кресло. — Вы точно смерти моей хотите... Тебя, Сэнди, я не имею в виду. Ты-то только о ней и мечтаешь.

Сандар покачал головой и вышел из комнаты. Мы остались вдвоем. Рэнс принялся перебирать книжки. Неужели, и впрямь, решил исполнить угрозу с ежевечерним чтением? Я, в общем-то, не против. Послушать я люблю.

— С Кейей все в порядке? — Я осмотрела руки. Ни следа черных вен, а раны на ладонях покрылись обычными струпьями.

— Она ушла, как только паразита прихлопнула. Ей не очень-то приятно мое общество. — Он подхватил стопку книг и направился к выходу. — Пойдем, нечего тут делать.

— Сандар не будет против, что ты их забираешь?

— Переживет. Отдам твоим магам. Зуб даю, они таких и в глаза не видели.

Старший брат встретился нам в коридоре, проводил Рэнса ледяным взглядом, но ничего не сказал. Я едва поспевала за драконом, стремящимся покинуть негостеприимный дворец. Поначалу в теле оставалась вязкая слабость, но с каждым шагом она исчезала. Драконье зелье, действовало безотказно.

Драконы-привратники сменили ипостась. И в человеческом облики они выглядели почти одинаково: короткие темно-бордовые волосы, темно-зеленые глаза, красивые лица, и только по фигуре можно было определить, что они разного пола.

— А ты, как всегда, наводишь суету в сонном царстве?

— Да, Мия, как всегда, — Рэнс натянуто улыбнулся, не сбавляя шага.

— Рэнс, ты, ведь, нашел его? Я прав? — Даже голоса у близнецов оказались похожи.

— Я нашел совсем не то, что искал, Марк, — Рэнс крутанулся на ходу, возвращая

привратнику кривоватую ухмылку.

Мия пожалала плечами, мол, что еще от него ждать, а Марк покачал головой и отмахнулся.

В сложенном из гальки очаге едва тлел огонь. Дрова прогорели, а нанизанная на шпажки рыба покрылась румяной корочкой. В пылу сражения дракон растерял половину своих запасов, но кое-что спасти удалось, без всегдашних лепешек мы не остались.

Мимолетом в поле он накопал лонцев, и теперь они запекались в углях. Пока ужин «доходил», дракон колыхался на волнах, раскинув руки и ноги звездой. Ветер к вечеру успокоился, а море — ровное и теплое, как парное молоко, так и манило к себе.

Я поплавала вдоль берега туда-сюда пару раз, без особого удовольствия, а дракон, похоже, решил на волнах заночевать.

— Рэнс, ты там живой? Кажется, наш ужин сгорел.

Он нечленораздельно буркнул и в три широких взмаха добрался до берега. Отжал волосы, и как гигантский взъерошенный воробей присел у костра.

— Шутишь.

— Умираю от голода, а ты там в русалочку играешь.

Он закатил глаза, а после быстро сервировал ужин на широких пальмовых листьях. Удивительно, как из простейших продуктов он умудряется приготовить блюда, достойные лучших ресторанов?!

Ароматная рыба и приправленные специями, рассыпчатые лонцы с дымком исчезли слишком быстро. От душистого травяного отвара со вкусом меда и сладких полевых цветов, золотистого и обволакивающего по телу разлилось приятное тепло.

— Тут точно нет алкоголя? — запоздало насторожилась я.

— Не-а, алкоголь — не моя тема.

Я отправила в рот остатки лепешки и допила последний глоток чудесного напитка.

— Слушай, Рэнс, выходи за меня.

— Ха-ха, — мрачно буркнул дракон, складывая объедки в очаг и метким плевком их испепеляя. И неожиданно тонким голоском добавил: — прости, благородный рыцарь, я не могу, мое сердце принадлежит другому.

— Вот так всегда. — Я потянулась. — И как после твоих изысков возвращаться к обычной пище?

— Так это не проблема, ты и сама сможешь, я научу, ничего сложного.

— Только не для меня. В плане готовки у меня руки растут из задницы. Дед с едой не заморачивался, кормил нас в столовке. Благо та была рядом с домом.

— Ты просто не хочешь. Признайся, что тебе лень.

— Мне лень, — я не стала спорить. — А кого ты искал? Тот парень, привратник, спрашивал, нашел ли ты.

Дракон сморщился, как от зубной боли, но ответил.

— Нашего учителя. Мы с Марком и Мией учились вместе. Потом я начал творить всякую дичь, пути наши разошлись, а учитель пропал. При последней встрече я пообещал Марку его найти. Вот и все.

— Нашел?

— Сложно сказать. Тот, кого я нашел, уже мало чем напоминал нашего учителя.

— Он умер?

— Нет. Просто изменился.

Я повернулась к морю, обняла колени, положила на них подбородок.

Солнце, наливаясь алым, опускалось все ниже к горизонту. Красные блики колыхались на воде, песок становился насыщенно-багряным.

— Рэнс, ты когда-нибудь убивал?

Дракон долго не отвечал и не шевелился, так что я обернулась проверить, не сбежал ли он.

Не сбежал. Сидел и таращился мне в спину.

— Знаешь ли, рыба, которую ты только что ела, была не живой. Но, иначе никак. Или они, или мы. — Он ухмыльнулся, а спустя минуту продолжил серьезно: — из-за моих глупых действий погибали и люди, и драконы. Это считается?

Я пожала плечами.

— Поэтому Сандар на тебя злится?

— Я бы тоже взбесился, если бы из-за него погибла моя невеста.

Да, причина весома, тут не поспоришь.

— А она была? Невеста?

— Была. Она и сейчас есть. Правда, уже жена. Не моя, конечно. Брата.

Я подобрала челюсть с песка. Ничего себе, новости!

— Не сильно-то они по тебе скорбели...

— Трудности сближают. — Он пожал плечами.

— А как же эти ваши приметы? Выйти замуж за вдовца или вдову и отправиться следом за покойным предшественником?

— Да ерунда это. Формально ни Сандар с Далией, ни мы с Кейей не были женаты, тем более прошло столько лет...

— Но осадочек-то, наверняка, остался?

Рэнс издал короткий смешок, больше похожий на скрежет камней.

— Все очень сложно. — Он потер лицо, словно старался стереть с него паутину воспоминаний. — Они сейчас на взводе, хоть и не показывают этого. Все, вроде бы, смирились, да и я «умер». Что с мертвого взять? А тут — нате вам — привет из темного прошлого, приперся живой и здоровый. Правду сказать, я и не подозревал, что тут произошло. Если бы знал, наверное, не сунулся к ним. Сидел бы дальше в Башне и тихо прогрызал себе мозги. Самоуничижался. А может быть, со временем, смирился.

— Не верю. Ты ведь не такой.

— Такой. И даже хуже.

— И ты опять говоришь о Рэнсе из прошлого. Люди меняются, если хотят этого. И если не прогнили насквозь. Ты не хочешь, чтобы он возвращался, я же вижу. И он не вернется.

— Ты оптимистка, Таира. — Он покачал головой.

Спорить не было смысла. Одно я знала точно — человека невозможно переубедить. Пока он сам не дойдет до нужной мысли, наседать и препираться до потери голоса — бессмысленная трата времени и нервов. С драконами точно также. По сути, они ничем от людей не отличаются, в плане психологии, хотя, я никогда не считала себя знатоком чужих душ. Скорее уж предпочитала вовсе в них не соваться. Старая истина — меньше знаешь — крепче спишь — иногда даже мне казалась неплохим руководством к бездействию.

— Завтра обратно полетим, — после долгого молчания заявил Рэнс. — Нечего тут торчать. Не хочу остальных нервировать.

— А как же твой отец? Я ведь еще ничего не узнала.

— Спроси сейчас, — он кивнул мне за спину.

Я обернулась, одновременно поднимаясь с песка. Серый дракон в последних лучах заката опустил на песок. Вихри песчинок взметнулись в воздух, вспыхнули алым и погасли. Ободок усталого солнца нырнул за горизонт. Мда, теперь понятно, откуда у Рэнса тяга к эффективным трюкам.

Мы обменялись приветствиями. Рэнс кивнул-поклонился, настороженно глядя на отца. Тот перевел взгляд с него на меня и обратно, покачал головой. Менять ипостась он не собирался. Все еще не доверял сыну. Или мне... Величественно устроился на песке, жестом попросил разжечь потухший огонь. Рэнс беспрекословно подчинился.

Пламя подскочило, охватило подброшенные в очаг дрова. Кое в чем еще отец и сын были похожи, у Долгара была такая же матовая шкура, но в отличие от Рэнса, повелитель драконов выглядел каким-то тусклым, как бесцветная тень. Даже вспыльчивый Сандар больше походил на повелителя, со своей блестящей медной шкурой, но, без сомнения, у вождя имелись и иные достоинства.

— Вчера Рэнсом рассказал мне вашу историю. Надеюсь, вы за это на него не в обиде. — Долгар повернулся ко мне, в огромных золотых глазах завораживающе плясали огненные блики. — История занятная и необычная, но я, пожалуй, смогу немного вам помочь. Так чего вы хотите?

— Я хочу вернуться домой. Но все говорят, что это невозможно. Я наделась, вы мне поможете, ведь вам известно больше, чем людям.

— Это так, — он прикрыл глаза. — Но сначала я задам вам вопрос. Пребывая в Ирвеоне, вы, хоть раз видели свою родину? Вы понимаете, о чем я.

— Да, я поняла. Такое случалось пару раз. В бреду или полусне. Мне вообще долго казалось, что все это, — я покрутила пальцем над головой, — сон. Мне иногда снятся такие реалистичные сны. Но тут все слишком реальное. Боль и смерть...

Долгар посмотрел на меня с еще большим интересом.

— Вероятно, вы очень чувствительны. И грянь между мирами для вас не самая сильная преграда, при определенных условиях. Хорошо. Я начну издалека, чтобы было понятнее, как обстоят дела. Некоторые из нас, — драконов, я имею в виду, — обладают определенными способностями: менять по своему усмотрению облик, излечивать любые болезни, вариантов масса, а кто-то может *перемещаться*. Именно эта способность отчего-то не дает некоторым из нас покоя, хотя, она накладывает на обладателя немалую ответственность. Тут уж я в подробности вдаваться не буду. Так вот, время от времени появляются недовольные, которые считают, что подобный дар должен принадлежать народу. Но, чаще всего, под народом они подразумевают только себя.

Поползновения этих личностей чаще всего ничем хорошим не заканчиваются. Но, к сожалению, история, хоть и призвана учить нас на ошибках прошлых поколений, на деле никого ничему научить не может. Не так давно, один из нас, назовем его Дарний. Снова поднял эту тему. Ему доходчиво, с примерами, объяснили, что лучше в эту бездну не соваться. И, как всегда, советы мудрых не возымели успеха. — Долгар поднял голову, осмотрелся.

Темнота за пределами светового круга сгущалась, а океан потихоньку распускался пульсирующим многоцветьем. Из глубины острова раздалось тихое позвякивание. Долгар издал протяжное шипение, щелкнул языком. Это не было похоже на привычные *слова*, но

духов как ветром сдуло. Вот так, легко и непринужденно изгнал всех, в радиусе пары километров.

Повелитель драконов удовлетворенно кивнул, понаблюдал за Рэнсом, задумчиво рисуящим на песке узоры, и продолжил:

— Дарний тщательно изучил вопрос и решил повторить «подвиг» легендарного Никьятле-Тоохана. По его мнению, именно сила звездного луча могла даровать ему желаемое. И, судя по всему, он оказался прав. Ему удалось *переместиться*. По крайней мере, следы его пропали из Ирвеона. Мы пытались его отыскать, но нашли только это. — Долгар протянул лапу. На мою ладонь упал молочно-белый кристалл. Отсветы огня отразились от граней и миллионом серебряных и янтарных бликов закружились по песку.

Мы с Рэнсом переглянулись.

— Я вижу, вам знаком этот предмет, — продолжил Долгар. — Всего их было три. Где еще два — не знаю. Из-за этих камней случилось много нехорошего, но Дарний своего добился. Предполагаю, он создал нечто, дающее возможность путешествовать за пределы Ирвеона. Вероятно, вы именно из-за него сюда и попали.

— Но я не знаю никакого Дарния. — Я судорожно перебирала в голове своих знакомых, пытаюсь представить их в драконьем облики. Бесполезное занятие.

— Маловероятно, что он назовется настоящим именем.

— А что именно он создал?

— Этого мы не знаем. — Он снова к чему-то прислушался, перевел внимательный взгляд на сына. — Но знаем, что у него было логово в Западных Горах, рядом с Вратами Духов. Возможно, там вы найдете ответы на свои вопросы.

И снова возвращаемся к началу. Пойди, Таира, найди то, не знаю что...

— А что ему понадобилось в моем мире?

— Возможно, он считал, что там обретет большую силу, чем здесь. Но беда в том, что там он не сможет сменить ипостась. Законы того мира работают иначе.

Ну да, появившись в центре мегаполиса здоровенный дракон, об этом давно бы знал весь мир. Такое явление скрыть непросто, учитывая, что каждый первый теперь доморощенный журналист и фотограф.

— Холодает, — пробормотал Рэнс и принялся шнуровать ботинки.

Я, погруженная в мысли, тоже обулась и накинула балахон, хотя потянувший с океана ветер лишь приятно освежал. На фоне бездонной сонно дышащей громады промелькнула тень. Нет, всего лишь тень тени, но меня выдернуло из омуты мыслей.

— Рэнсом, — протянул повелитель драконов, — не стоит действовать необдуманно.

— Да что ты?! — хохотнул Рэнс, поднимаясь с песка. — А вы, я смотрю, давно уже все обдумали. Только у нас спросить забыли.

— Рэнс, что происходит? — Я напряглась, готовая в любой момент вскочить и... и дальше уж по обстановке.

— Думаю, они не собираются нас отпускать. — Друг щелкнул шеей, разминаясь.

— Так будет лучше.

— Я сам решу, что для меня лучше, — отчеканил Рэнс. — Вы, верно, забыли, с кем имеете дело. Все считают меня монстром. А что, если это правда? Вы не задумывались, чем это для вас обернется? Как думаешь, — он обратился ко мне, — оправдать мне их ожидания? — Сапфировое пламя мелькнуло между двумя взмахами ресниц.

— Рэнс...

По песку что-то двигалось, но я видела лишь тень тени.

— Эй, Марк, Мия, хорош прятаться. Мы вас давно заметили!

Тень рядом со мной налилась цветом.

— Сиди. — В голосе Мии не было угрозы, но срываться на бег мне расхотелось.

— А ты, дружище, как всегда, видишь больше, чем тебе положено, — усмехнулся Марк, возникая рядом с Рэнсом. — Тебе совершенно не идет этот облик.

— Что, непривычно? — Рэнс оскалился в усмешке, глядя на бывшего одноклассника сверху вниз.

Над пляжем повисло молчание. За видимой границей света, за грудками камней и в чанговой роще ощущалось присутствие и других драконов, но пока они не показывались. И только океан дышал спокойным величием. Ему не было дела до разборок ничтожных тварей, пока те не лезли на рожон.

— Рэнсом, прояви благоразумие, — вновь попытался успокоить сына Долгар.

— Что-то я не пойму, — я скрестила ноги и руки, — вы ведь только что советовали мне посетить Западные Горы. И как же мне это сделать, если вы не выпускаете нас с острова?

— Он всего лишь тянул время, — скривился Рэнс.

— То есть, все, что вы рассказывали — выдумка?

— Нет. К сожалению, не выдумка. Именно поэтому, вам лучше остаться здесь.

— Не вижу связи.

— Пока мы находимся на острове, Ирвеон существует. — Долгар помолчал и, видя непонимание на наших лицах, добавил: — драконы не могут жить за пределами защитного кольца. — Он прочертил когтистым пальцем круг в воздухе.

— Чушь! Я жил в Наронеторе семнадцать лет. И ничего со мной не случилось!

— Не с тобой. С миром. Таково условие. Если мы выйдем за барьер, Ирвеону придет конец. Не удивляйся. Все так и есть. Дракон — не самое маленькое в мире существо, но и он может некоторое время скрываться. Но, рано или поздно, привлечет внимание. И последствия не заставят себя ждать.

— Чье внимание?

— Звезд, конечно. Думаешь, можно незаметно украсть у них лучи и дальше жить припеваючи? Дарний это понял, потому и сбежал. Звезды не видят разницы. Драконы украли — драконы поплатятся.

Рэнс покосился на меня, потер лоб. Да, я тоже вспомнила ту ночь в Ледяной пустыне. Как мы выскочили за облака, прямо под прибежище Звезд. Ничего глупее дракон совершить не мог. Тогда никто из нас и не думал о подобных последствиях.

Но кое-что, не давало мне покоя. Мир начал рушиться до того, как мы попали в снежную бурю. Да и сама буря — слишком странная даже для Ирвеона, — скорее всего, была частью грядущего апокалипсиса. А это означало, что Рэнс «засветился» где-то еще. Или за пределами защитного барьера был еще один дракон. Например, пропавший учитель.

Рэнс мотнул головой, словно отгоняя навязчивые мысли.

— И вы предлагаете до конца дней гнить на этом острове?

— Он не так уж плох, — заметил Марк. — Здесь достаточно места для всех.

— М-да, вот уж от кого, а от тебя не ожидал, — брезгливо скривился Рэнс. — Но даже если так. Это не выход. Затаиться и трястись, как мыши под веником? Seriously? Вас тут всех слабоумием что ли поразило?

— И что ты предлагаешь? — Марк отстранился, не выпуская, впрочем, Рэнса из зоны

возможного захвата.

Рэнс оценивающе поглядел на своего стража, потом на меня.

— Для начала — избавиться от этого, — он разжал кулак, пуская серебристые отблески по песку, а потом широким замахом отправил звездный луч в глубины океана.

Камень пролетел по длинной дуге и канул в воду далеко от берега, так что сомневаться не приходилось, выловить его не удастся.

Все присутствующие проводили артефакт с открытыми ртами, особенно поражалась я, ведь камень до сих пор лежал в моем кармане. Я сунула его туда, едва почувствовала опасность. Там же лежал обрывок ловчей веревки и прочие, накопленные дорогой мелочи.

Пока драконы не пришли в себя от кощунственного акта, я распрямилась, ударила Мию под колени, обхватила ее ноги, не давая восстановить равновесие и одновременно опутывая веревкой. Стражница взмахнула руками, собираясь сгруппироваться, но я уже затянула узел. Совсем слабенький, но этого оказалось достаточно. Подчиняясь движению пальцев, веревка засияла золотом, а Мия, плашмя рухнула в песок.

Повезло-то как! Я почти не надеялась, что охотничья штучка подействует на дракона.

Я подскочила, направляясь в единственное не перекрытое драконами место, но смазанная тень перехватила меня у самой воды.

— Не так быстро, — Марк сверкнул темно-зелеными глазами, подхватил меня одной рукой, как пушинку, и неожиданно спросил: — плавать умеешь?

Я кивнула, морщась от боли в сдавленном стальной хваткой боку. И этот стройный молодой человек провернул со мной тот же трюк, что и Рэнс с кристаллом.

Вы когда-нибудь чувствовали себя пушечным ядром? Ощущения фантастические, особенно когда со всего маху падаешь в черную морскую пучину.

В детстве мы с ребятами часто прыгали в море со скал. Не скажу, что мне это нравилось, просто не хотелось отставать от остальных. Но тогда и условия были иными — светло, знакомое место и минимум одежды.

Чудом, не иначе, меня вытолкнуло на поверхность. На секунду далекий берег мелькнул капелькой костра, потом все заслонила чернота, а следом — огненная стена до самого неба. Сандар, собственной персоной.

Я успела подумать, что без Рэнса мне крышка, но тут вода вокруг закипела водоворотами. В обрывках белой пены из глубины, справа и слева от меня, поднялись два огромных вогнутых и заостренных на концах лепестка. Вода с шумом срывалась мне на голову. Медленно лепестки накренились, схлопывая гигантский бутон.

Вот теперь — точно крышка!

— Рэнс, да ты псих! — Я, отплеываясь, выползла на камень. — И твой приятель не лучше! Один зашвырнул, второй — проглотил!

Вокруг крошечного островка плескался фосфоресцирующий океан, по волнам, наперегонки с планктоном, сновали отражения крупных южных звезд.

— Ну, строго говоря, я тебя не глотал. У китов глотка очень узкая, даже ты не пролезешь. — Он распластался на соседнем камне, прикрыл глаза, а потом расхохотался. — Но как эффектно получилось, скажи?

О, да с эффектами у нас никогда проблем не было.

Время спустя я, конечно, сообразила, что чудовище, проглотившее... ладно, схватившее меня, ведет себя подозрительно. Слишком часто выныривает, набирает воздух и спускает воду, да и вообще старается создать максимально комфортные, если это слово вообще применимо к китовой пасти, условия. Но, как бы оно не старалось, перетрухнула я знатно. Не поручусь, но, кажется, у меня начала развиваться клаустрофобия.

На небольшой островок мы наткнулись очень вовремя. Спустя почти час подводного плавания, кита резко дернуло в сторону. Хищная тварь решила поужинать морским гигантом, но не учла, что и киты бывают огнедышащими. Сначала он выплюнул меня, а потом устроил огненное шоу. Тогда-то я и заметила совсем рядом клочок суши.

— Как думаешь, у Марка будут проблемы?

— Наверняка. — Рэнс оперся на руки, поморщился. — Ну, ничего, он знал, на что идет... Ох...

— Эй, ты ранен? — Я запоздало сообразила, что дракон подозрительно осторожничает в движениях.

— Да ерунда, к утру пройдет.

Я перелезла на соседний камень и ужаснулась. Весь левый бок и бедро дракона были разодраны. Обточенная прибоем скала почернела от крови.

— Ничего себе, ерунда! — Я с трудом отогнала воспоминание о наведенном черным ткачом кошмаре. — Да у тебя сейчас все кровь выльется! Надо хотя бы перевязать!

— Не трогай! — Рывкнул дракон, стиснул зубы, шумно выдохнул. — Мне нужно перевоплотиться. Отойди.

Дракон в истинном облике занял почти все свободное место на крошечном островке, еще и тучи опомнились, ворча и подмигивая, принялись затягивать звездное небо. Закрапал дождь.

— Придется тебе опять меня прикрывать, — пробурчал Рэнс, скручиваясь кольцом и стараясь при этом не тревожить раненный бок.

— Да не вопрос. — Я пристроилась с краю, прижала ладони к бархатистой шкуре. — Я думала, со сменой ипостаси и раны пропадают.

— Не у всех, — промямлил дракон. — Мне надо... запустить регенерацию... Ты, главное, не спи... — И отключился.

Буря разочарованно потыкала молниями в воду в паре километров от острова и уползла обратно.

Дракон спал, как убитый. И только небольшое знание драконьей физиологии удерживало меня от бессмысленной паники. Если он умрет — станет человеком, пока под

моими ладонями холодеет большая почти невидимая в темноте крылатая ящерица (или кто он там?!) — все в порядке. Ну и пусть он не дышит. Все нормально... Надеюсь только, он не соврал про особенности драконьей смерти. Идиотская была бы шутка.

А что, если, он опять заснет лет на сто?! Ну... Тогда мне придется его съесть.

Я фыркнула, помотала головой, отгоняя непрошенный сон. Как ни старалась, полностью подключиться и разузнать о состоянии здоровья Рэнса не получалось. Ну, хотя бы, щит работает. Спрятаться-то на острове некуда. Главное, не спать!

— Да твою же мать! — Я подскочила от грохота.

К утру я не устояла перед усталостью, а подлая туча тихонько подкралась и шарахнула молнией совсем рядом. Промахнулась. Зато Рэнс зашевелился. Я поспешно возложила руки на драконий бок, косясь на тучи и бормоча под нос:

— А, ну, кыш, отсюда! Вот настырные...

Буря, нехотя, отступила, открывая бледное предрассветное небо.

Пока я боролась со сном, успела передумать кучу мыслей и больше половины забыть. Эх, жаль, нет диктофона, столько идей упущено...

— Кажется, я знаю, почему твои родственники не могут выбраться с острова. — Я отстранилась, дожидаясь, когда Рэнс снова сменит облик. — Просто никто из них не догадался работать в паре, как мы. Один летит, другой прикрывает. Как думаешь?

Рэнс разогнал туман резкими взмахами, изучил оставшийся на боку рубец.

— Хмм... Надо же, затянулась...

Я застыла с открытым ртом.

— А кто говорил, что до утра пройдет?!

— Я соврал, — он ухмыльнулся, — не хотел пугать. А насчет твоей идеи. Во-первых, не забывай, что, по словам отца, Ирвеон полетит к демонам в бездну, если драконы уйдут с острова. А во-вторых, не все из нас могут создавать щиты. Большинство вообще никакими талантами не блещет. А некоторые даже огонь не умеют выдыхать. Не удивляйся, не все же люди обладают магией. С нами точно также.

— А ты, получается, маг?

— Не совсем. — Он перескочил через плещущую водой трещину, и принялся отдиравать со скалы привлеченных кровью моллюсков. — Но все члены знатных родов обладают особыми способностями. Хотя... пусть будет магия, так проще. И в отличие от людей, мы магию наследуем.

Он собрал охапку ракушек, перенес их на относительно ровный пяточок и принялся готовить завтрак.

— Ты их съешь?

— Ну да, створчники отлично восстанавливают силы. То, что нужно после серьезного ранения.

— Но они, ведь кровь твою со скалы обгрызали...

— Отлично, хоть немного верну! — обрадовался он.

Я только закатила глаза и принялась разминать затекшее за ночь тело.

— Так значит, то был фальшивый луч?

— Не фальшивый, — поправил меня Рэнс, — обыкновенный шердонит. Я его из поместья кангов забрал. Так, думал, пригодится.

— Пригодился, — хмыкнула я, вспоминая ошарашенное выражение морды драконьего повелителя. — Они, наверное, решили, что ты действительно сошел с ума.

— Ну да, Сэнди примерно так и сказал... Да ну их, к демонам! — взвился мой друг. — Ходили вокруг, будто я заброшенная шеттеровская шахта: не знаешь, то ли провалится, то ли рванет...

Я забралась на вершину каменистого холма и вгляделась вглубь берега. Без особого, впрочем, результата. Темнота вокруг стояла такая, что можно было запросто переломать все кости в попытке спуститься по другую сторону насыпи.

Материка мы достигли к ночи. Я наловчилась удерживать щит без особых усилий, и на обратном пути нам не пришлось бороться со стихией и останавливаться на каждом попутном островке. Сторожевая туча осталась ни с чем, сердито поворочалась на горизонте и растаяла в надвигающихся сумерках.

На смену зловредному сторожу пришли тучи обыкновенные. Все небо над южными берегами Тувосарии затянуло плотным мрачным покровом. Даже сюда, на край Ситванийского моря пришла зима.

В непроглядной черноте дышал холодом полуночный ветер, море угрюмо рокотало и плевалось ледяными брызгами, а я в очередной раз вспоминала далекий дом: у нас бывали такие же темные ночи, с пробирающими до костей сквозняками.

Хотелось удрать с неудобного мрачного пляжа в дом, где ждет натопленная печь, горячий ужин и теплая постель.

Но не было, ни дома, ни печи, ни ужина. Только трепыхающийся на ветру (даже в самом укромном уголке от него было не спрятаться) костерок, да теплый, на этот раз, драконий бок. Что тоже, в общем-то, неплохо.

Как ни бодрился Рэнс, дорога его вымотала, а рана, хоть и затянулась, полностью не зажила. Я долго прислушивалась к глубокому дыханию спящего дракона и постепенно уносилась мыслями на север.

Мне мерещились мрачные холмы, покрытые сосновыми лесами. Некогда ровное поле у их подножия вспарывали высоченные базальтовые столбы, похожие на окаменевшие куски грибных шляпок. Среди них плутал закутанный в бесформенный балахон всадник на злом черном коне.

Хрустнула прогоревшая ветка. Я открыла глаза. У костра, сгорбившись, сидел Закирий.

— Ну, привет. — Охотник таращился на меня черными как у ледяных бинти глазами.

Я почти не удивилась.

— Тебя же изгнали.

— Не совсем, — усмехнулся черный ткач, а именно он в облике злосчастного охотника и явился мне среди ночи. Сгорбленная фигура слегка просвечивала и казалась нарисованной. — Конечно, теперь я не могу размножаться... пока не могу, но кое-что еще умею.

— Выходит, драконы ошиблись?

— Пф... Драконы, — сморщился паразит. — Эти «мудрые» создания на удивление узколобы и недаленовидны.

— Это я заметила.

— Я торчал на том проклятом острове, демоны знают сколько времени. А теперь могу, наконец-то повидать свет.

— На твоём месте, я бы на многое не рассчитывала. При первой возможности от тебя

избавлюсь.

— Это не-воз-мож-но! — тонким голоском пропел паразит. — И на *твоем* месте, я бы не дрых так спокойно на краю пропасти.

— Ты о чем?

— Эй, Таира, ты с кем болтаешь? — глубокий голос проник мне в голову. Закирий расплылся туманом, а я открыла глаза.

— Что? — Я мотнула головой, отгоняя сон.

— Во сне, что ли, бормочешь? — Дракон подцепил когтем сухие корявые сучья, подобранные на берегу, и подбросил их в давно потухший костер.

Небо на востоке выцвело до светло-серого, за низкими облаками занималась заря, но земля все еще тонула в тени. Ветер улегся, и даже море затаилось в ожидании. Над замершим пляжем растеклось звенящее в воздухе напряжение.

— Рэнс, давай-ка полетаем?

Тревога скрутила желудок узлом.

Дракон вопросов не задавал, подставил бок, тяжело взмахивая крыльями, поднялся над землей.

— Вот...!

Неудивительно, что ночью я ничего не разглядела. Ведь за каменистым валом попросту ничего не было, только огромная, уходящая во мрак черная пропасть. Она тянулась вдоль берега и уходила в его глубь, боги знают, на какое расстояние. Да и сама насыпь выглядела ненадежно, подъеденная с одной стороны обвалом, грозила, того и гляди, отправиться в небытие вслед за сгинувшими там землями.

При полном безветрии, медленно нарастая, поднимался гул. Сначала мелкие камешки, затем валуны, а следом и узкая полоска серого песка «утекли» в бездну. Холодное море, не раздумывая, ринулось в открытую брешь.

— Как думаешь, есть там дно?

Дракон покружил над темной пропастью.

Картина открывалась сюрреалистическая: свинцовое море широченным водопадом срывалось в черноту, в обрывках пены поблескивали чешуей рыбы, обалдевшие от принудительной миграции к демонам в бездну.

На востоке угрюмые тучи разорвало трещиной, мир вспыхнул золотисто-розовым, и снова вернулся к бесцветной палитре.

— Даже не представляю. — Я, на всякий случай, пощипала себя за руку. Нет, это явно не сон.

Рэнс больше не медлил. Развернулся и помчался на север в привычной, головокружительной манере.

Бездна вовсе не поглотила весь материк, как поначалу нам показалось. Провалилось «всего» километра четыре. Обвал «отгрыз» кусок леса и остановился на границе маленькой деревеньки. Сколько их сгинуло на побережье, я старалась не думать. Дракон покрутил головой, высматривая жителей, но селение выглядело вымершим. Никто не захотел дожидаться, пока их поглотит пропасть. Жители оставили дома и бежали, не оглядываясь. Увы, от гнева Звезд убежать невозможно.

Кроме огромного провала на побережье, никаких существенных изменений в ландшафте не наблюдалось. Чем дальше на север мы улетали, тем холодней становилось, но нигде не было и намека на снег. Покрытые инеем поля навевали тоску. Ветер перебирал побелевшие

от мороза ветви деревьев, усеянные нахохлившимися воронами. Изредка птицы поднимались в небо и сопровождали нас, носясь по широкому кругу и надсадно горланя.

Дракон ругался, плевал в настырных птиц огнем, но те, как всегда, уворачивались.

После полудня сделали привал на опушке елового бора. Яркий запах хвои особо остро ощущался в морозном, будто застывшем воздухе и навевал воспоминания о детстве. Дед всегда приносил на Новый год живую елку. Ему удавалось найти самую пушистую и красивую. Мы с братом украшали ее старинными стеклянными шарами, а после Алик лежал на диване и завороченно глядел на цветные огоньки, пока не засыпал. Каждый раз он пытался дождаться явления Деда Мороза, но так ни разу и не дождался.

В печке трещали дрова — отопление у нас давно было газовое, но дед по-прежнему изредка топил печь. Была в этом какая-то романтика, что ли. А если еще и снег выпадал, легко можно было представить себя героем новогодней сказки.

Я растерла еловую иголку между пальцев, вдохнула смолистый аромат. Эта сказка совсем не походила на те, что я выдумывала в детстве...

Дракон из-под прикрытых век наблюдал за мной сквозь пляшущее на дровах пламя. Он снова не сменил ипостась, торопился восстановить силы.

— Рэнс, давай вернем лучи Звездам? Они ведь не успокоятся, пока не уничтожат драконов или весь Ирвеон.

— Хм... — дракон выдохнул облачко пара. — С каких это пор тебя заботит судьба Ирвеона? Ты же хотела просто вернуться домой.

— И сейчас хочу. — Я пожала плечами. — Но ведь кроме тебя никто не сможет. Вернуть их, я имею в виду.

Однажды нам удалось повстречать Прибежище Звезд, может быть, в другой раз получится в него забраться, чем демоны не шутят? Ждать помощи от прочих драконов, судя по всему, занятие бессмысленное. Они предпочтут сидеть тихо и надеяться, что все рассосется само собой. Тоже неплохой, в общем-то, вариант, ведь для большинства все и происходит «само собой». Такова жизнь. Кто-то крутит мир, а кто-то в нем... крутится.

— Не уверен, что и я смогу. Не так-то просто забраться в Прибежище Звезд. Это тебе не в трактир сходить, — осадил меня Рэнс. — Тем более, у нас всего один луч.

На это у меня уже был заготовлен ответ.

— Так давай слетаем к Егару. Объясним все. Он же не идиот. Какая ему выгода, если мир рухнет?

— Во-первых, выгоду он даже из конца света сумеет извлечь, во-вторых, договориться с ним не проще, чем смотаться в Прибежище. И в-третьих, не факт, что он нам поверит, даже если удастся до него добраться. Сама посуди, мы живем в разных мирах. Драконы, духи, Звезды, проклятия — даже для твоих магов все это было в новинку, что уж говорить о таком практичном человеке, как господин Егар.

— Не согласна. Ведь для чего-то он лучи собирает. И Арону он угрожал какой-то мистической хренью. И профессора Минса расспрашивал о древностях. Спорим, он знает о проклятиях больше, чем мы с тобой?

— Не буду я с тобой спорить. — Дракон спрятал голову под крыло и оттуда прогудел: — может быть, ты и права. Но от этого я еще меньше хочу с ним встречаться.

— Постой, ты боишься что ли?

— Вот еще! — взвился он. — Это он пускай меня боится! Просто... Надо все хорошенько обдумать.

Думали мы еще с полчаса, и каждый о своем, а после снова отправились в путь.

Дракон хотел сразу лететь в Наронетор, но согласился сделать крюк, забросить меня в Закатные Холмы, заодно и прихваченные у драконов книжки отдать магам.

Я, наконец-то призналась, что потеряла паука. С самого побега из тюрьмы это не давало мне покоя. Зря мучилась. Оказалось, пауки не служат никому, кроме Властелина или его доверенных лиц. Если паучья коробочка попадает в чужие руки, паук сразу возвращается в Башню. А я все голову ломала, как потактичнее объявить Арону, что этому доверенному лицу больше доверять не стоит.

Стаи ворон увязались следом, нарезая широкие круги. "Эскорт" так примелькался, что мы не сразу сообразили: уж слишком тихо ведут себя птички. Даже дракон не заметил смены сопровождающих.

— Рэнс, глянь, что это?

Черная стая единым пластичным телом закладывала виражи в высоте, падала к земле, снова возносилась, складывалась в пугающие фигуры и распадалась на отдельные клоки, чтобы мгновение спустя сбиться в тесную кучу и ринуться к нам гигантским пушечным ядром.

— Очередные неприятности, — буркнул дракон, камнем падая к земле.

«Ядро» промчалось над нами, снова распалось, заметалось хлопьями пепла. Рэнс, не дожидаясь перегруппировки, рванул с места так, что я едва не вылетела из седла вместе с креплениями и всей поклажей.

Пригнуться как можно ниже, зажмуриться и не думать. Впрочем, думать и не получалось. Все мысли сдувало сумасшедшим ветром.

Гонка прекратилась так же резко, как и началась.

— Это что за хренотень?!

Я отклеилась от драконьей спины, стянула защитные очки. И, да, тут я с драконом была солидарна. Только я эту хренотень уже видела. Во сне.

Поле у подножия Закатных Холмов преобразилось. Высоченные базальтовые столбы с кусками заиндевелой травы на макушках, застыли мрачными памятниками. Земля у их оснований вздыбилась и потрескалась, словно они в едином порыве выросли из-под нее, как стебли бамбука. Да так, в общем-то, и было.

Среди колонн прыгали, размахивали руками четыре маленькие фигурки. Я обернулась. Черная «туча» мчалась на всех парах.

— Рэнс, не спи!

Дракон ругнулся и устремился к вопящим магам. Те не спешили прятаться от наводящей ужас стаи. Рэнс нырнул в тень, пронесся змейкой через ряд столбов, развернулся, готовый атаковать приставучих тварей, но стая неожиданно отстала, будто отпружинила от невидимого пузыря и унеслась, постепенно теряясь на фоне серых туч. Только несколько черных тушек, трепыхаясь на ветру безвольными тряпками, упали на мерзлую землю.

Дракон захлопнул пасть и приземлился. Пыль осела и воцарилась тишина. Воздух будто застрял среди базальтовых колонн, гуляющий наверху ветер не достигал их подножия. Терпкий запах земли с нотками гнили висел почти осязаемой взвесью.

Маги выскочили из-за ближайшего столба, сначала Кот с Иламом, следом Вилли, последней пришла Меру, мрачнее обычного и больше похожая на тень.

— Что это? — Я выскользнула из седла, с опаской приблизилась к черным кожистым

«оборкам».

Живые «птички» были размером с курицу, теперь же на земле лежали опустевшие оболочки, сдувшиеся шарики. В глубине складок поблескивали ряды мелких, но острых зубов.

Дракон разогнал туман, носком ботинка поддел дохлое создание.

— Тумтаты. Еще одна «вымершая» древность. Здорово, Котьяра! Во, спецом для тебя приволок. — Рэнс впихнул подбежавшему магу стопку книг.

И без того невеселая физиономия Кота окончательно скисла. Книги перекочевали к Вилли. Только взглянув на обложки, он уважительно присвистнул, окликнул Меру, но та лишь скользнула взглядом по нашим лицам, на долю секунды задержалась на Рэнсе, отвела глаза и медленно побрела обратно.

— Что это с ней? — Дракон поймал ее взгляд и смотрел, не отрываясь, пока тонкая черная фигурка не скрылась за столбом.

Кот замялся, блуждая взглядом по растрескавшейся земле, за него ответил Илам. Бинти неуловимо изменился. С темно-русый «ежиком» он совсем не походил на прежнего лесовика-отшельника. В поместье он разжился новой курткой, за плечом, как всегда, возвышался вальхоровый посох.

— Вернулись светлячки, — зеленые глаза были на удивление пусты, — которых вы отправляли к ее отцу.

У меня перехватило горло. Потухшие глаза и поникшие плечи Меру, старательно отводящий взгляд Кот, хмурый Вилли. Мне не хотелось слышать, что скажет Илам, но он продолжил.

— Кто-то вломился в дом ее дяди.

— «Кто-то», — зло буркнул Кот.

— Их нашли на следующий день. — Илам приблизился на шаг и замер.

— Я до него доберусь! — Кот шевельнул желваками, выпростал окутанный искрами кулак.

Белая молния ударила в дальний столб. Темно-серые каменные прямоугольники с шумом обрушились на землю. Пыль и мелкие камни прыснули в стороны, с макушки тонкого утеса сорвалась пара воронов. Теперь уж настоящих.

Дракон уважительно присвистнул.

— Погодите. — Я запустила пальцы в волосы. — Зачем Егару убивать профессора? Он ведь хотел что-то узнать, а мертвые не говорят.

— Потому что он охренившийся, зарвавшийся ублюдок! — сплюнул Кот. Развернулся и зашагал к Холмам.

Илам проводил мага сочувственным взглядом.

— Мы думаем... убийцы узнали все, что хотели.

— Меру может говорить с духами, — проронил Вилли. — Их пытали. А после... — Он поджал губы, так и не закончив фразу, но все было понятно без слов.

Я обхватила себя за плечи, пытаюсь осознать услышанное. Всего неделю назад мы все вместе праздновали День Сошествия, гуляли и веселились, а теперь мир рушился, нас записали в бунтовщики, Меру потеряла дом и родителей и все из-за какого-то камня? Или вовсе не в лучах было дело?

— Кажется, нам пора-таки нанести господину Егару визит, — глухо проворчал Рэнс, и вдруг вскинул голову, прислушиваясь. Зрачки расширились, почти заполнив радужку.

А из-за колонн уже бежали к нам Кот и Меру.

— Кто-то приближается! — выпалил Кот. — Меру кого-то почувяла.

— Тумтаты?

Меру отрицательно помотала головой.

— Эти тряпошники сюда не суются, — ответил на нее Кот.

— Они боятся базальта, — Рэнс вытянулся, как почувявшая зверя гончая.

— Человек, — Вилли втянул тяжелый воздух, — на лошади.

Наведенный черным ткачом сон продолжал сбываться. Дробный перестук отразился от каменных колонн. Злой черный конь, взрывая мерзлую грязь, вылетел на занятую нами полянку. Я нервно рассмеялась. Нет. Во сне это была закутанная в черный балахон смерть. А этот всадник по личным соображениям плащей никогда не носил.

Черный конь заплясал на месте, порыкивая и роняя обрывки пены на жухлую траву.

Всадник спешил, стянул маску, приветственно кивнул магам, Иламу и набросился на дракона.

— Какого... кхм... почему я не могу до вас достучаться?! Я зачем вам паука давал? — Быстрый взгляд на меня и снова упреки дракону: — ты забыл, о чем мы говорили перед твоим отлетом?! Я не посыльный и не наемник чтобы по полям и лесам за тобой носиться! Вы где пропадали?

Это я могла бы объяснить: и Закатные Холмы, и Дэй-Кханабон лежали в так называемой «мертвой зоне», почти весь путь от драконьего острова я закрывала нас щитом, потому пауки нас не засекли. Могла бы, но только промямлила покаянно:

— Простите, я потеряла паука.

— Не важно, — отмахнулся Арон. — Теперь уже вообще все не важно! — Он устало потер глаза. Семейная жизнь не пошла Властелину на пользу. Он еще сильнее похудел, скулы заострились, под глазами залегли черные тени, и только сами глаза горели белым огнем. — Собирайся, Черный, летим.

— Рэнс.

— Что? — Властелин непонимающе уставился на меня.

— Его зовут Рэнс.

Ох уж эта абсолютная уверенность в праве повелевать другими!

— Вот как? — Арон с интересом осмотрел своего дракона. — Хорошо. Рэнс. Собирайся, Рэнс, летим домой.

Маги во все глаза глядели на неожиданного гостя, Меру хмурилась, украдкой потирая виски, а Илам застыл, будто призрака увидел.

Конь дернулся, едва не вырвав хозяину руку из плеча.

— Ворона придется оставить. — Арон осмотрел присутствующих и впихнул поводья стоящему ближе всех — Иламу. Тот отдернул руки, как от заразного, но потом подхватил ремешок, машинально погладил Ворона по шее, когда тот ткнулся ему мордой в плечо. — Вот и славно, — кивнул Властелин, одобряя собственный выбор, отстегнул от седла полупустую сумку.

— Давай сначала кое-куда наведаемся, — предложил дракон. — Надо бы с Егаром побеседовать.

— Наговоришься еще. Тувосария нам войну объявила. Надо думать, Егар там не последнюю роль сыграл.

— Чего?! — вытащился дракон. — Они с кем воевать-то собрались? С пугалами

огородными? Или с бабками? У нас кроме стариков, считай, никого не осталось.

Арон с преувеличенным интересом изучал геометрическую структуру ближайшего базальтового столба. Ковырнул камешек и едва успел отпрыгнуть от рухнувшего пласта. Покосился на застывшего в немом упреке дракона.

— В горах еще можно кое-кого найти.

— Кого? Темных? Толку от них, если днем они по норам сидят! Слушай, давай спалим их всех, к демонам собачьим? — с тоской протянул дракон. — Я про тувосарцев.

— На месте разберемся.

Рэнс покосился на меня. Я, было, дернулась следом за ними, но Арон меня остановил.

— Вам не место на войне.

— Но, я могу помочь!

— Чем? Комаров на них натравишь? — хмыкнул Рэнс.

— Да хотя бы!

Арон неожиданно улыбнулся, протянул мне небольшой, с ладонь, звенящий мешочек.

— Еще раз, простите за все неприятности и... спасибо. Демоны дадут, еще увидимся.

Дракон не спорил. Приказы Властелина — закон, даже если они идут вразрез с собственными желаниями. А были ли желания?

Туман лениво разошелся. Арон забрался в седло, натянул маску. Да, Властелин верхом на Черном драконе смотрелся куда органичнее и внушительнее, всех нас вместе взятых.

— Пока, сестренка, — прогудел дракон. — Эй, зеленый, приглядывай за ней. Если что, я тебя найду!

Арон отсалютовал на прощание. Дракон взмахнул крыльями, обдавая нас пылью, обрывками сухой травы и едва уловимым запахом мяты, поднялся над базальтовыми колоннами, и в окружении орущих воронов исчез в низких тяжелых тучах.

Вот так просто. Хозяин позвал, и он улетел, позабыв обо всем. А ведь Арон и не догадывался, кем был его верный дракон. И, разумеется, Рэнс никогда ему об этом не расскажет. Зачем? Я сжала мешочек. Отступные? В груди зашевелилась исчезнувшая пустота. В крике воронов мне почудился смех Закирия-ткача. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Это что сейчас было? — Первым отмер Кот. — Что за страшный мужик?

Ну, не такой уж и страшный, скорее, наоборот. Но спорить о вкусах не хотелось. Не хотелось вообще ничего. Вместе с Ароном улетел мой последний шанс вернуться домой. Как теперь попасть в Западные Горы? Как вообще дальше жить? Война... Ну, ничего себе, новости!

Десятки мыслей кружились в голове, и ни одна не могла сдвинуть меня с места. Я будто превратилась в еще один базальтовый столб.

— Я его знаю, — проронил Илам. Зеленые глаза подернулись пеленой и обратились внутрь. — Видел. Десять лет назад, на Безымянной Горе. Это ведь он? Он помог сбежать Айаму-ману и Эллилайле? Он — Темный Властелин.

Пока мы летали на драконьи острова, маги без дела не скучали, на правах новых хозяев методично обшаривали поместье, в поисках интересных диковинок.

В одном из тайников Кот откопал старую книгу и даже прочел несколько страниц, но как главный (после меня) нелюбитель чтения, попросил Вилли продолжить вслух. Так они едва не спалили главный дом. Илам подоспел вовремя, популярно растолковал, где и как следует практиковать магию и выставил непутевых магов вон с горы. В чистом поле дела пошли как по маслу. Кот даже освоил новое заклинание, чем безмерно гордился.

Меру в их развлечениях участия не принимала, оставалась в поместье, наблюдая за духами. После того, как паразит исчез, духов в горах становилось все больше, особенно им полюбилось поместье кангов, где они целыми днями кружили вокруг дальнего бассейна, подпитывались силой, сочащейся из «мини-Врат». Силы было так много, что некоторых духов могли видеть даже парни.

За все время высшие создания никому не причиняли вреда, просто занимались своими непонятными метафизическими делами, но когда во время тренировки маги почувствовали мощный выброс силы, не раздумывая помчались в поместье, предчувствуя беду.

Когда они, едва не выплюнув легкие, добежали до места, все уже закончилось. Бесчувственная Меру лежала у развороченного бассейна, горячая вода заливала внутренний двор, Илам разгонял потревоженных духов, а к уцелевшему бортику купальни виновато жалась стайка вернувшихся светляков.

Меру частенько устраивала Коту взбучку, но с подобными масштабами непутевый маг столкнулся впервые. Илам перенес Меру на незатронутую потопом террасу и ответил на немой вопрос ошарашенных магов.

Бинти не умел говорить с духами, но чувствовал их настроение. Краткое общение со светляками заставило Меру оцепенеть. Илам окликнул ее, но духи вдруг бросились врассыпную, воздух затрещал, взрываясь искрами чистой силы. В бассейн ударил радужный фонтан энергии. Именно его и почувствовали Кот и Вилли.

Разом выплеснув все силы, Меру на сутки заснула, а когда проснулась, полностью ушла в себя, на вопросы отвечала односложно, к пище прикасалась, только если о ней напоминали. Почти все время она проводила у дальнего бассейна в окружении духов, и сама уже почти сравнялась с ними. Кот с тоской вспоминал прежние взбучки, но к подруге не лез.

Парни устранили наводнение, починили бассейн и изо всех сил пытались не пасть духом. А за день до нашего возвращения начались новые чудеса. Сначала на магов, снова упражняющихся в поле, напала стая тряпошников (так Кот назвал тумтатов), на гору твари не сунулись, но нервы им потрепали прилично. На следующий день, перед рассветом гора принялась ходить ходуном, а в поле проклюнулись базальтовые колонны. Ровно тогда же мы едва не рухнули в бездну на побережье.

Я не стала расстраивать и без того приунывших ребят, что эти «чудеса» — далеко не конец. Звезды вынесли Ирвеону приговор, а единственный шанс на апелляцию улетел воевать с Тувосарией.

Я выудила из кармана кристалл. Холодный. Острые грани. Молочная белизна и россыпь серебристых звездочек. Точно такой сейчас лежал у загадочного господина Егара. Где был еще один — никто из нас не знал. Да и какая теперь разница? Не Звезды, так война разрушит

все. Нет, ну подумать только? Нашли с кем воевать...

— Так это правда?

Я моргнула, возвращаясь в реальность. Мы снова сидели в комнате с круглым очагом и низкими диванами, но теперь все было иначе. Не было рядом Рэнса, а маги пребывали в понятном трауре. Меру спала, свернувшись клубком под цветным одеялом, Вилли читал привезенные драконом книги, Кот, растянувшись на диване, бездумно пялился в потолок.

В глазах Илама плясали отблески огня. Бинти смотрел на меня, не отрываясь и почти не моргая.

— Вы служите Темному Властелину? Это правда?

— Это что-то меняет? — Я спрятала звездный луч в карман.

— Нет. — Он ответил быстро, не помедлив. Почти.

Я усмехнулась. Известие о том, что я знакома с Владыкой Наронетора, поначалу шокировало ребят. Они изо всех сил старались делать вид, что все нормально, но между нами будто опустилась невидимая и почти неощутимая стена. Даже маги, уж на что свободные взгляды они имели, испытывали предубеждение перед Темным.

— Я ему не служу. И не шпионю на него, что бы там ни выдумывали тувосарцы. Вся эта история — одно большое недоразумение. Да, это был Темный Властелин, — я покрутила на пальце кольцо с черным камнем, — и, наверное, это прозвучит странно, но он — один из самых адекватных людей во всем вашем Ирвеоне.

Я поднялась. На диван, звякнув, упал мешочек. А я ведь так в него и не заглянула. Сунула в карман и почти забыла.

Развязала стянутую ремешком горловину. По руке скользнула размазанная тень. Да, духи теперь были повсюду. Даже в мешок умудрились забраться. Чем дольше я находилась в Ирвеоне, тем сильнее притуплялись мои чувства. Раньше, каждое появление духа или паразита казалось вспышкой молнии, теперь больше походило на равномерное теплое или холодное сияние. И только самых агрессивных я по-прежнему чувствовала остро. Боюсь, со временем, я перестану отличаться от местных, над которыми сама пару недель назад смеялась, обвиняя в слепоте. Печально.

Содержимое мешочка уместилось на ладони. Десяток блестящих монет и четыре небольших кристалла. Лунный шердонит не намного дешевле звездного и сейчас на моей ладони лежал приличный такой особняк.

— А у Властелина-то дела пошли на лад. — Я ссыпала сокровища обратно в мешочек. — Кот, лови.

Маг, не поднимаясь, совсем, как его тезка из мира животных, поймал звенящий мешочек. Недоуменно нахмурился.

— Это что?

— Отдай Меру, когда проснется. Родителей это, конечно, не вернет, но не можете же вы всю жизнь просидеть на этой горе?

— Э, так не пойдет, — заупрямился маг. — Егар кашу заварил, пусть он и расплачивается.

— Ну и отлично. Когда стрясешь с него долг — отдашь. — Я сдвинула створку двери.

— Госпожа, вы куда? — Илам подскочил, готовый бежать следом.

— В туалет я могу сходить в одиночестве? Спасибо.

Лесовик смущенно опустил на диван, а Вилли усмехнулся, не отрываясь от чтения. Кот невнятно бормотал мне вслед, но я не слушала. Упрямо закрывала за собой распахнутые

настежь двери в бесконечном коридоре. Попыталась выкинуть из головы мысли, разбить выстроившийся было план. Да и к чему себя обманывать? Не было никакого плана. Мы просто тыкались по углам, как слепые котят, плыли по течению, не зная, в какой стороне берег. По крайней мере, я не знала.

Дальний бассейн выглядел не самым лучшим образом. Маги постарались восстановить его, но во всем сквозила неправильность. Новодел, как сказал бы Черный. Тщательно подобранные прежде камни теперь стояли не на своих местах и меня от этой неправильности коробило. Да, иногда во мне просыпается перфекционист. Не к месту и не ко времени...

Духи облепили отремонтированную купальню со всех сторон. Такого разнообразия я не видела даже на Дэй-Кханабоне! Десятки, сотни видов. Большие и маленькие. Парящие и ползающие. И никого из них не интересовал слоняющийся по двору человек, все продолжали заниматься своими делами: пульсировать, извиваться, изображать растения, листики и цветочки. Парочка сильных приняла вид взъерошенных обезьянок и с наслаждением отмокала в горячей воде. Тут мне не место. Благо свободных бассейнов полно и самый дальний с противоположной стороны ничем не хуже этого.

Казалось бы, после морской прогулки меня должно тошнить от воды, а нет. Устоять перед целебными источниками было выше моих сил. В прошлый раз я не замечала потока силы. А теперь, стоило закрыть глаза, тело окутали пронзающие воду яркие полосы.

Над ухом раздался сухой смешок. Ну конечно. Закирий сидел на корточках на самом краю неровного каменного бортика. Стемнело, и только многочисленные духи тусклым сиянием освещали внутренний двор старого поместья кангов. Ткач таращился черными глазами и слегка просвечивал.

— Твои проделки? — Я плеснула водой. В глубине замерцали неоновые полосы.

Он, ухмыляясь, пожал плечами. А чьи еще? Черные ткачи — мастера наводить психоделические иллюзии. Я попыталась воспроизвести звук, которым Долгар изгнал ткачей, но добилась лишь ехидных смешков.

— Почему именно Закирий?

— Тебе виднее, — паразит развел полупрозрачными руками.

— Но ведь ты создаешь эти образы.

— Да, только все они на чем-то, да основаны, — он постучал себя по виску. — Может быть это, — он провел ладонями вдоль своего тела, — закономерное возмездие, которого ты боишься? Боишься, но знаешь, что рано или поздно оно тебя настигнет!

— Тихаас-бут-чан!

В виске стрельнуло. Закирий, не переставая ухмыляться, растворился в воздухе. Я открыла глаза. Ну, хотя бы эти слова на него действуют. Надеюсь, он не будет теперь являться мне в каждом сне. От такого и с ума можно сойти. Если я не уже...

Я вспомнила последние его слова, зло плеснула водой. Вот и искупалась. Вообще, глупо было лезть сюда, не прихватив полотенце. Отряхнулась, натянула на еще влажное тело штаны, безрукавку. Ну и мерзкое чувство. И самое противное, что дело вовсе не во влажной, липнущей к телу одежде.

Обстановка в комнате изменилась. Еще с улицы до меня долетел аппетитный запах жареного мяса. Как рефлекс, перед глазами пронесся образ добродушного дракона. Но,

конечно, Рэнса в поместье не было. Обязанности повара взял на себя Илам. У него еда получалась простой, без драконьих наворотов. Жареное мясо было именно мясом, без всяких соусов, но сочное и мягкое.

Лесовик, затаив дыхание смотрел, как я ем, и не успокоился, пока я не заверила его, что все было очень вкусно. И, надо сказать, я совсем не кривила душой. Была в этой простоте своя изюминка.

Весь вечер я непроизвольно скатывалась в раздумья, поэтому не придавала значения кружке, оставленной Котом перед моим носом, только с благодарностью кивнула, отпила глоток, не чувствуя вкуса, потом еще и еще. И только огонек, вспыхнувший в горле, а потом и в желудке намекнул, что это вовсе не чай.

— Кот, что это?

— Понравилось? — заухмылялся маг. — Мы с парнями на днях нашли тут погребок. Этому вину лет тридцать, не меньше.

— Хм... — Я допила остатки.

Где-то на грани сознания обычная, повседневная Таира вопила и призывала держать себя в руках, но мне ее мнение было неинтересно.

— Спасибо. — Я грохнула кружкой по столу перед Котом. Теперь-то я точно знала, что нужно делать.

— Плохая была идея. — Вилли отставил свою кружку.

Вот интересно. Он всегда отмалчивался. Но при этом, чувствовал больше и ярче, чем все мы. Только сейчас я заметила ровную, красноватую ауру, окружающую рыжего здоровяка.

— Интересно. — Я перевела взгляд на Кота. Этот источал чистый белый свет. Меру, вынырнувшую из-под одеяла, окутывал радужный ореол. Я не сомневалась, будь тут Рэнс, он бы сиял сапфировым огнем, а Арон — ну, как иначе — черным. Кажется, я всегда это видела, но не придавала значения.

Илам не понимал, что происходит. Хлопал обманчиво наивными глазами. Ну, конечно, зелененький, яркий, как весенний листок. Вот только я не сомневалась, что эта веселенькая зелень вмиг сменится темным, почти черным пламенем со стальным отливом. Темные росчерки нет-нет, да проскальзывали в ауре лесовика. Один из многих, ну конечно.

— Ты — идешь со мной. — Я схватила бинти за закатанный рукав. Тот послушно поднялся, беспомощно глядя на Кота. — Не забудь. — Я подала ему куртку и указала на лежащий на полу посох.

— Эй, ты что задумала? — насторожился Кот, но я шикнула на него и вышла из комнаты, поманив бинти за собой.

В воздухе пахло снегом. Природа страдала, и я слышала ее жалостливые всхлипы. Да, так и свихнуться недолго. Я переключила внимание, уселась на порожке, шнуруя сапоги.

— Госпожа, что вы собираетесь делать?

Я поднялась, уставилась ему в глаза.

— Не называй меня так. У меня есть имя. Таира.

Он сглотнул.

— Хорошо. Та... ира. Что вы... ты собираешься делать?

— Нужно больше практики.

Я снова села, похлопала ладонью рядом с собой. Лесовик послушно опустил, сложил руки на коленях, покосился на меня.

Я дошнуровала сапоги, перевела взгляд на небо. В разрывах туч плавали звезды. Где-то всходила луна, но тут, среди сосен ее не было видно.

— Времени еще много. Ночь только началась, — пробормотала я, похлопала себя по плечам. — Эй, мелочь, ты где? Я знаю, что ты тут!

Поначалу, я приняла его за наглого духа, но теперь точно знала, кто тайком пробрался мне в карман.

Комочек темноты выскользнул из моего капюшона, пробежал по рукаву и замер на колене.

— Приветствую, госпожа, — пропищал паучок.

— Еще один, — я закатила глаза, а Илам невольно улыбнулся. Я на секунду задержала на нем взгляд и сама себя одернула. Сегодня ночь только для одной глупости, самой большой и серьезной. — Тебя как зовут, и как тут оказался?

— Ара, госпожа, — заискивающе пискнул паук. — Я сбежал. Арчибальд никогда меня не отпускает, а ведь я уже не маленький!

Выглядел паучок умилительно в своей серьезности. Мы с Иламом переглянулись, и, не сговариваясь, фыркнули от смеха. Паучок надулся, зыряка на нас тремя парами глаз.

— Прости. Конечно, Арчибальд не прав. Ты достойный представитель паучьего братства, — я постаралась сделать серьезное лицо, но губы непроизвольно расплывались в улыбке. — И... Властелин не знает, что ты здесь?

— Нет, госпожа.

— А ты сможешь нам помочь?

— Конечно, госпожа. Я с удовольствием исполню вашу просьбу.

— Но разве это не противоречит вашим правилам? Вы служите только Властелину или его доверенным лицам. Не так ли?

— Все верно. Его Темнейшество одарил вас персональным знаком принадлежности к Темному Двору и обратно его не потребовал. — Паучок перебежал на мою руку и коснулся лапкой кольца. — Не вижу противоречий.

Малыш прав. Арон действительно не упоминал о моих полномочиях.

— Хорошо, дружок, покажи нам короля. Короля Тувосарии, — уточнила я.

Ара послушно засуетился, забегал, вплетая паутину вглубь реальности. Сегодня я видела чуть больше, чем обычно. Белые на фоне темноты нити не обрывались в никуда, продолжались неярким сиянием, будто впивались в ткань ночи. Звенящими и подрагивающими струнами убегали прочь, и исчезали в дали, неподвластной взгляду человеческих глаз.

Экранчик получился совсем маленький, но изображение не уступало в четкости творениям старших братьев паука.

Его Величество сладко дрыхло посреди подушечных гор. Обширная спальня тонула в ночных тенях, только два неярких ночника у изголовья бросали на короля рассеянный голубым шелковым балдахин свет.

В коридоре за дверью спальни клевали носами два стражника в форменных облегченных кирасах и открытых шлемах. Хранители королевского сна беспечно отставили алебарды в сторону: едва ли найдется безумец, способный пробраться в сердце королевства, а вот уронить тяжеленную орясину и перебудить полдворца — плевое дело.

Паучок сменил угол обзора, в конце длинного коридора скучала еще пара стражников. И так, у каждой двери. Да, просто так к Его Величеству в гости не зайдешь. Нет, вы только

подумайте! Объявил войну, а сам дрыхнет, как ни в чем не бывало! Впрочем, о чем ему беспокоиться? Захватить Наронетор сейчас, как в магазин за хлебушком сходить. Подумаешь, Властелин какой-то, было бы кого бояться.

— Странно, — пробормотал паучок, подергивая ниточки.

— Что не так?

— Не понимаю. У меня не так много опыта, но я пару раз работал с Его Темнейшеством и наткнулся на слепые зоны. Похоже, этот замок находится в одной из них. Но, почему-то мы можем видеть все, что там происходит!

— Так это хорошо!

— Нет, госпожа. Это не хорошо. Это странно.

— Сегодня эта странность играет нам на руку.

— Го... Кхм, Таира, так что ты собираешься делать? — Илам заворуженно смотрел в экран. Там снова появилось похрапывающее Величество.

— Навестим этого красавчика. — Я всмотрелась в раскрасневшуюся от сна пухлощекую и несколько простоватую царственную физиономию.

Илам перевел взгляд на меня, нахмурился:

— Не хочу быть навязчивым, но напомним: мы в розыске. Не думаю, что за несколько дней о нашем побеге забыли. А в свете последних событий, и подавно, было бы наивно полагать, что нас туда пропустят.

— Не пропустят.

— Так что будем делать?

— Найдем того, кто поможет нам навестить короля, и не нарваться на стражу!

Ворон несся по застывшей дороге. Зимняя ночь ссыпалась искрами инея с черной гривы. Я цеплялась за Илама мертвой хваткой, и в который раз поминала и короля, и Темного Властелина недобрым словом. Нет, с драконом путешествовать в разы быстрее и удобнее. Конечно, Ворон сильнее, быстрее и выносливее обычных коней, но седло-то, седло!.. Не завидую я Арону. Ему пришлось страдать гораздо дольше.

В доме было темно. Если эту лачугу вообще можно назвать домом. Скорее уж сарай. Кособокий, сколоченный из разномастных досок, подобранных на помойке. Единственное окно затягивала мутная пленка. Не похоже, что в лачуге кто-то жил, но Ара ошибиться не мог.

Илам в очередной раз тоскливо покосился на меня, но ничего не сказал. Он молчал, когда мы пробирались по вонючей канализационной трубе, по которой в прошлый раз спешно покидали город с Вилли и Рэнсом. Молчал, но очень выразительно смотрел.

— Что? — не выдержала я.

— Ничего.

— Тогда ломай.

Лесовик вздохнул и для начала просто толкнул дверь. Ему не нравилась моя затея, но раз уж назвался тенью, будь добр следовать по пятам. А мне было не до церемоний. Время убегало слишком быстро. Циферблат в моей голове неумолимо тащил стрелки по кругу, приближая определенный момент. Что это за точка я не понимала, но чувствовала, если не успею сделать, что задумала, все исчезнет. Изредка мне слышался сухой смех ткача. Его забавляло мое неведение и бессознательная тревога. Он-то, зараза, все знал наперед!

— Не заперто, — обрадовался Илам.

— Славно, — я вытащила из кармана баночку с пойманными по дороге светляками, потрясла, выводя духов из спячки. — Ну, пойдём... Ох, ты ж! — Стоило открыть дверь шире, нас накрыло плотной, почти осязаемой волной перегара, с нотками застарелого пота и канализации. — Мы по адресу...

Илам застыл с выпученными глазами, стараясь дышать через рот. Помогало плохо.

Я сжалилась над лесовиком, отдала защитную маску, а сама натянула на нос горловину балахона, еще и рукавом прижала. Иламу руки нужнее, если из темноты на нас кто-нибудь выпрыгнет.

Но никто и не думал прыгать. Даже вездесущие крысы и мохначи обходили лачугу стороной.

Дом состоял всего из одной комнаты, заваленной хламом почти под самый низкий потолок. Мы пробрались по извилистому ущелью в мусорных горах, и нашим взорам предстало вызывающее невольную дрожь и почесывание ложе. Единственный обитатель захламленного домика дрых, едва слышно похрапывая и всхлипывая во сне.

— Он?

— Без сомнений. Буди!

Илам легонько потряс спящего за плечо, потом сильнее, и сильнее. Человек не реагировал. Лесовик ухватил его двумя руками и встряхнул. Тот перекатил голову, как тряпичная кукла, хрюкнул и продолжил спать.

Я оглядела комнату, подсвечивая себе баночкой со светляками. Чего там только не было! Ящики, коробки, тряпки, сломанные игрушки, засохшие огрызки, основательно погрызенная мышами детская кроватка, закопченные горшки с отбитыми доньшками, дырявые сапоги, один в один, как у Властелина, только коричневые. Лошадиная голова из папье-маше, куча разнообразных звездочек, женское платье, бутылки, много бутылок, старое кресло с изорванной обивкой и вылезшими пучками шерсти. Ведро. Отлично. Прежде чем

Илам успел меня остановить, я подхватила его и выплеснула на спящего.

Мда...

— Кажется, это была вовсе не вода, — заметил Илам, и добавил: — Впрочем, хуже ему не стало.

Человек открыл глаза, покосился на стоящего рядом лесовика и выдал все, что думает по поводу лесных бинти. И как умудрился разглядеть в полумраке и под маской? Цензурными в его тираде были только: сын, зеленомордый и задница.

Илам многозначительно двинул бровью, но я его оттеснила, вылезая на первый план.

— Привет! Помните меня? Вы мне задолжали. Так вот, я пришла за долгом.

Как он орал!..

— Бонтир! Успокойтесь, мы не демоны! — Я едва не сорвала голос, пытаюсь переорать бывшего архитектора.

Но ничего, кроме воплей: «Демоны! Демоны!» и нецензурной брани, добиться от него было невозможно.

— Таира, ты уверена, что нам нужен именно он?

— Уверена, — я потеряла вспотевший лоб, выгребла из волос пучки свалившейся с потолка паутины и пыли.

— И без него ничего не получится?

— Скорее всего...

Лесовик вздохнул, огляделся. Изучил содержимое выстроившихся у кровати кувшинов, в одном нашлась-таки вода. Пока Бонтир отфыркивался от очередного купания, Илам встряхнулся, покрутил запястьями, будто разминался перед утренней зарядкой. Затхлый воздух в домике дрогнул, сквозь вонь проник тонкий аромат свежескошенной травы. Пьянчужка застыл, таращась на незваного гостя. А посмотреть было на что. В глазах бинти зажглись болотные огни, по лицу скользнули зеленые искры, юркнули под маску, пробежали по шее и скрылись под курткой. Фигура его окуталась едва заметным огненным ореолом, и будто выросла.

Илам лишь немного изменил голос, но даже у меня по спине и плечам поползли мурашки.

— Да, ты прав, мы демоны, — лесовик приблизился к замызанному ложу и навис над застывшим Бонтиром. — И мы пришли забрать долг. Но! Если ты нам поможешь, твоя душа останется при тебе. Пока что.

Зеленые огни отразились в остекленевших глазах архитектора. Я схватила новоявленного демона за руку и потянула назад.

— Илам, он сейчас в обморок грохнетя...

Но, Бонтир, всего лишь, окончательно проснулся и протрезвел. С трудом оторвавшись от болотных огней, повернул ко мне просветлевшее лицо:

— О, Таира! Рад вас видеть. Какими судьбами в моем скромном жилище?..

Праздничные гуляния в столице завершились неожиданным объявлением войны Наронетору. Толпы туристов, ошарашенные этой новостью, разбрелись по родным городам, а на смену им улицы запрудили не столь многочисленные, но более внушительные наемники.

Желающих надрать задницу Темному Властелину нашлось немало, а поскольку самого Властелина на всех, в любом случае, не хватило бы, задиристые парни отрывались на

жителей Вассы, из числа темных.

Прежде чем стража успела принять меры, любители легкой наживы разграбили десяток лавок и пару тракторов, принадлежащих, как им показалось, кому-то из бывших подданных Властелина. Точку в беспределе поставило покушение на ювелирный салон знатного шеттера. С этими даже король не рискнул ссориться и в Вассе ввели комендантский час.

Мы с Иламом, разумеется, ничего об этом не знали, но, умудрились пробраться к жилищу бывшего архитектора, минуя патрули.

— И как вам удалось меня найти? — Бонтир ошарашенно чесал давно немый затылок. Кажется, последний раз он видел воду в тот вечер, когда я вытащила его из реки под Тридорожьем. Я не собиралась рассказывать, что была уверена: Бонтир, как и многие любители халявы, соблазнится столичными гуляниями по поводу Дня Сошествия. Промолчала и о пауке, но архитектор уже сам сделал выводы: — а, это все ваш демон. Понимаю. — Он многозначительно покосился на притихшего Илама. — Удачную он выбрал личину. Сейчас этих зелено... кхм... его соотечественников в Вассе пруд пруди. Сползлись со всех уголков. Говорят, часть уже выступила к темнозадым.

— А почему король объявил войну?

— Так давно пора! Темный ублюдок сам напрашивался. Вырезал десяток деревень. Даже на крупный город попытался напасть. Но, тут уж ничего не вышло, наши ему на хвост сели, гнали до самой границы!

— Почему решили, что это Темный?

— А кто же еще? С ним и твари были. Такое длинноногое паскудство, тьфу!

Бонтир порывлся в куче мусора, выудил бутылку, долго принюхивался, но выпить так и не решился, отставил в сторону.

— Вы так говорите, будто сами видели.

— А то! Вас когда этот демон утащил, я в ратушу кинулся. К мэру меня не пустили. Скоты зажавшиеся, что б им три года кенолью похлебку жрать... Но, я так это дело не оставил, уговорил-таки отрядить со мной пару молодцов. Как знал! Из леса, что за Единорожкой они и выскочили. Парни из игорного дома сами бы не справились, но тут мы подоспели. Навалили им — не балуйся. Одного, правда, загрызли, из городских. Тошку подрали, но он оклемался — здоровый, лоб.

Очень интересно. Стоило мне уехать из Моховых Полян — деревню разорили. И в Тридорожье та же история. Только там тварям не повезло. Бонтир успел взбаламутить воду, внезапно напасть не получилось. Ну и охранники из Единорожки — не деревенские раздолбаи, сумели отбиться.

— А почему вы думаете, что в нападении виноват Темный?

— Так я же говорю, он сам там и был. Лично своих уродцев направил.

— Сам Темный Властелин?

— Ну да. Здоровенный такой, страшный, в плаще.

Мы с Иламом переглянулись. Человек, улетевший вчера в Наронетор никак не подходил под это описание. Высокий — да, но никак не здоровенный. Это больше подходило Рэнсу. И страшным ни того, ни другого не назовешь. Разве что... В наведенном ткачом сне Рэнс выглядел пугающе... Да ну, ерунда. Они никак не могли находиться в двух местах одновременно. Ведь тогда мы все вместе летели в Наронетор. Или уже были в Башне. Сколько там Бонтир бегал за помощью... Кстати, тоже странно. С чего бы ему так сетиться?..

И потом, длинноногие твари — красные волки, напали на самого Властелина в горах на границе пустыни. Если он сам все это подстроил, то за актерскую игру ему полагалась высшая премия.

Бонтир кашлянул. Раздумья мои несколько затянулись.

— Так какая помощь вам требуется? Я — человек честный, долги всегда отдаю.

— Правда, что вы проектировали королевский замок?

— Замок? Нет, что вы. Мне не триста лет. Я — немного моложе, — Бонтир кокетливо убрал за ухо сальную прядку. — Я работал над проектом загородной резиденции. А в замке я всего лишь перестраивал сточную систему. Его Величество устал от диких условий. У него как раз в то время появился новый советник. Заграничный. Вместе с ним мы и разработали новый план. Над самим планом, конечно, трудился я. Он, так, советовал. Он ведь советник, — Бонтир хихикнул над своей шуткой.

Архитектор долго смотрел на нас. Прикидывал, сумасшедшие мы или неудачно пошутили.

— Да вы с ума сошли! — наконец определился он. — Вы хотите пробраться в королевский замок? К королю? Вот так просто? Нет, ну, допустим, туда я вас проведу, но ведь там полно охраны! Вас немедля схватят. Не мне вас учить, и, тем более, я не намерен лезть не в свое дело, но все-таки: зачем вам это?.. Нет-нет, молчите, не хочу знать. Если нас поймают — а нас поймают! — лучше я буду в полном неведении... Впрочем... Какая разница? Они все равно запытают меня до смерти. Слушайте! А давайте, я вас в Единорожку проведу? Это рядом...

— Бонтир, не морочьте мне голову! Я хочу просто поговорить с королем. А вы обещали отдать долг. Или вы хотите нарушить свое обещание?

Илам снова придвинулся к дурно пахнущему архитектору.

— Нет-нет. Я согласен! Я проведу! — он легонько отстранил лесовика, разумно полагая, что на стражу еще нарваться надо, а демон — вот он, рядом.

Самым сложным оказалось пробраться в центр города, минуя все патрули. Но и тут Бонтир не подвел. Провел нас такими темными и запутанными дворами, где даже мохначи были редкостью.

Илам полностью переключился в режим охранника. Действовал четко и двигался так тихо, что иногда казалось, что по опустевшему городу мы с архитектором пробираемся вдвоем. Но при малейшей опасности я всегда чувствовала легкое прикосновение к руке.

Город, кстати сказать, совершенно изменился с нашего последнего визита. Пустынный, тихий и пугающий. Ни в одном окне не горел свет. Ни одного солнечного цветка не сияло на карнизе. Редкие фонари освещали центральные улицы, а у стражников имелись собственные переносные светильники, что тоже играло нам на руку.

У самой цели — маленького пруда в королевском парке — нас едва не заметил патруль, но Илам и тут сработал четко. И что бы я без него делала?!

Пруд почти полностью застыл, за исключением небольшой полыньи, куда сливались сточные воды. Круглое отверстие в холме — водосток, диаметром в метр, пряталось за вечно-зелеными зарослями можжевельника. Памятуя о ночи в заброшенном саду, левый бок противно заныл.

Решетка на сливном отверстии поддалась не сразу.

— Заржавела, — пожаловался Бонтир, пытаюсь поддеть секретный рычажок. — Так и

знал, что без меня все запустят.

Илам отстранил архитектора и с легкостью проделал необходимые действия. Решетка сдвинулась, Бонтир бесшумно поаплодировал и юркнул в темноту. Я растормошила заснувших светляков. По красному кирпичу заплясали желтые пятна.

Да, тут Рэнс точно бы не пролез. Даже поджарому Иламу приходилось непросто. К счастью, скоро труба влилась в относительно просторный тоннель, где можно было не только выпрямиться, но даже идти рядом. Ароматы в городской канализации стояли соответствующие, но даже тут дышалось легче, чем в жилище старого архитектора.

Черные тени — обитатели подземелья разбегались, едва завидев золотистый свет, спрятались в укромных уголках и посылали нам вслед бесшумные проклятия. Дважды я бормотала *слова*, но самым серьезным паразитом по всем подземелье был обессиленный черный ткач, поселившийся у меня в голове. Этот изредка посмеивался в ответ на мои мысли.

— Я тебя не напугал? — Илам наклонился, пытаясь поймать мой взгляд. — Это называется «огонь лесного бога». Честно говоря, больше для устрашения. Без божественной подпитки от него мало толку.

— Выглядит внушительно. Значит, ты тоже владеешь магией?

— В основном в теории. Кот в разы сильнее. И способнее. Если бы не ленился, мог бы стать серьезным колдуном.

— Вот как? А что думаешь о Вилли?

— Его магия другая. Темная. Его я не совсем понимаю. Он многое скрывает. Даже от себя. Меру постоянно себя сдерживает. Боится.

— А Рэнс?

— Он как ураган. Безрассудный. Тоже боится. И чувствует вину. Вы с ним похожи. Только ты не боишься.

— Ты все это чувствуешь?

— Я могу оценить уровень противника. Нас этому учат.

— Вас?

— Бинти. — Он отвел глаза, перескакивая через ручей. Тут тоннель пересекался с другим, более старым и низким.

— Внимательнее, — предупредил Бонтир, — здесь настоящий лабиринт. Эти ходы остались от старого города.

Я заглянула в ветхий коридор. Там вода текла прямо по полу. В новом для нее проделали специальный желоб в центре тоннеля.

Мы двинулись дальше. Бонтир изредка останавливался, крутился на месте, размышляя, и снова продолжал путь.

Из очередного бокового тоннеля пахло гнилью. Напуганные светом, по стенам зашуршали бледные, многоногие ползуны. Я невольно содрогнулась и ускорила шаг, догоняя Илама.

— Меня, конечно, не учили всяким трюкам, но кое-что я вижу. По крайней мере, сегодня. — Я не поворачивалась к лесовику, но чувствовала на себе его взгляд. — Тебе тоже есть что скрывать. Твой черный огонь ждет подходящего случая, чтобы показать себя. Но ты можешь его контролировать. И это хорошо.

Лесовик задумался, отвечать ли на мою фразу, но тут мы уперлись в очередную решетку. Тоннель раздваивался, огибая столб винтовой лестницы. В правом тоннеле

чувствовалось движение воздуха. И оттуда же временами доносился едва ощутимый, смутно знакомый запах специй. Бонтир непроизвольно сглотнул, объявил, что мы пришли и выжидательно уставился на Илама.

— Ломай, — в который раз скомандовала я.

Вальхоровый посох легко справился с изящным замком на узорной решетке. Дверца, скрипнув, отворилась. Подниматься по узкой лестнице можно было только по одному, а если кому-то приспичит спуститься, без тесных объятий не обойтись.

Бонтир первым ступил на пыльную лестницу. Очевидно, этим ходом не пользовались много лет. Архитектор в очередной раз пробормотал ругательство в адрес дворцовых слуг и затих. Спустил пяток головокружительных витков, я оказалась рядом с ним у крепкой деревянной двери. Следом появился лесовик. Втроем на крошечной площадке было тесно. И если против общества Илама я ничего не имела, то терпеть источающего ароматы Бонтира было невыносимо.

— Заперто, — объявил архитектор.

— Что за дверью?

— Кладовые, подсобные помещения, кухня, — архитектор загибал грязные пальцы.

— Ломай.

На этот раз Илам замешкался.

— А если там кто-то есть? Эту дверь тихо не выломать.

— Какой дурак будет сидеть в кладовке посреди ночи?

— Ваш демон прав, — азартно закивал Бонтир. — Скоро утро. Наверняка, на кухне вовсю идет работа. Его Величество поднимается рано. Поварята бегают туда-сюда за провизией.

Прекрасно. Он еще и ранняя пташка. Нет бы дрых до обеда...

Я сунула руку в карман.

— Ладно. Ара, сможешь пролезть через замочную скважину?

Паук, все это время сидевший в спичечном коробке, с готовностью выбрался, оглядел отверстие.

— Конечно, госпожа.

— Умница. Только глянь, есть ли там кто-нибудь, и обратно.

— Слушаюсь, госпожа.

Комочек темноты всосался в скважину, а Бонтир недоуменно протер глаза, но ничего не сказал. Не прошло и минуты, как Ара вернулся.

— Пусто, — отчитался он и озадаченно добавил: — похоже, во всем подвале никого нет.

Мы с Иламом переглянулись. Неужели слуги решили сегодня сделать нам одолжение и не мешать? Вот чудеса!

Спустил пять минут на месте замка зияла дыра, а дверь была аккуратно подперта корзиной с проросшим картофелем. Бледные ростки инопланетными червями, пронизывали корзину и топорщились в разные стороны. Ну и нерадивые же тут поварята!

Паук был прав. Ни в кладовой, ни в коридоре не было и следа людей. В буквальном смысле. Пол покрывал тонкий слой пыли, нарушенный цепочками мышинных тропок. Огромная кухня выглядела заброшенной. Очаг давно остыл, а воздух казался затхлым, без намека на запахи пищи.

Даже в поместье кангов не было такого тягостного ощущения пустоты и заброшенности.

— Тут есть другая кухня?

— Нет, — Бонтир покачал головой, заглядывая под крышку объемистого глиняного горшка. — Но последний раз я был здесь давно. За пятнадцать лет все могло измениться.

Архитектор выглядел растерянным, а Илам настороженно хмурился.

— Странно.

Тут я была полностью согласна с лесовиком. Чем дальше мы пробирались, тем сильнее росло ощущение неправильности. За каждым поворотом пустого и темного коридора мы ждали засевших в засаде стражников, но не встретили никого. Да и не могли же они двигаться по стенам и потолку, не оставляя следов на пыльном бордовом ковре?!

Поддавшись секундному страху, я подняла над головой банку со светляками, но и на высоких потолках никто не таился, кроме пауков. Обыкновенных, хоть и не в меру упитанных.

— Бонтир, а это точно королевский дворец?

— Ну, разумеется! — возмутился архитектор. — За следующим поворотом нас ждет мраморная лестница со звездным узором на перилах и гербами знатных родов на стенах. А за ней залы официальных приемов, дальше еще лестница, черед комнат придворных и покои Его Величества.

Память архитектора не подвела. Нашлась и лестница, и гербы и залы. Вот только...

— А где все? — растеряв страх, я распахивала вычурные двери, но везде меня встречала темнота, тишина и пыль.

— Возможно, Его Величество тоже выдвинулся к Наронетору? — предположил не менее озадаченный архитектор.

Ага, вот так за пару часов собрал весь двор и выдвинулся. Прямо в ночной сорочке и колпаке. Ведь каких-то три часа назад он мирно дрых в своей спальне, а в коридорах было полно стражников, горели светильники и не было и намека на пыль и пауков...

Так.

— Ара. Иди-ка сюда, — я уселась в нишу, занятую потускневшим доспехом.

Илам бдительно заглянул за все ближайшие углы, все с тем же результатом.

— Дружок, покажи короля.

Ара послушно сплел сеть, подергал за ниточки. Его Величество по-прежнему мирно почивало. Лампы светили. Стражники зевали. Мир и благодать.

— А теперь покажи этот коридор.

Изображение дернулось, сместилось. Длинный коридор, приглушенные лампы, мягкая ковровая дорожка, начищенный до блеска доспех. И ни следа стройного бинти, замыганного архитектора и вытянувшей ноги меня. Зато в концах коридора неизменно сонные, но бравые стражники.

— Это что за демонщина?! — Бонтир сначала рассматривал паутину, а потом уж взгляделся в изображение, щурясь и двигая бровями.

— Хороший вопрос, — одобрила я и улыбнулась пауку, — покажи нас.

Ара принялся тянуть за ниточки, подплетать паутину, бегать туда-сюда. Изображение дергалось, но не менялось.

— Достаточно. Спасибо.

— Простите, госпожа, — огорчился паучок, — я не понимаю, что происходит. Такого не случалось прежде. Наверное, Арчибальд прав. Я ни на что не годен.

— Не переживай, дружок, — я ободряюще улыбнулась. — Тут дело не в тебе. Отдыхай,

ты хорошо поработал.

Ара, тяжело вздыхая, забрался в коробок.

— И что это значит? — Илам переводил взгляд с паутины на коридор, словно в головоломке «найди десять отличий». Толку от этого не было, да и паутина начала тускнеть и расползаться, впитываясь в реальность.

— Не знаю. Похоже, что-то или кто-то блокирует сигнал, подменяет его другим изображением.

— Не понимаю.

— Я тоже.

Я поднялась, покрутила головой, разминая шею. Вся эта история с каждой минутой нравилась мне все меньше. Бонтир пришел к той же мысли.

— Думаю, мне здесь больше делать нечего. Я вас провел, свой долг исполнил. Так ведь, господин демон? — Архитектор заискивающе трепыхнул ресницами.

— Отведи нас к спальне короля, — приказал Илам.

— Но я уже привел вас во дворец...

— Условием было — привести нас к королю. Иначе договор теряет силу, — бинти снова вошел в роль, сверкнул глазами.

— Ладно-ладно, я понял, — Бонтир примирительно поднял руки, покосился на меня, — такой он настойчивый, этот ваш демон. Того и гляди, уже вы в должниках останетесь... Да шучу я!

Идти нам оставалось недолго, но архитектор остановился посреди коридора, хлопнув себя по лбу.

— Вспомнил. На днях я среди наших встретил одну... даму. Она любит прихвастнуть, мол, раньше служила посудомойкой в замке. Никто ее особо не слушает. Но, ведь, и мне мало кто в Тридорожье верил, и вот мы здесь! А все почему? Потому что я — не вру! Должно быть, и она говорила правду. А говорила она, что почти всех старых слуг из дворца распустили, а набрали новых, заграничных. Ох и возмущалась она, мол, столько лет служила, ни одного нарекания не слышала, а тут — на тебе, считай, по миру пустили...

— Заграничных, значит? — Я невольно поежилась, по рукам и ногам пробежала волна мурашек.

— Интересно, насколько далеки эти границы? — Илам озвучил мою вторую мысль.

— Да боги их знают, — отмахнулся Бонтир, безбоязненно распахивая очередные двери, — очевидно, тут нет ни местных, ни заграничных. О! Наверное, они в летный замок переехали. И как я не догадался?! — Он снова хлопнул себя по лбу. — Разумеется, там куда лучше, чем в этом сыром склепе.

Беспечности архитектора можно было только позавидовать. Он уже выкинул из головы показанные пауком картины, если и раньше придавал им хоть какое-то значение.

— Ну, вот и пришли.

Резные двери ничем не отличались от показанных пауком, только золоченые ручки опутывала пыльная паутина. Стража отсутствовала.

На пороге я замешкалась, отвлеченная хихиканьем ткача. Тот веселился от души, понимая, что кроме меня никто его не слышит. Нет, надо с ним разобраться!

Я ухватилась за ручку, догадываясь, что ждет нас за дверью. Но ошиблась. Нет, в спальне нас не поджидала засада. Там было пусто, как и во всем замке. Но вот кровать короля... Кровати, строго говоря, и не было. На ее месте чернела огромная клякса

ОПЛАВЛЕННОГО КАМНЯ.

— Боги всемогущие! — воскликнул потрясенный Бонтир. — Что здесь произошло?!

Да, господин архитектор, вы правы, король, действительно переехал. И склеп вы упомянули очень кстати, но он — увы! — не пригодится. После этого заклинания хоронить попросту нечего.

— Что это? — Илам всмотрелся в черные потеки. — Впервые такое вижу.

А я уже встречала подобные отметины. Сто лет назад, в Темной Башне. Тогда Арон промазал. А здесь, похоже, попал в цель.

Черный говорил, что этим заклинанием владеет только Темный Властелин. Так что сомнений нет, чьих рук это дело. А если учесть его невеликие способности — один удар и отключка на сутки — не обошлось без помощника. Кто еще, кроме верного дракона пойдет на такое?..

— Странные следы. Похоже на заклинание, — Илам ковырнул носком сапога уродливый нарост, но лишь стер толстый слой пыли, — очень старое заклинание. Тут много лет никого не было. Даже в коридоре пыли меньше... Таира? Что с тобой?

— Все в порядке. Пойдемте, нечего тут делать.

Не дожидаясь спутников, я покинула королевскую спальню.

Какой смысл тут оставаться? Переговорить с королем я не могу, поскольку король давно мертв. Да и зачем мне это? Остановить войну? А стоит ли в нее вмешиваться? Если эти ребята все время так умело ломали комедию, то и с войной как-нибудь разберутся. Непонятно только, как им удавалось так долго скрывать, что король мертв... Да и черт с ними! Какое мне дело до Тувосарии, Наронетора и всего этого гребаного Ирвеона? Возьму Ворона, поеду к Западным Горам. Найду зацепки. Вернусь домой.

— Таира! — Илам схватил меня за плечо. — Постой, куда ты?

Я вынырнула из размышлений, огляделась. Занятая невеселыми мыслями, я не слышала ни слова, зато успела дошагать до галереи с высокими, до самого фигурного потолка окнами.

— К выходу. Тут ведь есть нормальный выход? Сомневаюсь, что король и компания ходили через подвал.

— А как ты выберешься за стену? Мост на ночь поднимают, а ворота запирают. Через обычные двери отсюда не выйти. То есть... Можно попробовать, но проще уйти через подземелье. Тем более, на улице стража. Они очень удивятся, если мы выйдем через парадную дверь.

Он настороженно смотрел мне в глаза. Ждал.

— Стража? — недоумевала я. — Охраняют пустой дворец?

— Смотри, — он отобрал у меня банку со светляками, оставил ее на полу, а сам осторожно подошел к окну.

Сквозь цветные стекла в галерею проникал свет фонарей. Натяканные вдоль широкой дорожки, огибающей замок по кругу, они не оставляли и пятючка тени. По дорожке вышагивали солдаты в знакомой форме. Замковая стена возвышалась непреодолимой преградой с редкими мерцающими огоньками на вершине.

— Ладно, пойдем обратно. А где Бонтир?

— Был здесь... Твоя банка пропала!

В гулком коридоре мы остались вдвоем. За пределами освещенной галереи нас ждала

темнота, и только отдаленные шлепки расхлябанных сапог давали понять, что старый проныра не растворился в воздухе, а сбежал.

— Вот, скотина трусливая!

— Стой, — Илам удержал меня за рукав. — Пусть бежит, я дорогу помню.

— В темноте?

— Не страшно, — он пожал плечами.

— Ладно, как скажешь, — я безразлично пожала плечами и побрела за лесовиком, придерживаясь за край его куртки.

Шальная энергия от выпитого вина испарялась. Да не такая уж и шальная она была на этот раз. Усталость сковывала тело. Пустота и апатия расплзлась из затянувшейся дыры в груди. Ткач бессильно выл. Ух, он бы сейчас разгулялся, да только Кейя хорошо поработала, пускай и не идеально.

И зачем я потащила в этот замок? Это все вино. Все оно. Ну и дурная же была идея. Только время потеряла. Сейчас была бы уже далеко на западе... А стоило ли оно того?.. Что я получила? Что я хотела получить? Нет. Польза была. И немалая. Ух, ненавижу, когда из меня делают дуру! Ну, надо же, вы только подумайте! Пацифист! Ха!

Мысли путались, настроение менялось от уныния к злобе, от воодушевления обратно к унынию.

Ну ладно, ну ничего. Теперь-то я знаю, что делать. Западные Горы — дом. Все просто.

Илам остановился. Я ткнула ему в спину.

— Значит, ты хочешь вернуться домой?

Сама не заметив, я бормотала вслух. Я хочу вернуться домой? Конечно, хочу. Чего же еще мне хотеть? Я повторяла себе изо дня в день, и теперь эта фраза: «я хочу вернуться домой» стала какой-то безликой и лишённой смысла. Пришлось постараться, чтобы понять, что же она для меня означает. Я. Хочу. Вернуться. Домой.

— Все верно.

Молчание.

— Я поеду с тобой.

— Не получится. Мой дом слишком далеко.

— Не страшно.

— Ты не понимаешь.

— Объясни. Я понятливый.

Я отлепилась от его спины и попыталась посмотреть в лицо, но в крошечной темноте ничего не разглядела.

— Ты изменился. Сейчас ты говоришь по-другому.

Он глубоко вздохнул, по коже скользнул едва ощутимый ветерок с ароматом свежескошенной травы.

— Ты дала мне свое имя. Хочешь, чтобы я его вернул?

— Не понимаю.

В темноте зашуршало. Илам коснулся моей руки.

— Ты велела мне называть тебя по имени. Теперь мы на равных, но я по-прежнему служу тебе, ведь мою клятву ты не возвращала. Если тебе это не нравится, я верну твоё имя, и все станет как прежде... Госпожа...

— А если я верну твою клятву, ты перестанешь мне служить?

— Да. — Он колебался лишь долю секунды. — Если мое присутствие вам в тягость, я

уйду, госпожа.

Я выдернула руку из его пальцев.

— Я не просила возвращать мое имя! — Слова отразились от невидимого потолка и дробью ускакали по темному коридору. — Как у вас все просто! Отдал, забрал. Никаких сомнений. Будто программу из компьютера стереть!

— Тише! — Лесовик зажал мне рот ладонью и прошептал: — тут кто-то есть.

— Бонтир? — прошептала я, отстраняясь. Злость исчезла, уступив место первобытному страху темноты. Или того, что темнота скрывает.

— Нет. Тут другие следы, — прошелестел он над моим ухом.

— Я ничего не вижу.

— Я вижу. Это не духи. Люди.

Теперь уже я вцепилась лесовику в руку и ступала как можно тише. Едва дыша, мы добрались до подвала. И тут Илам снова остановился.

— Они пришли из подземелья, следом за нами.

— Стража?

Илам не ответил, но я представила, как он с сомнением двинул бровью. И тут же оттолкнул меня, раздраженно цыкнув. Шорох в коридоре мы слышали одновременно, но он среагировал быстрее.

Я влетела в распахнутую дверь и кувырком скатилась по лестнице в кладовую, а дверной проем осветила ослепительная вспышка. Всего лишь факел, но тот, чья тень ринулась следом за мной, заставил бежать, как от целого пожара.

Пустынный генерал споткнулся на полпути, факел пролетел мимо меня, освещая кладовую и потайную лестницу. В коридоре закричали, но я не смотрела и не слушала. В очередной раз скатилась, теперь по винтовой и замерла на секунду, пытаюсь усмирить бешено колотящееся сердце.

— Вот черт! — только и прохрипела я.

Винтовая лестница и толстые стены глушили звуки, но из кладовой доносился едва слышный звон стали. С каждым ударом сердца все ближе. Значит, с ним все в порядке. А вот со мной не будет в порядке, если останусь сидеть на месте. Вальхорового посоха у меня нет. У меня вообще ничего нет, кроме дурацких *слов*, бесполезных, против пустынников!

В крошечной темноте я не прошла и десяти шагов, как за поворотом показался пока что тусклый отблеск огня. И там они! Обратно! Я ткнулась в решетку, зашарила руками. Два хода. Какой выбрать? В левом застыл тяжелый, будто выжидающий воздух. Ну, нет, спасибо!

Темнота была почти осязаемой. И ни одного паразита, ни единого клочка милой светящейся плесени... Тоже мне, подземелья! Придерживаясь за стену, я пошла по правому тоннелю. Вот бы тут никакой ямы не встретилось...

Рука провалилась в пустоту, и я едва удержала равновесие. Фух! Всего лишь, боковой тоннель... Ох, зараза, тут и заблудиться недолго.

Чуть впереди стукнул камешек. Темнота зло фыркнула. В трех шагах от меня вспыхнул огонь.

— Доброй ночи.

Я отскочила, радуясь, что мне встретилась не золотоглазая шеттерка. Та не стала бы разговаривать, молча прирезала бы в темноте, а потом уже разбиралась, того или нет.

Этого наемника я уже встречала в Единорожке. Неприятный тип со стянутым на затылке хвостиком. Впрочем, все пустынники так себе люди.

— Что вам от меня нужно? — я попятилась вдоль стены.

— Ты прекрасно знаешь, что, — он едва заметно ухмыльнулся.

— Вот уж понятия не имею. Я обычная честная девушка. Не понимаю, что вы ко мне прицепились!

— Честные девушки в королевский замок ночами не пробираются и с темными личностями не водятся.

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут в голове зазвенело — ткач вопил нечеловеческим (то есть своим собственным, с перепуга) голосом. Я обернулась. Как вовремя! Незнакомый лысый тип, судя по одежде и манере держаться, тоже из пустынников, подобрался почти вплотную. Я нырнула ему под руку и понеслась по боковому коридору. Наемники перебросились ругательствами и побежали следом.

Подлое подземелье коварно разделилось, и я со всего маху налетела на стену, замотала головой, отгоняя колокольный звон и фейерверк огней. Последние уходить не спешили. Светляки! Как не во время... Пустынники топали совсем близко, и мне снова пришлось выбирать между двумя одинаковыми коридорами.

Огоньки устремились за мной, словно маяки для генералов. Я сердито выплюнула слова. Светляков унесло по коридору, словно сдвинули мерцающую стену. Преследователи удивленно заворчали.

Коридор вновь раздвоился, а по стенам заструилась синеватая плесень. Пустынники отстали, но я и не надеялась надолго от них оторваться. Они отлично ориентировались в темноте и, похоже, неплохо знали городское подземелье.

Ткач ругался и обзывал меня на все лады. Еще бы. Он хотел жить, а если убьют меня, погибнет и он, ведь ни размножаться, ни менять носителя он не мог. Я немного позлорадствовала, но отвлекаться на беседы с жителями собственной головы не было времени. Тоннель принял совсем ветхий и пугающий вид. Похоже, я окончательно заблудилась.

Стоило запаниковать, как старый тоннель с гирляндами скользкой плесени выплюнул меня прямо в объятия лысого пустытника. На этот раз наемник среагировал как надо, ухватил меня за рукав и ошалело выпучился, пытаюсь сообразить, как мне при этом удалось отпрыгнуть на два метра. Толстые пальцы с черными ногтями все еще сжимали мой рукав, а из обрубка толчками вытекала кровь. Я вскрикнула, пытаюсь стряхнуть отрубленную руку.

Он закричать не успел, голова лопнула под вальхоровым посохом, как спелый арбуз. Я отвернулась, чувствуя на лице и шее горячие капли и подкатывающую к горлу тошноту.

Факел покотился по сырому полу, рассыпая искры. Пальцы мертвого пустытника застыли в судороге, и мне все никак не удавалось оторвать их от рукава. Проще отделаться от балахона. В последний момент я вспомнила о содержимом карманов и с зажатым кулаком обернулась.

— Ты в порядке? Не ранена?

Ого! Он принимал кровавые ванны, что ли?

Илам приблизился на шаг. В правой руке посох, в левой — отобранный у одного из пустынников меч. В свете плюющегося искрами факела, лесовик выглядел пострашнее пустынного генерала.

Я сглотнула подступивший к горлу ком и попятилась. Выходит, он очень бережно обошелся с тюремной охраной... Пылающие темной зеленью глаза зыркнули в сторону. Бинти развернулся, встречая новых гостей.

Их было четверо. Первым подоспел здоровяк с растрепанным пучком белых волос на затылке. Зло сплюнул.

— Ах ты тварь зеленомордая!

Золотоглазая шеттерка поморщилась. Не от вида погибшего товарища, а от чрезмерных и неуместных, по ее мнению, эмоций живого.

Я отступила еще на шаг. Черный коридор за моей спиной дышал пустотой и все тем же знакомым запахом специй.

Беловолосый качнул мечом. Илам принял стойку и среагировал быстрее, чем пустынный шагнул ему навстречу. Для человека лесовик двигался слишком быстро. Я едва успевала следить за перемещением размытой тени с серебристыми прочерками стали и вальхора. Так могла двигаться только сама смерть.

Но и пустынные генералы не были простыми наемниками. В скорости они уступали лесовику, но брали количеством. Никто из них не стал благородно ждать, пока бинти покрошит беловолосого в капусту. Напали все разом. А за их спинами из темноты тоннеля возникли еще три фигуры.

Стены коридора окрасились бордовым. Металлический запах горячей крови смешался с вонью подземных нечистот и дымом от чадающего факела. Крики, ругань, стоны превратили подземелье в филиал ада. Я зажала уши руками, не в силах оторваться от жуткого зрелища. Отступила на шаг, потом еще и еще.

Почему он не уходит? Зачем он делает это?

Меня окатило холодной волной. Пока я тут, он не может отступить. Ни за что не отступит.

— Илам, я возвращаю твою клятву!

Лесовик вынырнул из смертоносного облака, замер на секунду и пропустил удар. Меч прошел вскользь по плечу. Илам даже не вскрикнул, снова обратился демоничекой тенью, а я бросилась бежать в темноту.

Металлический лязг стих за поворотами тоннеля. Зачем я полезла в этот гребаный замок? Боги всемогущие, о чем я думала?..

Я брела по тоннелю, освещенному тусклой голубоватой плесенью, меня колотила крупная дрожь, а стрелки на воображаемом циферблате подступали к горящей красным отметине. Ткач разумно молчал, но мне хватало урагана разрозненных мыслей.

Запах специй становился все сильнее, и я уже почти вспомнила, где слышала его, как вдруг за спиной послышались шаги. Я свернула за угол и уперлась в массивную деревянную дверь.

Угрюмый гроон молча взирал на меня с медной ручки. Я толкнула дверь, потянула на себя. Заперто! В панике зашарила ладонями по двери, словно надеялась найти потайной рычаг. Но, ни рычага, ни замочной скважины на сплошном темном полотне не было. Волна холодного страха подступила к горлу. Ни на что не рассчитывая, в панике я прошептала слова.

Щелчок я почувствовала, а не услышала и, не медля ни секунды, распахнула тихо скрипнувшую петлями дверь. Запах специй и равномерное зеленоватое сияние драконьим пламенем вырвались в коридор, и я поспешила закрыть дверь, но тут же о ней позабыла. Над полом круглой комнаты, выложенной темным кирпичом, возвышался каменный бортик колодца, из которого поднимался столб рассеянного зеленого света.

Дверь снова скрипнула. Я, в ужасе, обернулась. Посох тяжело опустился на пол. Илам опирался на свое оружие, насквозь пропитанный кровью. Своей и чужой. Плечо он спешно, но умело перемотал обрывками моего балахона.

— Нужно уходить, — бинти прошел мимо, осмотрел неприметную лестницу, отлично замаскированную под неровную кладку, и первым заглянул в колодец. — Что это? — он попытался стереть с глаз засохшую кровь, а заодно проверить, не мерещится ли ему.

Я заглянула следом. Колодец был не глубокий — не больше трех метров — и сухой. Дно устилал слой мелких шариков. Именно они источали свет и аромат.

— Душистый перец?

Мы переглянулись, посверлили друг друга глазами и расхохотались. Напряжение, страх и азарт боя вылились в неконтролируемый истерический смех. Еще и перец этот, заполнивший своим едким запахом все подземелье... Как ни крути, находка была до жути странной и нелепой. Что можно прятать в старом подземелье? Фамильные тайны? Сокровища? Трупы врагов? Но никак не специи! Или это вовсе не специи?..

— Илам!

Пустынник воспользовался нашей истерикой и подкрался совсем близко. Лесовик вскинул руку, забыв, что меча в ней нет, и поймал лезвие ладонью. Перчатка со стальной накладкой лопнула, следом треснула кость, лезвие опустилось ниже. Медленно и нереально. Будто все мы трое на бесконечно долгий миг застряли как мухи в янтарной патоке времени. А я поняла, что падаю. Падаю, и не успеваю схватиться за подставленный посох. Не успеваю, или не хочу?

Посох медленно достиг дальней точки и понесся обратно. Я слышала хруст ломающихся костей, но меня уже поглощало зеленое пламя.

— Таир, подъем! Таира, вставай, сонная задница, уже четыре часа, ну серьезно, сколько можно дрыхнуть? Все что можно ты уже проспала. Эй, так и жизнь пройдет!

Несильный, но чувствительный тычок в плечо.

— Отвали, Черный!

Громовой раскат хохота.

— Ха-ха... На поезд опоздаешь, расистка.

Я подскакиваю, с трудом разлепляя опухшие глаза.

Фарид с укором качает головой. Собранные на макушке дреды шевелятся, как змеи. Катя, Пашка, Жанна сидят тут же. Сашка и Игнат из двести пятой смеются из-за полуприкрытой двери.

— Вот так полбокала шампанского делают из нормальных людей расистов! — Фарид печально вздыхает, но в ореховых глазах бегают смешинки.

— Ничего не понимаю...

— А я говорила, не надо алкоголя, — Жанна меланхолично разглядывает идеальный черный маникюр.

— Ребята, ну вы даете... — я обессилено падаю обратно на подушку. Приснится же такое...

Дорога домой. Долгая. Бесконечная. Почему поезд? Я ведь не боюсь летать... Кажется. Последнее время что-то странное со мной творится. Голова плывет. Неужели все из-за шампанского? А ведь я предупреждала...

Тянутся бескрайние поля за окном. Мелькают деревья, кусты, станции и полустанки. Стучат колеса, качается вагон, однообразные пейзажи усыпляют. Из темноты выплывают огни и тут же исчезают. Сколько это продлится? Долгая, бесконечная дорога. Среди людей и в одиночестве.

Каникулы. Временная работа. Дом. Все на удивление гладко. Мило и приторно. Мягкая, знакомая с детства постель, вкусная еда в столовой за углом. Вкусная? А вот тут бы немного соуса. Только какого? Что за новые столичные привычки? Да нет, не столичные. Так ведь вкуснее?

Лето проносится быстро, как сон. Как всегда. Будто это не ты еще вчера ныряла с головой в прозрачное море, не ты убегала от подкравшейся незаметно медузы, не твои следы смывала с золотого песка волна, не ты пыталась ухватить морскую пену, как исчезнувший, забытый сон.

— Тай, у тебя все в порядке?

— Угу.

— Тогда почему ты в два часа ночи лежишь посреди двора?

— Я покрывало постелила.

— Я вижу.

— Такие крупные звезды.

— Как и всегда.

— Да, я знаю.

Огонек сигареты притворяется звездой, а потом гаснет. Окурочек исчезает в глубине клумбы.

— Дед наверняка знает, что ты ворует у него сигареты.

— Лучше сигареты, чем деньги.

Брат широко зевает, чешет укушенное комаром плечо.

— Тебе никогда не казалось, что сны реальней... реальности?

Брат фыркает. А я запоздало вспоминаю, с кем говорю. О да, он каких только «снов» не повидал за свою недлинную жизнь. Чудо, что выбрался из того болота.

Он уходит, не впечатленный ночным небом, а я остаюсь. Смотрю до боли в глазах, стараюсь запомнить до последней звезды. Такое знакомое, и такое чужое. Вот бы забрать его с собой...

Самолет отрывается от земли. Сердце замирает в предвкушении. Нет, летать я не боюсь. В облаках мелькает серебристое крыло... черное крыло... Ну что за бред?

Первый день, второй, десятый. Лекции, семинары, встречи с друзьями. Новый семестр, новые предметы. Учебный год закружил меня, засыпал проблемами и задачами, как градом. Недели мчались, будто во сне.

— Фарид?

Опаздывая на лекцию, я бежала по пустому коридору. Шаги гулко отдавались в голове. С утра меня мучила страшная головная боль. Уже неделю она незаметно преследовала меня. Осторожно ощупывала виски, едва ощутимо гладила затылок, похлопывала по макушке, а вот сегодня, не стесняясь, расправила крылья, впиалась когтями в мозг.

Аудитория полна. Преподавателя еще нет. Успела! Море голов со смазанными лицами, шум голосов, как рокот прибоя. Я пробралась на свободное место и застыла в недоумении.

— Ты тут откуда?

Фарид усмехнулся, озабоченно вытянул шею, высматривая кого-то среди десятков студентов.

— А ты как думаешь?

— Понятия не имею. У меня так болит голова, что я плохо соображаю. Я думала, ты на работе.

После каникул я почти не виделась с другом. Прежде он торчал у нас круглыми сутками, а после выпускного с головой погрузился в работу. И, вот, пожалуйста, как ни в чем не бывало, заявился на лекцию.

Фарид заметно нервничал.

— Тогда я пойду. Если ты считаешь, что меня тут не должно быть.

Я застыла с открытым ртом. Это еще что такое? Обиделся? Нет.

— Фарид, ты странно себя ведешь. Все в порядке? Фарид?

Но он уже поднялся, пролез через оживленно болтающую компанию и скрылся в коридоре.

Тяжелая деревянная дверь снова отворилась, впуская преподавателя.

— Добрый день. Меня зовут Ткачев Захар Константинович. Запишите. Психология внутриличностного конфликта. В ладах ли вы с собой? Знаете ли, чего желает ваше Я?.. Да, вы что-то хотели?

— Простите, я, кажется, ошиблась аудиторией, — я поднялась, пытаюсь протиснуться между хихикающими студентами. — Я сегодня точно не в ладах с головой. У меня сейчас

другой предмет.

— Нет, останьтесь, — он сверился с записями, — Таира, верно?

— Да...

Ну, ничего себе! Когда это я стала настолько популярна, что незнакомый преподаватель знает меня по имени?!

Мне так и не удалось выбраться из-за стола, зато он беспрепятственно прошел между галдящими студентами, нашел свободный стул в соседнем через стол ряду, оседлал его задом наперед и устался на меня.

— Поговорим о ваших противоречиях. Вы знаете, что под воздействием внутреннего конфликта человек, как правило, меняет окружающий мир, подстраивает его под собственные желания? Совершенствует окружающее и совершенствуется сам. Наполняет жизнь смыслом... Есть в вашей жизни смысл?

Я застыла с открытым ртом. Аудитория погрузилась в тишину. Человеческие фигуры окончательно размылись, стали ничего не значащим фоном, а в голове продолжал стучать огромный молот, мешая вспомнить, где я видела этого человека. Среднего роста, лет сорок, короткие светло-русые, а скорее бесцветные волосы, залысины, серые глаза. Холодные и жесткие.

— Я вас знаю?

— Я представился.

— Не понимаю...

Он склонил голову на бок, осмотрел меня, потом обвел рукой аудиторию.

— Это действительно то, чего ты хотела? К этому стремилась? Сюда бежала?

— Э... Нет, я говорю, что ошиблась, у меня другая...

— Да, мне тоже кажется, что это ошибка. Скука смертная, если честно, — он задрал голову, осмотрел потолок. — И самое забавное — ты это прекрасно понимаешь. И злишься на себя. Уж я-то знаю! — Он постучал себя по виску, моргнул. Серые глаза. Черные глаза.

Я отшатнулась, едва не падая со стула. Молот бил без остановки, и, наконец, пробился. Серебристые осколки прыгнули в стороны. Я зажмурилась, обхватила руками готовую разлететься на куски голову, а когда открыла глаза, он все еще сидел передо мной в пустой аудитории.

— Не так я себе представлял твой мир. — Закирий осмотрел свой строгий серый костюм, поморщился и принялся отряхивать его с себя, как пыль. Спустя минуту он уже сидел в привычной одежде охотника и таращился на меня черными глазами паразита. Закирий. Черный ткач. Моя персональная головная боль.

— Что происходит?!

Ткач приходил только во сне. Я сплю?

— Ох, подустал я от этого. — Он почесал небритый подбородок, замахнулся непонятно откуда взявшейся книгой и обрушил ее мне на голову. — Просыпайся!

Я с трудом разлепила опухшие веки. В комнате было светло. Солнце проникало через полуоткрытые жалюзи, яркими полосами ложилось на пол и выкрашенную светло-зеленой краской стену. Из открытого окна доносился шум улицы: гомонили птицы, в отдалении кричали и смеялись дети, гудели машины. В комнате что-то шумело и попискивало. Я скосила глаза. Мигающие огоньками приборы, трубки. Больница?!

Я подскочила, едва не опрокинув стойку капельницы.

Что за черт? Почему я в больнице? В голове пульсировал вакуум. Будто резко схлынувшая боль, схлопнувшаяся дыра.

Я покрутила затекшей шеей, осматриваясь. В палате три кровати и только одна занята. Мной. Свежевыкрашенные стены и потолок (кажется, даже можно уловить запах краски), новый линолеум, новые светильники, белая дверь с застекленным окошком, маленькая раковина. Чисто. Тихо. Странно.

В коридоре промелькнула черная тень, вернулась, уставилась на меня через стекло усталыми удивленными глазами.

— Таира! Господи!

Дверь распахнулась, тень метнулась ко мне и остановилась в шаге от кровати.

— Странно слышать, как ты упоминаешь бога, — прохрипела я.

Подруга отмахнулась. Жанна, готическая принцесса. Объект восхищения и шуточек на сатанинскую тему едва не плакала, глядя на меня.

— Ты очнулась! Я сейчас кого-нибудь позову.

— погоди! — Я рванулась вперед, схватила подругу за руку. — Ничего не помню. Как я тут оказалась?

— Ты упала. На выпускном. Выпускной помнишь? Мы думали, ты... Ты четыре дня была без сознания. Врачи не понимали, что с тобой. Таскали по всяким томографиям, а ты просто не приходила в себя. Мы уже собирались звонить твоему деду...

— Но не позвонили, надеюсь?!. — Я выдрала из руки иглу капельницы и уставилась на пальцы. Кольцо. Серебряное плетение, черный камень. Перед глазами пронеслось воспоминание. Мимолетное видение. Я потеряла глаза.

— Нет, не успели... Я все-таки позову медсестру.

— Четыре дня? Прошло четыре дня?! — Я лихорадочно пыталась вспомнить, посчитать. Снова наткнулась взглядом на кольцо. Откуда оно здесь? Кажется, я видела его во сне.

Я спустила ноги с кровати, стыдливо одернула задравшуюся рубашку. В бедро впилося что-то твердое. Я откинула одеяло.

— Что это? — Жанна прищурилась на блестящий камушек.

— Не знаю... — Я подняла двумя пальцами кристалл с молочными разводами и вкраплением серебристых искорок.

— Может быть, дети принесли? Здесь рядом детское отделение. Они иногда прибегают. Медсестры их выгоняют, а они все равно пробираются... Нам, вообще-то тоже нельзя сюда заходить. Но Фарид добился, чтобы нас пускали. Ты же его знаешь... Он тут два дня сидел безвылазно. Кажется, все дреды себе повыдергал. Так переживал.

— Фарид?

Вот уж странно. Мы с ним хорошо дружили, но не настолько, чтобы круглосуточно у постели дежурить.

— Да он вбил себе в голову, что это из-за него ты сознание потеряла. Мы сначала решили, что ты подавилась. Ты же только откусила этот его пирог и сразу глаза закатила. А он все кричал: «Это я виноват. Это я!». Короче, помешался человек. Но, главное, что ты пришла в себя... Куда ты?

Я поднялась на ноги и снова опустилась на кровать. Действительно. Куда я собралась? Я раскрыла ладонь. Камень. Камень и кольцо. Откуда?

— Опять ты тут?

Дверь бесшумно открылась. Невысокая, полная медсестра в голубом костюме устало

покачала головой. Жанна ретировалась, а я погрузилась в череду больничных процедур. Снова томография, забор крови, давление, температура, фонариком в глаз...

Спустя полтора часа я вернулась в палату. Выгребла из-под подушки камень, натянула кольцо на палец. В голове мелькали обрывки мыслей, будто я пыталась ухватить слишком шуструю и игривую рыбку. Вот она подплывает совсем близко, но стоит протянуть руку, как она проскальзывает сквозь пальцы и исчезает.

Дверь снова распахнулась во всю ширь и меня едва не снесло ураганом. И все в порядке с его дредами...

— Фарид, что на тебя нашло? — Я с трудом вывернулась из объятий.

— Я думал, ты тоже... Что врачи говорят?

— Все в норме. Я просто спала, а сейчас проснулась. — Я пожала плечами. — Осталось дождаться результатов еще одного анализа, и если с ним все нормально, завтра выпишут.

— Хорошо... — Он устало опустил плечи, потер глаза. — Я думал, с ума сойду. Честно.

— Да ладно тебе, — я шутливо ткнула его кулаком в плечо. — Подумаешь... Хотя бы выпалась. Такая мне чушь снилась... — Я скосила глаза на кольцо.

— Слушай, прости меня.

— Да за что?!

Приятель совсем скуксил, принялся бормотать про пирожки и своего деда, про их ресторан и снова про пирожки.

— Остановить. Хватит. Нет никакой связи между вашей семейной выпечкой и моим обмороком. Не знаю, что ты себе навывдумывал, но я просто устала. Эта учеба, экзамены, все меня доконало. Наверняка мне в газировку шампанского налили. Вот и все. Ты не виноват. Просто случайность.

— Ошибаешься. — Фарид прикусил губу. — Такое уже было. Больше двух лет прошло. Мы тогда отмечали день рождения Игоря. Я тоже принес эти долбаные пирожки... Ты ведь знаешь про Игоря Ложкарева?

— Это брат Антона? — Я нахмурилась, припоминая, что слышала о нем. — Говорили, он долго болел, но подробностей не знаю.

— Он тоже просто упал. И больше не очнулся. Третий год в коме. Врачи не понимают, что с ним. А ты ведь знаешь, кто его родители! Они кучу денег потратили, но все без толку.

Приятель, поджав губы, смотрел на меня виноватыми глазами.

— Чушь какая-то! Из-за пирожков? Seriously? Хорошо. Если ты так уверен, не проще ли отправить ваши пирожки на экспертизу?

— Отправляли. Все в порядке. — Фарид потерянно поник.

— Вот видишь! Зачем себя накручивать?..

— Но я нутром чую!

Я помотала головой, отгоняя дежавю.

— Фарид, дружище, может быть это тебе уже пора томографию делать? А... погоди! Антон! С ним ведь тоже что-то случилось? — Я уставилась на стену. Солнечный луч отразился от стакана на тумбочке, преломился, окрашивая кусок стены радугой. Но видела я совсем другое: лес гигантских деревьев, кучи опавшей листвы, радужных тварей, бегущего по склону блондина.

— Да... — взгляд Фариды остекленел.

Нет, не может это быть правдой! Но... Я сжала кристалл в кулаке, раскрыла ладонь, поднесла ее к солнечному лучу. По стенам закружились серебряные искры, а в голове,

наконец, сложился пазл. Повозка кенолов, заснеженные горы, поместье кангов, башня, дракон, окровавленный человек... Но, как?! Едва слышный только мне скрипучий смех.

— Фарид, дружище, так что там с вашими пирожками?

Дедушка Фарид много лет держал маленький ресторанчик. Просто так. Для души. Е деньгах их семья никогда не нуждалась: одна из крупнейших фирм, производивших специи принадлежала им уже больше ста лет.

Все только посмеивались над чудачеством старика. Убытков от заведения было больше, чем дохода. Эльбек Хасанович мог запросто набрать персонал и открыть нормальный ресторан, но он продолжал сам подбирать специи, выискивать рецепты, готовить для своих. И однажды его многолетние труды увенчались успехом. Пирожки с мясной начинкой по секретному рецепту произвели настоящий фурор. Посетители повалили толпой, так что дедушка подумывал, не прикрыть ли ресторанчик вовсе, к такому сумасшедшему вниманию он не был готов. Но дети отговорили.

Все продолжалось ровно до того дня, когда младший внук попросил его приготовить угощение на день рождения друга.

— Антон тогда взбесился. Едва меня не убил. Я вообще ему не очень нравился, если честно... На следующий день ресторан деда сгорел. Якобы, случайно. Я сначала смеялся над его обвинениями, вот как ты сейчас, а после пожара разозлился, едва до рукоприкладства не дошло. Я-то прекрасно понимал, чьих рук это дело... Потом вмешались наши, все замяли... Провели экспертизу, ничего в пирожках этих несчастных не нашли. Ну, ведь, правда, сотни людей ели и ничего... Случайность. Дед расстроился, конечно. Больше тот рецепт не вспоминал. А на той неделе решил порадовать внука. Порадовал... Я даже не знал, что именно он готовил. Потом только, когда я рассказал о тебе, он сам чуть в больницу не загремел. Давление подскочило... Сегодня, лучше стало. Он все грозит выкинуть этот проклятуший горошек...

Фарид вышагивал по палате, теребя дреды. Того и гляди, правда, начнет выдергивать.

— Это какое-то безумие, четное слово! — Он устало потер лоб, опустился на край кровати. — Я как будто в кошмар попал. Игорь, ты, дед, Антон еще...

— А зачем Антон их ел, раз был уверен, что в пирожках дело? А я-то все думала, почему он тебя отравителем зовет... Он ведь тоже их ел?

— Не знаю, наверное... Да какая теперь разница?.. — Он закрыл лицо ладонями, словно пытался стереть дурной сон.

По коридору прошла медсестра, заглянула в окошко, осуждающе покачала головой, но в палату не зашла.

Я покрутила в пальцах кристалл.

«Проклятуший горошек»

— Слушай, дружище. Ты только не волнуйся. У меня к тебе огромная просьба. Не подумай, что я сошла с ума, но эти пирожки, они еще остались?

Фарид вынырнул из ладоней и недоверчиво на меня прищурился.

— Я все, что было в лабораторию отволок. На меня там как на психа посмотрели, но все проверили. Чисто. Не знаю, в чем там дело, но я нутром чую...

— Зараза.

Я прикусила губу. Нет, это безумие. Я ведь только и думала, как вернуться, а теперь... Кристалл острыми гранями врезался в ладонь. Почему теперь мне казалось, что я вовсе не

там, где должна быть? Друзья рядом. Я в безопасности. Но это *неправильно*. Я разжала кулак.

— Что это? — Серебристый перелив отвлек друга от невеселых мыслей.

— Мне нужно это вернуть, — я, поколебавшись, протянула другу небесный луч. — Это очень важно.

Он рассмотрел камень.

— Красивый. Если хочешь, я передам, только скажи кому. Что угодно сделаю.

— Ты его не знаешь. — Я сжала кулак. — Но ты можешь мне помочь.

— Нет! Нет, нет и нет! Даже не проси! — Он бегал по палате со сверхзвуковой скоростью и снова теребил несчастные дреды.

— Ты минуту назад говорил, что сделаешь, что угодно! — Я следила за его метаниями, чувствуя легкую дурноту.

— Да, но не собираюсь приносить тебе эту отраву!

— Но ведь эксперты ничего не нашли! Если не принесешь, я сама поеду к твоему дедушке! Я знаю, где он живет.

Фарид постоянно рассказывал о своей семье и я знала не только о дедушке, но и о всех многочисленных братьях, сестрах, дядях и тетях.

— Таира, да что с тобой? Посмотри на себя! Знаешь, на что это похоже? На зависимость! — Он остановился, с отчаянием глядя на меня.

— Ерунда! Ты не понимаешь!

— Прекрасно понимаю, — хмыкнул он. — Я много вас повидал.

— Не говори о том, чего не знаешь!

— Я сейчас позвоню Жанне, она тебе мозги сразу на место поставит. Она это умеет.

Он выхватил из кармана телефон и нажал вызов. Я перехватила его руку, умоляюще посмотрела в глаза.

— Послушай, у меня совсем нет времени. Сколько я была без сознания? Четыре дня? Четыре дня, вот черт!

Сколько там ехать до Наронетора?.. Опаздываю!

Он снова попытался позвонить, но я схватила его за обе руки.

— Фарид, ты можешь считать меня кем угодно, просто поверь. Мне очень нужны эти горошки! Ты ведь видел их? Они зеленые, будто светятся. Да, я знаю, ты видел! Фарид, ты ведь помнишь о проклятии Ирвеона? Помнишь легенду о небесных лучах? — Я выставила ладонь, ловя гранями кристалла солнечный свет.

По стенам метнулся хоровод огней. Отражение далекого звездного неба. Миллионы созвездий таких знакомых и чужих. Их мне показывал ткач в моем сне о родине. Их я видела, лежа на несуществующем покрывале посреди воображаемого двора. И к ним меня тянуло, как магнитом.

— Ты с ума сошла, — пробормотал друг, завороченно следя за плывущими по стенам звездами. — Ударилась головой, когда падала.

— Мне час назад делали томографию. Со мной все в порядке. Просто поверь. Я теперь знаю, как вернуться. Это правда. Я... Я верну Игоря. Хочешь? Я найду его и верну. Я тебе клянусь. Только помоги мне.

— Зря я заставлял тебя читать те книги... — Он снова поглядел на отблески луча. — Это ведь какой-то фокус?

Я, теряя терпение, зажмурилась. Дыши, спокойнее...

— Это никакой не фокус. И ты прекрасно это знаешь.

Он открыл было рот, но вдруг криво ухмыльнулся.

— А, я понял, в чем дело. Это спирт. Они ведь тут все спиртом протирают, а тебе достаточно ватку понюхать...

— Да что ж такое! С драконами проще иметь дело, чем с некоторыми людьми... Фарид, я ведь не отстану. Пожалуйста, помоги мне. Ты ведь веришь мне. Я вижу, что веришь. Я клянусь, что вернусь, как только все закончится.

— Что закончится?

Я и сама до конца не понимала, ради чего стараюсь. Одна моя часть умоляла остановиться, кричала и ругалась. А другая молчала, но так выразительно, что никаких слов не нужно. Я просто знала, что нужно вернуться. Может быть, Фарид прав и все дело в моей голове, но это ничего не меняло. Для меня не было разницы, реальность это или фантазия.

— Это сложно... Но ведь, ты веришь мне?

Он обессилено опустился на кровать, поглядел в окно. Жирная муха на стекле ехидно потирала лапки, будто замышляла нечто коварное.

— Это безумие... Но... Ты говорила. Ты была без сознания, но иногда бормотала непонятные слова. — Он помолчал и продолжил вполголоса: — и насекомые. Вели себя очень странно. Однажды прилетел целый рой пчел и облепил все окно. А ночью за окном кружили светлячки. Я впервые такое видел. Еще жалел, что ты не видишь. А ты, кажется, видела нечто покруче светлячков, — он улыбнулся устало и немного виновато.

— Светлячков я тоже видела. И позвони Жанне, пусть привезет мою одежду. И ботинки. И куртку!

Деревья чангу монументальными колоннами подпирали блеклое предрассветное небо. Звезды ушли на покой, а солнце все еще не жилось в теплой колыбели. Зима нависала над Ирвеоном, но все не осмеливалась опуститься на несчастную землю. Проклятие Звезд насмеялось над природой, дразнило невесомой снежной крошкой, исчезающей, стоило ей коснуться земли.

В лесу было сумрачно, тихо и душно. Воздух застыл, запутавшись в сплетении серых ветвей. Титанические деревья внушали трепет, но не из-за них я едва сдерживала дрожь. Я словно вернулась домой после долгого путешествия. Сложно признаться, но на мгновение я возненавидела родной мир, своих друзей, за то, что не отпускали. Совсем недавно я пыталась вырваться отсюда, а теперь бежала обратно. У меня была цель, но, кажется, я только сильнее запуталась.

Как и в прошлый раз, я очнулась посреди леса. Брела на автопилоте, загребая ботинками прелую листву, сшибая гигантские тонконогие грибы и тщательно обходя выступающие из земли корни. Многоцветные твари не показывались, и в целом лес казался еще более безжизненным, чем прежде. Крупная плотная листва почти полностью облетела, на макушках остались только куцые пучки широких листочков, из которых весной распустятся огромные многолепестковые цветы.

Пологий склон то и дело проклевывался скоплениями серых, покрытых рыжим лишайником, валунов. Деревья в этих местах стояли широко, уступая каменистую почву низкорослому кустарнику. Чем дальше я шла, тем чаще на пути попадались каменные завалы. Приходилось искать безопасный спуск или идти в обход.

За одним из крупных завалов я наткнулась на усыпанную бурой листвой площадку. В каменистом, будто нарочно срезанном, склоне темнел полускрытый колючим кустарником провал пещеры. Некогда его закрывал плоский валун, теперь сдвинутый настолько, чтобы внутрь мог протиснуться человек. И этого «человека» я знала.

Он пришел к пещере раньше, но я успела заметить очерченную огненными бликами фигуру, скрывающуюся в провале. Очень интересно. Подождем.

Я уселась на камень, закрытый от входа колючим кустом, вытянула ноги. В этот раз я неплохо подготовилась к путешествию. Ботинки на толстой подошве не слишком подходили для лазанья по горам, но все лучше, чем босиком. А вот заботливо собранная Фаридом сумка пропала. Исчез даже складной нож, лежащий в кармане. Осталась только одежда, кольцо на пальце и зажатый в кулаке луч.

Долго ждать не пришлось. Он вышел, погасил огонь и задумчиво оглядел темный провал.

— Нашел что-нибудь? — Я поднялась с насиженного места.

— Да мать твою, чтоб тебе пусто было! — Он подпрыгнул почти на метр.

Ого! Впервые на моей памяти мне удалось застать дракона врасплох.

Рэнс уставился на меня безумными глазами, медленно подошел почти вплотную. Эмоции на его лице сменялись так быстро, что я рассмеялась. Недоверие, страх. Да, нечасто дракона увидишь таким растерянным!

— Таира?! — Он потыкал мне пальцем в плечо, не доверяя глазам. — Ты тут откуда?

— Оттуда, — я неопределенно качнула головой. — Вот, прихватила случайно, пришла

вернуть. — Выуженный из кармана луч сегодня выглядел на редкость тусклым и невзрачным. — А еще мне нужно найти кое-кого... Ой! Раздавишь! А теперь поставь меня на место, пожалуйста.

Дракон отступил на пару шагов, осмотрел с ног до головы и обратно.

— С ума сойти, это, и правда, ты! Но как? Твой зеленый сказал, ты погибла. Сгорела. Все твердил про какой-то колодец. Я говорю: может быть, утонула? А он заладил: сгорела, да сгорела. А ты живая! Чудеса!

— И не говори. Как Илам?

— Живой, что ему сделается? Меру подлатала. Как новенький почти. Я на следующий день вернулся, а вас нет. Тут он приперся весь в крови, рука до локтя располосована. Ну, я ему еще чуть голову не оторвал за тебя, но гляжу, совсем парню плохо, хоть и виду не подает, оставил разборки на потом. Отлежался он, я к нему. Рассказывай, говорю, зелень (он реально зазеленел от кровопускания). А он все про колодец этот несчастный. Где говорю, колодец? Молчит. Тронулся малясь головой. А тут еще чародеи эти насели: неси, мол, нас всех в Наронетор. У Меру видение, вы без нас сдохните. С вами, говорю, мы в два раза быстрее копыта откинем. Но, что делать? Пришлось нести.

Не переставая рассказывать, Рэнс запечатал пещеру плоским камнем и зашагал рядом со мной вниз по склону, с трудом подстраиваясь под мой короткий шаг. Болтал он, вроде бы, непринужденно, но изредка бросал на меня косые взгляды.

— Представляю, как он обрадуется. Может, обратно мозги на место встанут.

Я натянуто улыбнулась. Встречи с лесовиком я боялась, и сама не понимала, почему.

— Ну а ты как тут оказался? Неужели война уже закончилась?

— Куда там! Еще и не началась толком. Не так-то просто до Наронетора дотопать. Это тебе не на драконе летать. Слава демонам, что у них нет драконов. Иначе нам была бы крышка. Да нам и так крышка. Хорошо если Арон десятую часть армии соберет. Но сомневаюсь. Наемники бесплатно воевать не станут, а почти все население, способное держать оружие, давно в Тувосарию переселилось. Сейчас по лесам прячутся, что бы их свои под шумок не пристукнули. Слышал, тюрьмы там и так переполнены. Хватают всех подряд. Якобы потенциальные предатели. Даже шеттеры притихли до лучших времен.

— Плохо дело. Так что ты в горах забыл?

— Да я мотался, одним глазком на тувосарцами приглядывал, и на досуге припомнил слова папаши. Дай, думаю, проверю, может, что интересного найду. Но тут уже кто-то побывал. Выгребли все подчистую. Ни записей, вообще ничего.

— А ты уверен, что это именно та пещера?

— Уверен. Там на камне знак защитный... Нерабочий уже, за столько лет-то. Так что зря только время потерял.

— А как же я? Меня ты нашел. И еще луч.

— Толку от этого луча... — отмахнулся Рэнс, походя, сорвал шипастую веточку, повертел в пальцах и щелчком отбросил в сторону.

— А для чего же его Егар искал? Должен быть толк, главное — понять, какой.

— Ага. Это называется: хвататься за соломинку. Бессмысленно все это. Я уж думал, не слетать ли, втихаря короля поджарить. Вот они удивятся, побегают без своего величества. Знаю, подло, но и они не овечки.

— Кстати, о короле. Его уже поджарили. И я даже знаю, кто.

Рэнс недоверчиво задрал брови, слушая мой сухой рассказ о визите во дворец. Лес,

между тем, постепенно мельчал. Деревья становились корявее, ниже и шире. С кривых ветвей свисали бороды бурого мха. Корни выступали из-под земли фантастическими арками. Потрясенный нашими шагами опад, дышал нам в спины прелой листвой, сырой землей и грибами. Зимой тут и не пахло, все та же поздняя осень. Не золотая, а серая, мрачная и неуютная. Черные ветви разбивали угрюмое небо на тысячи осколков. Того и гляди рухнет на голову.

— Нет, я знал, стоит оставить вас без присмотра, начнется канитель, но чтоб такое! И как тебе в голову пришло, к королю посреди ночи лезть?

— Ты вообще меня слушал? Нет никакого короля. Испепелил его твой драгоценный Арон.

— Чушь собачья! — Он отмахнулся от слишком низко спустившегося мха. — Вот только по королевским спальням он не шатался! Может, Его Величество курил в постели, с кем не бывает? Ну, спалил кровать. Что тут такого? Арон сам столько простыней пожег, можно Башню завесить сверху донизу.

— Рэнс, я знаю, что видела. Это был не обычный пожар, уж поверь. И паука кто-то обманул. Он показывал совсем не то, что было на самом деле!

— Это я как раз могу объяснить. Наверняка, причуды «мертвой зоны».

— Даже если так, к чему весь цирк со стражей? Охраняют пустой дворец. Пускают людям пыль в глаза! Ты когда последний раз этого Туво видел?

— Не помню. Меня мало волнует политическая жизнь Тувосарии.

— Вот. И никого не волнует. Ну, есть там какой-то король. Издаст какие-то указы. Раз в год на День Сошествия проезжает по улицам, раздаст людям монетки. А кто там в карете едет, никого не волнует. Я видела кортеж, из-за занавесок рука в рюшках вяло помахивает, а чья рука? Да чья угодно, лица-то не видно! Может быть, вообще отдельно от тела. Сидит там какой-нибудь Закирий и сушеной королевской лапкой орудует!

Дракон хохотнул, недоверчиво покосился на меня.

— Скажешь тоже! Лапкой орудует...

— А разве не так? Всех больше волнует, что на обед в Единорожке, а кто на троне сидит — не важно.

— Да не кипятись ты. Может быть они и правы.

Я остановилась, недоверчиво глядя уходящему дракону в спину.

— Тогда к чему вся эта возня? Отдайте Наронетор, и у вас тоже через полгода будут Единорожки на каждом шагу натканы, а в Башне — парк аттракционов.

— С чучелом Темного Властелина и Черного Дракона при входе. Шикарная перспектива. — Он обернулся, дожидаясь меня, шумно втянул влажный лесной воздух. — Я тебя понимаю, но ведь на самом деле большинству плевать, кто управляет страной, лишь бы не было войны.

— Но война-то как раз и есть.

— Так то у нас, а не у них. Они — защитники света от нашествия темных тварей. Избранные богами, великие и непоколебимые. Родину защищают. За это и умереть не стыдно.

— А еще попутно убить тысячи невинных.

— Такова жизнь. — Дракон беззаботно пожал плечами, но в глазах его сквозила тревога. Всегда уверенный в себе и бесшабашный Рэнс сегодня казался ниже ростом и мельче, хотя вроде бы ничуть не изменился.

— Жизнь паразитирующая на смерти. — Я поморщилась. — Почему кому-то обязательно нужно умереть, чтобы остальные жили? Кто вообще выдумывает эти правила?

— Мы сами. Сами создаем проблемы, сами с ними боремся. Помнишь, как в детстве? Сидишь ты один, тебе скучно, вот ты выдумываешь себе воображаемый мир. Воображаемый для других, для тебя — реальный. Придумываешь правила, непонятные никому больше. Живешь. Следуешь правилам, а становится скучно — нарушаешь их. Потом появляется друг, вы вдвоем придумываете новые условия. И вот твой мир изменился. Ты растешь, и твой мир растет вместе с тобой, обрастает новыми правилами, твоими и чужими. В него приходят новые люди, со своими законами, которые поначалу были всего лишь условиями игры. Только теперь ставка не листья и камни, а человеческая жизнь.

Под ногой хрустнула ветка. В молчаливом лесу этот звук казался слишком громким. А я вспомнила, как разлетелась голова пустытника под вальхоровым посохом.

— Не хочу играть в эту игру.

— Не играй. — Он снова пожал плечами, а у меня по спине пробежали мурашки.

«Не играй»

Выходит, все мы просто дети, застрявшие в затянувшейся и пошедшей не по тем рельсам игре? Да какие рельсы? Этот поезд давно мчится под откос! Крутое пике, эпизод триста сорок семь...

Армия на марше растянулась на несколько километров. Регулярные войска маршировали относительно слаженно, наемники тащились кучками и длинными черными змеями со щетиной зачехленных мечей и копий. Путь их отмечался бурой вытоптанной травой, черными кострищами стоянок, сизым дымом от сгоревших домов. Кто-то отказался играть по правилам и поплатился. От своих же.

Дракон матерился под нос, кружил, рассматривая суетливо бегающих человечков. Ослепленный кажущейся безопасностью опускался все ниже, пока мимо, едва не зацепив крыло, не пронесся пульсирующий сгусток воздуха. Рэнс кувырнулся, заложил вираж и, оглашая округу ревом, ввинтился в низкие серые тучи.

— Гребаные глушилки!

— А ты додумался под нос им лезть, — выдавила я, успокаивая шокированный маневром желудок. — Скажи спасибо, что из арбалетов не обстреляли.

— Спасибо. Кстати, странно, что не обстреляли. Надо было получше к ним присмотреться.

— Вернись, в чем проблема?

Но он только фыркнул и стрелой помчался на юг в Наронетор.

Чем ближе к темному королевству мы подлетали, тем светлее становилось. Тучи полиняли, истончились до легких облаков, а после и вовсе растворились в ледяной голубизне. Бесцветное зимнее солнце отражалось в лентах рек, трава сменила яркую зелень на пепельную серость, деревья все не решались полностью обнажиться, стыдливо прикрывались обрывками бронзовой листвы.

— Вот зараза... — драконье бормотание изредка прорывалось сквозь свист ветра.

На этот раз у меня не было ни защитных очков, ни маски, а натянутый по самый нос капюшон не спасал от выжимающего слезы ветра.

Дракон замедлился, я вынырнула из капюшона и тоже выругалась. Передовая часть

тувосарского войска подобралась вплотную к Наронетору. Серые шатры раскинулись недалеко от границы, за редким лесом. Над одним реял золотой королевский флаг. Интересно, кто же под ним скрывается? На тему королеубийства мы больше не спорили, оставив разговор до встречи с единственным знатоком смертоносного заклятия.

Вдоль границы темного королевства стояли каменные истуканы. Истертые ветром и временем, покрытые зазубринами от многочисленных ударов, оскорбительными надписями и рисунками. Когда-то каменные стражи внушали страх, а теперь выглядели жалко и бессмысленно, будто слишком редкий забор.

Пепельное ущелье — длинное и извилистое, как след змеи, с высокими, цвета вулканического пепла скалами — лежало в глубокой тени. Граница тут ближе всего подходила к горной гряде, заключающей внутренний Наронетор в сплющенное кольцо. Старая дорога выползала из ущелья и, пересекая мелкую реку, разделялась на три: прямая вела в Тувосарию, две другие уходили во внешние земли темного королевства.

— Как они собрались проникнуть внутрь? Тут можно обороняться до бесконечности! Через ущелье не пройти, это идеальное место для засады!

— Если только нам удастся удержать сторожевые посты. Посмотри, скалы высокие, но не непреступные. А среди них полно горцев. Если они уберут всех защитников, наше преимущество станет нашей же головной болью.

— Умеешь ты поддержать надежду...

— Я реалист, а надежда только сбивает с толку.

— Тогда что нам остается? Вера? Любовь?

— Пфф...

Дракон не успел ответить, дернулся, заваливаясь на бок. Долю секунды спустя меня накрыла головокружительная волна.

— Рэнс!

Я мотнулась, как тряпичная кукла, едва не вылетев из седельных ремней. И лучше бы вылетела! Дезориентированный дракон беспорядочно трепыхался в потоках воздуха и нечленораздельно ревел. А утыканная черными липами земля все приближалась, поочередно меняясь местами с безмолвными холодными небесами.

Если он не сумеет выровняться, мы рухнем на землю и хорошо, если я окажусь сверху, иначе... На размышления не было времени. Пряжка взметнулась, больно царапнув по щеке. Я вцепилась в седло, пытаюсь сориентироваться. Черные ветки свистнули прямо перед носом. Я оттолкнулась от драконьей спины и прыгнула.

Зачастую в теории все кажется простым и логичным, но на практике...

Проломив крону, изодрав одежду и кожу на руках, я, как шарик в головоломке, пересчитала все ветки, пока не остановилась на самой нижней, вцепившись в нее до боли в суставах. Перед глазами все плыло, тошнота подкатывала к горлу. И дело было не только в моих акробатических кульбитах. Кто-то незаметно выстелил по нам из глушилки и на этот раз попал.

Дракон продержался чуть дольше, переломав, судя по звуку, половину деревьев в редком лесу. Выходит, мне еще повезло, древесная крона, и впрямь смягчила удар.

Я сползла с низкой ветки и застыла на седой, покрытой инеем траве. Ледяные иголки остужали горящую кожу, холод медленно пробирался под одежду, скользил по спине.

— Ладно. Ладно. Ничего страшного, — севшим голосом пробормотала я, пытаюсь собраться с силами.

Куда там! Меня колотило от ужаса. Руки ходили ходуном, а о том, чтобы подняться на ноги не могло быть и речи. Я просто их не чувствовала.

Неужели спину сломала?! В панике я огляделась по сторонам и застыла. Прямо перед моим носом блеснул тонким лезвием печально знакомый кинжал.

— Не дергайся.

Золотоглазая наемница-шеттерка, не отводя оружия, кивнула одному из спутников — тувосарскому солдату. Тот подхватил меня, поставил на ноги, быстро связал безвольно опущенные руки за спиной и мертвой хваткой впился в плечо. Только после этого пустынноубра убрала кинжал в ножны.

Я не обращала внимания ни на оружие, ни на путы — таращилась на второго спутника пустынноубры. И посмотреть там было на что. Впервые я видела Духа, но ни на секунду не усомнилась в его сущности. Пышущая силой аура радужно переливалась. Ее видели все, хотя, при желании, он мог ее скрывать. Что он и сделал, самодовольно удостоверившись в произведенном эффекте.

— Отведите ее к брату, — сказал он и самоуверенно добавил: — с драконом я сам разберусь.

К брату? К какому еще брату?

После стремительного приземления у меня в голове царил страшный бардак, а перемешанные мысли и воспоминания скакали друг через дружку как в старинной детской забаве. Каждая норвила вылезти на первый план, но только сильнее меня запутывала.

— Но господин Егар велел сразу же возвращаться, — нерешительно возразил солдат. — Все уже в сборе.

— Я быстро. Он и не заметит, — холодно бросил Дух.

Солдат протянул ему глушилку, но тот, презрительно скривив губы, покачал головой и шагнул за деревья.

Я непроизвольно дернулась. Сжимающие плечо пальцы сомкнулись в стальное кольцо.

— Антон! — Вместо крика из моего рта вылетел жалкий сип.

— Рот ей завяжи, — спохватилась наемница.

Солдат послушно впихнул мне в рот скомканную тряпку (спасибо, что не слишком грязную...) и снова встряхнул, потому что я начинала заваливаться на непослушных ногах. Со спиной все было в порядке, насколько это возможно для человека, свалившегося с дракона, с ног меня сбивало осознание того, что друг детства, пусть и приносивший больше проблем, чем все прочие, оказался тем самым Духом, перед которым трепетали даже драконы. И это еще полбеды. Теперь он находился по другую сторону черты, разделяющей Наронетор и Тувосарию. Что он сделает с оглушенным драконом, едва ли не единственным преимуществом Темного Королевства?

Я снова дернулась, промямлила *слова*. Никакого эффекта. Ну, разумеется. Их нужно говорить, а не бубнить сквозь кляп. Как предусмотрительно...

Светлая шевелюра и щегольская кожаная куртка, неуместная в глуши, исчезли за путаницей высокого подлеска. Солдат подтолкнул меня в спину, и мы побрели через холодный лес.

Прогулка в неприятной компании не затянулась. Бултыхания в воздухе отбросили нас

назад, и Рэнс едва не рухнул на лагерь противника. Вот был бы номер! Я нервно хмыкнула, представив такой неожиданный исход.

Судя по доносящимся издали крикам и смеху, в лагере тувосарцев было шумно и весело. Аромат жареного мяса и печально знакомых специй струился между деревьев, произвольно наполняя рот слюной, так, что я едва не проглотила кляп.

Почти у самой опушки шагающая впереди наемница остановилась, и, искоса поглядев на тувосарца, сноровисто обшарила мои карманы, стянула с пальца кольцо.

— О, что это? — протянула она насмешливо, подбрасывая на ладони трофеи. — Как удачно. Ты облегчила мне жизнь.

Я дернулась, и тут же получила короткий, но чувствительный тычок в живот. Солдат вздернул меня на подкосившиеся ноги, но безуспешно. Организм решил, что стресса для него многовато и собрался перезагрузиться.

Из полубоморока меня вывела звонкая оплеуха.

— Не прикидывайся, — наемница грубо потрепала меня по щеке и собралась продолжить путь, но остановилась.

Державший меня за плечо тувосарец стоял как вкопанный, озадаченно оглядываясь. Я, все еще вяло соображая и обливаясь холодным потом, бесцельно водила глазами по лесной чаще, пока взгляд не споткнулся о торчащий из опавшей листвы сапог. Такой же бурый и малозаметный, но, судя по всему, совсем не старый. Он стоял торчком, будто владелец закопался в опад под тонкой липкой, выставив ногу вверх, на манер перископа.

Я нервно хмыкнула, а солдат неуверенно шагнул к странному объекту, неплохо вписавшемуся в окружающий пейзаж. По крайней мере, по цветовой гамме.

— Куда ты? — раздраженно спросила наемница, не замечая одинокого сапога.

— Ярминна, глянть. Это, кажется, Микелия сапог. Его пряжки, — бесцветно проговорил солдат, — зачем это он сапоги по лесу разбросал?.. — он подобрал корявую ветку и потыкал в голенище.

Сапог только того и ждал, послушно завалился на бок. Я отвернулась. Солдат заковыристо выругался, до боли сжимая мое плечо. Нога в сапоге тоже имелась. И заканчивалась она аккуратно по кромке голенища корявым обрубком. Или огрызком?..

Я пискнула, пытаясь стряхнуть с плеча впившиеся пальцы. Тувосарец опомнился, ослабил хватку и принялся осматриваться, в поисках остальных частей тела. Поворошил листву, потыкал веткой в выступающие из земли корни, но — увы! — кроме ноги неизвестный хищник не оставил ничего, даже пятен крови.

— Волки, что ли? — неуверенно протянул он, отбросив ветку и машинально ощупывая оголовье короткого меча, притороченного к поясу.

Наемница Ярминна осторожно приблизилась к находке и сквозь зубы протянула:

— Не похоже.

Редкий лесок вдруг показался крайне небезопасным, доносящийся со стороны тувосарского лагеря шум стих, и нас накрыла плотная тишина.

— Не нравится мне этот лес, — озвучил мои мысли тувосарец, обеспокоенно покрутил головой и замер, напряженно вглядываясь между деревьев. Впереди и чуть слева среди темных стволов светлела проплешина. Слишком ровная и *правильная*, чтобы быть случайной полянкой.

— Уходим отсюда, — наемница дернула солдата за рукав, но тот лишь отмахнулся и зашагал к полянке, волоча меня за собой.

Светлая прогалина манила его, а вот меня совсем не привлекала, и, кажется, я начинала понимать, почему. Зная задиристый нрав горцев, не удивлюсь, если бурное веселье не раз заканчивалось поножовщиной. А что может быть лучшим способом пробудить древнее божество, чем кровавое жертвоприношение? Пускай и ненамеренное.

Привлеченное шумом и запахом крови, голодное создание с энтузиазмом включилось в игру. В обычное время кровавые жертвы были явлением не частым, но, кто после долгого сна побрезгует аппетитным угощением, которое так и крутится у стола?

По-хорошему, нам стоило бежать, без оглядки, как только обнаружилась страшная находка, но мой конвоир, не искушенный в вопросах общения с высшими созданиями, слишком замешкался и попался на крючок. Как во сне он переставлял ноги, с каждым мгновением приближаясь к праздничному столу в качестве второго блюда. Первое — неудачливый владделец сапога — только раздражило аппетит высшего создания.

Я обернулась через плечо, но и Ярминна не устояла перед зовом божества. Медленно, будто нехотя переставляла ноги, приближаясь к давно разрушенному святилищу.

Я не чувствовала ни чьего присутствия. Точно также я не распознала божество в древесной «беседке» у Тридорожья и в заброшенном городе на границе пустоши. Но, как и там, в лесу была разлита *тишина*. И она не была похожа на тишину Западной Гряды, мертвой зоны, окружающей Врата Духов. Здесь она прекрасно сосуществовала с хрустом веток под ногами, шорохом опавшей листвы и криком ворона, пролетающего над макушками обманчиво редкого леса.

Тишиной она была только для меня. Что слышали тувосарский солдат и наемница? Почему так заворуженно шагали навстречу смерти?

Над полянкой-святилищем закачалась зеленоватая дымка, слишком неуместная в холодном лесу. В воздухе заскользили едва различимые запахи свежескошенной травы и болотной гнили.

«Огонь лесного бога».

Да, Иламу тут бы понравилось... Или нет. Дымка стала принимать пока что неопределенные, но, несомненно, зловещие очертания.

Наемница замедлила шаг, но полностью освободиться от божественного аркана так и не смогла. Всего лишь отсрочила неизбежное.

Мой солдат вышагивал, как на параде! Я толкнула его плечом, пытаюсь вывести из транса, но он лишь отмахнулся, выпустив мою руку из захвата. Свобода! Не веря в удачу, и с оглядкой надвигающуюся рывками Ярминну, я плюхнулась на землю. Пара секунд, и связанные руки впереди. Долой проклятый кляп!

— Эй, остановись! Не ходи туда!

Солдат снова отмахнулся. На этот раз с такой силой, что я едва не полетела кувырком. Как же их остановить? А стоит ли? Это ведь мой шанс сбежать. Если они очнутся, то снова поволокут в лагерь. Но это не повод отдавать их на растерзание безымянному божеству!

Я подхватила первый попавшийся сук и треснула тувосарца по затылку. Тот даже не дернулся, зато почти оформившаяся туманная фигура хищно оскалилась, поводя аморфной головой, словно вынюхивая меня.

Сквозь тишину с натугой, едва различимо, прорвался звук — будто помехи на радио.

«Идиотка!»

В голове вспыхнул фейерверк, едва не разрывая черепную коробку.

Я зажмурилась, сдавливая все еще связанными руками голову, чтобы она не развалилась

на части, а когда, наконец, проморгалась, солдат уже заносил ногу над скрытым листвою основанием святилища. Поздно...

— Ну, спасибо.

Ткач не ответил. Ментальный пинок стоил ему немалых сил. Но, в который раз, негодный паразит спас меня. Божество потеряло ко мне интерес, но, надолго ли?

Наемница все еще сопротивлялась, но исход был ясен. Я помедлила всего секунду, а потом запустила руку в карман на ее поясе.

— Это — мое! — кристалл и кольцо исчезли в сжатом кулаке. На секунду мне показалось, что ее глаза под глубоким капюшоном блеснули осмысленностью, но снова угасли.

Со стороны полянки раздалось противное хлюпанье. Ох, демоны бы вас всех побрали! Я изо всех сил толкнула наемницу плечом. Та неожиданно податливо накренилась и рухнула в листву. Неужели получилось? Бог отвлекся на угощение и ослабил хватку? А это значит... пора уносить ноги!

Пустынница Ярминна знала толк в вязании узлов. Чем больше я старалась их распутать, тем сильнее они стягивались. Пришлось оставить все как есть, и бежать со связанными руками. То еще удовольствие!

О судьбе наемницы я старалась не думать. В конце концов, она — не самый приятный человек, чтобы я о ней беспокоилась...

Над лесом пронесся отчаянный вопль.

Я на секунду замерла и припустила с новой силой. Нет мне до нее дела! Она бы меня не пожалела!

Пару раз я едва не свернула себе шею, спотыкаясь о коварно замаскированные корни, а потом провалилась в старый, заваленный полусгнившими бревнами, подвал. Рыхлая древесина смягчила падение, зато пришлось попотеть, чтобы выбраться на поверхность — ноги проваливались в бревна, превращая их в труху, а тонконогие белые поганки, разросшиеся на замшелых бревенчатых стенах, тягуче размазывались, наполняя подвал резким грибным запахом.

Кое-как, цепляясь за выступающие корни и вонзая носки ботинок в податливые стенки сруба, я выползла на поверхность, чтобы едва не насадиться глазом на торчащий из земли острый металлический штырь.

— Нет, это слишком... — я бессильно растянулась на толстом одеяле из покрытых инеем опавших листьев. Разбитое вдребезги черными ветками небо безразлично взирало на мою распластанную фигуру.

Наверняка в тувосарском лагере слышали крик Ярминны и послали солдат на поиски. Оставалось надеяться, что злополучный сапог собьет их с толку, хотя бы ненадолго. А там и разгулявшееся божество в стороне не останется... Я невольно содрогнулась.

А ведь еще оставался Антон и его загадочный брат. Игорь. Или Егар? Неужели, правда? Если так, то с его возвращением на родину могут возникнуть большие проблемы.

Морщась от ноющей боли в мышцах, я перевернулась на бок и принялась перетирать намозолившую веревку о так удачно подвернувшийся штырь. Свидания с металлом веревка не выдержала и, немного посопротивлявшись, лопнула.

Наконец-то!

Я сбросила путы в злополучный подвал и продолжила путь, теперь уже настороженно приглядываясь ко всем подозрительным неровностям лесного ландшафта.

Тувосарский лагерь лежал недалеко от места нашего падения, но убегая, я слишком сильно отклонилась в сторону и теперь смутно представляла, как вернуться обратно, чтобы разыскать Рэнса. О разумности такого предприятия я предпочитала не думать, а сосредоточиться на преодолении полосы препятствий.

Похоже, когда-то тут было поселение, давным-давно разрушенное и поросшее вековыми дубами и липами. Еще пару раз мне встретились каменные основания древних строений, потом лес поредел и измельчал, а мне навстречу выскочила устрашающая фигура каменного истукана.

Конечно, не она выскочила, а я почти уткнулась в нее носом. Слишком уж засмотрелась на коварную землю, ожидая нового подвоха. Трехметровую статую почти до половины

покрывал бурый мох, верхняя часть была иссечена многочисленными ударами мечей. В отдалении, среди тонких березок темнела еще одна зловещая фигура.

Граница!

Вблизи граничные истуканы выглядели внушительно и, вместе с тем, печально. Еще во время нашего заточения в Башне, Рэнс рассказывал, что в старые времена молчаливые стражи надежно защищали Темное Королевство от врагов. Любого путник, набредший на каменного истукана, в страхе поворачивал обратно, если только не имел веских причин проникнуть во владения Темного Властелина.

У меня причина была, да и защита теперь, насколько я знала, ослабла, оставаясь скорее психологической, чем физической. В любом случае, у меня все еще было кольцо, подаренное Ароном, так что я, не раздумывая, переступила невидимую черту и остановилась. Совсем рядом затрещали ветки, и над голыми макушками деревьев полыхнуло пламя. Огонь быстро распространился, аппетитно похрустывая валежником и, подгоняя впереди себя запах гари.

— Рэнс! — вытянув шею, я пыталась разглядеть дракона среди хилых деревьев.

Дракон не отвечал.

Не дожидаясь пока огонь возьмет меня в кольцо, я припустила, что было сил, прочь от пожара. Скоро жиденский лес окончательно сошел на нет, открывая широкое поле с редкими скоплениями седых валунов и купами черных, устрашающе корявых деревьев, а за ними длинную горную цепь с острыми скалами и укрытыми тенью ущельями.

По полю носился холодный ветер, ероша седую траву и освежая разгоряченное лицо. За спиной трещал, разрастаясь, пожар, сизый дым валил клубами, но не поднимался в небо, а стелился над лесом, уступая порывам ветра.

Метрах в пяти от меня затрещали ветки, и из усыпанных красными ягодами зарослей вывалился матерящийся и кашляющий Рэнс.

— Таира! Живая? — Он остервенело вытряс из волос дымящиеся веточки и, присвистнув, оглядел дымовую завесу.

— Как видишь!

— Так я потому и спросил... — он выудил у меня из-за шиворота поганку и щелчком отбросил прочь.

Сам Рэнс выглядел в точности как при нашей последней встрече, а вот меня будто волоком протащили через весь лес: куртка изодрана, штаны в грязи, на ботинках по килограмму земли вперемешку с листвой и мелкими ветками, руки исцарапаны, про лицо и волосы и подумать страшно... Но, слава демонам, все-таки живая!

— Я в порядке. А тебя ведь из глушилки подстрелили.

— Ерунда. Крыло немного зацепило, — он подвигал плечами, — уже все наладилось.

Я отчетливо представила, как здоровенный дракон вытягивается, разминая крылья. Видимо, и правда, все в порядке. В прошлый раз он не то, что перевоплотиться, даже двинуться с места не мог. На этот раз повезло.

— Это хорошо. А лес ты зачем поджег?

— Да этот белокрылый меня допек... — дракон, передернув плечами, зашагал вдоль границы, искоса поглядывая на злополучную чашу.

— Ты сжег Антона?!

— Нет, сбежал он. Шустрый, подлюка!

— Он ведь Дух!

— Да? Я так и подумал... С тобой-то что случилось? Всего час назад расстались, а... пс

тебе и не скажешь.

Я быстро рассказала о своих приключениях. На всю историю ушло не больше пары минут, а по ощущениям прошло дня три — масса впечатлений.

— И почему с тобой всегда происходит какая-то дичь? — спросил Рэнс, пораженно качая головой.

— Вот и мне хотелось бы знать, — я смиренно пожала плечами и едва успела затормозить: в паре сантиметров передо мной в землю со свистом вонзилась стрела.

— Стоять! Назовись!

За ближайшим валуном мелькнул темный капюшон.

— Эй! Это кто там такой бдительный?! — проревел Рэнс и резво отпрыгнул, уворачиваясь от второй стрелы.

— Стоять! — повторили из-за укрытия.

— Я те щас постою! — взбеленился дракон, выдернул стрелу и запустил обратно с такой силой, что та воткнулась в камень, выбив фонтан крошек и искр, — ослепли что ли?!

Капюшон снова показался, внимательно нас осмотрел и проворчал:

— А, это вы, господин Рэнсом? Не признали. Сами понимаете, времена сейчас смутные. — Пограничник — пожилой мужчина со шрамом вдоль левой щеки — выступил из тени. За его спиной показалась еще одна фигура, с ног до головы закутанная в черное одеяние — наверняка кто-то из темных.

— Бывает, — смилостивился Рэнс, пожелал пограничникам удачи, и мы зашагали дальше, все ускоряя темп.

Волнение подстегивало усталые ноги, а сердце бешено колотилось, выстукивая тревожное: «поздно, поздно». Стараясь унять нервную дрожь, я снова заговорила:

— Рэнс, я тут подумала. Егар, это ведь брат Антона — Игорь, он был первой жертвой фамильной Фаридовой стряпни. Попал сюда много лет назад, успел сменить имя и освоиться...

— Да хоть сват! Скотина он, и его братец не лучше!

— С этим не поспоришь, но я не о том. Я обещала другу вернуть его домой. И это решит кучу проблем! Война, долг Арона. Если не будет Егара, не будет и этого всего.

— Думаешь? — Рэнс искоса поглядел на меня, и снова повернулся к скоплению точек на горизонте. — И как ты собралась его возвращать?

— Также как вернулась я. Наверняка он и сам знает, как это сделать, просто не хочет. Надо ему помочь.

— Непростая задачка, — усмехнулся Рэнс.

— Это ведь в его подвале тот колодец со странным горошком. Надо просто его туда затащить, и дело сделано!

— Легко сказать...

— Можно, конечно, накормить его этим горохом, только сомневаюсь, что он согласится добровольно его глотать. Вообще, мне кажется, это вовсе не специи, а какое-то зелье.

— Это называется — Драконья Пыль, — пробормотал Рэнс.

— Ты знаешь, что это?!

— Вот зараза! — выругался он. — Ты глянь, приперлись уже...

Мы, наконец, дошагали до ведущей из Пепельного Ущелья дороги. Тут граница, обозначенная каменными стражами, лежала у всех на виду. Лес плавной дугой уходил на восток, на территорию Тувосарии, открывая широкое, будто созданное для сражения поле.

Наронеторцы плотной кучкой толпились у самой границы.

Тувосарцы — пока что небольшой отряд — стояли в трех сотнях метров от границы. Остальная часть армии маялась на опушке леса. Пожар сюда еще не докатился, но ветер уже приносил клубы дыма, заставляя солдат беспокойно оглядываться.

— Слушай, ты, главное, не кипишуй, — вполголоса пробормотал Рэнс, — и не верь всему, что будут говорить. Сейчас начнутся провокации, подначки... Зачем я вообще тебя сюда притащил?! — запоздало сообразил он. — Давай за Ущелье отнесу, пока не поздно?

— Ага, только с Ароном поговорю.

Мы подошли ближе. С обеих сторон произошло незначительное волнение. На тувосарцев я старалась не смотреть. Тут со своими бы разобраться.

Возвышающийся надо всеми Арон — в темном мундире и привычной маске — приветственно кивнул, лишь слегка заломив бровь, а вот на магов было смешно смотреть. Они тарасились на меня, как на оживший труп (благо, вид у меня соответствовал), а на дракона, как на некроманта. Илам притворялся еще одним истуканом, пораженный до глубины души моим, словно феникса, возрождением.

Позади магов с умеренным любопытством смотрели на нас разношерстные наронеторские воины. Несколько высоких мощных клахнумов. Даже в человеческом облики их можно было узнать по косматым шевелюрам и неподъемным, обшитым дубленой кожей доспехам. Еще десяток закутанных с ног до головы фигур чувствовали себя в открытом поле не так уверенно. Вурдалаки-полукровки или кто-то из истинных темных с большим удовольствием удрали бы в тень гор и там дождались привычной ночной темноты.

Но удивительнее всех было присутствие на будущем поле боя Эллилайлы. Принцесса облачилась в кипельно белое, не сковывающее движений одеяние, и казалась сошедшим на землю божеством. Она, не обращая внимания на мой потрепанный вид, приветственно склонила голову, я кивнула в ответ, а Рэнсом сморщился и предпочел смотреть в стан врага.

— Все в порядке? — Властелин бросил на Рэнса осуждающий взгляд и снова обернулся ко мне.

— Насколько это возможно, — я пожала плечами.

— Хотел бы я знать, зачем вы здесь?

— Хотела отдать вам это, — я развернула ладонь, демонстрируя за драконьей спиной небесный луч.

Арон оглядел подношение, поднял на меня взгляд.

— И зачем мне это?

— Это небесный луч. Я думала, вы знаете, что с ним делать...

— Понятия не имею! Откровенно говоря, в нынешней ситуации мне немного не до лучей. Вот разберемся с... гостями, тогда и о луче можно будет подумать.

— Но, я думала, он поможет... — я тупо смотрела на лежащий на ладони кристалл.

— Сомневаюсь, что этот камушек сможет остановить войну. Скорее наоборот.

— Хотите сказать, я зря тащилась черт знает откуда? И этот кусок камня бесполезен?!

Арон стянул маску, устало улыбнулся.

— Я благодарен любой помощи. Но я, правда, не знаю, чем он может помочь. Если бы у меня было чуть больше времени...

— Позвольте? — Наблюдающая за нашей беседой Эллилайла протянула руку.

Арон кивнул.

— Это лучшее решение. Ледяные бинты более сведущи в магии Звезд.

Я равнодушно пожала плечами. Какая, в сущности, разница, где лежит этот дурацкий луч? Может быть он, и правда, бесполезен, а Егару просто приглянулся оттенок. Захотел подружке серьги со звездным шердонитом подарить. Вполне в духе богатенького самодура: заслать прислужников за тридевять земель, чтобы потешить пассию.

— Еще кое-что...

— Потом, — отмахнулся Арон, натягивая маску.

«Гости» устали наблюдать за нашим шушуканьем. Из-за спин стоящих впереди горцев неспешно выступил русоволосый мужчина со щегольской бородкой. Одежда его выглядела просто и вместе с тем не оставляла сомнений в качестве и заоблачной цене. Трое наемников попытались двинуться за ним привычной цепью, но он остановил их взмахом руки и замер в десяти шагах от пограничных истуканов.

— Рэнсом Тарьянан! Вот так встреча! А ты, оказывается, любитель поиграть в прятки! Я тебя сразу и не узнал! — Бородач выглядел доброжелательно, и удивительно знакомо. Последние сомнения отпали. Егар казался проще и, вместе с тем, солиднее брата. Но сходство было очевидным.

Размышления мои прервало появление еще одного знакомого персонажа. В первую секунду я даже усмехнулась, и только потом сообразила, что человек этот реален.

Охотник Закирий снова меня нашел. Его призрачный брат-близнец сидел тихонько у меня в голове и не подавал признаков жизни. Умаялся, бедный, добывать из памяти образы, создавать псевдо реальности и отвечать ментальные пинки. Хотелось бы верить, что он так тихонько и испустит дух. Два Закирия — слишком тяжелое испытание для моей несчастной психики.

Охотник, между тем криво усмехнулся и принялся ждать приказа начальника. Его примеру последовали остальные наемники. Монументальные горцы вперемешку с воинами помельче откровенно скучали, переминаясь с ноги на ногу. Я в который раз поразилась красоте и величию горных бинти. При этом ни на секунду не усомнилась, отдай Егар приказ, и из нас мгновенно приготовят качественный фарш.

— Какой-то ты недружелюбный сегодня, — продолжал усмехаться Егар.

Арон покосился на дракона, едва слышно произнес:

— Вы знакомы?

Слух у Егара оказался отменный.

— Так он не упоминал? Мы с ним давние приятели, не так ли, Рэнсом? И в связи с этим предложение: не хочешь ли присоединиться? Все как в старые времена?

Дракон презрительно сплюнул.

— Что ж, хозяин — барин. Кстати о хозяевах. — Он откашлялся. — Сегодня я выступаю полноправным представителем Его Величества Туво Тринадцатого. И посему предлагаю Темному Королевству Наронетор и его Властелину сдать на милость Его Величества...

Я украдкой поглядывала на Арона. Упоминание почившего правителя никак на него не повлияло. Светлые глаза смотрели равнодушно и отстраненно.

— Ты смотри, заливаешь как по писанному, — набыченный Кот незаметно приблизился, послушал и неожиданно рявкнул: — ты ври, да не завирайся! Нам все известно о вашем величестве!

С магами Илам разоткровенничался, вот только никто, кроме меня не знал, что погубило короля. Расспросить Арона я не успела, а параноик-Кот все свел к одному.

Егар запнулся на полуслове, недоуменно воззрился на дерзкого мага.

— Вот об этом я и предупреждал, — пробормотал дракон, потирая вспотевший лоб.

— Простите? — Егар заинтересованно поднял брови.

— И не проси, мерзавец!

— А вы, собственно, кто?

— Я — твой злейший враг! — Кот задрал подбородок, пафосно оглядел окружающих.

С обеих сторон послышались сдавленные смешки.

— Черный, — Арон двинул бровью.

Дракон мигом схватил мага в охапку, но тот выскользнул ужом и снова устоялся на Егара.

— Я как сейчас помню тот день! Тогда я увидел тебя первый раз, а сегодня — будет последний! — обещание прозвучало сумбурно и двусмысленно, а Егар еще сильнее озадачился.

— Не припоминаю, чтобы мы встречались прежде. Но ладно. Если многоуважаемый Властелин желает, чтобы вместо него в переговорах участвовали клоуны, пусть будет так.

Арон скрипнул зубами.

— Властелин желает, чтобы те, кто не умеет держать язык за зубами, немедленно отправлялись к такой-то матери!

Кот настороженно зыркнул на Арона и шагнул вперед.

— А не надо затыкать мне рот! Я двадцать лет ждал этого, а он даже не помнит, как спалил мой приют! Эй! Умф... Ум!..

Рэнс скрутил мага и потащил подальше от глаз наемников, откровенно забавляющихся представлением.

— Нет, отчего же, — неожиданно ответил Егар, — приют я помню. Прекрасное было здание. Столько планов и такая нелепость! А насчет пожара — все вопросы к твоему темнокожему другу.

Взгляды перекинулись на замершего дракона. Кот выскользнул из окаменевших рук и нерешительно шагнул обратно.

— И причем здесь Рэнс? Не надо крайнего искать, если сам виноват!

— А я и не ищу. Я и сам был не рад, что так вышло, — поджал губы Егар. — Рэнсом, так зачем ты сжег приют этого молодого человека? И не стыдно тебе ему в глаза глядеть?

— Заткнись, — процедил дракон.

Над полем повисло молчание, а в воздухе проскользнуло еще не сильное, но уже заметное напряжение. Казалось, даже солнце светит не так ярко, как прежде, хотя на небе не было ни единой тучи, а ветер застыл, прислушиваясь к биению сердец десятков воинов.

— Рэнс, о чем это он? — Кот переводил взгляд с дракона на владельца игорных домов и обратно. — Рэнс, это правда?

Дракон сверлил Егара бешеным взглядом. В глубине его глаз зарождалось сапфировое пламя, и я вдруг поняла, что Егар говорит правду. Смотрит нагло, издевается, но не лжет.

Я вспомнила тот вечер на развалинах старого храма и слова друга: «Ну и наворотил же я в юности»... «Наверняка они и сами такого не ожидали»... Тогда он вспомнил часть прошлого и испугался. Все это время он знал, кто разрушил приют, из-за кого погиб его директор. Знал и не мог признаться.

— Рэнс, ты — не он. Он не вернется.

Дракон сморгнул, обернулся.

— Ты ведь помнишь, что я говорила? Ты не обязан быть им. Ты другой.

«Из-за моих действий гибли драконы и люди»

— Ты знала? — Лицо Кота окаменело.

— Вы, вообще, о чем говорите? — нахмурился Арон, и вдруг оглянулся, одновременно хватаясь за торчащую над плечом рукоять меча.

Внутренние разборки приковали все внимание к нашей компании, чем и воспользовались ушлые тувосарские наемники. Эллилайла с кляпом во рту и заломленными за спину руками извивалась, пытаясь пнуть тащившего ее солдата. Гибкая, закутанная в черное фигура следовала за ними по пятам. Так она жива?! Каким-то чудом Ярминне удалось спастись от лесного божества и вернуться к Егару. Ее правое бедро стягивала пропитанная кровью повязка, но двигалась наемница плавно, будто не замечала свежей раны. Да, такой преданности можно только позавидовать!

Арон, не раздумывая, бросился вперед, но пустыньница прижала к горлу Эллилайлы лезвие кинжала.

— Еще шаг, темный, и ее можно будет вести под венец![1]

Арон застыл, отчетливо скрипнул зубами.

— Егар! Отпусти ее!

Владелец казино поморщился, взмахнул рукой. Подтащивший к нему принцессу солдат отступил, пустыньница отвела кинжал.

— Я и не держу!

Эллилайла передернула плечами, выплюнула скомканный платок, расправила платье.

— Элли, иди сюда, — Арон качнул мечом, но принцесса не шелохнулась. В черных глазах царила пустота, а на алых губах блуждала улыбка.

Над полем повисло почти физически ощутимое напряжение. Бесцветное солнце все больше походило на тусклую лампочку, а каждое движение, звон кольчуги или стук каблука отдавался эхом, как в пустой комнате.

Да вы шутите?!

Властелин растерянно тараторил на возлюбленную, а та отвечала ему равнодушной усмешкой.

Рэнс шумно выдохнул.

Все встало на свои места, стоило ей протянуть руку. Легкое движение, прикосновение, взгляд ничего не выражающих глаз.

Дракон выругался.

Вот как... Я открыла было рот, но промолчала. Какая теперь разница, знал Рэнс с темном прошлом принцессы или нет? Хватит с Властелина и одного потрясения.

— Не матерись, — Егар погрозил пальцем, ладонью накрывая бледную руку Эллилайлы.

— Да что тут происходит?! — растерянно пробормотал Кот.

— Предательство, — молчавший до того Вилли ухватил приятеля за локоть и потащил в задние ряды.

Да, я бы тоже с радостью оказалась где-нибудь подальше. Воздух стал настолько тяжелым, что было трудно вздохнуть. Вокруг фигуры Арона закружилось пока еще невидимое никому, кроме меня, да еще, пожалуй, подавшейся вперед Меру, нечто.

— Я бы назвал это справедливостью, — проронил Егар, отрывая взгляд от принцессы, — не я силой удерживал ее высочество столько лет.

— Я спас ее!

— Да неужели? А тебя об этом просили?! — Лицо принцессы исказила такая злоба, что я не выдержала, отвернулась.

— Слушай, давай их спалим к демонам собачьим, а? — тоскливо протянул дракон, но Арон будто застыл.

Не отреагировал он и когда Эллилайла, срываясь на крик, принялась перечислять все, о чем молчала десять лет. Про загубленную молодость и все в том же духе. Не стесняясь, она вытаскивала на свет все, то, о чем говорить не принято. К середине тирады даже Егар едва заметно поморщился, ненавязчиво оттаскивая принцессу подальше от границы.

— Заткнитесь, ваше высочество! — не выдержала я, чувствуя, что если так продолжится, я не смогу дышать. — Да вы настоящая бесчувственная ледышка!

Эллилайла перевела дух и вдруг улыбнулась, извлекла из складок платья блеснувший на тусклом солнце кристалл. Вот зараза! Ну, подумайте только! А я ведь сама его отдала!

Егар внимательно изучил камень и удовлетворенно кивнул.

— А у вас явно выраженный стокгольмский синдром. — Он уставился на меня. — Таира, верно? Он ведь и вас похитил. А вы его защищаете. У его темнейшества вообще дурная привычка похищать женщин. Станный способ завести гарем.

— А у вас дурная привычка нести всякий бред! Чего вы добиваетесь? Зачем все это затеяли? Вам Наронетор нужен? Деньги? Что? Зачем развязали войну? Не прикрывайтесь королем, я знаю, короля давно нет! Я была в замке. Там пусто! — Я покосилась на Арона. Тот пребывал в прострации, но хотя бы прекратил нагнетать обстановку призывом потусторонних сил.

— Чушь! У Его Величества слабое здоровье, поэтому он вынужден оставаться в своих покоях. А вот что вы делали во дворце, вопрос интересный.

— Не передергивайте! У короля не со здоровьем проблемы, а с жизнью. Он мертв и точка!

В стане врага наметилось волнение. Только несколько закутанных в черное фигур оставались спокойны. Егар хмуро оглянулся, успокаивая подчиненных.

— Вам не удастся нас спровоцировать.

— Но вы занимались тем же самым.

— Я говорю чистую правду, а вы бездарно врете.

— Да неужели?! А как же профессор Минс и его жена? Их дом? Тоже найдете крайнего?

— Этот разговор не имеет смысла. Я очень сожалею о гибели профессора, но не имею к ней никакого отношения. — Егар раздраженно поморщился. — Я простой предприниматель, а не сумасшедший убийца. А, кроме того, не имею ни малейшего желания влезать в голову правителей и разбираться в причинах их поступков. Свою миссию я выполнил. Как я понял, добровольно сдаваться вы не намерены. Значит все пойдет по намеченному королем плану. И своего он добьется. А мне нужно было вот это, — он продемонстрировал кристалл. — Ну, еще, может быть, дракон. Но с этим мы разберемся по ходу, верно?

Кристалл перекочевал к возникшему за его спиной Антону. На этот раз он надежно скрыл свою сущность и выглядел беззаботно, будто вышел на пикник с друзьями. А у меня противно засосало в желудке.

— И что вы собираетесь делать?

— Жить долго и счастливо, разумеется. — Егар улыбнулся Эллилайле. — Продолжать заниматься любимым делом в кругу близких людей. Обычное человеческое желание, не так

ли?

Арон наконец-то отмер, но двигался заторможено, как под гипнозом, а глаза смотрели в пустоту.

— Егар, о чем ты? Какое долго и счастливо? Ты понимаешь, что миру приходит конец? Единственное, что мне известно о небесных лучах: они приносят беду. Не знаю, кто заварил эту кашу, но нам ее расхлебывать. Лучи не применимы в битве. Единственное, что мы можем сделать — избавиться от них.

Егар безмятежно улыбнулся.

— Ты не прав, дружище. Дело ведь не только в лучах. Дело в том, кто и что с ними может сделать. Они своего рода катализатор. Или батарейка, которая заставляет игрушку не просто красиво стоять на полке, а бегать, махать хвостом и лаять... Извини, брат, за такое сравнение. — Он обернулся к Антону и продолжил: — знаешь, Арон, я почти счастлив. Я так давно хотел с тобой поговорить. Как раньше, когда мы просто сидели за столом, и не имело значения, кто есть кто.

— И это не мешало тебе вытягивать из меня деньги.

— Все честно. Игра есть игра. Но, всему приходит конец. Наши ребята подустали от бесконечной болтовни, надо бы заканчивать. Вот только один момент. Я просто не могу удержаться. Неужели ты действительно не знаешь, кто заварил кашу? Тебе известна легенда о Снежном драконе? Таира наверняка знает. Знает ведь? — Он снова обернулся, а Антон неопределенно пожал плечами. — Снежный дракон и Агатовый дракон. Добро и Зло. Классика. А ты знаешь, что агат бывает черным? Удивительно, правда?

Егар беззастенчиво улыбался, глядя мне в глаза. Я подняла руку. Кольцо на пальце казалось тяжелым. Черный агат. Черный... Меня обдало холодной волной. Да вашу же мать! Не может быть! Хотя... Егар видел, что я догадалась, и продолжал улыбаться.

— Для тебя ведь все это — игра? — Я сглотнула подступивший к горлу комок. — Я знаю кто ты на самом деле. И я верну тебя домой. Я обещала. Но, неужели ты не понимаешь, что делаешь? Игорь, ты ужасный человек.

— Мыло, мочало — начинай сначала! — Он устало потер лицо. — Почему вы все делаете из меня монстра? Это смешно! Оглянитесь вокруг! Вы же сами чудовища! От вас нужно избавиться этот несчастный мир! Я просто хочу заниматься тем, что мне нравится! И не желаю, чтобы какие-то твари мне мешали!

— Так занимайся! Мы к вам не лезем, и вы проваливайте к демонам собачьим! — рыкнул Рэнс.

— Только тебя забыл спросить! — окрысился Игорь. — Вот уж кому стоит молчать в тряпочку! Кто заварил кашу? Уж точно не я! И возжелал он знаний... Или чего ты там возжелал? Все, довольно! Чувствуешь что-нибудь?

Последние слова Игорь адресовал брату, и тот, наконец, показал свою сущность. Потихоньку, легкой пульсацией его аура разгорелась, окутав тело радужным коконом.

— Нам крышка... — простонал Кот.

Антон медленно обвел нас взглядом, на секунду задержался на мне, будто пытаюсь прочесть мысли, а то и беспрепятственно видя насквозь. Сердце подскочило и рухнуло в пятки, но он уже отвернулся, сканируя остальных. Руки его при этом кружились, словно он методично лепил невидимый снежок с тремя сцепленными лучами в центре.

Арон снова окутался потусторонней аурой, но Антон вдруг вернулся взглядом к Рэнсу.

— Эй, смуглый, лови! — И запустил «снежком» в дракона.

Рэнс рефлекторно выставил руку, неожиданный подарок запульсировал в темной ладони, переливаясь перламутром.

— Ты что наделал, придурок?! — Игорь едва подобрал челюсть и тут же набросился на брата. — Он ведь сейчас...

Окончить он не успел. Нас накрыло громовым драконьим смехом. Над полянкой навис пугающий сумрак. Вернулся молчавший до того ветер, и меня окатило запахом свежескошенной травы. Илам, чувствуя неладное, призвал огонь лесного бога. Но все мое внимание захватил Рэнс. Он будто вырос, оскалился в зловещей усмешке:

— И возжелал я власти!

Он перекинулся мгновенно, в прыжке, но за секунду до этого я увидела его глаза. В них не было и следа сапфирового пламени.

[1] Шеттерские женщины выходят замуж в красном наряде. И, да, обряд называется: венчание.

— Черный, вернись! Рэнс! — Арон сделал шаг вперед и снова замер.

— Кто-нибудь, остановите его! — рявкнул Игорь. — Зачем ты их отдал этому идиоту? Он ведь неадекватен!

Антон промолчал, только криво усмехнулся.

Первым опомнился Закирий, потащил глушилку, но куда простому охотнику до легендарного Агатового дракона?! Черная молния рванула в небо, вмиг превратившись в точку.

А между тем с Ароном снова начало твориться неладное. Теперь он окутывался не просто силой, из него сочилось черное пламя. Медленно, словно во сне, он вытянул из ножен на бедре тонкий черный кинжал — тот самый, что Кот украл у Закирия на пути в Тридорожье.

В прошлый раз, в Башне, он извлек огонек из ладони, теперь же, не раздумывая, полоснул по ней острым лезвием.

Темная кровь, густая, как смола, тягучими каплями поднималась над ладонью, а сам Властелин уже походил на тлеющую сырую головешку, с той лишь разницей, что окутывал его вовсе не белесый дым. В остальном сходство полное — такой же деревянный и безэмоциональный.

В полной тишине звон кинжала, вонзившегося в мерзлую землю, показался громким, как звук гонга.

Я проглотила подступивший к горлу ком.

— Арон! Арон, вы меня слышите? Успокойтесь, пожалуйста... Эй! — Меня оттащили от чадающего Властелина.

Снова Вилли оказался сообразительней остальных.

— Он ведь жрец. Последний жрец. Темный.

— И что?

— Жрецу не нужны врата. Он сам врата.

Я переводила взгляд с мага на Властелина, пытаюсь осмыслить сказанное.

— То есть, он сейчас пытается кого-то призвать?

Вилли неопределенно хмыкнул.

— Он обряд готовит, — просипел Кот.

— Какой еще обряд?!

— Откуда мне знать?! Я в темной магии не силен! Это не обычный призыв. В прежние времена жрецы изредка вытворяли подобное, не хочу даже думать, для чего. Короче, нам всем — крышка. Это ж надо, так человек расстроился... Нет, ну подумать тоже, каков этот Рэнс! А как маскировался... Ребят, я вас люблю. Был рад с вами... Эй!

Меру отвесила Коту звонкую пощечину.

— Соберись, тряпка! Умереть мы всегда успеем!

— В глазах темнеет, — протянул Кот, потирая пылающую щеку.

Мир обесцвечивался. Дали окутывала дымка, Пепельная гряда растворилась в сумраке, небо полиняло, а солнце стало черным.

— Как будто затмение... — я потянула ворот, дышать становилось тяжело. Но Властелин ли был причиной затмения? Меня осенило: — И звезды заслонили солнце! Арон,

вы не поняли!

Я рванула к истекающему черным огнем Властелину. Вокруг него образовался приличный круг. Никто не решался приблизиться к Жрецу. Тувосарцы замерли с глушилками наизготовку, размышляя, остановят они разошедшегося Властелина или только сильнее разозлят. У кого-то сдали нервы, пульсирующий сгусток промчался через поле и, отскочив от черного завихрения, вернулся обратно. Тувосарский строй смялся, отброшенный сгусток поразил сразу троих.

Меня снова схватили.

— Не подходи к нему! — Илам был готов приложить меня посохом и оттащить на безопасное расстояние. Вот только было ли оно?

— Отпусти! — Я вывернулась из руки лесовика и подбежала к Властелину. — Арон, вы не поняли! Он хотел...

— Уходи.

Голос Властелина звучал, словно из-под земли. Кольцо из кровавых капель, кружась, поднималось все выше. Я попыталась заглянуть Арону в глаза, но вместо них на его лице зияли провалы, сочащиеся черным. Тягучий огонь был повсюду, заменил волосы, вырывался изо рта, стоило Арону разомкнуть губы. Сорванная маска лежала на земле, а окаменевшее лицо оставалось единственным светлым пятном в тошнотворной черной мешанине.

— Нет! Прошу вас, прекратите. Это убьет вас. А заодно и всех нас!

— Я не-мо...

Сила, окутывающая Властелина, изменилась, разбухла, готовая в любой момент рвануть. Огненные сполохи смешались с черной кровью.

— У-хо-ди...

— Никуда я не уйду! — Я вонзила ногти в ладони. В голове завопил ткач. Сообразил, что теперь ему тоже конец. — Видишь это? — Я взмахнула рукой. — Ты дал мне этот перстень. Я твое доверенное лицо. Ты — мой Властелин. И я останусь тут! Ясно? Послушай меня, Арон. Рэнс вовсе не сбежал. Это Звезды! Они здесь. Он хочет вернуть! Понимаешь?

Властелин с трудом повернул голову. Бледную маску лица исказила судорога.

— Про-шу...

Он не мог ничего поделать. Даже если бы захотел.

— Нин-то-нин-сахи-нин-хааш!

Миллионы невидимых человеческому глазу сущностей, настолько мелких и несущественных, что даже запечатанные Врата им не помеха, откликнулись на мой зов. Что может сделать один муравей? Поднять травинку, листок. Что может сделать тысяча муравьев, *словом* связанная в единое целое?..

Стена поднялась за секунду до взрыва. Вырванные корни, комья земли, клоки высохшей травы, каменная крошка и мельчайшая пыль застыли в неподвижном танце.

Черное пламя диким волком заметалось, ища выход, выжигая траву, вырываясь вверх многометровым столбом. Обе армии расшвыряло потоком силы, ее мой щит удержать не смог. Меня едва не размазало по невидимой стене. В панике я заключила в кольцо не только Властелина, но и себя, и теперь с ужасом понимала, что черное пламя вот-вот меня сожрет. Но оно лишь металось по кругу и злобно рывкало.

А меня снова разрывало изнутри. В груди нарастал жар. Уже знакомый, необъяснимый жар. Пальцы на руках пульсировали, от кончиков ногтей по ладоням расползались черные дорожки. Не подарок ткача — другие, с едва заметными прочерками золотых искр. Меня

сжигало изнутри другое пламя. Мое пламя.

— Нонто-дооган!

Рождающаяся внутри меня вселенная схлопнулась. Вместе с ней рассыпалась стена. Растерявшее силу пламя бессильно рыкнуло. И только Арон стоял в центре выжженного круга, раскинув руки, как факел, охваченный черным огнем. Сполохи — сущности срывались с кончиков пальцев, поднимались в небо, сбивались в тучу. Демоны — дикие, потревоженные после многолетнего ожидания, бесновались, скалили бесформенные, искаженные яростью пасти. Злые и голодные, давно они не видели столько «подношений».

Бесцветный мир сжался до крошечной комнаты, по краям которой были только мы вдвоем. Сторающий Властелин и обессиленная я. Невидимый пузырь сжимался и сжимался и вдруг лопнул. Где-то ударил гром. Мир вспыхнул привычными красками, до боли в глазах и звона в голове. Наваждение рассеялось, а поток демонов, рвущихся из открытых настежь врат, лишь усилился.

Я рухнула на колени. Звуки привычного мира казались чужими и оглушительными.

За спиной кто-то вскрикнул. Тувосарская армия оправилась от удара, но десятки глаз по-прежнему замороженно таращились на призываемых Жрецом демонов. А в наших рядах намечалась настоящая паника.

Окутанная белым огнем фигура выступала вперед и примерно повторяла действия Властелина.

— Последний? Да вы шутите? — Я стерла бегущую из носа кровь, впила пальцами в землю.

Кота было не узнать. Ослепительное одеяние развевалось на ветру, непонятно откуда взявшийся сияющий посох чертил над головами пораженных воинов огненные круги.

— Да у нас тут прямо слет жрецов! — я попыталась пошутить. Арон не реагировал. Он превратился в пустую оболочку, дверной проем для сотен скучающих по ту сторону демонов.

Кот поступил умнее. Он создал дверь, а не стал ею сам. Светлые сущности сбились в комок и, направленные рукой мага, ринулись прямо на нас.

— Ложись! — Я дернула Арона за ногу, но уже в падении его накрыла ослепительная волна.

Черное пламя оборвалось, устремилось ввысь. Белая волна понеслась дальше, ломая едва восстановленный тувосарский строй. Перепуганные наемники разбежались в стороны, падали на землю, а запущенные Котом сущности развернулись бумерангом и взмыли в небо.

Черное и белое смешалось, закрутилось узлом. Это была не битва, а встреча старых друзей. Сущности отпрянули друг от друга, снова перемешались. Им уже не было дела до собравшихся на земле смертных. Отливающая перламутром туча поклубилась, рассыпалась на отдельные клоки и растаяла в ярком зимнем небе.

Он падал медленно, и в бесцветных глазах отражалось холодное солнце. Взметнулся пепел, остекленевшие глаза закатились. Я подползла ближе, похлопала по щеке. Холодная. У меня перед глазами промелькнула сцена из кошмара. Там Властелин умолял спасти дракона, а теперь сам лежал бледной тенью. Как когда-то давно, в Темной Башне. Но теперь рядом не было верного слуги. Зато была толпа разъяренных наемников.

Высшие силы испарились, а люди остались. И теперь их планам не могло помешать ни черное пламя, ни его павший создатель.

Над головой мелькнула зеленая молния. Илам сообразил, что попытаются сделать

наемники в первую очередь — разделаться с бесчувственным Властелином, или его телом, если чувств в том не осталось. Раздумывать не было времени, поэтому он просто ринулся вперед, лишь на секунду опередив тувосарцев, и тем самым выиграл сотню шагов.

Гибкая фигура взмыла над землей. Так уже было в игорном доме, но теперь врагов разил не бессловесный отшельник. Зеленые искры следовали за лесовиком неотступно. Огонь лесного бога больше не был бессмысленным набором слов. Вальхоровый посох не останавливался ни на миг.

Будь на стороне Тувосарии просто люди, Илам разделался с ними в считанные минуты, но горцы почти ничем не уступали «младшему брату».

Следом за лесовиком бежали воины Наронетора. Битва закипела, а мы пока что оставались за ее пределами, но все могло измениться в любую минуту. Взъерошенный Кот, вернувший свой привычный вид, щелкал пальцами, и у его ног росла куча глушилок и арбалетов. Даже обретя небывалую силу, он остался верен своему любимому трюку. Как и Вилли.

Рыжий маг «слепил» из трофейного оружия гигантский ком и с удивительной легкостью запустил его куда-то за Пепельную гряду. Импровизированное ядро исчезло, не долетев до гор. Где оно материализуется — оставалось загадкой.

— Надо было в них швырнуть... — запоздало спохватился Кот. — Вот бы их раскатало...

— Ребята, помогите оттащить его подальше!

Я попыталась встать, но ноги больше походили на вату. Над головой просвистел и воткнулся в землю окровавленный меч. Вилли, у ног которого тот и приземлился, выдернул оружие и метнул обратно с такой силой, что невезучего наемника протащило пяток метров, прежде чем пригвоздило к земле.

Маги нависли над бесчувственным Властелином.

— Он умер? — насторожился Кот. — Я что, убил Темного Властелина? Потрясающе! В смысле, ужасно!..

— Не знаю, — я попыталась нащупать пульс, но пальцы онемели и чувствовали только холод. — Надо унести его отсюда. Тувосарцы не должны его заполучить.

Вилли понимающе кивнул, подхватил Арона на руки и потащил прочь с поля битвы. Меру, занятая ранеными, оставила наспех перевязанного бойца и принялась на ходу осматривать поверженного Властелина.

Я ухватилась за подставленный Котом локоть, но снова рухнула.

— Что-то у меня с ногами... Кот, что там?

Маг из-под ладони вглядывался в небо. Там в прозрачной голубизне появилась черная точка, постепенно увеличиваясь, она неслась к земле. Беспорядочно кувыркалась, как выброшенная тряпка.

— Это Рэнс! — завопил Кот, до боли сжав мою ладонь.

Да, это был дракон. Спустя столько лет он, наконец, поставил точку в истории, которую сам и начал. Лучи вернулись к Звездам, проклятие рассеялось, а виновный был наказан. Не Снежный, Агатовый дракон поплатился жизнью за спасение Ирвеона.

Дракон падал и не пытался расправить крылья. Или не мог?

«Это тебе не в трактир сходить»

— Почему он не расправляет крылья? — Кот теребил меня за рукав. — Он мертв?

— Вряд ли, — я приросла к дракону взглядом.

Ну, давай же, Рэнс! Очнись! Увы, телепатией я не обладала, и летать не умела, иначе, не раздумывая поспешила на перехват. Но я могла только сидеть и слушать бешеный стук своего сердца. А земля все приближалась.

Мимо нас пронеслась Меру. Не обращая внимания на лязг стали, фонтаны крови, стоны умирающих, она промчалась по полю битвы. Один из горцев попытался ее схватить, но она увернулась. Тот выхватил кинжал и, не раздумывая, бросил ей вслед. Мы с Котом хором заорали. Маг выбросил вперед руку, в следующую секунду дрогнувшую под тяжестью клинка. Длинного, тонкого, окровавленного.

— Меру!

Но чародейка продолжала бежать, черные волосы трепетали на ветру, а вокруг собирались радужные тени. Вытягивались, принимали знакомые черты, и вот многоцветные твари неслись рядом с ней и впереди нее.

Кажется, даже сквозь шум и крики я услышала удар, почувствовала, как сминаются кости, рвутся мышцы, расползается кожа. Я сморщилась от почти ощутимой боли.

— Кот, помоги!

Повиснув на плече мага, я заковыляла в обход кучи-малы, в которую постепенно превратилась битва. За спинами сражающихся мы не заметили, что со стороны Тувосарии спешило подкрепление. Наронеторцы не остались в стороне, и маленькая битва грозила перерасти в полномасштабное сражение.

Белое пятно лежало прямо на пути тувосарского войска. Еще немного и сотни ног в подкованных сапогах растопчут то, что осталось от дракона.

Я впилась пальцами в плечо Кота. Дыхание перехватило, а пустота расползлась по телу. Человек. Он стал человеком... А на что я, собственно, надеялась?

«Надежда только сбивает с толку»

«Тогда что нам остается? Вера? Любовь?»

Меру добежала, рухнула на колени. Многоцветные твари закрутились в клубок, окутывая и ее и переломанного дракона. Земля ушла у меня из-под ног. Опора перестала быть таковой и потянула за собой. Кот, запрокинув разбитую голову, свалился на притоптанную серую траву.

Все на огромном приграничном поле были заняты делом. Убивали и пытались не умереть, никому не было дела до неприметной девчонки. Никому, кроме одного упрямого человека.

— Да чтоб ты сдох!.. — устало выдохнула я, отползая как можно дальше.

Увы, он, в отличие от меня, чувствовал себя превосходно. Губы изгибались в едва заметной усмешке, а в серых глазах отражалась жестокая решимость.

— Ну, привет.

Закирий ухватил меня за шиворот и потащил прочь.

— А ты умеешь прятаться. Так далеко от меня еще никто не убежал.

Он оттащил меня на безопасное расстояние и отшвырнул к пограничному столбу. Прошелся туда-сюда, разминая шею.

Я прижалась к каменному истукану, чувствуя спиной холод. Вот только разборок с маньяком мне не хватало!..

— Это еще не самое отдаленное место, где мне удалось побывать.

— Даже не сомневаюсь. Но не надейся, что я не нашел бы тебя и там.

— Весьма самонадеянно...

Моя голова мотнулась, больно ударяясь о камень, а в носу противно защипало.

Я всхлипнула, стирая кровь.

— Что тебе от меня надо? Смотри, там полно народу, цепляйся к кому угодно. Или тебе больше нравится бить беззащитных женщин?

— Хо-хо! Беззащитных? — Закирий зло рассмеялся, схватил меня за шею, пригвоздил к статуе и процедил в лицо: — это ты-то беззащитная?

Я попыталась оторвать его руку, но пальцы не слушались. Он, презрительно сморщившись, вытер испачканную кровью руку о мою кофту и отстранился.

— С нашей первой встречи я все гадал, кто же ты? Сомневался. И вот теперь, наконец, убедился, что был прав. Можешь сколько угодно прикидываться, но ты понимаешь, почему я здесь.

— Не понимаю.

— Хорошо. — Он закусил губу, размышляя. — Я напому. Чуть больше месяца назад два наших отряда промышляли на пустоши. Первый вернулся сразу. Парни вели себя странно и рассказывали какую-то чушь про Духов. А второй не вернулся вовсе. Неделью спустя я отправился на поиски. И нашел-таки одного. Он блуждал на болотах. Грязный, оборванный и наполовину безумный. Он тоже болтал о Духах. И демоне, в облики девчонки-полукровки. Маленькая, лохматая, с горящими желтыми глазами. Никого не напоминает? Маленькая беззащитная девчонка расправилась с четырьмя здоровыми мужиками. Как тебе такое? Поначалу я не поверил. А потом увидел тебя. И все встало на свои места.

Закирий прекратил вышагивать, остановился напротив.

— Как ты это сделала? Что? Неужели защита темного ублюдка исчерпала все твои демонские силы?

Я смотрела на охотника и пыталась понять смысл его слов. Все события: блуждания на пустоши, встреча с магами, поездка на самоходке — казались бесконечно далекими, а прошел всего месяц. Сколько это в моем мире? Четыре дня, не больше. Сколько по моим ощущениям? Годы!

Тогда я была напугана, растеряна. Я многое знала об Ирвеоне и вместе с тем не знала ничего. Тем более не представляла, какими могут быть его обитатели. В моем воображении они представляли добрыми селянами или пугающими монстрами. На деле же оказалось все наоборот. Нет, монстры тоже пугали, но добропорядочные люди оказались куда хуже.

Добряк-здоровяк, любящий жену и сюсюкающий с десятком погодок, оказывается, может, не задумываясь, напасть на девушку, ненамного старше его дочерей. Милый парнишка — изрубить на куски старика, один в один похожего на его дедушку. Просто так. Забавы ради. Насилие, убийства, издевательства, грабеж — все это не важно. Они ведь добропорядочные, семьянины. А это — лишь работа. Или развлечение. Вечером они придут домой, повесят кольчужку на гвоздь и будут допоздна рассказывать байки про тварей с пустоши, сказочных драконов и прекрасных принцесс. А где-то посреди болот все еще курится сожженная сторожка, а глубоко в трясине гниют тела. Никто не узнает, значит этого не было...

— Тебе самому-то не противно? — Я поднялась на ноги, придерживаясь за статую. Камень под пальцами легонько пульсировал. Поначалу вопросительно, а потом приветственно. — От скольких таких «демонов» ты избавил великую землю тувосарсткую? Кошмары не мучают?

— Единственный мой кошмар — это ты. Но это ненадолго.

— Да ну! Ты мне льстишь.

Я осторожно шагнула через границу, оставляя между собой и охотником каменного истукана. Закирий приблизился.

— Даже не надейся сбежать. Здесь тебе от меня не спрятаться. Или хочешь испытать на мне свои силы?

Ничего я уже не хочу!

Болото, оказывается, весьма отзывчиво. Тысячи насекомых, сотни любопытных примитивных духов. Стоит только поманить. А уж если их истошно зовет перепуганный до смерти «демон»...

Трое даже не сообразили, что произошло, четвертый успел удивиться, пятый, свихнувшийся от страха, умудрился сбежать. Жаль. Если никто не узнает, значит, этого не было.

Я упрямо мотнула головой. Нет! Я столько времени глушила в себе это воспоминание. Заставляла думать, что это просто сон. И даже на какое-то время поверила себе. Да, наверное, также чувствовал себя Рэнс, когда вспомнил, кто он. С одной лишь разницей — я не жалею о содеянном. Разве что самую малость.

Охотник брезгливо сплюнул, приблизился еще на шаг.

— Хочешь, и я расскажу тебе историю? — Я отступила, чувствуя предательскую дрожь в коленях. — Как у тебя с историей, кстати? Видимо, не очень хорошо, если ты все еще на что-то рассчитываешь.

Закирий нахмурился.

— Время тянешь. Да сколько угодно. Так только интереснее.

— Вовсе нет. Стой!

Охотник подчинился, подсознательно чувствуя подвох. Какой молодец...

— Не задумывался, почему Наронетор никогда не был захвачен? Столько лет он мозолил глаза Тувосарии, и ни разу никто так и не смог подобраться к Башне... Да что там! Пересечь границу!

— Врешь! Я ходил через границу десятки раз. И Башню видел. А Наронетор этот просто никому не сдался.

— Да ну! Так просто ходил через границу?

Закирий ухмыльнулся, вытащил из поясной сумки скрюченную лапу.

— Да, я тоже слышал эти байки. Пропуск в Темное королевство — кровь или плоть темного. — Он помахал мумифицированной кистью.

— Если байки, зачем носишь с собой руку вурдалака? Знаешь, они, вообще-то разумные. Такие же, как мы с тобой.

Охотник презрительно поморщился, пряча оберег обратно в сумку.

— Какая разница? Ношу и ношу. Дальше что?

— Ничего. Черная шиповница тебе о чем-нибудь говорит?

В свое время дракон высypал на меня гору историй из прошлого Наронетора. Были там и откровенные байки, но кое-что походило на правду.

Говорили, что Темное королевство защищает не только Пепельная Гряда, но и

молчаливые стражи. В прежние времена пересечь границу мог лишь тот, кого тут ждали. Пристанища в Наронеторе искали по большей части темные, но и прочие могли получить приглашение. Тех же, кто имел дурные намерения, хотел навредить Властелину или его подданным — ждала страшная кара — черная шиповница. Стоило врагу пересечь границу, на его коже распускались черные цветы. Сотни шипов пронзали тело насквозь, разрывали внутренности и неминуемо убивали. И не было от этого недуга спасения. Так говорили.

Случайный путник, едва завидев каменных стражей, поворачивал назад, если только не имел веской причины проникнуть в королевство.

Но проклятие Звезд коснулось и границы Наронетора. Сила стражей почти угасла, и едва проявлялась. Кому удалось отыскать лазейку в ослабевшей защите — история умалчивает, но постепенно граница стала больше похожа на проходной двор. Кто-то обмазывался кровью темных, кто-то, как Закирий, таскал с собой обереги. Мало кто верил, что защита все еще существует, но черная шиповница изредка показывалась то там, то тут. И рисковать не хотелось никому.

— Блефуешь! — Закирий оценивающе оглядел статую.

— Проверь.

— Проверял и не раз.

— Это было давно. Сейчас кое-что изменилось. Вряд ли ты почувствовал, но это так.

Вперед.

Я отступила еще на шаг.

— Ах ты, мелкая стерва!

Охотник поносил меня на все лады, но переступить границу так и не решился.

Была ли там защита? Не знаю. Каменный страж меня признал и пропустил. Что бы он сделал с плюющим ненавистью Закирием? Не имею и малейшего представления. Смерти ему я не желала. Сколько бы убийств не было на его совести, отягощать свою еще одним я не хотела. А хотела я всего минуту тишины. Не слышать криков, стонов, звона стали и треска ломающихся костей. Не видеть пустых глаз убитых воинов. Не слышать запаха крови, не чувствовать ее вкуса.

Я опустилась на землю, прижалась спиной к обломку стены. Когда-то здесь тоже стояла приграничная деревушка, давным-давно раскатанная по камушку, такими вот добропорядочными гражданами.

— Я тебя все равно достану!

Нет, Закирий, не достанешь. Скоро я буду очень далеко.

В груди защекотало, я не сдержалась, раскашлялась, сплюнула тягучий сгусток.

Ох... и, кажется, гораздо дальше, чем мне бы хотелось.

Проклятие Звезд исчезло, но мир снова сжимался. Я цеплялась взглядом за малейшие детали: распластанное на земле тело, оставленное как можно дальше от надвигающейся волны, огромного рыжего медведя, с ревом бросающегося волне навстречу, зеленую молнию, вонзающуюся в землю и больше не взмывающую в небо. Миг темноты и пожирающая мир стена огня.

Наконец-то... Тишина.

Вначале был свет. Не холодный и не теплый — мягкий и нежный, как облако пуха. Свет был повсюду, даже глаз не пришлось открывать, он забрался под веки, обнял, поманил за собой.

«Это не борьба добра со злом. Это баланс!»

Кто это сказал? Кто решил, что может стать богом?

Свет померк. Не исчез, но успокоился, полинял до серого зимнего неба, хмурого снежного утра. Бархатные медузы тихо оседали на голые черные ветки. Беззвучно танцевали под неуловимую музыку. А она пронзала мир, обволакивала, уносила на прекрасных и таких знакомых волнах.

Он снова может петь. Вот же зараза! А я так надеялась, что он исчезнет вместе со мной...

Ткач озадаченно замолчал, а я открыла глаза.

Широкая, в полстены дверь была сдвинута в сторону, весь проем и половину засыпанного снегом двора занимала черная гора. Кусок пустоты в реальном мире. Обломок ночного неба, упавший на землю и лишенный звезд за дерзость и глупость.

Я спустила ноги на пол, прошла по заснеженным доскам, оставляя цепочку следов.

Призраки следов не оставляют.

А мертвые драконы не принимают истинный облик.

— Рэнс!

Он поднял голову, два осколка горного льда смотрели на меня как тогда в первый раз в Башне: насмешливо и любопытно.

— У тебя такие большие глаза!..

— Это чтобы лучше видеть тебя, дитя мое. Эй! Полегче, не рассыпья.

Я выпустила драконью голову, отступила на шаг.

— Я думала, ты умер.

— Не преувеличивай.

— Да ты же упал! Расшибся в лепешку. Буквально.

— Это все Меру. — Рэнс отвел взгляд.

— Вот, значит, какое видение у нее было? Она знала, что придется тебя спасти, потому и уговорила отнести в Наронетор!

— Да. Знала и все равно напросилась, — нехотя прогудел дракон.

— С ней все в порядке? А как ребята?

— Бодрячком. Кот все дует на меня, правда, но Вилли обещал ему мозги поправить...

— А с Ароном что? Он же там такое шоу устроил! Ты бы видел!

— Да мне и про тебя рассказали. Вы с ним оба хороши. А я все пропустил...

— Так он жив?

— Жив, конечно. Что ему сделается? Провалился недельку в постели и снова как огурец.

— Неделю?! Это сколько же времени прошло?

— А неделя и прошла. И еще два дня. В Наронеторе все вверх дном. Вулкан снова проснулся, трясло дня три. Пеплом половину Тувосарии засыпало. А может и не пеплом. Снег тоже как прорвало. Валит, не переставая. Арон как шальной бегаёт по Башне, пытается наладить все. Позавчера советники приперлись. Я бы их, честно говоря, гнал в шею туда, где

их демоны носили все эти годы. Но кто меня будет слушать? Говорят: одурманили... Ха! Больно на халывную жратву падки эти господа... Это ведь Егар им Драконью Пыль подмешивал. На ней все его Единорожки и держались. Он потому и затеял возню с лучами — Пыль заканчивалась, хотел новую приготовить. Я у него кучу записей нашел из той пещеры, в горах.

Дракон из-под полуприкрытых век наблюдал за мной. А я уселась прямо на заснеженный пол. Многослойный цветастый халат, в который меня обрядили, пока я была без сознания, тут же пропитался растаявшим снегом. Но лучше уж так, чем приложиться лицом об пол: предательская дрожь вернулась, а колени сами собой подгибались.

— Значит, тебе удалось? Ты вернул украденные лучи?

— Не напоминай, — сморщился он. — Каким же идиотом я был...

— И какое оно, Прибежище Звезд?

— Странное. Ни на что не похожее. Так и не объяснишь.

— Теперь, когда лучей нет, придется Егару обходиться без Пыли.

Картинка потихоньку складывалась. Игорь, как и мы с Антоном, оказался неподалеку от Врат и набрел на пещеру. Почитал оставленные беглым драконом записи, и нашел брошенной Пыли свое применение. Решил поиграть в нечто поинтереснее компьютерных игрушек. Создать свою империю. И, конечно, он не собирался ее терять. Все логично. Вот только кое-что меня смущало.

— Рэнс, а как ты с Егаром познакомился? Ты говорил, что спал сто лет, а после ничего не помнил. Но ведь Егару, то есть, Игорю не сто лет. Не сходится.

Дракон выдохнул облачко пара. По комнате заструился аромат мяты и парного молока.

— Сложно объяснить. Это был не совсем я. То есть я, конечно, но я был как бы одновременно в двух местах. Часть меня таскалась за Егаром по Тувосарии, а другая спала в пещере. Понимаешь, я ведь знал его. Того, кто создал Пыль. Я, можно сказать, присутствовал при ее создании. Только... Он не объяснял толком, чего хочет. А я был честлюбивым и наивным дураком. Это, конечно, меня не оправдывает. Помнишь, отец рассказывал, что некоторые из нас могут перемещаться? Это очень сложно. Другие миры не способны принять нашу силу в том виде, в каком она существует в нас, но некоторые умеют ее усмирять. Немногие — их называют Смотрителями. Но парадокс в том, что без силы переместиться невозможно.

— И как быть?

— Извлекь ее, но сделать так, чтобы в любой момент можно было вернуть ее обратно. Всю или по частям. Для этого ему и понадобились лучи. Мне он говорил, что делает это ради науки. Смешно. А я хотел стать умнее отца. Смешно вдвойне. В итоге мы получили прорву Драконьей Пыли и огромные проблемы.

— То есть, Драконья Пыль — это сила дракона?

— Угу.

— А как же он переместился, если Пыль осталась тут?

— Силы у нас немало. А для перемещения нужно совсем чуть-чуть.

Немало — это слабо сказано. Сколько нужно этого горошка, чтобы в течение двадцати лет кормить им целую страну? Немало...

— И Егар потратил всю силу того дракона, чтобы «раскрутить» Единорожки?

— Это всего лишь побочный эффект. Как и потеря памяти. Ошибешься с дозировкой и все, — он развел лапами. — Так вот. Я спал под действием Пыли, а часть меня каким-то

образом слонялась демоны знают где. И, знаешь, что странно? У Егара тогда не было армии наемников, но с ним везде таскался один человек. Когда ко мне память вернулась, я даже испугался. Показалось, это был Арон. Но это невозможно, тот был гораздо старше. Не могу вспомнить его лицо, но по ощущению они очень похожи. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Еще бы я не понимала! После тесного общения с черным пламенем, у меня будто глаза открылись. Я и раньше чувствовала присутствие Властелина, только никогда не придавала этому значения, как не придаем мы значения стуку собственного сердца или постоянным фоновым звукам. Но, конечно, я не могла, как Илам «читать» сущности окружающих.

Дракон понимающе кивнул и продолжил:

— Мы слонялись втроем по стране и творили разную дичь. Я от скуки, Егар, как я теперь понимаю, готовил основу для своей «империи», а третий... Не знаю. Раньше я думал, что он служил Егару, но теперь сомневаюсь, кто под чью дудку плясал. Тогда же он встретил ледяную стерву... Мне она сразу не понравилась. И что Арон в ней нашел?.. Но, честно говоря, я уже подумывал, что она с тех пор изменилась, забыла Егара. До того натурально играла... — Он покачал головой. — В конце концов, мне надоело беспредельничать. Приют стал последней каплей. Меня тогда будто по башке шарахнуло. Подумал, какого демона я вообще творю? Мы повздорили, я ушел. Пообещал напоследок при следующей встрече подпалить Егару зад. Видимо, я был убедителен, раз он утыкал всю страну глушилками, лишь бы меня близко не подпускать.

— Сильно же ты его напугал.

— Его или того, другого, уж не знаю... Но, да, ушел я эффектно, — дракон рассмеялся воспоминаниям.

Эффектно ушел...

— Рэнс, а ты не думаешь, что это был отец Арона? Ведь тела старого Властелина никто не видел. А за пределами Башни все считают, что Арон — тот самый Властелин. После войны старый король умер, а молодой поначалу был очень активным, а потом вдруг заболел, заперся во дворце... Точно! Бонтир — старый архитектор говорил, что вся прислуга в замке сменилась. Рэнс, вот кто убил короля!

— Складно звучит. Вот только зачем старому прикидываться мертвым?

Я задумалась, вырисовывая пальцем на снегу узоры.

— Насколько я знаю, он не очень-то любил свое королевство. А на Тувосарию всегда заглядывался. Едва подвернулся случай, он им воспользовался.

— А теперь решил и с Наронетором разделаться? Зачем так долго тянул?

— Спросишь у него при следующей встрече. — Я поднялась с пола. Размяла онемевшие ноги.

Вот так новости! Если наши догадки верны, Арона ждет большой сюрприз.

Утро над Закатными Холмами плавно перетекло в день. Дракон пребывал в непривычном унынии и чтобы хоть как-то отвлечься, лениво рассказывал обо всем, что я пропустила.

Огненная стена мне не померещилась. После того, как мы сбежали с Дэй-Кханабона драконье болото взбурлило. Марк потребовал у правителя объяснений: как это Рэнсу удалось миновать преграду, если она, якобы, непреодолимая? Долгар возмутился, но к Марку присоединилась Мия и, внезапно, Сандар. Все грозило перерасти в нешуточное столкновение, но правитель махнул на молодежь лапой и велел убираться на все четыре

стороны, если им так жить надоело.

Жить драконам надоело в одном конкретном месте, поэтому они, посоветовавшись, Сандар расцеловал жену и сына в обе щеки и они втроем — Марк, Мия и Сандар — покинули остров. Способность близнецов становиться невидимыми отлично пригодилась и защищала от сторожевой тучи также хорошо, как и мой щит. Она же помогла незаметно подобраться к границе Наронетора, а горящий лес послужил неплохим ориентиром.

Уже на подлете Сандар заметил распластанное тело брата и взбесился. Сжечь всех к демонам собачьим (как не раз грозился Рэнс) ему помешал неожиданно восплававший любовью к людям Антон. В итоге потери ограничились десятком наемников, неосмотрительно выскочивших из-под сотворенного Духом щита.

Огненная, а больше психическая атака возымела успех: войска ретировались. Ни тувосарцам, ни наронеторцам не хотелось стать тщательно прожаренным шашлыком, а разбираться, на чьей стороне драконы, не было времени — Сандар плевался огнем и по тем и по этим, пока близнецы его не усмирили.

— Я к тому времени сумел перевоплотиться. Меру вытащила. А вот я ничего не смог сделать... она хоть и маг, но всего лишь человек. Ее какой-то урод ранил, а она вместо того, чтобы лечить себя, лечила меня...

Дракон зло рыкнул.

— Она... умерла? — Голос предательски дрогнул, а сердце плюхнулось в район желудка.

— Не совсем. Повезло, что рядом были чистые силы. Такие радужные, ты видела наверняка. Они поддерживали в ней жизнь, пока я не принес ее сюда. Тут же теперь, своего рода, вторые Врата Духов. Все пропитано их силой. Тут она в безопасности.

— Теперь она заперта в Закатных Холмах? И не сможет отсюда уйти?

— Верно. Но, по крайней мере, она жива.

Ничего себе перспектива! Навсегда остаться в Закатных Холмах? Не иметь возможности их покинуть? От одной мысли о такой судьбе мне стало нехорошо. Нет, покрытые сосновыми лесами горы огромны. Тут безопасно и красиво. Тут есть все, что нужно и человеку, и магу, но... Без возможности выбора жизнь теряет часть красок. Меру знала это. Видела и все равно побежала спасать Рэнса...

Если бы дракон не решил вернуть лучи Звездам, она бы не лишилась прежней жизни. Но, тогда погиб бы Арон. Обряд без демонической подпитки забрал бы все силы. И Кот не сумел бы остановить взбесившихся демонов. Да, их было бы в разы меньше, но, что так, что эдак, все присутствующие на поле боя были обречены. Что бы ни задумывал Арон, обряд вышел из-под контроля, и моя помощь была лишь каплей в море. Рэнс выбрал единственное верное решение, но одна мысль не давала мне покоя.

— Рэнс, но ведь меня ты вылечил, когда пустынные ранили. А ведь я тоже человек.

Дракон неопределенно хмыкнул и надолго замолчал.

Ведь я человек?..

Война между Наронетором и Тувосарией закончилась, не успев толком начаться. Короткая стычка на границе и явление драконов, надолго не сдержали бы тувосарцев, но из штаба пришло известие, что королю стало совсем худо. И без того болезненное величество, якобы, окончательно слегло и доживало едва ли не последние дни.

Кое-кто решил, что болезнь короля — проделки темных и группа наемников под

покровом ночи проникла через границу. Обратного они не вернулись. Войско заволновалось, а тут еще пошел слух, что при дворе начались разборки — король из-за слабого здоровья не сумел обзавестись наследниками, а нынешние кандидаты на трон — князья южных и северных провинций — имели собственные взгляды на пути расходования казенных средств. И война в их планы однозначно не входила.

Наемники тут же зачехлили оружие. Бесплатно воевать они не собирались. Военачальники попытались расспросить Егара, как первое доверенное лицо короля, но того и след простыл.

Три дня спустя у границы нашли тела двоих тувосарских солдат. Точнее то, что от них осталось. Больше всего останки напоминали две усеянные черными цветами клумбы. О черной шиповнице не знал только ленивый, а таких в тувосарском войске не было.

Теперь даже самые бескорыстные и отчаянные вояки послали Его Величество подальше. Про себя, конечно, не вслух. Через границу больше никто перебираться не рискнул, тем более, от высшего начальства не поступало ни одного вразумительного приказа, а призывы явиться на ронеторцы игнорировали.

В Башне про вражескую армию вспомнили только через неделю, когда очнулся Властелин. К тому времени тувосарцы покинули границу, оставив после себя вытоптанное поле и наполовину сгоревший, наполовину вырубленный лес.

Кроме меня, Меру и Рэнса, в Холмах маялся Илам. Пока Арон был без сознания, а раненные маги и дракон приходили в себя, лесовик пытался разрулить ситуацию в Башне. Так долго пустовавшая, она наводнилась всевозможным народом. Драконы первое время тоже торчали в Башне, а когда убедились, что с Рэнсом все в порядке, умчались восстанавливать северные чертоги.

Башня, тем временем оживала. Заваленный выход расчистили, навели подобие порядка, тут и Арон очнулся. Лесовик с облегчением сдал непонятно кем возложенные полномочия и вызвался помочь Рэнсу перенести меня и Меру в Закатные Холмы. В Башне было слишкомлюдно, Меру становилось хуже, а я по-прежнему не приходила в сознание.

Живительная сила новоявленных Врат быстро поставила чародейку на ноги, а меня привела в чувства. На следующий день я была готова обежать всю Тувосарию вдоль и поперек. Вот только зачем? Охватившая дракона апатия перекинулась и на остальных обитателей Холмов. Рэнс уверял, что полностью здоров, но все еще не может перевоплотиться. Обязанности повара взял на себя молчаливый Илам. За все время он попался мне на глаза два раза, а после успешно прятался в бесконечных коридорах поместья.

Меру все дни проводила в окружении духов. Внешне она совсем не изменилась, но стала еще более замкнутой, чем прежде. Радужные твари изредка появлялись рядом с ней, но к остальным обитателям Холмов оставались равнодушны.

Обстановка из гнетущей грозила перерасти в откровенно невыносимую, когда у ворот появился Антон. Вот уж кого меньше всего ожидаешь увидеть в такой глуши! Сущность Духа он тщательно спрятал и выглядел в точности как в тот день, когда мы вдвоем очутились посреди фантастического леса Западной Гряды. За исключением, разумеется, местной одежды.

— Привет. Есть минута?

Вот так просто, как будто поймал в коридоре университета в перерыве между лекциями, а не материализовался посреди заброшенного поместья за десятки километров от обжитых

мест. Я прекратила таращиться, кивнула. Горло сжал спазм, но я с трудом пробормотала:

— Где твой брат?

— Домой отправил. — Он засунул руки в карманы кожаной куртки, пожал плечами. —

Он не очень этому обрадовался, честно говоря.

— Не понимаю. Ты знал, как можно вернуться?

— Знал. Просто было интересно, чем все закончится.

Прекрасно! Вполне в его стиле. Все знал, а мне плел, что это невозможно! Интересно ему было, вы подумайте!

— А сам почему не ушел?

Взгляд в сторону.

— Я извиниться хотел. — Он впервые посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Как раньше.

Искренне и немного виновато.

Дурацкое сердце по старой привычке сделало двойное сальто.

— Не за что извиняться, — горло снова сдавил спазм. Вот только теперь, не смотря на сердечные кульбиты, меня душила злость. Очень мило, наговорить гадостей, а потом спокойно улыбаться. Ну, уж нет!

— Тай, я все вижу. — Он постучал себя по виску. — Ты злишься. Это справедливо. Я не буду оправдываться и что-то объяснять. Ты ведь все равно не слушаешь, я тебя знаю.

Снова пошел снег и тщательно выметенный двор покрылся белым ковром. Антон молчал, только пристально смотрел. Может быть, мысли читал или наоборот, пытался что-то передать. Потом устало усмехнулся.

— Прости меня.

Калитка стукнула. Я на негнущихся ногах прошла по цепочке следов, выглянула за ворота. Пушистые снежные медузы опускались на идеально ровное, нетронутое полотно.

— Чертовы Духи!

С узенькой крыши над воротами съехал сугроб, пушистый снег взметнулся, бросился в лицо. Глаза защипало, но совсем не от снега.

В жизни каждого человека наступает момент, когда нужно поставить точку. Иначе история перерастет в невыносимую тяготящую дрянь. Все это понимают, но из вежливости или иных причин молчат. А ты продолжаешь действовать по старому сценарию, хотя чувствуешь, что давно никому не нужен.

В доме пахло пирожками. Обычными, без примеси Драконьей Пыли. И это было так странно, после стольких дней услышать этот уютный запах. В прежние времена я бы с радостью слопала целую тарелку, но теперь меня мутило от одной мысли о еде.

Пошатываясь от накотившей усталости, я добрела до купален и застыла. Двери во внутренний дворик стояли нараспашку. На порожке, спиной ко входу сидела Меру, а рядом с ней черноволосый парень. Волосы колдуньи струились по спине, черными змеями скручивались на светлых досках. Плечи Меру задрожали, она уткнулась лбом парню в плечо, а тот обнял ее и что-то прошептал. Я неслышно отступила в тень. Возможно, он меня почувствовал, хотя однажды мне уже удалось его обмануть, а сейчас меньше всего хотелось мешать.

Об этих двоих можно не беспокоиться.

Илам по-прежнему где-то прятался, а бегать за ним по всему холму не было сил. Злость

после встречи с Антоном прошла, и место ее заняла пустота.

Поместье и покрытый снегом двор остались позади. Сосны худо-бедно защищали от снега, а за пределами выстроенной паразитами стены его методично подчищали снежные волки. Кружились по полю полупрозрачными поземками, сметали белую крошку в длинные ершистые сугробы.

У основания одной из базальтовых колонн из-под земли бил родник. Рядом с ним Илам соорудил навес для Ворона, натаскал сена и зерна, так что конь был обеспечен всем необходимым, ведь затащить его на холм через стену было непросто. Выглядел конь прекрасно: черная шерсть лоснилась, а грива была тщательно заплетена. Вот значит, где целыми днями пропадал лесовик!

— Если не возражаешь, я тебя позаимствую, — я похлопала Ворона по шее, — надеюсь, ты запомнил дорогу. Возвращаться придется одному.

Васса вновь изменилась. Во всем чувствовалось запустение. Люди бродили с потерянным видом. Еще бы! Утром объявили о смерти короля, но это полбеда. Чудесная еда из Единорожек перестала быть таковой! И как теперь с этим жить?

Стражники у ворот не обратили на меня внимания, сбившись в кружок, они жарко спорили, но мне до городских сплетен не было никакого дела.

Найти колодец с Драконьей Пылью оказалось несложно. Знакомый запах казался почти осязаемым, на этот раз я нашла бы его вслепую. Равномерное зеленоватое сияние заполняло выложенную старым кирпичом комнату. Я заглянула за бортик. Казалось бы, так просто — шаг и все... Но одно дело — упасть случайно, и совсем другое — шагнуть намеренно.

— Это больно?

Я взмахнула руками, но удержала равновесие.

Илам смотрел настороженно. Наверняка сомневался, стоит ли приходить, но все равно пришел.

— Пожалуй. Но боль быстро забывается.

Он подошел, заглянул за край.

— У тебя не получится.

— Я знаю. — В зеленом свете глаза лесовика светились, как два изумруда.

— Я вернула тебе твою клятву.

— Я знаю.

В глубине изумрудов промелькнула черная искра.

— Как ты здесь оказался?

— Прилетел с Рэнсом, — он отвернулся, но я успела уловить тень горькой улыбки. — Он немного расстроен, что ты ушла и не попрощалась.

— А ты, значит, его посыльный? Сам он прийти не мог?

— Не мог. Глушилки не пускают его ни в драконьем, ни в человеческом облике. А в шеттера он все еще не может превратиться.

— Что ж, передай ему...

— Выйди и сама скажи! Я — не посыльный.

Слишком резко.

«Я готов следовать за вами незримой тенью»

— Послушай, Илам. Я должна вернуться. Я обещала.

Он обернулся.

— Можешь дать еще одно обещание?

— Прости. Я не уверена, что все это реально. — Я взмахнула рукой и бессильно ее уронила. — Что если, все это происходит в моей голове, под действием Пыли?

— Хочешь сказать, я просто картинка из твоей головы? Плод воображения?

На долю секунды передо мной появился тот потерявший последнюю надежду бинти из подворотни, но тут же спрятался за непроницаемой каменной маской.

— Я не знаю. Я... — ногти до боли врезались в ладони. Нет, надо заканчивать.

Я шагнула к колодцу и снова замерла. Не оставлять ничего. Сняла с пальца кольцо с черным агатом, протянула Иламу.

— Думаю, Арон не будет против.

Легкое прикосновение, ледяная искра.

Я отступила, уперлась пятками в низкий бортик.

— Прощай, Илам.

«Ушел я эффектно»

Ладно, Рэнс, будь по-твоему.

Я качнулась назад, рефлекторно взмахнула руками.

Вот только я летать не умею.

Два изумруда сверкнули над кромкой колодца, но меня уже поглощало зеленое пламя.

Тихий писк аппаратуры. Пятно света на темном полу. Запах спирта и хлорки. Грубое больничное белье. Соленый вкус на губах. Пустота в груди. Как узнать, правильный ли выбор мы делаем? А если не правильный, можно ли все вернуть?..

Над городом поднимался новый день. Где-то просыпалось солнце, звезды гасли, укрывались шелковым покрывалом летнего дня. В этом небе почти не видно звезд. Их свет заменяют миллионы фонарей. В этом городе миллионы людей, но ты всегда чувствуешь одиночество.

Утром, как только начались часы посещения, в палате появились Жанна с Фаридом. На лице приятеля, и без того выразительном, эмоции чередовались с невыносимой скоростью.

— Таира! Черт побери! Как ты это сделала?! — Он схватил меня в охапку и принялся кружить по палате. — Он очнулся! Игорь! Правда, ни черта не помнит и не понимает, но все равно! — Он чмокнул меня в щеку и снова закружил.

— Я тоже ничего не понимаю. — Жанна наблюдала за нашим кружением с привычным для близких друзей выражением лица, которое прочие люди принимали за пренебрежение.

Еще в прошлую нашу встречу я заметила, что подруга выглядит бледнее обычного, да и у Фариды, как бы он ни старался, улыбка получалась немного фальшивой.

— Фарид, поставь меня, пожалуйста... А лучше посади, меня сейчас стошнит... — Я задержала дыхание, усмиряя разбушевавшийся желудок, и осторожно опустилась на кровать. — Я очень рада, что с Игорем все хорошо. Хотя это и не моя заслуга. А... Антон, он тоже?..

Друзья переглянулись. Напускная радость лопнула мыльным пузырем. Фарид покосился на Жанну в поисках поддержки и невнятно пробормотал:

— Он, кхм... Я схожу за медсестрой?

— Что с ним? — Я вцепилась в матрас, чувствуя, как внутри все покрывается ледяной

коркой.

— Таир, ты только не волнуйся...

Вымученная улыбка на лице приятеля была красноречивее любых фраз, но я настаивала:

— Что с Антоном?

Жанна подняла на меня глаза, но за секунду до того, как она шевельнула губами, я поняла, что она скажет.

— Он умер. Разбился. В тот день, когда ты сюда попала. — Голос подруги казался бесцветным, как то далекое зимнее утро.

«Прости меня»

Ах ты, скотина! Вот что ты хотел мне сказать, но так и не смог?! Чертов Дух, наглый, самовлюбленный блондин, да что б тебе!..

Он с самого начала знал, что не может вернуться, потому и посмеялся надо мной. Мертвые не возвращаются. Знал, потому и наговорил гадостей. Но, в конце концов, все равно пришел.

Чтоб тебе было пусто! Что б тебе!..

Я вдруг обнаружила, что сижу на полу, затылок ноет, а Жанна, с красными от слез глазами, пытается меня поднять. За спиной подруги Фарид тащит в палату медсестру. Та сердито выгоняет всех вон.

— Фарид... Фарид!

Приятель ужом подныривает под руку медсестры.

— У тебя еще осталась Пыль? Те горошки? — я хватаю приятеля за рукав.

— Молодой человек! Выйдите из палаты!

— Нет. Я все выбросил. Еще вчера! — Фарид в отчаянии мотает головой.

— Ты... что?! — я снова чувствую, как подгибаются ноги.

— Девушка, я сейчас позову врача!

— Ничего не осталось. Ничего!

— Я охрану позову!

— Не надо никого звать. Они уходят, — бессильно опускаюсь на кровать.

Дверь захлопывается. Меня окутывает тишина.

Мертвые не возвращаются.

Дни летят один за другим. Все проходит, все забывается. Раны затягиваются, рубцы исчезают. Старые сны покрываются пеплом, придуманная жизнь растворяется в тумане.

Городок на берегу моря застыл в привычной дреме. Тихая гавань, мертвое болото. Знакомые улицы, дома, площадь и пляж. И на каждом шагу воспоминания. Можно сбежать от других, но от себя не убежишь. От голоса, который ночами, когда стихает дневной шум, нашептывает о чем-то забытом. О чем-то недавнем. О чем-то далеком.

— Таира, ты что, спишь? — Сергей заглядывает в окошко машины, где я уже полчаса плавлюсь, как мороженое. — Пойдем в тенек, тут же невозможно!

— Мне нормально.

Водитель уходит, а я высовываюсь из окна.

— Долго еще ждать?

— Поезд в одиннадцать тридцать две.

Снова прячусь в душный салон. Да, на улице, и правда, лучше.

Хлопает передняя дверь. Смешливая рыжая Вика оборачивается:

— Знакомься, это Андрей, наш новый фотограф. А это Таира, тоже практикантка. —

Выглядывает в окно, кричит: — Сереж, поехали, опаздываем!

Задняя левая дверь осторожно закрывается.

Оборачиваюсь.

Ну, ничего себе, в такую жару в кожаных штанах! Еще и жилетка прямо на голое тело! Длинные ноги в начищенных ботинках с заклепками, и на контрасте с одеждой — бледная кожа. Черный ирокез, в ухе серьга-крестик. Откуда же ты, дружок, такой взялся?

Серебряная грань сережки отражает солнечный луч. Блик вытягивает из памяти давно забытое воспоминание. Разгромленный павильон, клубы дыма, чья-то длинная тень, холодное серебро на щеке.

Вспомнила!

— Я тебя знаю! Это ведь ты? Ты вытащил меня из горящего павильона!

— Привет, сестренка.

Достает из кармана мятную жвачку, не спеша раскрывает обертку.

— Не припомню, чтобы у меня был еще один брат.

— Вот так всегда. Не виделись всего ничего, а она уже не помнит! Женщины!

Ярко-голубые глаза насмешливо блестят.

Глубокие, как два осколка горного льда.

— Черный?!

И эта зараза, нагло ухмыльнувшись, мне подмигнула.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net